

ПОЗДРАВЛЯЕМ

БАЛЕРИЯ НИКОЛАЕВИЧА АРЗУМАНОВА

заслуженного художника РФ, директора
Ставропольского краевого училища дизайна с присвоением
почетного звания "Народный художник Российской Федерации"
за большие заслуги в области изобразительного искусства
Указом Президента РФ от 1 сентября 2008 г.

ШАЛВУ ЕВГЕНЬЕВИЧА БЕДОЕВА

заслуженного художника России, профессора,
заведующего кафедрой изобразительного искусства
Северо-Осетинского государственного университета
им. К. Хетагурова с присвоением почетного звания
"Действительный член Российской академии художеств".
На торжественном заседании президиума РАХ в честь
250-летия академии ее президент Зураб Константинович
Церетели вручил Бедоеву мантию, медаль, значок и
удостоверение действительного члена академии

Голос Кавказа

Литература
Искусство
Публицистика

2'2008

А.А. Яковлев. Старая гармонь, 2007.

*На первой странице обложки – А.А. Яковлев «Осень в Пятигорске»,
На четвертой странице обложки – Ш.Е. Бедоев «Сбор винограда»,
Цветной вкладыш – работы художников Ш.Е. Бедоева и Х.А. Акиева.
(Очерки о художниках см. на стр. 158-163)*

Голос Кавказа

Северо-Кавказский
некоммерческий
ежеквартальный
литературно-
публицистический
и художественный
альманах

№ 2/2008

ЛИТЕРАТУРА
ИСКУССТВО
ПУБЛИЦИСТИКА

СОДЕРЖАНИЕ

Георгий ПРЯХИН. Хазарские сны. Главы из романа	3
Умар ЯРИЧЕВ. Не вперед по курсу, а обратно ...	49
Ахшар ЧЕГЕМ. Тревоги слыша зов. Перевод Л.Шерешевского	55
Музафер ДЗАСОХОВ. Людская боль. Не без ответа. Перевод Я. Козловского	57
Иван АКСЕНОВ. Постоянство памяти	60
Евгений КАРПЕНКО. Раб. Повесть	63
Анна ШАХНАЗАРОВА. Михаил ЛЯШЕНКО. Миф и реальность	100
Владимир САРИШВИЛИ. Не говори мне про Париж	103
Мария ФАРГИ. Жила, смеялась, и плакала во сне	107
Вахтанг БУАЧИДЗЕ. Люди умирают от любви	110
Паола УРУШАДЗЕ. Мое вдохновенье, ты стало иным	114
Виталий ЕСАЯН. Ставня оторвалась — ветру радость	118
Зоя РАЗУМОВСКАЯ. Апокрифы	121
Владимир ЭЙСНЕР. Налево от полярной звезды. Рассказ	127
Елена КРИВЕЦКАЯ. Начало. Рассказ	133

НАСЛЕДИЕ

Геннадий КОЛЕСНИКОВ. Усач при золотых часах. Быль.	137
Стихи из «Черного блокнота»	141

ББК-84
(2 Рос = Рус)6
Г61

ИСКУССТВО

Тамара КУЛИКОВА. И на взгляд народа — народный	149
Мадина АТАЕВА. Живописная песня индивидуального мироощущения	158
Людмила ПОДКОЛЗИНА. Откровения холста — это всегда школа	160
Хава АКИЕВА. Свой путь не прост	163
Екатерина СОСНИНА. Кавказ глазами Франции	170

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр МОСИНЦЕВ. Театр абсурда родился на Западе. О книге В. Дегоева и Р. Ибрагимова «Россия при Путине. Обретения, тревоги, надежды»	173
Владимир ЗАХАРОВ. НАТО, государства Южного Кавказа и Россия	179
Валерий ПЕРЕВОЗЧИКОВ. Неизвестный Высоцкий	190
Мануэлла ДАМИАНИДИ. От Лермонта до Лермонтова и поныне	195
Николай МАРКЕЛОВ. «Им бог свобода, их закон — война...»	201

ЭПИСТОЛЯР

Зайнди ДУРДИЕВ. «О, этот знакомый стук!»	212
--	-----

ЗАДОРИНКИ

Азиз НЕСИН. Я — резиновая дубинка	216
-----------------------------------	-----

СТРАНИЧКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Елена КРЫЛОВА. Стихи	217
----------------------	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Александр МОСИЕНКО. Иосиф Бродский. Штрихи к портрету. Эссе	219
Елена ИВАНОВА. Неуловимая как луч, необъяснимая как тайна	229

УНИКАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

Александр ЗОЛКИН Л.В. Давыдова «Социология А.А. Зиновьева — путь к пониманию современности»	235
--	-----

ХАЗАРСКИЕ СНЫ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

I. Путем кагана

Когда-то в Пицунде ненастным осенним днем, шагая вдоль опустевшего песчаного пляжа, изрытого, развороченного людскими следами так, словно толпа отдыхающих, осаждавшая его и колеблющееся рядом море на протяжении почти что полугода, в одночасье бежала отсюда, как от пожара, прихватив с собой и разноцветные фантики тентов, палаток и прочую летнюю мишуру, а кое-что и растеряв – в панике, лоскутами, на ходу – Сергей наблюдал, как близко-близко летят над штормящей бездной – наверное, в сторону Анатолийских берегов – дикие утки. Летом они, видимо, вволю попаслись на далеких отсюда русских заливных лугах и теперь даже на вид, почти как на ощупь, были тяжеленькие, увесистые, словно кургузые свинцовые пульки. Летели не клином, а строчкой во главе с самой крупнокалиберной пулей – селезнем, чья изощренно инкрустированная головка драгоценно вспыхивала, озарялась на миг изумрудным нимбом, когда в обрывках туч проглядывало ноябрьское солнце.

Тучи бежали, сталкивались, нелезали друг на дружку, а солнце стояло себе на месте – две драгоценности синхронно взблескивали над морем: чье-то золотое кованое дно и крошечный, как в обручальном колечке, многоцветный камешек.

Волны, в свою очередь, повторяли массовое бегство облаков. Сбежали люди, теперь от этих берегов убегала вода. Море изрыто, исковеркано, словно и на нем кто-то гигантский, но невидимый оставлял поминутно кровоточащие панические следы.

И над всей этой сумятицей только одна четкая, строгая, прямо в незримую десятку, наборная нить. Очередь – двадцать пять удлиненных и часто-часто, абсолютно в такт моргающих глаз. Во главе с многоцветно-зеленым.

Утки стлались над самым морем – видимо, так, на предельных параметрах, им легче преодолевать силу встречного ветра. Колобродящее пенное крошево подчас доставало их, накрывало холодным своим кружевом, и утки навывлет пробивали его, являясь взору вновь и вновь, молчаливо и целеустремленно – нить теплящегося сознания в жестоком разгуле стихии. Хаоса.

Ветер, оглушая, рвал капюшон. Сергей и сам уже давно стоял весь с головы до пят в брызгах, как ржавая морская посуда в бесчисленных заклепках, но, словно замороженный, не сходил с места. Неукротимая утиная тяга над бушующим морем странно волновала его, увязшего в песке на берегу и обдаваемого попеременно то залпом соленой шрапнели, то отстающей от нее ударной звуковой волной.

Мир бурно пересоздавался, искал размер нового совокупного бытия, а Сергей – выпадал. Неподъемный, нелетный и уныло-немятежный. Грустно

быть созданным раз и навсегда: тебя слепили (наспех) и выставили вон. Лучше быть глиной, что всегда под божественной рукой, чем конечным продуктом – горшком...

* * *

Но на сей раз он сполна ощущает все, что ощущали, осязали выпуклыми бонбоньерками своих хорошо начиненных нагульным жирком и салом пузичек те давние перелетные утицы, слитно перемещавшиеся из одна тысяча девятьсот семьдесят девятого куда-то в двухтысячные.

...Несутся на импортном катере. Катерок небольшой, чуть больше обычной моторной лодки, плавных утиных форм и весь как бы цельнолитой из какой-то сверхпрочной и сверхлегкой пластмассы. Металлопластик? Их на катере шестеро. Четверо расположились на корме. Сюда, вперед, отсюда временами доносятся обрывки разговора – встречный ветер сносит их, и они выются где-то сзади, вплетаясь живой человеческой пряжей в шипящий, клокочущий бурунный след, оставляемый катером. По взрыву смеха, пробившемуся сквозь тугую встречный напор, догадываешься: там, на корме, кто-то только что удачно пошутил. Шутка скользнула по пластмассе и – смылась, ушла белорыбицей в бурунный след, а вот смех оказался долговечнее и напористее: ласково потрогал ухо.

Там, на корме, выпивают. Дорога у них дальняя, более трех часов, народ собрался объемный и бывалый, поэтому выпивка разгорается не накоротке, а с потягом, неторопливым санным раскатом: лица зардеваются вполне умеренно, а паузы между взрывами смеха идут абсолютно равномерно, вплоть до самого места назначения. Сергей, опершись на локти, лежит на носу катера, в общем разговоре участвуют лишь его босые пятки, но одну руку со стаканом протягивает, не глядя, назад весьма регулярно, и кто-то невидимый, но неизменно щедрый, плещет ему туда виски. Мерки этой Сергею хватает на несколько пауз, поскольку народ на корме пьет в компании и в основном водку, залпом, он же выпивает почти в одиночестве, потихонечку: шагом, братцы, шагом, до города Чикаго... Разговор на корме, судя по всему, приятный: пятки участвуют в нем охотно и иногда, под щекоткой попутного – для них – ветра болтаются сами собой. То есть, заговариваются.

Катер ведет Наджиб. Ну да, обыкновенный Наджиб. Когда познакомились, Сергей чуть не переспросил:

– А может, Наджибулла?

Но воздержался. У русских начальников и у русских богатых людей, что сегодня почти одно и то же, появилась мода: заводить себе клевретов среди нацменов. Уже поманенечку опасаются собственного, единокровного народа? А может, и не так. Клевреты, как правило, богаче самих богдыханов – скрытно, подспудно. И, так сказать, обеспечивают им комфорт там, где обставить его официальным путем не с руки: ну, скажем, нету изумительно быстроходного импортного катера у администрации Волгоградской области – где же его взять?

Понятно, где: у Наджиба – вместе с Наджибом.

Состоятельных русских на каждого русского (новорусского) начальника сегодня просто не сыскать. В ход идут нерусские.

Наджиб. Лет сорока пяти. Изжелта-бледное, широкое, непроницаемо красивое лицо, осязаемо бархатистые глаза, за которыми, как и за общей привлекательностью черт, тоже ничего не видно. Вьющаяся восточная проседь. Июнь,

а он уже подзагорел. В плавках. На животе шрам и, вроде, не на той стороне, где бывает аппендицит. Коренаст, костляв. Губы узкие, лиловые, как у серны, – никаких следов подневольного труда. Исключительно – вольный. Командный?

Если в теплой компании «на камбузе» Серегу полномочно и всеобъемлюще представляет его пятка, то здесь, в зоне управления, Наджиб тоже в известном смысле является полномочной загорелой пяткой – того, кто похозяйски щедро разливает по стаканам там, на корме. (И разливает, не исключено, припасенное самим Наджибом). И потому, получая слабо курчавящимся затылком сигнальное излучение хозяина, тоже считает необходимым мал-мал занимать гостя. Одного из гостей – видно, не очень компанейского, раз отворотился от кают-компании – оказавшегося в тесном соседстве с ним.

Вежливость их взаимна. Сергей молчит ровно столько, сколько приличествует молчать в обществе чужого человека, труждающегося тебе во благо. Наджиб, в свою очередь, попадая в настроение гостя, расходует слова, словно им предстоит даже не три часа ходу, а кругосветное плавание. Похоже, ему жалко расставаться с русскими словами, накопленными, скопидомленными за годы жизни на чужбине, что оказалась, правда, к нему, чужому, куда тароватее, чем ко многим своим.

– Катер у вас замечательный, – роняет из вежливости Сергей.

– Купил в Дубае, – отвечает, обогнув предварительно самоходную баржу, Наджиб. И добавляет еще метров через пятьдесят:

– За сорок пять тысяч.

Каких тысяч, какой породы и какого цвета, не поясняет – и так ясно. Зато еще метров через сто проговаривает:

– Самолетом привез.

Сергей восхищенно задирает бровь – ту, которая ближе к Наджибу: ясно ведь, что тонюсенькая нотка горделивости относится не только к скутеру, но и к способу его доставки из-за тридцати земель. По воздуху – это еще круче, ежели бы собственным ходом.

Даже если б Сергей и не знал, что скутер является единоличной собственностью Наджиба, а не областной администрации или, скажем, вице-губернатора Антона Петровича, он бы давно догадался об этом – без всяких ответных слов. По одной повадке Наджиба за рулем, по ласковой небрежности, с каковой его небольшая, нежная и короткопалая ладонь, проросшая с тылу редкими, но твердыми черными волосами, покоится на штурвале.

С каковой придерживают во сне за обнаженную, вытаявшую из совместного, согласного сна проталину законную супругу.

Но Сергей уже знал. Антон Петрович, призванный в вице-губернаторство из бизнеса (участвуя в выборных кампаниях на стороне тех или иных кандидатов, бизнес затем для верности, чтоб лишних искушений не было, еще и приставляет к «победителям» по тертому Савельичу) и еще сохраняющий в себе каленый винный цвет, шалавую силу и даже литую округлость только что вылетевшего из жерла чугуна ядра, накануне названивал Наджибу по мобильнику и давал вежливые указания. Потом они, опять же всей честной компанией, ждали Наджиба на каком-то пришвартованном к берегу полугрузовом теплоходике, и, когда тот, уже в плавках и на вот этом летучем голландце («дубайце»?), резко контрастировавшем с их кастрюлей (вот она-то

наверняка является собственностью управления делами!), подлетел, оставляя за собою шампанский инверсионный след, вплотную к ржавому борту ветерана обкомовских пикников – тут-то Сергей ненароком и подумал: а не выдвигенец ли Антон Петрович именно этих, почти эфирных сил?

А не каких-то там земноводных, подземных лукойлов?

И загар на них подозрительно похожий, не июньский, не русский – на Наджибе и Антоне Петровиче. Совместно-дубайский.

Скутер тяжеленький, как и нагулявшая жиру осенняя утица – с таким-то увесистым выводком на борту! И основной его вес сосредоточен на корме – тоже как у раскормленной птицы, которую и щупать-то, тискать, определяя на вес и яйценоскость, начинают именно сзади, с «курдюка», а не спереди. Груз этот дает катеру основательную осадку, он сидит в реке, как граненый, вбитый по самую шляпку стакан в волосатой мужицкой лапе – стеклянным утопленником. Но и двигатель, расположенный, заточенный тоже где-то на корме, как зверь в клетке, дик и чудовищно силен. И, сам в исступлении зарываясь в бурлящую речную глубину, как в собственную дурную пену, яростно, содрогаясь всеми восставшими мускулами и передавая почти на молекулярном уровне это свое живое, страстное и мучительное содрогание даже холодной, мертвенной химии металлопластика, грозно выдирает, выталкивает утопленника вон. На поверхность – у того даже нос задирается кверху, с размаху, ритмично, словно отбивая такт, шлепая, как блином о сковороду, об тугую и серую, твердую, словно ей еще спеть и спеть, волжскую воду. Сергея с Наджибом – тоже немаленького веса – не хватает, чтоб уравновесить скопившуюся на корме спаренную мощь: тяжести и силы. Неподъемности и отчаяния.

Наджиб сидит прямо, даже прямолинейно, как статист в «Девочке на шаре». Сергей же, растянувшийся даже не на боковой полке, а прямо поверху, по обшивке, по причине этого несоответствия, неравновесия – будто вставлен в тетиву и тоже задран. Приготовлен к пуску. И даже со свистом и гиком пущен куда-то поверх горизонта. Поэтому все, включая Наджиба, плывут, Сергей же летит. И когда катер задирает, как рубанком, наворачивая вокруг себя рунные горы ослепительной стружки, носом своим речную воду, у Сергея впечатление, что это его с размаху физиономией об стол.

Чтоб не шкодил?

Катер имеет красиво выгнутое ветровое стекло, как у пилотов первых летающих «этажерок», чья скорость в небесах, конечно же, была несоизмерима с бешенством, с которым несутся они сейчас по Волге-матушке. И когда он на миг зарывается носом в нежный пах текущей попутно ему реки, именно стекло принимает на себя первый молодой и упругий фонтан брызг, которые скатываются потом с него ослепительными слезами счастья. Вместе с тем и ближним седокам, особенно Наджибу, достается: жесткая проседь у афганца в алмазной пыли, он не стряхивает ее, и невесомо-чудесная влажная ноша как бы заставляет его отбрасывать, запрокидывать крупную, округло-крутую голову свою назад, и эта несущаяся над волжскими просторами компактная, в мгновенных искристых излучениях, иноземная корона – тоже как летучая, совершенно нестойкая и тем не менее – подкоркой, на миг, на обрывок бреда – узнаваемая, угадываемая из-под прикрытых ресниц реминисценция из Бог знает каких времен.

Сергей лежит, голова его ниже, чем у Наджиба, опущена в ладони, но и на его долю всякий раз приходится порядочный крупитчатый сноп, сквозь

который проносятся они, оставляя следы его, остаточный, уже осколочный его звездопад там, на корме, где властвует Антон Петрович: остудить и облагородить водку в стаканах.

Сергей действительно жмурится, и сноп сразу же расцветает: розовым, синим, зеленым. Дрожит, оседавая северным сиянием, нежным павлиньим хвостом.

Два селезня, два изумруда над русской — пока еще — водой: туда и обратно.

Но сегодня и сам он летит, не застрял, не увяз на берегу, летит, ощущая на невидимых своих водонепроницаемых крыльях нежный нагар мельчайшей водяной, волжской (главная дорога России) пыли.

* * *

Да, плывут вниз по Волге, в Астраханскую область, но Сергею кажется, что река сама несется, обнимая их, как долгожданных детей, им навстречу. И он распластан над нею — тяжело, не по-стрекозьи, как летают существа, совершенно неприспособленные к полету, коровы, например, но фатально и неукротимо, со странно холодными и пресными слезами на губах. Летит, уже срезая с реки гудящими крыльями ее мутноватую накипь, вопреки тевье и взлетному своему положению куда-то внутрь. Не по горизонтали, а по косой, наклонной: внутрь этой несущейся навстречу материнской, литой, слитной жизни. Не к устью, а к верховьям. Теряя в объятьях скорости и реки собственный вес, сублимируясь до чего-то, лишь отдаленно сродственного самому себе.

Словно тело его уже растворилось и, выпорхнувшая, ослепительно сытая солнцем, косо, петляя, неверным маршрутом бабочки-первоцвета уже полетела — впереди него самого. Зажмуривает глаза и видит ее, собственную и уже почти чужую, нежно, как и положено душе, проявляющуюся в негативе июньского речного полдня, где все блестит и существует в слепяще разъятом, осколочном виде.

Тела действительно не чувствует, но в остальном легкости нет.

Не поймет, зачем здесь оказался.

Во всей этой поездке есть изначальный порок необязательности.

Десять лет впряжен в хомут. Вернулся в положение Савраски, из которого, казалось когда-то, вышел раз и навсегда. Порвал, казалось, с миром тягла и сбруи, в котором и родился некогда, вывелся и который существовал, прел под ним на много-много колен вглубь: так семечко кабачка сажают на вершине тучной навозной кучи, роскошной, полной внутреннего, нутряного тепла и гниения ромовой бабы — и она, тужась, продолжает — огоньком, фитильком, опущенным в склянку с ворванью — свое тлетворное дело. Десять лет следует по строго предписанным — хворосту воз — надобностям. Не то что поездки (они-то в первую очередь!) — сами дни его подчинены вымысливанию, выскабливанию, подчас с совершенно каменистых пустошей, пользы.

А тут никакого видимого смысла. Полет. Парение. Полное отсутствие грузила.

Совершенно необязателен здесь — в том числе и на этом невесть куда несущемся катере. Его пригласили за компанию. Пригласил банкир, чеченец, возлежащий сейчас на корме. Лет на десять моложе Сергея, чуть ниже его,

но весь исполненный тяжелой свинцовой стати, которой вообще отличается этот народ. В какой-то этнографической книге Сергей прочитал, что чеченцы — самая красивая нация в Европе. Прочитав, удивился. Не тому, что книга написана не чеченцем, а явной географической неточности. Какая уж тут Европа! — поменяйте Наджиба и банкира местами — и разницы не почувствуете. За штурвалом как был, так и останется Восток. Катер только глубже врежется в воду. Как лемех. Рука у банкира будет потяжелее наджибовой, хоть и держит он едва ли не сызмальства одну авторучку — даже не автомат.

У банкира уже в наличии объемный, как заком, туго подпоясанный мужским махровым кушаком живот. И торчал бы он точно так, как и Серегин, почти безволосый, выпинающийся кругло и безобразно, будто у муравья, болеющего рахитом, если б не могучая грудь. Высокая, тоже волосатая, с мощной двуглавой мышцей, она нивелирует живот, составляя с ним единое respectable целое. Сейчас, нагишом, еще видно, что они существуют отдельно друг от друга — твердая, щитообразная грудь и крутая, пасхальная выпечка живота, а вот облачится его друг в один из своих дорогих, уже как бы не из овечьей шерсти, а из самого нежного и теплого овечьего дыхания спящих костюмов — и они действительно составят одно слитное, спокойное, в меру чревоугодное целое.

Если у Сергея волдырь, то у банкира и впрямь трудовая мозоль. Крепкая, кожистая, трудящаяся.

Чеченцы породисты. Сергей в юности служил с ними в армии и тогда еще заметил их статность, чистоплотность, прирожденную способность к военной жизни, к обходу с оружием. Древность ли самого народа сказывается в его походке и выправке или это результат пережитых им пертурбаций, того неоднократного и жестокого естественного отбора (если его можно назвать естественным, то что же тогда противоестественно?), которому был он подвергнут на протяжении нескольких последних веков.

Ни один народ на территории бывшего СССР не дает сейчас такого прироста, такой рождаемости, как чеченцы. По некоторым сведениям, рождаемость у них поднялась в семь раз: то есть сегодня против русских воюют не мужчины — против них, увы, успешнее воюют женщины. В двух ипостасях: и шахидок и рожениц. Народ преображается, когда стоит на кону?

Хотя всему, наверное, есть пределы. Русских так долго и зловеще держали и держат на кону, что нация почти выветрилась. Выдохлась. Кураж имеют только доморощенные бандитики — и те чаще всего над своими же, безответными. Народный дух приобрел отчетливую горечь перегара. Похоже, с уменьшением размеров страны изменился и масштаб ее мужчин, причем и в самом прямом смысле. А если где и заметишь в толпе могучую мужскую спину, не торопись забегать ей наперед, заглядывать в глаза — скорее всего увидишь тусклый болотный огонек, а не разудалый русский простор, который ожидал увидеть...

Пригласили его из дружбы, к тому же какому ж банкиру, особенно чеченцу, не потрафит, если в сопровождении у него окажется вчерашний партocrat, а ныне совершенно свободный и в меру безденежный русский писатель? Губернатор Волгоградской области, к которому они заезжали по делам накануне и с которым у банкира есть свои взаимные интересы, знает Сергея — и их знакомство и даже некоторое расположение друг к другу также оказалось кстати во время утренних переговоров, в ходе которых каждый из них, и губернатор и банкир, оба себе на уме, лишь показывали друг другу, как партнеры по подкидному, краешек карты

(знаете, как в тюрьме рассказывают анекдоты? «Анекдот номер такой-то!» – восклицает рассказчик, и публика уже хохочет, зная всю «колоду» наперечет) – так в качестве приятного младшего козыря был дружески продемонстрирован и Сергей.

Отказываться от приглашения Сергей не стал – на то есть свои причины.

Банкир в свое время крепко выручил его издательство, закупив у них пятьдесят тысяч книг, в том числе и книгу самого Сергея – книжки затем были отправлены на Северный Кавказ, в библиотеки и школы. И первую партию они вместе привезли в Серегин родной Буденновск. Прилетели самолетом, который заказал и оплатил Муса, сели на военный аэродром. Господи, если бы кто-то в детстве сказал Сергею, что неподалеку от их интерната возникнет военный аэродром с самолетами, похожими на долгоносиков, прячущимися в крытых дерном бетонных погребках, и что в самом интернате какое-то время будет располагаться штаб действующей военной бригады, и что их тихий, заспанный, казалось, навечно тыловой Буденновск станет прифронтовым городом?!

На это не хватило фантазии ни у кого, кроме как у самой жизни.

Впрочем, как это тыловой? Городок так часто менял названия, в том числе и на Серегиную памяти, как будто только и делал, что переходил из рук в руки. Маджар – Кара-Багла – Святой Крест – Буденновск – Прикумск и опять – Буденновск... Какое следующее? Освенцим?.. Нью-Атлантида?..

Какие-то намеки жизнь все же, наверное, делала. Военный аэродром находится за соленым озером, справа от него, если смотреть со стороны города. Сергей когда-то работал здесь, в райцентре, в районной газете, изъездил район вдоль и поперек. Поселочку, волею судеб оказавшемуся сейчас рядом с аэродромом (здесь жили когда-то дальние Серегины родичи, мать однажды мальчиком завезла его сюда на ночлег, и Сергей запомнил, что у одного из них, молодого крепкого парня, была деревянная рука, другой рукой парень сгибал ее в локте, потом резко отпускал, и рука выхлестывала, распрямлялась как живая – «вот так я и дерусь», – сообщил парень Сергею на ухо, хотя вид у самого был вовсе не драчливым, а скорее проказливым), так вот, поселочек этот еще в тридцатых получил наименование «Чкалова» – когда на сотни верст вокруг не было ни одного аэроплана.

Колхоз же, в который он входит и на отчужденных землях которого и располагается сейчас военный аэродром, именовался «Новая жизнь». Теперь они наконец воистину воссоединились: Чкалов, самолеты и новая, совершенно новая жизнь, временами ужасно похожая на смерть.

Прилетели 1 Мая. В качестве почетных гостей участвовали в демонстрации трудящихся. Банкир, приветствующий с деревянной трибуны нестройное шествие полубезработных трудящихся – любопытно, однако. Вручали книги в переполненном актовом зале – Муса остался внизу, в партере, Сергей же поднялся на сцену. Поехали в больницу – Муса выделил деньги на антибиотики третьего поколения, и Сергей поразился, когда понял: вот эта картонная коробочка, которую они передавали, как грудничка, с рук на руки, главврачу, что своею южной моложавой дородностью и белизной облачения напоминала лакомо вылизанную кем-то сахарную статую женского пола, как раз и стоит, оказывается, три тысячи баксов.

Их, тоже облаченных в хрустящие от крахмала халаты, водили по палатам – антибиотики, кстати говоря, предназначались в первую очередь для рожениц. Сергей сумел отделиться от громоздкой процессии и заскочить в нейрохирургию, где лежал родственник его младшего брата: они все втроем учились когда-то в интернате. По пьянке заполучил ушиб мозга, и ему сделали операцию – накануне Сергея как раз и просили спроворить сюда, в больницу, «звонок из Москвы». Вполне осмысленно, хоть и наскоро, побеседовали с ним, а когда стал прощаться, успешно прооперированный бригадир винодельческого совхоза попросил передать привет «Сережке из Москвы». Серега переглянулся с его женой, бригадиршей, бессонно и безучастно (статуя в положении сидя) застывшей у изголовья кровати.

– Он спутал тебя с твоим братом, – шепнула статуя, в которой в другой обстановке сам Сергей никогда не узнал бы востроносую и востроглазую, а главное – тоненькую и даже на глаз совершенно не каменную блондинку, которую видел последний раз лет тридцать назад.

Берут глыбу и делают, вытесывают девочку. Жизнь же – это скульптор-модернист: берет девочку и, как навозный жук, наматывает, навивает – глыбу.

Сергей поперхнулся и понятливо выпятился вон.

Облако в штанах – это если бы главврач был мужчиной. Русским.

Муса же проходил по больничным коридорам даже не как главврач, а как папский викарий во время мессы.

Побывали у всех скорбных мест, оставленных городу августом девяносто пятого. У памятника военнослужащим вертолетного полка, спешившим на помощь горожанам и расстрелянным прямо в легковой машине. У памятника погибшим милиционерам. Само недавно построенное здание милиции дало усадку, лопнуло, и его стянули металлическими швеллерами. Муса вроде бы и глаз наверх, на кирпичное здание, возле которого и установлен памятник, не поднимал, а тем не менее, глядя себе под ноги, на цветы, которые они с Сергеем только что положили на полированный мрамор, проговорил – одному Сергею, словно он у него, банкира, и есть главный казначей:

– Денег на ремонт дать надо....

Их сопровождало много народу: и городские власти, и просто празднующие. И Сергей старался тулиться поближе к Мусе: все-таки это он, Сергей, завлек этого важного чеченца в свой родной город, распятый чеченцами же в девяносто пятом, и теперь как бы в ответе за него. Неровен час – не случилось бы чего. Муса прилетел сюда без телохранителей, которыми обсыпан сейчас, как сдобная булка маком, любой мало-мальски денежный человек, и Сергей, конечно, не настолько ребячлив, чтоб изображать из себя его персонального Кэ-вина Костнера. Просто надо быть рядом, чтобы не подумал, что трусит, держится на всякий пожарный на отлете.

Или что нарочито отстраняется, чтоб никто из толпы не бросил:

– Продался чеченам, землячок?

Сергея в городе знают. Было время, он и сам приезжал, спускался сюда, как небожитель, и хоровод местных начальников вился тогда исключительно вокруг него самого. На Сергея тут руку никто не поднимет, поскольку здесь он – многолетняя местная достопримечательность. Священная буденновская корова. Некоторым кажется ровесником здешней деревянной колоколенки – многие в городе и родились и выросли под сенью его локальной славы. Вон позвонили недавно,

предложили библиотеку в городе его именем назвать.

– Так я же пока, славу Богу, не помер! – засмеялся Сергей.

– Так и мы ж на всякий случай! – засмеялись ему в ответ: народ в Буденновске с юмором. Буденновским.

Руку на него не поднимут, и уж на одного-то чужака, даже чеченца, его авторитета, сени его широкополой хватит: принимали их спокойно и даже сердечно.

Сергея тронуло, что будучи вообще-то словоохотливым (где же вы видели, чтоб лицо было кавказской национальности и несокрушимой русской молчаливостью?), Муса в Буденновске обошелся без единой речи. Стоял молча, иногда – Сергею на ухо – резюмировал:

– Денег дать надо...

Насчет денег он был, конечно, прав. Шептал Сергею на ухо, но Серегину ухо в этот момент приобретало совершенно новые, удивительные свойства: как бы не только улавливало, но и резонировало, усиливало сказанное. Говорил в ухо, тихонечко, а получалось – как бы в «пятый микрофон», на публику. Сергей еще ни слова не сказал в ответ, никак, кроме разве что важным, словно и впрямь имел отношение к этим гипотетическим денежкам, кивком головы, не откликнулся, не откомментировал благородство намерений, а народ вокруг уже восхищенно реагировал:

– Спасибо!

– Спа-си-боч-ки!

Как они узнавали, что шепчет Муса их земляку? Дело тут, наверное, не только в удивительно открывавшихся новых качествах Серегиных ушей, а в извечном свойстве самой людской нужды. Она слышит то, что вожделем слышать – особенно от банкиров. Любого подданства и любой национальности. Это она, крайняя нужда, делала сам воздух вокруг нее суперпроводником, а чужие уши, даже такие толстые, телячьи, как у Сергея, нежно чувствительными мембранами, работающими не столько вовнутрь, сколько «на вынос». Муса еще только склонялся к Сергею, а обступившая их праздничная толпа уже благоговейно кланялась:

– Спа...

Не то «спасибо», не то «спасите».

Один раз только ошибочка у Мусы вышла.

В отделении травматологии Муса подошел к чернявому мальчику восьми-девяти лет. Врач пояснила, что у малыша сломана нога: играл с друзьями на стройке. Муса обратился к мальчишке на непонятном языке. Почеченски, – сообразил Сергей. Тот напрягся, в глазенках мелькнуло смещение, потом справился с собой и ответил, правда, едва слышно. Да если б и громче ответил, все равно никто бы, кроме Мусы, не разобрал – потому как тоже почеченски. Сергею даже показалось, что в первое мгновение хотел сказать по-русски, а потом все-таки последовал за Мусой, переключился на чеченский.

Видимо, не сразу смикитил, что перед ним – чеченец, соплеменник. Вряд ли выдвигал раньше таких чеченцев. У Мусы выхоленное продолговатое лицо, крупные, с крупными иконописными веками, глаза, чудесно, до краев заполненные теплой бархатистой мглой.

И вообще: можете ль вы представить сегодня чеченца еще служивого возраста в хрустящем, как пасхальная скатерть, халате и в кондитерском кол-

паке? Когда, кажется, все они – поголовно в пятнистой лягушачьей униформе, в которой нынче даже сторожа на рынках щеголяют, и с гранатометами наперевес. Удивительное военное время мы переживаем: два народа насмерть схватились в горах, а третий, составленный совершенно паритетно из них же, просаживает фантастически нажитое войной, на войне в московских казино, что с наступлением темноты, как сон-трава под Янку Купала, распускаются в столице едва ли не на каждой улице внутри Садового кольца.

Цветы зла, корнями опущенные прямо в питательный, высококалорийный гной чужих ран.

Похоже, мальчонка б меньше удивился, если бы с ним заговорили уж коли не по-русски, то на английском или даже на арабском. Средней руки арабский шейх подошел к кровати и что-то спросил, указуя влажными глазами на загипсованную и вытянутую, подвешенную, как будто в скандальном приветствии, ногу, на родном мальчонке языке.

– Мы и не знали, что наш Мусса – тоже, оказывается, чеченец, – грустно улыбнулся в крахмальный воротничок айсберг женского рода, величественно сопровождавший высоких гостей.

Уже выходя из палаты, где лежали не меньше пяти-шести человек, Муса-большой снова подошел к Мусе-маленькому, склонился к нему пониже и вновь что-то спросил вполголоса.

Маленький ответил, а переждав мгновение, сам о чем-то спросил большого.

– Конечно! – громко по-русски отвечивал большой и улыбнулся, погладив воздетую в лаконичном рапорте ногу. Все вокруг тоже улыбнулись, как будто вполне поняли их разговор.

Уже позже, на обратном пути, в самолете за рюмкою Сергей спросил Мусу, о чем они говорили с мальчиком?

– Да я спросил у него: может, надо что? Он ответил, что ничего не надо. Тогда я спросил: может, денег дать?

Сергей угадал: ну разве мог Муса упустить случай и не поинтересоваться у подрастающего поколения насчет бабок? Это же у него высшая форма нежности и доверия: может, денег дать? Пароль, с которым он, минуя массу промежуточных словоизлияний, обращается напрямую к самой жизни.

– Ну и каков был отзыв?

– Что-что? – не понял Муса.

– Что он ответил тебе?

– А... – смутился маленько Муса-большой. – Да сказал, что денег не надо...

Уловил Серегин взгляд и тут же продолжил:

– Ну да. Сказал, что и денег не надо, а потом спросил. Знаешь, что он у меня спросил?

– Что?

– Приеду ли я еще раз?

Теперь была очередь Мусы победительно взглянуть на Сергея.

– Ты хотел легко отделаться, а он поставил тебя на место.

Муса сперва решил обидеться, уже и глаза свои, полученные явно вне очереди, ибо изначально наверняка предназначались какой-нибудь новорожденной красавице Бэле, распахнул пошире, но потом передумал:

– Может быть.

Чеченский мальчик в буденновской больнице — больница как будто сама и родила его. На всякий случай. Тогда, в августе девяносто пятого, роженицами, находившимися в старой буденновской больнице, чеченцы прикрывали окна — чтоб не стреляли. Загоняли их на подоконники и заставляли становиться на них в полный рост. Окна в старой больнице маленькие, и наступавшим спецназовцам видны только выпуклые, тугие женские животы с расходящимися на них халатами: больница рожала мучительно, бойницами, выложенными из зажелезившегося кирпича старинного храма Вознесения, самого крупного на Северном Кавказе, стоявшего когда-то на этом месте. Больницу и соорудили-то некогда из его советских обломков.

А храм был поставлен в стародавние времена в память о тверском князе Михаиле: по преданию, он растерзан татаро-монголами именно здесь, на крутом берегу Кумы... Такова наша южная плодovitая земля: куда ни ткни — кровушка выступит.

Старая земля. Совсем недавно Сергей узнал, откуда Мамай двигался на Куликово поле. Из Буденновска. Из города Маджара. У Сергея волосы зашевелились от восторга, когда прочитал об этом в одном историческом фолианте. Как будто нежный средневековый ветер, чей-то далекий степной выдох, крылатый сполох коснулся щеки, и щеки зардели. Как у моего внука, мальчика, полного сказок и легенд, надежд на легенды и сказки, которому дунь в висок и он, словно бычий пузырь, облегающий тревожную малую душу, взлетит.

Мамай не мог жить в Золотой Орде, в ее столице, потому что был нелегитимным ее правителем, не чингисидом, бастардом. Потому и выбрал столицей город Маджар, лежавший на сретенье всех дорог: из Европы — в Срединную Азию и в Китай, из Персии и Кавказа — на Север. Город, в котором встречались шелк и соболя, золотые слитки и фальшивые дукаты. Город глинобитных дворцов с устланными глазурованной плиткой полами, с внутренними дворами, чьи стены, как старческие руки, перевиты ржавыми жилами вящегося винограда, с каменным желобом водопровода, по которому поднятая на изрядную высоту двумя верблюдами, ходившими друг за другом, как на древней амфоре, по кругу и вращавшими каторжным своим ходом громоздкий и скрипучий деревянный барабан, бежала желтая — золото можно было намывать прямо в ней — и студеная кумская вода.

Водопровод, воздетый по наклонной на каменных быках, пролегал как раз по тому самому месту, где со временем возникнет христианская святыня с мужским монастырем, и потом, на монастырских же обломках, — больница: чьи-то обугленные горсти, споро перемещавшие когда-то к дворцам и висячим садам кумскую водицу, и не заметили, как поменялась их чудесная ноша... Что было абрикосово-желтым — стало закатно-алым. Как раз в районе больницы бьют родники, которыми питается, подпитывается Кума. Река, наверное, вздрогнула, очнувшись от вековечного забвения, когда умылась вдруг винною, омолаживающею ворожкой красного. Алого. Вода, тлен и кровь — рифмуются еще слаще, чем кровь и любовь.

Стало быть, Мамай — первый детдомовец Буденновска.

Наиболее чувствительные натуры в интернате, в котором воспитывался Сергей, ощущали себя прямыми наследниками Мамаи. Им не давало покоя

его бесхозное имущество. Имелись в виду не географические контуры утраченной империи, а нечто куда более осязаемое. И даже движимое. Движимое имущество. Движимость. В соленом озере Буйвола, лежавшем, плавно, женственно огибая его, возле города, покоилась золотая мамаева колесница. Кто же об этом не знал? — весь город. Весь город передавал это достоверное знание из поколения в поколение. Поразительное дело! — о том, что Мамай двигался на Куликово поле из Маджара, то есть из Буденновска, Сергей узнал, уже будучи не просто взрослым, а вполне, положительно пожилым. А вот о том, что в Буйволе, глубоко, даже не по золотые ступицы, а по самый шелковый верх, на котором трепетало походное знамя смоляного кобыльего хвоста, увязла роскошная, чистого золота, парадная колесница незадачливого завоевателя — об этом узнал, едва переступив порог интерната. Порог интерната и порог города переступал одновременно: его перевезли сюда из Ногайской степи, вынули, вылили, как выливают по весне из норки очумелого суслика, когда умерла мать, и сдали здесь на казенный кошт.

Среди мамаевых наемников, ландскнехтов были и генуэзцы — возможно, колесницу сработали там, на Апеннингах?

Мамаеву колесницу не искал никто, кроме интернатских. Это у них тоже передавалось из поколения в поколение. Городские краеведы и авантюристы раскапывали копаные-перекопанные Маджары, тащили из раскопов бирюзовые осколки плиток с червоточинами былых узоров, могильные камни с клинописными шифrogramмами (с того света?) на них, монетки, уздечки, густо обросшие ржавчиной, — тронешь, и рассыпаются в пыль — и прочую мелочь.

Интернатских же влекли другие масштабы.

Танцевать — так королеву!

С ранней весны и до поздней осени торчали кверху черными цыганскими пятками в разных углах Буйволы. Даже акваланги где-то раздобывали и вылизывали тощим брюхом ее подводные недра. Недра у Буйволы знатные: если поставить земснаряд, то будет выдавать непосредственно мазут: на дне Буйволы не ил, а многометровые залежи черной пышной и пуховой грязи. Ныряешь представителем одной расы, выныриваешь — африканцем. Смазывает без проплешин, жирно, зловонно, с радужным легированным отливом. Спичку поднесут — вспыхнешь. Интернатский народец и без того пройдошистый, а при такой-то бархатной смазке в игольное ушко ящерицей проскальзывает. Какие-то непознаваемые процессы идут в глубинах соленого озера: сера, аммиак, йод... С микроскопическим участием золота. Есть, есть колесница! — твердо верила ребятня. Если только не переварила ее эта едкая утробная грязь.

Интернат — на берегу озера, метрах в трехстах от него. И все самое интересное в ребячьей жизни связано с ним. Купаться начинали рано, с середины апреля. В поперечнике озеро не меньше километра. Несколько камышовых островков, словно пологие крыши подводных мазанок, разбросаны по нему. Решили однажды втроем промахнуть его насквозь: туда и обратно. Вода соленая, горьковатая, легкая. Волны нет. Только рябь чуть-чуть играет, будто кто-то громадный и невидимый поднес к губам это выпуклое степное блюдце и, изготовившись, задумчиво выдохнул, сдувая прозрачный парок. Плыли в полной безмятежности: саженьками, на спине. Остались в стороне острова, на которых и земли-то не было: только камыш, увитый жемчугами лягушачьей икры — по вечерам эти островки превращались в оркестровые ямы, возносившие над городом душное марево жабьих стонов. Казалось, усталость не достигнет их никогда. Но не тут-то было.

Где-то за серединой силы стали сдавать. Барахтаешься, барахтаешься, а все на одном месте — как муха в парном молоке. А тут как раз самая глубина: скользнешь солдатиком вниз — ноги стынут: подземным, подвздошным, могильным холодом тянет оттуда.

Черт его знает: вдруг там, в жирной бездонной грязи, не только колесница, но и сам Мамай в ней, в решето изъеденный рыбами и пучеглазыми здешними раками? Ждет не дождется, кто же наконец составит ему, одинокому, честную компанию?.. Каждый сопит и каждый не признается вслух, что сдает. Да и сил на слова нету. Глаза и те сами собой закрываются. Стал считать про себя гребки. До трехсот дошел — все, будь что будет. Колом, но при этом совершенно молча, в полном соответствии с неписаным мальчишеским уставом пошел вниз.

— Здра-асьте, гражданин Мамай!..

И по колено увяз в грязи. По колено, потому что и воды оказалось почти столько же. Оказывается, они давно уже молотили по мелководью.

— Е-мое! — хрипло провозил Сергей, и это была долгожданная команда для всех: друзья его тотчас последовали его примеру. Минут пятнадцать еще брели они к противоположному, высокому, уходящему прямо в родную Серегину степь, берегу, на котором и расположен сейчас военный городок 205-й бригады, где в этот приезд Сергей и Муса также побывают в гостях — и опять же, благодаря Мусе, не с пустыми руками.

Дошли, добрались и свалились — прямо под кручей, продырявленной в нескольких местах на недостижимой высоте стрижиными норками. Отлежались и приняли единодушное решение: назад возвращаться посуху. Вплыв уже не отважились: поджилки еще дрожали. Двинулись вдоль озера. Солнце садилось, холодало. Апрель, а они в одних трусах. Добрались до шоссе, огибавшего Буйволу, — шоферня редких тогда машин, смеясь, сигналила им, но брать с собой, подвезти не торопилась. А ведь на том, интернатском берегу, — спрятанная в полынной ямке их одежда. Три форменных картуза, три шерстяных гимнастерки и три пары штанов. Целое состояние. «Гоминдановка» — звали они свою интернатскую форму. Что если на нее уже кто-то позарился? В каком виде заявятся они, продрогшие и скукоженные, в интернат?

Курам на смех.

Плыть пришлось километр, пехом же чесать не меньше четырех...

Буйвола... Наверное, раньше называлась правильнее — Буйволица. Буйволица, глубоко и покойно разлегшаяся — после водооя — вдоль города.

А может, и в оглобли мамаевой колесницы была впряжена не кобыла, а буйволица? Верблюдица? — они в степи сподручнее.

Недавно узнал: название ногайское и вряд ли связано с буйволами, хотя буйволы у ногайцев в чести.

* * *

Отказать Мусе не мог не только из благодарности о той поездке. И не только потому, что про себя рассчитывает на продолжение финансовой помощи издательству — сегодня издателю, чтобы жить «на свои», надо либо иметь весьма солидный первоначальный капитал (чаще всего чужой), либо истово служить ширпотребу, если не чему-то еще более сомнительному и даже темному. Пушкин и Лермонтов, чьи полные академические (23 тома и 10 томов

соответственно) собрания издал Сергей, в гробах бы перевернулись, узнав, какой ценой, какими ухищрениями и унижениями собрал и воссоздал, в ы п о л з а л он эти их многотомники, невиданные ни тем, ни другим при жизни. Пушкин еще правил первые тома своего первого Собрания, поручик Лермонтов же, соривший стихами, как и деньгами, без разбору и счету, при жизни увидел лишь книжечку с начальными главами Печорина — первый сборничек вышел в год его гибели.

Нет, Пушкин, пожалуй бы, не перевернулся: он и сам жил в долгах, как в шелках. И делал их с громадной, птичьей ловкостью многодетного семьянина. Самую антимонархическую книгу — «Историю Пугачева» — исхитрился издать практически на монаршьи заемные деньги. Иное дело Лермонтов. У этого мальчика земных долгов не было — только небесные, в уплату которых пошла и сама его жизнь. Все остальное, брренное в его существовании взяла на себя, как известно, его бабушка Елизавета Алексеевна. Жар, с которым несла она одинокое свое родительство, тоже позволяет думать о некоем страстном послушании, о восполнении чьих-то, чужих или родовых, долгов, первоначального исходного объема любви, недоданного в свое время этому навсегда печальному отроку: не зря в тархановском доме с Мишеля рисовали не только портреты, но и иконы тоже.

Счастливо опустошаясь, мы вливаем в женщину крайний глоток любви; она же, оплодотворяя, одухотворяя и в чем-то преображая его, потом равномерно выдыхает, нежно пеленает им, как благодатным первоцветом, на протяжении всего судьбой отмеренного ей срока сопредельного проживания на белом свете эту совместно воспроизведенную жизнь.

А тут — живительное дыхание пресеклось едва ли не на первом вздохе...

Нет, пожалуй, в России второго такого поэта, кроме Лермонтова, так часто заглядывавшегося на небо — еще и потому, наверное, что под ногами у него всегда было твердо и сухо. Первым лучшим романом на русском языке назвал «Героя нашего времени» Фаддей Булгарин. Том этот «для рецензирования» послала ему Елизавета Алексеевна, сопровождая посылочку... пятьюстами рублями ассигнациями.

Если правда, что выстрел грянул одновременно с грозой, то убил его не Мартынов: просто небо взяло с в о е...

Муса импонирует Сергею, который убежден: с этим народом надо мириться, искать то, что их соединяет, а не отталкивает, не накапливать ненависть, которой и так сейчас — и помимо чеченцев — предостаточно: не страна, а пороховой пореб и едва ли не каждый ее обитатель — ходячий тлеющий фитиль. Однажды по телевидению Сергей увидел, как по жестокой грязи, подцепив тросами к танку, волокут тела убитых чеченцев, боевиков. И внутренне ахнул: такое не простится никогда! — он знает этих людей, этот народ, жил с ними бок о бок и в Ногайской степи, и в интернате, где их особенно много появилось после дагестанского землетрясения 1962 года (все войны и землетрясения начинаются грозным ревом, подземным грохотом, а завершаются детским, сиротским плачем), и в армии. Не простят! Может быть, действительно нельзя было извлечь из траншей и расселин трупы иначе, вручную и доставить их к месту захоронения. Вполне вероятно, что и зла, русской крови на этой банде немерено, что допекла она, достала, что делалось это не для камеры, а в горячке боя — и все же. Не простят. И дети будут помнить, и внуки, и правнуки.

Не снимали б тогда, что ли. А если снимали, чтоб запугать, застрашать живых, то это еще более опасная глупость: не на тех напали.

И все-таки самое страшное не это. Жестокость, бесчеловечность воплощается в нашу повседневность. Зарождающаяся с отношения к врагу, самооправдываясь, перекидывается, как болезнь, и на все вокруг и внутрь каждого из нас. Зачастую уже и не осознаваемая таковой.

Трупным ядом веет над Россией.

Несколькими месяцами позже вновь увидел сходную картину. Тоже по «ящику». Но теперь уже не из Чечни, а прямо из Москвы. Из Шереметьево. Ворота страны, ее визитная карточка. Разбился Артем Боровик, журналист и издатель – к слову говоря, вместе с чеченским нефтяным магнатом Зией Бажаевым, на его, Бажаева, самолете. В этот же день, двумя часами позже, Сергей и сам приземлился вместе с дочерью в этом же аэропорту, но картину катастрофы – или после катастрофы – наблюдал, слава Богу, уже не вживую. Девятое марта, гололед. Но никакой непролазной грязи, тем более на взлетной полосе, ничего экстремального, что не позволяло бы (может быть, вытаскивая трупы, в Чечне опасались снайперских пуль, потому и скрывались в броне?) спокойно, на носилках перенести тела погибших в надлежащее место. Полудски. Нет. Их тоже – свои своих – тащили волоком! Жестокость нарастает, как нарастает исподволь глухота или – одевая коростой живое – катаракта... И мы уже перестаем видеть и слышать ее. Вокруг. В самих себе. Привыкли.

Если есть люди, представители противоборствующего народа, вышагивающие из этого круга ненависти, им надо тотчас, убежден Сергей, подавать руку. Пока это, несомненно, одиночки. Но это ненависть приходит ко всем разом, преодоление же ее, как и прозрение вообще, – процесс интимный, он, возможно, и достигается-то лишь одиночеством. И такая рука не должна повиснуть в воздухе без встречного жеста доброй воли. Дружат не народы – они лишь воюют – дружат отдельные, конкретные люди: такова еще одна горькая истина, вынесенная Сергеем из этих полутора десятков лет.

Сергей не преувеличивает свою дружбу с Мусой. Не возводит ее в национальную степень. Но и не преуменьшает тоже. Муса, как и Сергей, любит Лермонтова (впрочем, найдите чеченца, который не любил бы Лермонтова). Удивительное дело! В бою Лермонтов был горяч, полон азарта и, конечно же, неподдельного, нелитературного запала, ненависти – командовал сотней «охотников», иными, современными словами, «спецназовцев», что даже форму игнорировали, выражались кто во что горазд. Вот характеристики разных, в том числе и по отношению к Лермонтову, принявшему свою сотню из-под руки легендарного бретера Руфина Дорохова, когда тот получил очередное боевое ранение, очевидцев и сослуживцев.

«Лермонтов собрал какую-то шайку грязных головорезов. Они не признавали огнестрельного оружия, врывались в неприятельские аулы, вели партизанскую войну и именовались громким именем Лермонтовского отряда...»

«...В этот миг увидел возле себя Лермонтова, который словно из земли вырос с своей командой. И как он был хорош в красной шелковой рубашке с косым расстегнутым воротом; рука сжимала рукоять кинжала.

И он, и его охотники, как тигры, сторожили момент, чтоб кинуться на горцев...»

В красной шелковой рубаше с косым воротом. Не по форме, не по форме, Михаил Юрьевич.

Как видим, поручик Тенгинского пехотного полка вполне самозабвенно занимался тем, что сегодня грамотно определяют как наведение конституционного порядка в Чечне, а позавчера с солдатской прямоотой именовали «усмирением». И тем не менее – любят. Может, потому что и он любил их – и мирных, среди которых были и его кунаки, и не очень. Во всяком случае ни в одном произведении не дал взять над собой, в себе верх инерции боя, шоковой инерции ненависти: никто не оставил миру – и самим же чеченцам в том числе – их столь одухотворенные и даже идеализированные образы, как поручик, партизан, спецназовец, бретер, врывавшийся в аулы, Лермонтов. Особенно женские...

Когда один хороший Серегин товарищ, полковник, командир полка, молодой еще, но совершенно несгораемый, дубового кроя, шкаф с нашивками за ранения, рассказывает, вернувшись из очередной «командировки» (еще какой сгораемый – с лица его круглый год не слезает дубленый, кумачовый горный загар: то летний, то зимний, почти горнолыжный, ибо командируют его на юг с его спецназовским полком и когда водка теплая, и когда ох как студеная) о стычках с чеченцами, то заканчивает всегда почему-то одной и той же раздумчивой фразой:

– Духовитый народ...

Вполне лермонтовской.

...Футбольная команда «Динамо» играла с ЦСКА. По телевизору шла прямая трансляция игры. Серегин несгораемый шкаф был тогда еще довольно худощавой армейской тумбочкой. Но у него, тогда еще командира батальона, уже имелась неплохо оборудованная штабная землянка, в которой даже телевизор наличествовал. Весь офицерско-прапорщицкий состав батальона в землянку набился, некоторые спины, не вмещаясь, даже в притолоке торчали. Войска-то внутренние, и «Динамо» – самая что ни на есть единокровная команда. Грех не воткнуть заклятым друзьям-соперникам! Болели за своих не просто до хрипоты, а до натуральных салютов. Каждый динамовский гол отмечали залпом приданной батальону минометной батареи. Команда «Пли!» прямо по спинам, как по бикфордову шнуру, и бежала, пригнувшись от самого экрана, от комбата непосредственно в жизнь. То есть – юному лейтенантику, который стоял, раздвигаясь душой и телом, между землянкой и батареей и только по этим животрепещущим потным командам и ощущал перипетии знаменательного матча между ВВ и ВС. После двух залпов тот же лейтенантик по тем же спинам и сообщил комбату, что в расположение батальона, прямо к землянке, явилась делегация старейшин одного из ближайших чеченских сел.

– Что там еще за депутация? – нехотя вылез, оторвавшись от почетного места на устланном хвоей земляном полу, из парной землянки комбат. Действительно перед самым входом стояла группа стариков в мерлушковых папахах. Завидев старшего, кланяться не стали, но правые ладони, все как один, к левой стороне груди прилежно приложили.

– Слушай, сынок, – начал самый старший из них. – И вот эти мои ровесники, и все наше село, даже неразумные дети, тоже болеют поголовно за «Динамо». Поверни, пожалуйста, минометы в какую-нибудь другую сторону...

Комбат засмеялся и позвал их внутрь своей командирской землянки, хотя и были те совершенно непьющие.

Вот вам и гражданская война в России, на Кавказе – во всей ее красе...

Не поехать с Мусой Сергей не мог и по самой главной причине: у Мусы работает Воронин.

II. Солдатское поле

В 1973 году Сергея назначили собкором «Комсомольской правды» по Волгоградской и Астраханской областям и Калмыцкой республике. Если и были в его жизни моменты карьерного счастья, то это один из них. Самый явственный – назначение в «Комсомолку». И скитаясь по районным газетам и работая уже в Ставрополе, Сергей держал в мечтах «Комсомолку». Не «Правду», не «Известия» – именно ее. И не только в силу совершенной уже недоступности последних: эти газеты, подозревал Сергей, требовали совсем других анкетных данных, нежели те, какими располагал он. Нет. «Комсомолка» тех лет соединяла в себе литературу и публицистику, обладала особым языком, которым восхищался и к которому исподволь тяготел и Сергей, ее интонация отличалась от возвышенного единогласия всех остальных центральных изданий ровно настолько, насколько интонация в затемненном зрительном зале отличается от интонаций рампы.

Эта правда была не только комсомольской, но до известной степени и человеческой.

Возможно поэтому журналисты «Комсомольской правды» по известности побивали писателей (самые «человеческие» из которых писали, как правило, о прошлом, отдавая настоящее на растерзание, вернее, сдержанное возвеличивание своим подмастерьям, выходившим в основном из неудавшихся журналистов, по каковой причине удавшиеся и били их по всем статьям) и даже нарождавшихся тогда телевизионных звезд – самые же популярные из них и сами уже пробовали себя в магическом кристалле, в который страна начинала впериваться с завораживающим исступлением тронутости: вот-вот покажут пальчик.

И такая, скажу вам, дуля в конце концов оттуда вылезла!..

Еще до армии, в шестьдесят восьмом, Сергей побывал в «Комсомолке» на стажировке. Примерился. Недели две провел в отделе литературы, которым командовал тогда немного славянофильствующий, из рязанских-ивановских, поэт Геннадий Серебряков. Интеллигентный, застенчивый, рано, к сожалению, умерший. Поскольку параллельно Сергей сдавал сессию в университете (таким образом редакция «Молодого ленинца», командировав его из Ставрополя в Москву, просто подсобила ему деньгами и вместе с тем сэкономила на гостинице, потому как жил Сергей в университетском общежитии) и выезжать никуда не мог, его приладили обрабатывать письма трудящихся. Однажды после какого-то шума наверху и бурной планерки у главного, на которой Сергей, разумеется, не присутствовал, не по чину, велели срочно подготовить подборку против засилья западной эстрадной музыки и «Битлз» в частности в пользу отечественного, желательно хорового, живую, без магнитофонов, оравших из каждой подворотни, пения. Задание передал на бегу – он почему-то всегда появлялся в отделе на бегу, впопыхах – Серебряков. Сергей слепил горбатого в два счета: в массе писем, приходящих в редакцию, можно было отыскать филиппики на все случаи жизни – хоть

супротив Папы Римского. Но Серебрякова к тому времени в кабинете уже не было. Сергея вместе с подборкой вызвал к себе заместитель главного редактора, курировавший литературу и искусство (sic!) Феликс Овчаренко. Это был уже натуральный, рафинированный славянофил. Вычесанный, выглаженный, великолепно образованный. Не посконное, а, напротив, нечто элитарное, сибаритственное было в нем. Сергей примостился на краешек дивана и стал ждать: Феликс, как и его железный тезка, читал.

Прочитал, сведя чернявые брови, раз, полистал, прочитал еще.

– А вы сами-то верите? – взглянул на Сергея, уверенного, что сделал все в лучшем виде.

– Во что? – спросил ошеломленный практикант, уже заподозривший что-то насчет Бога: славянофил все-таки.

– Да в то, что написали.

– Это не я писал, – произнес Сергей внятно. – Это народ.

– Ну да, – согласился Феликс, смял Серегины листки и выкинул, не глядя, как баскетболист экстракласса – сколько всего нетленного туда спровадил! – в корзину, стоявшую где-то под громадным столом, под ногами, – народ. Идите.

Народный прозаический эпос – выкинул.

Сергей встал и, задумчивый, вышел вон. Оно, конечно, в почте «Комсомольской правды» в любой момент при желании можно отыскать письма на все случаи жизни – и все они будут от народа. Но все-таки в странных взаимоотношениях находятся иногда с ним, народом, его народники. В странных.

Славянофилы, даже сдержанно предводительствуемые в одно время «патриархом» Василием Михайловичем Песковым, никогда не составляли в «Комсомолке» большинства. Главный редактор, случалось, бывал из славянофилов, редакция же все равно жила по своим законам. Тот же Феликс Овчаренко был прислан сюда «на укрепление» после нашумевшей (любой шум начинался, как правило, не снизу, не из читательских масс, а сверху, и в этом плане все знаменитости «Комсомолки» созданы, слеплены непосредственно в ЦК КПСС) левацкой статьи о театре, в которой усмотрели, видимо, симптомы «Пражской весны» в Москве.

И, казалось, кто мешал ему хотя бы в данном конкретном случае воспользоваться поддержкой сверху во имя собственных почвеннических идей – ведь в партизанской войне меньшинства с большинством нет запретных приемов. Не воспользовался. Кремлевская геронтократия семидесятых – первой половины восьмидесятых, возможно, уже в силу своего поголовно рабоче-крестьянского происхождения, а возможно, из тайного, осторожного подражания Сталину, который на все времена и всем поколениям своих преемников оставил в Кремле едкую свою кошачью метку, и те, уже полстолетия, оглянувшись предварительно, не застывает ли кто, украдкой принохиваются-таки, примеряются к ней – исподволь тяготели к умеренному славянофильству. Но так было далеко не всегда – и не только в новейшей истории. Тем не менее и исторически сложившееся западническое большинство в «Комсомолке» тоже никогда, даже при смене курсов, которая не случалась в одночасье, а вызревала подковерно, годами, выхлестывая иногда преждевременными указивками, не прибегало к помощи верхов, официоза, чтобы потеснить путавшихся под ногами «меньшевиков». К верхам любой ориентации и те и другие относились одинаково подозрительно.

Нигде, наверное, противоборствующие идеи не были столь идеалистичны,

а спорщики, регулярно сходявшиеся лоб в лоб то на летучках в «Голубом зале», то просто за стаканом вина в крошечных кабинетиках, на которые, как на соты, иссечен длинный редакционный коридор, столь бескорыстны, как в «Комсомольской правде» тех лет...

Этот эпизод, в котором Сергей выглядел не лучшим образом, как ни странно, только подогрел желание попасть в «Комсомолку». Реабилитироваться?

Перед Феликсом Овчаренко реабилитироваться поздно: он пробыл в «Комсомолке» недолго, перешел в журнал «Молодая гвардия», видимо, более соответствовавший его воззрениям, и вскоре тоже, к сожалению, умер от раковой опухоли.

Второй раз на знаменитом шестом этаже Сергей оказался только в семьдесят третьем, уже отслужив два года в армии и сделав неплохую карьеру в ставропольской молодежи. Выполнял разовые задания редакции, писал заметки на потребу дня, и его вызвали на смотрины.

Из предыдущего своего пребывания на этаже Сергей сделал два кардинальных вывода.

Первый. Никакого совместительства с экзаменами. Черт с ним, с университетом! – вон Песков ничего, кроме школы, не оканчивал, а знаменит, как Тургенев. И, надо сказать, и впрямь едва не сравнялся и с Песковым и с Тургеневым, ибо университет окончил лишь на девятом году обучения, в семьдесят пятом, будучи уже заведующим отделом «Комсомолки», москвичом. А малограмотную тещу свою застал однажды за странным занятием: баюкала внуку, держа перед глазами, взятыми под стражу парой допотопных пластмассовых наручников со сталиновыми стеклами, «Комсомолку» и читая в ней вслух, нараспев заголовки – все, что мельче, даже со сталинитом, разобрать не могла.

– Жили у бабуси два веселых гуся... – это папа твой написал.

– С ы ш ы а: жизнь взаимы, – тоже папа...

В общем, все, что обозначено поддающимся сталиниту кеглем, было щедро приписано Сереге: с первой полосы по четвертую. Фамилии авторов по причине их малозаметности на полосе наручниками не воспринимались и в расчет тещей не брались. Сергей постоял-постоял на пороге, тоже не воспринятый, как и подписи, ни бабулей, ни внучкой, хотя кегль в данном случае имел вполне порядочный, да и попятился, давась хохотом, потихонечку назад.

Согласитесь, снискать популярность у половины мира все же проще, чем у собственной тещи. И еще неизвестно, кто был популярнее в данный момент: Иван Сергеевич Тургенев или Сергей Никитович Гусев: ведь у Тургенева, как известно, тещи никогда не было.

...Вывод второй: никакого литературного отдела! Таким, как Серега, провинциалам, интеллигентам в первом поколении (а интеллектуалам – лишь в собственных детях) в «Комсомолку», если хотят задержаться, освоиться здесь, надо входить не через эту дверь. Эта – для других. Для тех, кто сызмальства не ходит по земле, не топчет ее подневольно, а безмятежно порхает, чаще всего, правда, тоже ласково ведомый шелковой невидимой ниточкой на замечательно волосатой руке, с каковой и соединяет его эта нежная пуповина, – никогда дверью не ошибутся. Впорхнут, куда надо. Два отдела есть

для таких, как Сергей: рабочий и сельский, через которые можно выброситься со временем – руки крестом – в большую столичную журналистику. Тесными воротами приходят – покойные счастливчики – в рай. А эти две калиточки и есть две разборчивые дыхательные дырочки в «Комсомолке»: вдохнет и, если не выдохнет через минуту или не выплюнет через пять, глядишь, и задержишься, а там пронесет тебя с годами по всем коридорам, закоулкам и кабинетам большого организма, и выйдешь ты в надлежащем месте и в надлежащем, уже совершенно столичном виде, в большую, нередко даже политическую, жизнь, готовый к потреблению всеми, а не только сельским или рабочим, отделами на свете, вплоть до отделов большого, то есть не комсомольского, ЦК.

Масса народу в «Комсомолке» разбирается в литературе и искусстве.

Еще больше – в человеческих жалобах, письмах и столах.

Новости – кто же не разбирается в новостях? Особенно хороших, которыми были полны под завязку газеты тех лет.

Даже в промышленности, вычислил Сергей, конкурентов у него будет больше, чем в селе: как-никак Москва, промышленный центр, вон и на машинах, на вшивеньких «москвичах», которые никуда дальше Кушки не шли, и то на багажнике заносчиво обозначено: «Moskvich». Любой «moskvich», особенно с окраины, – потенциальный соперник по части жизнеописания рабочего класса. Другое дело село, из которого он стремился в свое время удрать, вылезти, как из собственной кожи. Покажи любому, даже самому раззолоченному перу «Комсомолки» пшеничный и просяной колос – не отличит, хотя болью народа живет регулярно: по пятым и двадцатым. Сергей же колосья различал и с этим фундаментальным знанием очертя голову ринулся в сельский отдел – в единственно доступную ему прорубь «Комсомолки», многолетним привратником при которой состоял самый пафосный и великовозрастный романтик «Комсомольской правды» незабвенный Владимир Ильич Онищенко, который еще лучше, чем в злаковых, разбирался в злачных: «Пшеничную» от «коленвала» отличал с пол-оборота. Дай Бог ему здоровья: не одному поколению «пemoscviচেу» дал он, пользуясь привилегированным положением редактора отдела, куратора сельской темы, в которой мало кто смыслил из еще более крупного редакционного начальства, и просто крутостью своего характера, путевку в комсомольско-московскую жизнь.

Сергей попросился в сельский и сразу же – в командировку в Казахстан, на целину. Месяц, как запаленный, мотался по степям и передавал из райцентров по телефону заметки в стенбюро «Комсомольской правды». Как пригодились, что когда-то на интернатских каникулах пришлось поработать и на комбайне и на тракторе! – как только, знакомясь с механизаторами, называл соломокопнителем соломокопнителем, а шнек шнеком, а не какой-то там жестяной трубой, так собеседники его сразу были согласны, чтоб он диктовал в Москву все, что посчитает нужным – даже за их подписью.

Кожа, шкура дубленая никола-александровская выручала.

Газет он, конечно, не видал, но заметки, оказывается, печатались регулярно. Еще бы: сам Онищенко, мэтр и ветеран, честно говоря, тоже не очень обремененный знанием материальной части вверенной ему сельскохозяйственной сферы – еще и потому, что свято верил в превосходство нематериального, духа, в е ч н о г о над насущным, пробивал их на полосу.

Сергея взяли приняли и вскоре после того, как окончательно отмылся от

едкой, йодистой целинной пыли, отправили собкором в Волгоград. Именно сюда, на Волгу, по которой сейчас так респектабельно скользит, а двадцать пять лет назад, во времена собкорства, пожалуй, и не искупался ни разу как следует: не до того было – в Москву продирался.

Да, окончательный путь на Москву для него пролегал через Волгоград. Здесь и познакомился с Ворониным.

* * *

Собственно, услышал о нем еще в Москве.

Собкор – должность уединенная и, в общем-то, уязвимая. Живет человек в республиканском, краевом или областном центре, шлет заметки в свою центральную газету, в Москву, получая оттуда зарплату и гонорар. Но все остальное – квартиру, машину, телефон – ему выделяют местные власти. Редакция ждет от него не абы каких материалов, а в первую очередь острых, критических – ведь он, по московским понятиям, находится в гуще жизни, можно сказать, на самом ее доньшке, и кто же быстрее собкора может слепить и передать в редакцию материал о каких-то ее, жизни, несовершенствах? Собкору нередко прямо из Москвы, из центра, и рекомендуют, какие именно несовершенства отразить и обличить. Газета, полоса без «острого» – не газета и не полоса, острое же московского происхождения нередко само кусается: редакционное начальство и просто редакционный служивый народ тоже ведь и квартиры, и телефоны, и машины получают, как и собкор, от местных властей.

Только местность у них другая: М о с к в а называется. Лишний раз ее лучше не трогать, не дразнить: бо-ольшой встречный иной раз случается. Еще и хуком, самым коварным кандибобером могут зайти: через ЦК комсомола, а то и ЦК партии. А республика или, там, край, область все-таки далеко. Пока добежит ответный гнев по проводам, глядишь, и рассосется. К тому же первый объект гнева, так сказать, форпост, надежда правды и справедливости, он там, на месте, под высокой столичной рукой. Есть кому принять – волнорезом – набежавшую волну, им же, к слову говоря, и вызванную.

Положение собкора – это положение голосистого сверчка на наковальне. Будешь петь не то (что необходимо редакции: чрезмерно хвалить место обитания, наковальню то есть) – молотом станет редакция: мол, сжился, скумился. Станешь петь не то (что необходимо наковальне: брать исключительно смелые, высокие октавы, не только с местным комсомолом, но и с местной, повсеместной партией задиаться) – молотом станет наковальня. Передергивает факты, очернительством занимается, шестую статью Конституции (кто ее помнит сейчас?) нарушает: уволить по требованию местного партийного комитета.

Да что уволить? Не дать квартиру, машину, телефон. Что там еще можно не дать или лучше – отобрать? Во-он сколько полутонов во взаимоотношениях собкора и местной власти. Пой, птичка, пой, да только в строго благоразумном регистре.

Сергей еще в редакции, на стажировке наслушался об этих тонкостях собкорской жизни, к которой так стремился. Виктор Степаненко, дородный, пожилой, спокойный и независимый, заходивший в ставропольский «Молодой ленинец» исключительно для того, чтоб еще кого-нибудь из «младоленинцев»,

как он их называл, надрать в шахматилки, собкор самой «Комсомолки», написавший репортаж о многокилометровых перегонах овечьих отар на Черные земли, на отгонные пастбища, репортаж, изумивший Сергея двумя моментами: почему это он сам, Серега, не додумался до этой романтической темы, хотя знал ее – подошвами – получше Степы (это в отместку за младоленинцев) и заголовком: «Пешком по небу» (вот это и есть столичный литературный блеск), этот самый Степа многие годы был его кумиром – и в письме и в жизни, вернее, в статусе. Свободен, свободен, свободен! Оказалось, не совсем так – его наконец просветили: Степа-то, чтоб не терять вальяжности, не признавался.

Особо отговаривали от Волгограда, потому что там – Воронин. Люсьена Овчинникова, еще одна романтическая и трогательная сивилла «Комсомолки», помнившая еще Сталинградскую битву, даже в кабинетик, где он ошивался, зашла после его утверждения:

– Будь осторожен. Это тебе не Рязань и не какой-нибудь Семипалатинск. Это – Воронин.

Как будто Воронин и был – Волгоград.

Люсьена, умная, пожилая, одинокая, знала все – и даже Воронина.

– Это новая генерация, – сказала Люсьена, обдавая чернотой всезнающих печальных глаз. – Их на мякине не проведешь. Будь умен, как Воронин.

Воронин был первым секретарем Волгоградского обкома комсомола – только что избранным.

Сергей же был новым собкором по этому региону, в который, кроме Волгоградской, входили еще и Астраханская область, и Калмыкия, в общем, если не две, то полторы Франции точно. Хазария. Только что назначенным, утвержденным ЦК комсомола. В общем, исходная позиция была вполне подходящей если и не для быка и тореро, то для двух бычков несомненно, ибо работа едва ли не каждого собкора «Комсомолки» сопряжена с борьбой – самые brutальные из них при известном потакании столичного «этажа» даже находили упоение в этом нескончаемом «бою». Бывали даже случаи, когда работа как таковая борьбой и исчерпывалась. Двух-трех таких собкоров, чье творчество было загадочно, потому что неизвестно (или известно читателям позапрошлых поколений) держали как бойцовых петухов — во имя масти. Время от времени появляясь в Москве, они и здесь, на этаже, разгуливали в хорошо усвоенных позах – грудь колесом и правая, ударная, как у Ленина, за пазухой. Удивительно: некоторые из них умудрялись собачиться с местным начальством, особенно комсомольским, за пределами газетных полос. Ни строки от него нету, а скандал идет, набирает обороты.

– Собираю факты, – важно заявлял такой собкор, если его вызывали-таки в «Голубой зал», где проходили заседания редколлегии, для отчета.

И редколлегия снисходительно склоняла коллективную главу: факты, понимаешь ли, – упрямая вещь. Иной собкор, как червяк в яблоке, так и застревал в этой фазе: сбора фактов. И чувствовал себя, как и сытенький, сочный, но вполне трудолюбивый житель плодовых недр, весьма уютно. Наука показала, что плодовый червяк на девяносто процентов состоит из яблочной (или что там еще точит) мякоти. Так и собкор-лежебока: на девяносто процентов состоял из «фактов». Лень – разновидность ненависти, ибо далеко не у каждого пишущего рука тянется к перу, а перо к бумаге. Как раз у самых одаренных есть, обязательно существует этап полной, отчетливой ненависти, отвращения к самому процессу

письма, особенно – к его началу. Сергей и сам регулярно испытывал эти почти физиологические приступы, но умел собраться, сгруппироваться и преодолевал их: увы, он так же отчетливо, физиологически знал, чувствовал, что это единственная профессия – водить пером по бумаге, которой он в этой жизни владеет.

И каждый раз потихоньку, со скрипом, как малограмотный, расписывался – и изжога, астения где-то внутри, не только в мозгах, проходила. Его же друзья, и порой закадычные, взять эту невидимую планку – деятельного скрипа пером, превращения изысканно содержательных мозгов своих в утилитарную чернильницу, в которую следует исправно макать самописку и выуживать оттуда что-то конкретное и в меру пошлое, не могли годами.

Это посредственность пишет, как дышит: легко, обильно, испражняясь и вдыхая вновь. Попробуйте привязать облако к земле и поймете, как трудно пишется-дышится всем остальным.

Немудрено, что самые талантливые и закосневали чаще всего в тихой ненависти-лености перед авторучкой, что бывает-таки, вопреки мнению простонародья, тяжелее лома.

Едучи собкором в Волгоград – тем более после люсьеновских наставлений – Сергей тоже настраивался на борьбу. Но все сложилось иначе. Ошиблась Люсьена.

Воронин сделал его по-настоящему знаменитым – на несколько месяцев.

* * *

Воронин разгадал Сергея с первого взгляда. Понял, что в Волгограде он не жалец. Что ничем он здесь не обрстет, не укоренится. Не заживет, как шелкопряд, здешней жизнью, пропуская ее через себя, сквозь туннельную черноту, соединяющую вход и выход, и перерабатывая ее в нечто полезное для человечества. Нет. Транзит. Вождь транзита! – прочитал насмешливо Воронин в Сергиных лихорадочных глазах. Все устремления – поверх здешней жизни и даже жизни в целом, куда-то в сторону Москвы, где по представлениям таких вот лихорадочных только и начинается та самая жизнь, что достойна не только осязания, но и воображения. И другое разглядел Воронин в Сергее с первой встречи в своем официозном, лишенном каких-либо индивидуальных примет кабинете. Тысячи подобных кирпично-удлиненных кабинетов выстроились в воздушном пространстве страны, заключая в себя, запаивая и холодный воздух власти, ячейками которой они являлись, и саму ее аскетическую конструкцию: ячеистая, как Стена плача, стенка эта во всю свою неимоверную высоту, шар за шаром, как говорят каменщики и могильщики, являла миру запеченных в ее янтарных нежных внутренностях породистых мужиков в галстуках – вплоть до главного, до Леонида Ильича, регулярно выглядывавшего, правда, уже не натурально, не вживе, а, как и положено всевышнему, из газет и телевизора, экран которого также напоминал чем-то матово отсвечивающий персональный апартамент. В кабинет этот Сергея привел Володя Поляков, гибкий, трепетный, поскольку тоже всегда между молотом и наковальней, между редакцией и собкором, заведующий корсетью «Комсомольской правды» – представить первому секретарю.

И Воронин сразу глянул Сергею в самую душу. Вроде душу и привели

ему сюда на веревочке. На смотрины.

И то другое, что сразу же разглядел в Сергее Воронин, было следующее.

Перед ним сидела, скромно приткнувшись за полированным столом, не жизнь. Это даже правильнее писать через черточку: «не-жизнь».

Сергей, определил с ходу Воронин, делал биографию.

Воронин же делал карьеру и не собирался отвлекаться на Сергея. Ко времени их знакомства ему было лет тридцать пять. Он был хорошо образован – окончил с отличием строительный институт и учился заочно в Высшей партшколе – и щеголеват. Твердый, выпуклый, как шляпка у гвоздя, который все привык добывать головой, лоб, тяжелые, профессорские очки, хорошие, не провинциальные костюмы. Он был сдержан не только с Сергеем – водку в кабинете, задернув шторы, не разливал, в лесополосе с «активом» не рассаживался, не горланил спьяну казачьи песни, хотя, как позже убедился Сергей, знал их неплохо. Та самая простота, что хуже воровства, в нем напрочь отсутствовала. Таких нередко остерегаются даже в своей братии: то, что народ в массе своей воспринимает как службу, как нахабу и не стесняется такого своего восприятия, и даже самые раскованные и рискованные кичатся им, эти, молчаливо мнящие себя чьими-то, не народа ли? – избранныками, воспринимают как служение. Путают грешное с праведным.

Воронин даже не служил – готовился к служению, что бывает еще заметнее. Проходил обязательное комсомольское послушание – перед тем, как принять партийный постриг. Не хозяйственный воротила, не высокопоставленный бонза советских органов – Воронин видел себя только в партии.

У него и вид был великовозрастного послушника: на все пуговицы застегнут, голова почтительно склоняется набок, но серые глаза, увеличенные толстыми стеклами очков, счастливой слезой не тают и голос почему-то не дрожит.

Его любил и выделял первый секретарь обкома партии Куличенко. Но любил и выделял в первую очередь как не похожего на него самого, тяжелого, словно чугунная чушка, каковой заколачивают сваи, с подтаявшими висками, закоренелого «практика», что академиев не кончал, но связан с жизнью, подогнан вплотную: с подчиненными яр, однако высокого московского начальства боится почему-то неистребимо, о чем, правда, догадывается одна лишь тяжелая, самая тяжелая телефонная трубка, ибо, как только зазвонит «взчэ», первый выставлял из кабинета кого бы то ни было, даже помощника, что составлял ему речь.

В таких ответственных разговорах и без помощников обойдемся. Сами составим.

Непохожего не только на него самого, но и на его, Куличенко, ближайшее окружение, тоже зажелезившееся, но с предательским школярским голосником в дородном, хорошо обшитом, словно ватой обложенном нутре: чуть рявкнешь, расслабившись, и человек уже дрожит, как лист перед травой.

И вата, самое удивительное, подрагивает, будто не голосом, а хорошим арапником по ней прошлись. Несовершенен, несовершенен, что ни говори, человеческий материал. Надо бы человека из другого материала месить, – чтобы больше на человека походил.

Эти – другие.

Куличенко присмотрел парня еще в райкоме комсомола и потихонечку, исподтишка «вел» его: ему почему-то хотелось, чтобы со временем, со временем, конечно, на смену ему, крутой, целинной закваски Хозяину, Отцу – его так и звали в области в зависимости от конкретных обстоятельств и крутизны наклона:

по стойке «смирно» или «расслабиться» – пришел именно этот. Как бы сын.

Другой.

Не первая зима на волка, и что-то подсказывало Старому Волку: чтобы дело не лопнуло, не обернулось швахом, на смену им, старым и стреляным, должны прийти вот такие, образованные, спокойные и нестреляные – без дрожи в коленках.

Куличенко настораживало спесивое воспроизводство себе подобных. Знал, шкуркой чувствовал: это даже не партийное, а генетическое – вырождение.

И, забегая вперед, надо сказать: он, ничего не говоря Воронину о задуманном, почти довел его до заветной, и для Воронина втайне тоже, цели. Сделал со временем секретарем обкома партии по идеологии, а затем – у какого же Первого нет в Москве не только своей руки, но и своих клевретов! – и сотрудником Орготдела ЦК КПСС.

Из Орготдела путь один – только в Первые. Со временем, конечно, со временем: нас пока тоже списывать рановато.

Да другие подросли перемены: с первого на горячее.

Коня куют, а жаба лапу задирает.

У Сергея сложились с Ворониным ровные, доброжелательные отношения. Воронин внимательно следил за всем, что печатал в «Комсомолке» Сергей, и находил возможность двумя-тремя нестертыми, недежурными словами, по телефону ли, при личной встрече, обмолвиться с ним о прочитанном. Очерки о молоденьких учительницах из глубинки – деревенские «кавалеры» не оставляли их своим вниманием даже в хатке, которую снимали четыре городских девчонки: с наступлением сумерек занимали позиции в кроне старого клена, росшего напротив их окон, и старались разглядеть сквозь тюлевые занавески укромную, юную жизнь пригожих горожанок, о селекционерах с сортоиспытательной «арбузной» станции. О «следах» знаменитого путешественника и естествоиспытателя Палласа в заволжских степях.

О соленом озере Эльтон, на глинистом берегу которого догнивают деревянные останки построенной некогда по распоряжению Николая Второго кумысолечебницы для низших чинов русской армии, потерявших здоровье в русско-японской войне 1904-1905 годов. Правда, только ли от туберкулеза лечили на Эльтоне? Сергей навсегда запомнил картину, увиденную на озере, что на самой границе Казахстана, ранним-ранним утром. Мужчина, уже не парень, носит на руках женщину, тоже уже далеко не девочку. Озеро мелкое, с километр можно идти – и все не скроешься с головой. А утонуть и вовсе невозможно: на эльтонской воде лежишь, как на хорошей перине – не проваливаешься. Мужчина в трусах, а женщина так прямо в платье, он, тоже удерживая ее совершенно свободно на весу, долгими, медленными, как у большой степной птицы, кругами ходил со своей живой ношей метрах в пятидесяти от берега. Вода парила, становилась, наверное, еще солонее, восходящее солнце пронизывало, пропитывало этот парок, превращая его в зарю: пара словно бы и не касалась не только земли, но и воды. Брела, будто по Христовым следам. Не то по воде, не то журавлиными кругами уже в небесах. Тут не было баловства – скорее ворожба: двигались они молча, сосредоточенно, печально. Рядом, на берегу, стоял грузовичок, бензовоз – на нем они и приехали сюда.

Сергей вопросительно посмотрел на сопровождавшего его в экскурсии секретаря райкома комсомола:

– Что это значит?

– Лечатся от бесплодия. Есть такое поверье: муж на заре должен пронести жену на руках по эльтонской воде...

Ну да. Потомки солдат русско-японской воевали в сороковых в русско-германскую – и их на эту войну хватило.

В большинстве своем публикации эти к комсомолу отношения не имели, но их охотно ставили на полосу: Сергей попал в такт «Комсомолке», которая в те годы была все-таки в большей степени газетой писательской, нежели дежурно-комсомольской. Область присутствовала на ее страницах, и Воронин не толкал Сергея под локоть, не направлял его перо: мол, поближе к комсомольской жизни.

Сергей писал просто о жизни – пусть и в несколько беллетризованном представлении о ней – и Воронин, уроженец Волгоградской области, читая, сам задира левую бровь: надо же!

* * *

Однажды Сергей вышел на парализованного ветерана Великой Отечественной. Вообще-то, парализованных старых солдат в Волгограде – Сталинграде немало. Этот же – необычный. Во-первых, относительно молодой: попал на войну, на флот уже в самом конце ее юнгой, сигнальщиком. Во-вторых, уже в начале пятидесятых служил действительную старшиной на трофейном итальянском линкоре «Юлий Цезарь», переименованном в «Новороссийск» – том самом, который в 1956 году 25 октября взорвался на собственных бочках неподалеку от севастопольских берегов. Тогда погибли сотни моряков – в задраенном, чтоб линкор весь в течение получаса не ушел ко дну, машинном отделении пели перед смертью «Варяг», и песня пропотевала даже через броневые листы, – юнгу Великой Отечественной выкинуло взрывом за борт, и он, оглушенный, контуженный несколько часов болтался в осенней морской воде.

Следствием чего, возможно, и стал недуг, накрывший с головой солдата, моряка в конце шестидесятых: у него насмерть заклинило суставы. Лежал, вытянувшись в струнку, словно погружался, солдатиком, по стойке смирно на последний подводный морской сбор. Лишь чуть-чуть поворачивалась голова да проворачивались печальные провалившиеся глаза.

Был он одинок, жил, многолетне умирал в коммунальной квартире: соседи, жалеючи, на его же пенсию кормили его иногда с ложечки. Все остальные отправления были солдату уже ни к чему – в этой коммуналке заброшенного, ороговевшего Сергей его и нашел.

Самое же удивительное заключалось в том, что солдат – писал. Сочинял. До тихого ужаса похожий на Николая Островского, а еще больше – на саму смерть, принявшую по чьему-то недосмотру не женское, а мужское обличье, недвижимый, отошавший до того, что кости светились сквозь кожу, как на рентгеновском снимке, он часами ждал сердобольных старушек-соседок даже не с чайной ложечкой и пакетом кефира, а с тетрадкой и карандашом.

Тетрадка и карандаш были переходящими. Бабки подходили со снедью, а солдат печальным кутузовским глазом указывал им на тетрадь и карандашик,

лежавшие возле него на тумбочке. Бабки вооружались очками и, мучительно припоминая орфографию – до пунктуации дело не доходило, – записывали то, что диктовал им сосед.

Солдат сочинял детскую книжку – о мальчишках предвоенного Сталинграда, о том, как поначалу сбывшейся грезой ворвалась война в их родной город, а потом смертью и болью – и в их души. Солдат торопился – бабки не поспевали за ним.

Как ни странно, книжка получалась смешной: в ней действовали люди, шпионы и просто попугаи ара, передававшие мальчишкам шпионские тайные разговоры.

«Комсомольская правда» напечатала Сергеев репортаж под названием «Сигнальщик из 42-го» – о некогда юном сигнальщике Евгении Лесникове, который и сейчас, будучи неизлечимо больным, о чем-то сокровенном отчаянно сигналил, из сороковых в семидесятые.

Реакция на публикацию была оглушительной. Воронин лично навестил солдата, раздобыл ему огромный, днепропетровского (почти как допетровского) производства магнитофон с дистанционным управлением – несколько пальцев на правой руке у Евгения Дмитриевича пока еще, слава Богу, чуть-чуть двигались – прислал к нему пионервожатых с пионерами. Когда Сергей в следующий раз зашел к своему герою, он героя не узнал: вымытый, выхолонный лежал тот на высоко взбитых накрахмаленных подушках, статная белолицая красавица с повязанным набок, на манер яркой косыночки, галстуком вдохновляла его в качестве сидящей с лирой у изголовья музы – Сергей аж задохнулся от восхищения: муза имела чудные полновесные формы наяды, Бог знает с какой глубины вынырнувшей посреди холостяцкой коммуналки.

– Лучшая пионервожатая города! – подмигнул, удовлетворенно заметив Серегину ошеломленность, засиявшим вдруг, словно и его отмыли, ласковым ртом отдышали, глазом враз помолодевший, подобравшийся под простынями фронтовик.

– Лучшая пионервожатая города... – улыбочиво повторила, представляясь и вставая со стула в полный, тоже полномерный, как и у ее белотелых гипсовых товаров в тогдашних городских парках, рост – и протянула ладонь лодочкой.

Сергей смущенно принял прохладный дар: господи, да у нее смеются не только голубые-голубые, почти бирюзовые глаза, но и пальцы с твердыми в тон галстуку лакированными лепестками на концах посмеиваются тоже – мелким таким, нежно шевелящимся, отдаваясь где-то под ложечкой, смешком.

– ...лучшему корреспонденту лучшей газеты – салют! – пальцы, сомкнувшись, встали по стойке смирно над белокурой чалмой, невесомо осенявшей чистый и тоже, наверное, соблазнительно прохладный в эту невыносимую волгоградскую жару лоб.

– А вы откуда меня знаете?

– Городская знаменитость, кто же вас не знает?

– Ну да, – улыбнулся Сергей, – как городского сумасшедшего.

Пионеры, помогавшие на кухне, – солдатской посуды на всех явно не хватало, и ребята драили чашки на всю ошалевшую от такой неожиданной известности квартиру – были потихонечку, гуськом выпровождены на улицу, по домам (можно подумать, они так и помчались туда – делать уроки), а прохлад-

ными руками старшей пионервожатой в комнатке Евгения Дмитриевича был сервирован табурет – с шампанским, с графинчиком, огурчиками-помидорчиками, деревенским салом (оказывается, лучшие пионервожатые родом оттуда же, откуда и лучшие корреспонденты сельского отдела «Комсомольской правды») – и придвинут вплотную к кровати больного, который на несколько минут даже показался выздоравливающим.

И к табурету были расторопно приставлены два венских стула, на которых уже тыщу лет никто не сидел.

И чайная ложка была заменена на столовую и до краев налита холодненькой из графинчика и даже – ни капельки не пролилось! – опустошена с молодецким криком.

И шампанское под местные лежебокие груши выпито дотла, и водочка – под сало-то! – ушла по назначению до полного вакуума в графинчике.

Коммунальные насельники сбежались: солдат засмеялся! Чисто-чисто, по-мальчишески, по-пионерски. Мелко, чисто – воробьи за открытым окном дружно откликнулись маленькими крыльями. Сергей и пионервожатая не удивились: они-то знакомы с Евгением Дмитриевичем всего ничего. А бабульки сбежались, в дверь, как селедки, набились – они же тыщу лет солдатского смеха не слыхивали!

Вот вам и сигнал из сорок второго! «Наверх вы, товарищи, все по местам! Последний парад наступа-а-а-ет...» Бабки и застыли – по местам. Из тела, покрытого панцирем, коростой боли, только что отмытого – ласковыми пионервожатскими, еще не забывшими малую родину в заботах о большой, руками – от грязи, ворвани и забытости, и вдруг – такой чистоты и юности звук.

Пришлось и бабулям налить – по такому-то случаю.

И Евгений Дмитриевич засмеялся еще разок.

Праздник удался: праздник действительности советской печати. Написано – и в дамках!

И даже имел для Сергея пленительное вечернее продолжение: пионер – он, оказывается, не только всем ребятам, но и всем-всем девочкам пример.

Воронин – разумеется, через Куличенко – добился вообще невозможного: Лесникову дали отдельную однокомнатную квартиру в центре города. И не просто в центре, а прямо на проспекте Мира. Что само по себе уже просилось на страницы «Комсомольской правды»: сигнальщик из сорок второго сигнализировал в очередной публикации уже не халам-балам, а непосредственно насчет мира во всем мире.

А появилась квартира, возможным стало совсем уже невероятное: появилась и жена. Ну да – самая обыкновенная, как у всех: та, что и пилит и при необходимости тачает. Крупная, выпуклая, строевых казачьих кровей. Под красное дерево крашенные волосы и сурьмой подведенные брови. Что-то в облике жены-атаманши подсказывало Сергею, что тут не обошлось и без его старшей пионервожатой. Есть старшие пионервожатые, а есть и совсем старшенькие – эта, похоже, и была из них. Из вчерашних – той же стати и той же отчаянной звонкоголосости. Работала в торговле, проштрафилась или ее подставили, угодила на несколько месяцев туда, где Макар телят не пас, вернулась по примерному поведению и, как бы продолжая чуть запоздало выбранную линию безупречности, – сразу под венец. Сотрудники загса на дом приехали: так любопытно было узнать, кто же это на инвалида польстился? Какой это у нее по счету был брак,

Евгений Дмитриевич не интересовался – им, сигнальщикам, морским волкам это ни к чему: по морям, по волнам, нынче здесь, а завтра аж там, но с женой ему и впрямь повезло. Квартира враз заполнилась сильным грудным голосом – атаманша даже стирала, как и положено, с песней, от которой только подрагивала дверь ванной, а если была нараспашку, так подрагивали искусственного хрусталя подвески на люстре в коридоре – занавесочками, салфетками-рюшами, поскольку атаманша оказалась еще и рукодельницей, многостаночницей, обучившейся кое-чему полезному, домовитому вдали от дома и шума городского, – и детским щебетом, ибо вместе с женой в придачу получил сразу и внучку.

Дочка у атаманши тоже имелась – что же за мать-атаманша без красавицы-дочки? – но она появлялась на проспекте Мира изредка, налетами: судя по всему, девочка ее, ангел в цыпках, произошла не из того по счету брака, в котором атаманская дочь состояла в данный момент, если, конечно, вообще состояла в законном и непогрешимом.

Излюбленной командой благоприобретенной, вслед за квартирой, было повелительное:

– К столу!

Касавшееся всех – и дочери, и внучки, и Жучки (тоже явилась вслед за главным приобретением), и гостей, включая Сергея, частенько навещавшихся теперь (и стол тут играл не последнюю роль) к солдату, и пионеров, которых, несмотря на очевидную их теперешнюю, в свете кардинально изменившихся обстоятельств ненужность, по-прежнему привечали в доме, и старшей пионервожатой, обернувшейся в какой-то момент младшей атаманской сестрой.

Не было сил противостоять возгласу и запаху, несшемуся еще в преддверии слов. Решительно все подымалось с места и рвалось в бой. Возьми она еще тоном зычнее, и солдат бы тоже вскочил, оправляя на ходу полувоенную – атаманша и одевать его старалась под Островского, что сигнальщику исподволь нравилось – рубашу-гимнастерку, и побежал бы в строй, то есть в тесный застольный круг, за которым взрослым, военнообязанным даже фронтовую соточку неизменно нацеживали. Самопальную, но крепкую-крепкую и чабрецово ароматную, как будто из пышной атаманской груди непосредственно.

Но голосу, видать, все же не хватало: солдат только страдальческое, детское, с глубокой мальчишеской прогалинкой темя свое от подушки отрывал и обводил продышанным, вытаявшим взглядом гомонящий застольный круг, устраивавшийся, чтоб ему не скучно было, рядом с его кроватью. Соточку, как и положено, атаманша опрокидывала первой и крепенькой, твердой-таки, хотя и приятно округлой, десницей. Чтобы потом тут же, тою же самой, мелко-мелко рот свой, губы свои, вкусно выпяченные, словно и их подавала к общему столу, перекрестить и мелко-мелко же, совсем не своим, не атаманским голосом проговорить:

– Свят-свят...

Как будто что-то не то, что положено, изо рта выскочило или гром за окном прогремел.

Что там у них было за пределами общей видимости, в жестоком кругу болезни, никто не знает, но, похоже, сигнальщику из сорок второго тоже кое-

что перепало из пышного, в меру запечатанного источника.

– Знаешь, врачи сказали, что у него все органы стали работать лучше, – заговорщически шепнула Сергею однажды, совсем-совсем наедине и совсем-совсем на ухо, его старшая провожатая по параллельным маршрутам жизни.

– Так уж и все? – усомнился, улыбнувшись, Сергей, на что получил вполне исчерпывающий ответ:

– Дурак!

И сочный поцелуй: дураков всегда целуют, пресекая опасное развитие их дурацкой любознательности: чтоб не спрашивали лишнее.

Что там заметили врачи – дай-то Бог, чтоб заметили, но факт остается фактом: атаманша наверняка продлила солдату жизнь. Без нее бы он умер раньше – процесс без нее шел гораздо резвее. А так скончался уже в конце восьмидесятых, когда Сергей давно уже работал в Москве. Прилететь на похороны не получилось, и он прилетел, когда на могиле уже стоял памятник.

– Вот, поставила, – сказала атаманша, концом платка промакивая слезу.

Сказала, как отчиталась.

Было начало лета, вокруг доцветала сирень, бледнее по ходу стгорания, и они стояли у могилы втроем: Сергей придерживал за полный локоть атаманшу, а его самого крепенько-таки придерживала пионерская вожатая. И мраморный памятник с фотографией моряка, братишки в бескозырке с молодецки выпуклой грудью и с юношеской застенчивой улыбкой на устах – фотографировался-то не на памятник, а на комсомольский билет! – и металлическая выкрашенная ограда, и окаймленный ею мраморный же парапет – все было, как у людей.

И ирисы – сиреневые на черном...

«Без Воронина и тут наверняка не обошлось», – подумал Сергей.

Гробничка выложена на двоих. Сергей пристально глянул на атаманшу, и та утвердительно кивнула:

– Ну да. Куда же мне теперь от него – я с ним человеком себя почувствовала.

Вот так! Надо бы изначально не в исправительную колонию ее, а к Лесникову, к братишке на перековку. Сколько б лет еще ему натянула.

– Только не пишите, Сережа, что он умер, – попросила, предугадав первое несложное движение писарчуковой душонки. – Пусть ваши читатели думают, что он еще живой.

Конечно, человеком – о ней самой газеты стали писать: сестра милосердия, мол, мать Тереза и т. д. и т. п. Вон какая трансформация: из мать-атаманши в Терезу-мать.

И книжку довела до ума – правда, орфографические ошибки после нее исправляла, прежде чем передать рукопись, самолично доставив ее в Москву, в Серегины руки, старшая пионервожатая. И книжку свою, изданную при Серегоном толкаческом рвении «Детгизом», сигнальщик увидел – живым. «Стой! Стрелять буду!» – называется. Ну попугая ару научили, и он фрицев из-за кустов до смерти пугал русским партизанским басом.

И еще кое-что непечатное добавлял.

Насчет непечатного Лесников наверняка с атаманшиной подачи додумался. С ее появлением книжка вообще веселее пошла. И в том смысле, что быстрее, и в том, что веселее. Настолько веселее, что попугаи ара матюкаться на немцев стали, что «Детгиз», правда, не пропустил: не те еще времена были.

Вот вам Воронин во всей красе: даже на качество художественной литературы, а не только на деятельность солдатских мочевыделительных путей положительно повлиять сумел!

* * *

Вторая история еще круче.

Война в свое время впиталась в самые поры Сталинграда-Волгограда и выходила из него с трудом, десятилетиями – так оживают, наверное, отравленные газами. Типичная картинка. Подходя однажды к дому-новостройке, в котором ему дали квартиру, Сергей увидел, что ватага ребятишек возится со странным предметом. Подошел ближе, взял в руки: оказалось, снаряд семидесятидвухмиллиметровой пушки с вывинченным взрывателем. Дело, судя по всему, обстояло так. Рыли строители котлован, вывернули экскаватором или бульдозером эту самую хреновину, выкрутили из нее запал – дело-то привычное – и, не связываясь с милицией-полицией, дабы не накликать себе лишних хлопот, выкинули ее в сторону. Чтобы под ногами не мешалась. Ну а кто же не знает: все, что мешается под ногами у взрослых, рано или поздно оказывается в руках у братьев наших меньших. И уж для них-то, будьте спокойны, обузой не окажется. В самый раз вмиг приспособят под свои маленькие повседневные нужды, как будто вся их предыдущая мешкотня и была нацелена исключительно на поиск этой самой штуковины. И чем она опаснее, тем она им нужнее. Ну прямо позарез необходима – и даже самые примерные из них, пионеры из пионеров и октябрята из октябрят (а февралята, стало быть, были бы из февралят?) тоже, как и их старшие братья по разуму, не в милицию и даже не в металлолом свою находку волокут, а прямо на испытания: в костер, как Жанну д'Арк, или в тотальную разборку собственными шустрými ручонками. Будущие Кулибины и Резерфорды, а не только бульдозеристы и экскаваторщики, особенно, когда паленым пахнут.

Пришлось Сереге самому выступить в роли старшего пионервожатого: вызвать по телефону-автомату милицию и, отогнав юных кладоискателей на более или менее приличное расстояние, ждать ее, усевшись на собственный «дипломат» – то было время, когда его выдерживали и такие конструкции, а не только испытанные топтыгинские кресла, в которые с опаской въезжает он сейчас.

Сергей сторожил снаряд, а пионеры-октябрята, потихонечку, елозя задницами, подвигались к нему, стерегли его самого: чтоб не спер часом их находку, а во-вторых, вдруг обезвреживать, взрывать станут прямо на их глазах? Ка-ак жажнет! Без них же вода не освятится...

Чтоб не забыть. Панельный многоэтажный дом стоял вдоль нитки железной дороги. Днем она бывала пустынна: лишь изредка в сторону тракторного завода проходили по ней нефтеналивные железнодорожные цистерны. Зато ночью, особенно под утро, земля, включая панельный дом на ней, содрогалась окрест: с тракторного, накрытые брезентовыми чехлами, вывозили на платформах танки. Наверное, с таким вот лязгом и тяжким подземным рокотом проходили по стране в гражданскую бронепоезда, укутанные, как медсестры, до щелочек глаз броней величавого целомудрия. Дети просыпались и начинали, вздрагивая в такт дому, скулить – тоже, наверное, как в гражданскую.

Что возят с тракторного поезда сейчас? Воздух?

Между домом и линией находилась еще крошечная картонажная фабрика. Притулилась к насыпи и была с нею почти заподлицо. Квартира у Сергея располагалась на девятом этаже, все окна выходили на железку, а стало быть, и на фабричку, и Сергей, сидя за письменным столом, любил, отвлекаясь от очередного текста, разглядывать ее внутреннюю жизнь, благо все было как на ладони. Жизнь тоже была маленькая, поскольку на фабрике работали лилипуты. Дополнительно сплюснутые с высоты Серегоного обзора, бегали они короткими муравьиными шажками по двору то порожняком, то перетаскивая на закорках, как носят детей, пустые картонные коробки, которые казались огромными по сравнению с их собственными муравьиными масштабами. Трудись лилипуты в цирке, где их и видел когда-то в детстве Сергей, самый простой трюк наверняка бы заключался в следующем: дно у коробки раскрылось, раззявилось, и она накрыла своего носильщика с головы до пят. Съела. Поднимут потом коробку два могучих униформиста, а мелкого и след простыл. Под праздники, под первое мая или седьмое ноября некоторые экземпляры становились еще мельче, ибо выходили из фабричных ворот не только с помощью ног, но и задействовав частично короткие мускулистые руки. Не только людям, но и маленьким людям ничто человеческое не чуждо, к тому же большие и маленькие, судя по всему, пьют из одинаковых стаканов – какой же дурак возьмет в руки посудину мельче самого себя, своей человеческой утробки?

Здесь, как понял Сергей, было много супружеских пар: они вместе, взявшись за руки, входили утром на фабричку, а вечером тем же нежным манером, как будто не картонные коробки клеили и таскали весь день, а любовь изливали друг в дружку, выходили из ее ворот. Но случались и такие, что к воротам с работы шли в обнимку, а за воротами, на улице, хотя какая уж тут улица – между насыпью и унылой линией бетонных многоэтажек, – враз отпускали друг друга и, повесив головы, шли в разные концы. Значит, не совсем супружеские. Супруги, да не те. Не тех. Эти, может, и изливали, пользуясь несовершенством производственного процесса, а то и его частичной автоматизацией: фабричка маленькая, но и на ней маленькому человеку найдется укромное местечко для его маленьких, коротких нужд и радостей.

Сергей был надомником, за исключением тех дней, когда выезжал на старенькой «двадцать первой» «Волге» с шофером-казакон Витей Дородниковым, что холил ее, как больную кобылу, в командировки – и с высоты своего длительного и необременительного обзора сам себе напоминал какого-нибудь энтомолога с лупой, разглядывающего в траве чужую подспудную жизнь.

Жизнь была не просто маленькой, она была почему-то еще и печальной. Или казалась таковой – даже под праздники. Вивариум маленьких человечков, один директор тут был полнорослым, рыкающим, сразу узнаваемым – в ничтожном своем окружении, обрамлении он сам себе казался еще выше и больше: в ворота входил, пригибаясь, хотя там еще и запас, просвет порядочный был. Есть такой надменный хозяйский пригиб: пригнуться, чтоб зыркнуть. От этого хозяйского зыркания мелочь разлеталась брызгами – не просто по своим рабочим местам, но еще и под них, тоже с пригибом, отнюдь не хозяйским, а насекомным, почти, замирая, охладевая, под плинтус. До летаргии, до самоисчезновения. Сергей, честно говоря, не любил цирк, детей водил туда через силу: ему жаль было и примученных, как бы анестезированных зверей и таких же, анестезированных лили-

путов. Впоследствии, уже в Москве, он неожиданно – дети, обожавшие цирк, тому причиной – подружился с одним из них, только цирковым, с крошечным татаринцом Равилем. Равиль выступал в паре с клоуном, похожим на директора картонажной фабрики, и у него была роль – удесятерять силы этого и без того немаленького своего партнера. Скажем, если тот загнутой, острой и длинной, как санный полоз, туфлей давал ему под зад, то Равиль должен был метра на полтора подлететь вверх, а потом еще, загибая пятернями чадный цирковой воздух, изменить направление полета: горизонтально, вдоль сцены. Вот так! Подчиненные всегда усиливают начальников – даже если те полные импотенты.

Зал ржал. У Серегиных девчушек от смеха слезы на ресницах повисали: они и упростили познакомиться с дядей-мячиком. А кто же откажет, если за кулисы, небрежно козырнув удостоверением, зайдет с двумя детьми корреспондент «Комсомольской правды»? Кто же устоит – даже если и не мячик? А прирожденные директора тем более.

Равиль маленький, корявенький, но руки-ноги у него скручены, спрятаны не из теста, а из металлической дратвы – структура их и придавала ему эту жилистую корявость. Не исключено, что он и в самом деле сильнее своего «директора». Сергей сдружился с обоими. Пока «директор», который и впрямь был в этой паре начальником, водил его детвору по закулисам, позволяя потрогать слона за хобот и посмотреть льву в глаза, что, по его уверенью, обеспечивает женщинам красоту и власть – Серегины погодки, воодушевленные своими амбициозными ожиданиями вперялись через решетку бедной анестезированной зверюге в осоловелые желтые и увеличительно-кошачьи и были страшно недовольны, когда та, по-кошачьи же, окончательно зажмурировала их и издавала ленивый престарелый храп – Сергей с Равилем все это время потихонечку выпивали. Равиль вынимал из тумбочки в своей «артистической» поллитровку, открывал, вставляя ее, как монокль или как пиратскую подзорную трубу, в глаз – что удивительно, и глаз его желтый, в крупную татарскую крапинку, чайнику – вон куда впериваться надо бы! – оставался целым, и шейка у поллитровки не страдала, не отколупывалась: из нее по-прежнему стрелять можно было. И уж, конечно, ни грамма на его белоснежную манишку – в том и шарм был, что поджопник давали такому херувимчику, сценическому пай-мальчику из самой что ни на есть расположительной семьи – не проливалось. Не пропадало втуне – все шло в стаканы, которые, уравновешенные двумя пожилыми огурцами, выставлялись все из той же весьма артистической тумбочки. Стаканы, черт возьми, действительно на вырост – на третий уже не хватало!

Если б Равиль и на сцене показывал этот фокус-покус – откупоривание бутылки глазом, веком, ресницами, то оваций ему доставалось бы еще больше, чем за умелое преобразование директорского поджопника во взлет и посадку. По крайней мере, Сергей невольно зажмурился, когда лилипут, как адмирал Нельсон, встроил поллитровку горлышком себе в глаз и нарочито тужился, словно открытие предполагалось противолежащим органом. Зажмуривался Сергей даже не от страха пролития, чего, зная Равиля, даже предположить было невозможно, а исключительно рефлексивно, что и требуется в цирке в первую очередь.

Когда Равиль бывал в особом ударе, он сопровождал откупоривание звучным псевдонежданчиком, который просто невозможно было отличить от

настоящего, всамделишного – разве что без запаха.

Представляете, какой бы оглушительный эффект имел этот трюк на посыпанной пропахшими аммиаком и миазмами опилками сцене?

Сергей, уже имевший к тому времени персональную московскую «Волгу», иногда развозил своих новых знакомых по домам. У Равиля не росла борода, но он обладал законной дебелой женой весьма внушительного роста. Равиль просил Сергея сопровождать его до пункта назначения, чтобы смикшировать семейную сцену, которая, как известно, крайних высот в таких случаях достигает именно в первые свои минуты. Законная обычно ждала его посреди комнаты, сидя на табурете, венский стул мог ее не выдержать, настолько дебая. Безошибочно попав в замочную скважину, открыв дверь, Равиль, не разуваясь-раздеваясь, детскими трогательными шажками шел прямо к цели. И неизменно попадал в нее. Стянувши все-таки предварительно картуз, покаянно утыкался рыжей и вихрастой головой в арбузно-упругий живот законной своей и всхлипывал. Два теплых величественных сугроба накрывали его без остатка. Похоже, Равиль изливал слезу туда, в ту безошибочно выцеленную им замочную скважину, куда обычно изливают любовь. Были его слезы настоящими или тоже эрзац, псевдо? Во всяком случае, когда оборачивался, чтобы окончательно попрощаться с Сергеем, глаза его влажно блеснули. Супружница же, не вставая с места, в зависимости от настроения, величаво посылала Сергею две разновидности жестов. Один, если настроение миловать, – в сторону кухни, где ударника сцены ждал ужин, другой, если настроение было казнить, – в сторону двери: вон!

Если в сторону входной-выходной двери, глаза у обернувшейся вслед за жениным перстом маленькой бестии блеснули особенно влажно и лукаво.

Дети выросли, и Сергей потерял циркачей. К тому же, как позже выяснилось, с началом новых времен они уехали в Германию. Равиль подрабатывал там в гаштетах. Каждый посетитель мог пнуть карлика под зад – он умудрялся еще и перевернуться в воздухе, потом по-солдатски развернуться «кру-гом!» и, по-военному же приложив ладошку к виску, встать перед «обидчиком» как лист перед травой.

Иногда, если норма бывала заступлена, Равиль задира ладонь не к виску, по-советски, а вперед и вверх:

– Хайль!

Гаштет отвечал дружным ржаньем: что с него возьмешь: лилипут да еще и русский!

Жена теперь предпочитала ждать его не дома, а непосредственно на его рабочем месте, в гаштете: за граница как-никак. Господа хорошие и к ней подсаживались и, видимо, не с пустыми стаканами – по возвращении домой, в новую Россию, все у них в семье перевернулось: пьет теперь жена, а Равиль в рот не берет. Летит теперь к ней после работы на постаревших своих кривеньких ножках, как к малому неразумному дитяти. Был он ее сыном, стала она теперь его неблагополучной, хотя во-он какая теперь, со стаканчиком, гора, дочерью. Бутылки, захоронки ее ищет и в унитаз сливает.

Партнер же его стал юристом, чиновником, большим человеком, в галстук ходит. Какую маску себе приклеишь, та потом и прирастет. Собственно говоря, он, удачливый директор, и рассказал Сергею много лет спустя, как сложилась впоследствии жизнь не только у него, но и у Малыша, как он всегда и звал Равиля.

«Малыш» – это и было всегда его сценическое имя, а не только амплуа.

Цирк на колесах – вся наша жизнь.

У Равильевского партнера глаза как глаза. А вот у Юрия Никулина, которого с течением времени довелось поближе узнать Сергею, они были, как у лилипута. И роста нормального – вон на фронте даже в батальонной разведке служил – и директор, а глаза все равно, как у льва в загоне. То есть – как у Равиля. Не рыкающие. Загон циркового круга – собственно, картонажная фабричка под Серегиными волгоградскими окнами и была таким кругом. Только директор там был явно не Юрий Никулин – выпадал из круга. В цирке можно быть слоном, а можно лилипутом – цвет, выражение глаз от этого не меняются.

Сергею даже в голову не приходило написать в «Комсомолку» об этой картонажной фабрике, благо что и командировки, расходов никаких не требовалось: сиди и строчи, не сходя с рабочего места. Что вы! Вокруг полно было куда более достойных тем. Прямо дуром перли на перьевую удочку: макни в чернильницу – и вот она, очередная поэма о кирпиче. И все равно: о чем бы ни писал Сергей из Волгограда, заметки его всегда чуть-чуть горчи́ли. Не был он записным комсомольским публицистом-оптимистом. Может, потому и отмечали его на редакционных летучках, стенограммы которых с опозданием, но доходили и до корпунктов на местах: дескать, в соборовском периферийном корпусе появилось п е р о.

Окунал в чернильницу, а окуналось и на девять этажей ниже: в кружочек лилипутской картонажной фабрички. Интонация маленькой жизни, ингредиент печали в которой, наверное, уже в силу ее суженных размеров, орбит, концентрированнее, чем в большой, проступала, как пот, в лучших его материалах – возможно, Воронин способен был понять, почувствовать и это. Журналисты, разумеется, интересуются исключительно большими людьми, а вот литература, особенно большая, всходит на маленьких. Литература влекла Сергея больше, чем журналистика, даже столичная, и жизнь маленького человека всегда казалась ему загадочнее – может, потому что всегда ближе к смерти, ведь чем ближе к земле, тем ближе к смерти? – и щемящей: почти как своя собственная...

* * *

Еще больше «следов войны» было вокруг самого Волгограда. Лета не проходило, чтобы не взрывались: дети, выволакивающие оружие и боеприпасы из старых окопов, механизаторы, обрабатывающие и убирающие поля. «Солдатское поле» – назывался очерк, который написал, продиктовал в «Комсомолку» Сергей: о том, как сыновья солдат Большой Войны убирают поля, где проходили самые кровопролитные бои Сталинградской битвы. Коснулся и проблемы гибнущей детворы да и взрослых, необходимости тщательной, а не наспех, как сразу после войны, «зачистки» мест бывлых сражений, которые вообще-то никто, кроме самой жизни, толком никогда и не разминировал. Рассказал в этом очерке и о поле, которое с войны не возделывалось. Оно лежит неподалеку от поселков Ерзовка и Гумрак, вдоль и поперек изборождено старыми, осыпающимися, забитыми бурьяном и полынью окопами и буквально наспиговано взрывчаткой. Его показали ему местные комсомольцы, сами вчерашние солдатики, убравшие хлеба на соседних массивах. Каждую весну

сюда пытаются загнать трактор, но он движется до первого взрыва. Рванет – слава Богу, если тракторист не покалечится – и застрял, уткнувшись носом в очередную затравенную рытвину. По его же следам вытаскивают калек, очередного инвалида Сталинградской битвы, другим трактором. И так до следующей весны, пока опять под давлением сверху насчет расширения пахотного клина не вспомнят об этом злополучном куске земли. Судя по всему, бои тут шли позиционные, окопные, поле не раз переходило из рук в руки, видать, и врукопашную сходились тут: и целые и гнутые, проломленные, будто схватка шла на топорах, русские и немецкие каски валялись вперемешку.

Похоронных команд в Советской Армии во времена Сталинградской битвы еще не было, их ввели только в сорок четвертом году, под большие генеральные наступления – во времена больших отступлений погибших преимущественно и закапывала сама жизнь. Много лет спустя, уже в новом времени, Сергей Гусев побывал в окрестностях Старой Руссы и в ней самой. Молодежные отряды поисковиков, современных солдатских следопытов вынимали с предосторожностями, с какими выбирают корешки пересаживаемого дерева, извлекали из лесного дерна и болотистых торфяников солдатские кости. Попадались и куски ткани, и совершенно нетронутые тленом кирзачи, и даже фрагменты человеческих тел: русские болота с их затрудненным газообменным дыханием, оказывается, хорошо приспособлены для многолетнего сбережения не обремененных салом солдатских тел времен великих отступлений или заваливания противника собственными трупами, точнее – трупами собственных солдат, что всегда и везде, не только в России, именовалось своей противоположностью: позиционными наступательными боями.

Сперва мучительно и бесконечно – взад, потом, пердячим же паром, еще мучительнее – отудова.

А всего лучше, оказывается, наша лесная болотистая сторона приспособлена для сохранения бумаги и карандаша. Даже не оружия, хотя некоторые экземпляры его в привычных «следопытских» руках, еще не прокашлявшись от грязи, с первого выстрела попадали в десятку – в бутылку то есть. Бумага и карандаш – на ней. Денег солдат отродясь не видывал, а вот четвертушка бумаги с накарябанными словами к нему ли, от него ли – не успел отправить – имелась у каждого.

Смертных завинчивающихся капсул, в которые каждый должен был вставить полосочку бумаги со своими «данными» – год рождения, место и время призыва и т. д. – русский солдат не любил: дурная примета на самого себя заполнять «смертную». Капсулы почти сплошь пустые: среди полых костей полая, свинчивающаяся из двух половинок пулька. А вот письма сохранились – по ним и доискивают солдату имя, фамилию, а если повезет, – и все остальное.

Особенно – написанные карандашом. Чернила выцветают, эти же крошечные «рукописи» действительно не только не тлеют, но и не тускнеют. Буковки торчат как новенькие, может, потому, что тускнению не подвержено обозначенное ими. Земля знает, что хранить – сродственное ей самой: односложное, земляное, смертное.

Нынешние борзописцы гнутся над компьютерами, а надо бы, ежели для вечности – карандашным огрызочком, огузочком, скрип да скрип – до следующего тысячелетия, глядишь, и доскрипишь.

Побывав на нескольких местах перезахоронения, Сергей ужаснулся коли-

честву гробов. Их, грубоструганых, элементарных, как лодки-долбленки, не десятки, не сотни – тысячи. И это – результат только одного летнего сезона работы солдатских археологов. Подготовленные к перезахоронению гробы стояли не просто рядами, а еще и штабелями и даже пирамидами. Братские могилы под них выкопаны экскаваторами. Гробы к этим свежим, вензелями, чтобы полнее использовать косоугольную геометрию выделенных под – так и хочется сказать «застройку» участков, траншеям молодежь несла не по четверо, как принято, а по двое: солдатские кости легки, как птичьи. Старая Русса даже ропщет потихонечку: кладбище в центре городка разрастается и разрастается, хотя своих, сегодняшних, здесь уже не хоронят – несут за город. Центр города снова, повторно занимают ветераны Волховского фронта. Теперь это им удается куда легче, чем при жизни: их вносят сюда на руках.

Как бы ни были изощрены «следопыты» в определении «своих» и «чужих» – надо учитывать, что у немцев-то похоронные команды были изначально, – а вместе с победителями в Старую Руссу наверняка просачиваются и побежденные. В местном музее даже есть предсмертное письмо одного немца, пришедшее из ФРГ. Престарелый захватчик письменно просит прощения у жителей древнего города, в котором был когда-то юнцом, гнил в обнимку с нержавеющей «шмайссером», и возвращает вывезенный отсюда, из музея же, старинный меч: письмо на нем, на старинном мече, и лежит под стеклом.

Братание скелетов.

Какое там перезахоронение! – большинство из них хоронят в первый раз. Высаживают – как сажают у дома молодую черемуху, принесенную из леса. Их и переносят – из лесов-болот-степей – поближе к человеческому жилью. Доисторических черепков в русской земле меньше, чем этих костей – тоже теперь доисторических.

Когда немцы отступили от Сталинграда, окрестные колхозники по строгой разнарядке полгода свозили на санях и телегах трупы с этих вот полей к братским могилам. Возчики, преимущественно возницы и подростки-ездовые, и сами нередко оставались в этих же полях или возвращались с них калеками. Разумеется, надо учитывать нехватку гужевого тягла, понесшего потери, сопоставимые с человеческими, к тому же ни одна кобыла не дотягивала до одной полновесной лошадиной силы, и только вожжи подчас удерживали ее в стоячем положении – впрочем, то же самое касалось нередко и возчиков: с ними с вожжи, ярмо, поклажу – и с ног долой. И все же. Полгода свозки трупов – еще одна и, может, самая всеобъемлющая единица измерения наших побед.

Когда говорим «германская военная машина», подразумеваем действительно машинерию... Когда же говорим «советская военная машина», понимаем совсем другое: машинное отношение к людям. Правда, такого машинного, как сейчас, уверен, и в войну не было.

Солдатские археологи подвижны, вероятно, не только христианскими чувствами. Два дня назад прочитал в газете, что очередное заказное убийство в Москве было совершено из нагана времен второй мировой, причем стрелявший, киллер, наймит проживает в деревне под Великим Новгородом – то есть в районе все той же зловещей, где и болотная вода – только ли и от торфа? – цвета спитой человеческой крови, линии Мясной Бор – Старая Русса.

Так что же? – дожидаться теперь других, совсем уж новых, которые бу-

дут искать исключительно железо, а человеческие кости воспринимать как досадное сопутствующее обременение к коллекционному оружию?

Слава Богу, хоть эти еще есть, не перевелись, не ринулись поголовно в коммерцию.

«Его зарыли в шар земной...» – на полторы штыковых лопаты...

Местные парни и провели Сергея по этому полю. Видимо, с детства еще шныряли здесь, своими же мальчишескими тропками и вели, потому как не оторвало Сергею ни ноги, ни руки. Что было бы не удивительно: глаза на лоб лезли от обилия железа вокруг. В одном месте, в ложбинке, рядом с проржавевшей каской и горстью выбеленных костей, из которых уже известку варить можно, нашли офицерский медальон, капсулу. Открыли – внутри многократно в трубочку свернутая папиросная бумажка с карандашным текстом. Оказывается, не только болото, но и степь хорошо хранит последние и потому самые простые человеческие слова. Впрочем, в данном случае не совсем уж простые. Это была записка, адресованная маленькой дочери, в которой отец описывал ей цветок, сорняк, росший на краю окопа. Осень, цветок измочален, но все равно его синие, твердые, вощеные лепестки – «как твои глазки...». Офицер, очевидно, с дальней лесной стороны и называет цветок васильком, а на самом деле это скорее всего был бессмертник: уже судя по тому, как цеплялся за жизнь. «Артналет пройдет, выгляну – он стоит на своем месте, и мне спокойнее». Юный офицер еще помнил, наверное, Хаджи Мурата: записка сентиментальная и вместе с тем, как и все они на войне, вещая. Просит девочку расти такой же сильной, смелой, красивой и нежно любить мать – если придется, и за него.

Не только жилистые бессмертники, но и васильки часто переживают окопавшихся среди них солдат.

Это ли поле описывал скрючившийся в окопе лейтенант, другое ли описал и, видимо, не чуждый литературных попользований, сунул самокруткой в смертную свою капсулу – и так и носил, согревая на груди свои же красивые слова? Наверное, это. Бессмертников тут море. Идешь, а они тебе дорогу заступают, как вилы, высунутые кем-то изнутри. Колючие, когтистые, на ветру даже не шелестят, не шуршат, а скрипят. А если в штанину вцепятся, то следующий шаг уже рискуешь сделать без штанов. Что им артобстрелы? – их разве что химией, химической атакой припугнуть. Сияют – соцветия, рефлекторы их вправлены не в чашечки, а в крошечные костяные шлемы с серыми, острыми миниатюрными шипами. Цветок-солдат, русский полупустынный бедуин.

Вешки, синие-синие, до ломоты в глазах, бакены, обозначающие на поверхности местоположение тех, других, пережитых, бесчисленных и, как выяснилось, не бессмертных, голубоглазых и не очень, что до срока истлели в этой полупустынной земле, так и не насытив ее.

Артобстрел прошел, но он в очередной раз на бруствер не выглянул.

...И о лейтенантике написал и записочку привел полностью – у него самого подрастала, подгоняемая ветерком, первая дочечка.

Очерк расхвалили, Сергея премировали творческой поездкой в Ленинград – он и рванул туда с дочкой на коленках.

Но круче всех развернул ситуацию Воронин.

Сказал речь на пленуме ЦК комсомола, назвал выступление «Комсомольской правды» (именно «выступление» почему-то) блистательным, что само по себе уже было новостью: обычно п е р в ы е на своих комсомольских хурах

«Комсомолку» не хвалили, здесь в традиции был вооруженный нейтралитет. Обратился в Министерство обороны с просьбой поддержать газету и организовать тщательное разминирование полей Сталинградской битвы, и этого конкретного поля в частности. Сообщил, что волгоградский комсомол берет над ним шефство: вспашет, засеет, будет проводить тут конкурсы юных земледельцев, селекционеров (бессмертники и впрямь были селекционными!) и установят мемориал под названием «Солдатское поле».

И, забегаю вперед, установил-таки, черт возьми! И даже в авторы мемориала зазвал не абы кого, а лауреата Ленинской премии, скульптора и архитектора, возводившего когда-то мемориальный комплекс в Хатыни.

Как зазвал, пожалуй, понятно – исключительно раками. Лучших раков, чем в Волгоградском Заволжье, на этом свете нету (а на том и подавно). Сам знаменитый дирижер Силантьев, большой, вальяжный, княжеского покроя, по лукавому гостеприимству Воронина частенько наезжал сюда с концертами и даже без них, требуя оплаты исключительно зелеными, то есть – живыми.

– Красных мы и в Москве достанем! – говаривал у ночного костра.

Серегин очерк Воронин дописал: резолюциями, постановлениями, куличенковским к себе благоволением, звонками по «вэчэ». Прекрасное дополнение получилось: как вторая часть «Мертвых душ»! В огне не горит и в воде не тонет. Сергей и сам участвовал, вынужден был участвовать в коллективном дописывании своего опуса. Делал репортаж о разминировании Солдатского поля. И попробовал бы не сделать: его вытолкали из Москвы распоряжением главного редактора «осветить» работу саперов на Солдатском поле – название очерка стало, черт подери, географическим наименованием!

Очерк зажил своею жизнью, и Сергей даже получал от этой чужой жизни серьезные дивиденды. Скажем, прежде чем вытолкать из Москвы на разминирование, его в эту самую Москву, тоже, как на минное поле, втолкнули. Перевели с повышением из собкоров в заведующие отделом – так Воронин исполнил, практически за него самого, его первую мечту.

Год спустя в один из своих приездов в Волгоград из Москвы уже вполне столичной штучкой, Сергей увидел не только чистое колосющееся поле (бессмертники все равно не сдались: среди медовой матовой желтизны то здесь, то там выстреливало автогенно синим, легированным), но и обнесенный чугунной решеткой мемориальный комплекс в его начале. Скульптор Левин внимательно прочитал его очерк. Тут был и лейтенант, строчащий что-то на колене, и трогательная девочка с чугунными, как у эллинки, но вполне голубыми глазами, и полный текст самой записки, отлитый на манер Петровских указов, свитком свисал с пьедестала. И даже цветок нарисован, вылеплен внизу, в углу, где обычно ставят гербовые печати. И груда искореженного металла, пустых, обезвреженных снарядных гильз, бомбовых и минометных корпусов выложена, выстроена кверху неким ракетным шлейфом. И отполированные, сверкающие почти синим, почти васильковым, громадные лемехи по углам ограды.

В общем, поэма «Медный взадник».

«Солдатское поле», – прочитал Сергей на внушительной чугунной же плите, прикрепленной к ограде. Так он впервые в жизни увидел собственные слова, пусть хотя бы одно название, отлитые в металле. Пускай пока не в бронзе, но все-таки – в чугуне. Начало положено.

Воронин сделал Сергея знаменитым. Пускай временно, пускай регионально и все-таки – знаменитым. Очерк рекомендовали для изучения на факультете журналистики, а само Солдатское поле обозначили на картах области и вписали, наряду с Мамаевым курганом, в экскурсионные маршруты, благо вокруг памятника разбили небольшой парк, поставили скамейки, где туристы могли не только культурно отдохнуть, но и культурно выпить и даже закусить.

И на каждой экскурсии экскурсоводы благодарно и пафосно вспоминали как отца-основателя имя Сергея Гусева, хотя по-хорошему вспоминать надо было Воронина.

* * *

Поле разминировали довольно долго, и Сергей несколько дней действительно прожил среди солдат-минеров. В их брезентовой палатке, которую они установили там, где впоследствии возник мемориал. Солдатами командовал лейтенант, юное существо, отпрашивавшееся по вечерам у подчиненных на танцы. Отпрашиваться ему приходилось в основном у Сергея, который, вспомнив свое армейское прошлое, добровольно взял на себя старшинство в их крохотной команде – да он и был здесь старше всех по возрасту. И не только по возрасту: с переходом в «Комсомольскую правду» военкомат произвел его заочно в старшие лейтенанты. Вот уж действительно: солдат спит, а служба идет.

Разыскал Сергей и совхозных парней, с которыми первый раз обшаривал поле. Они оказались очень кстати – наперечет знали все опасные места здесь.

Солдаты с миноискателями выстраивались вереницею и медленно, полшагом двигались по полю, как косцы в сенокос. И абсолютно молча: опустив головы и настороженно вслушиваясь в зуммеры наушников. Окруженные, укутанные тишиной, как туманом. Сергей, пользуясь положением, и сам походил с миноискателем. В наушниках гудело почти безостановочно. Снаряды и мины, вылущенные из земли с еще большими предосторожностями, чем человеческие кости, и пышно припудренные ржавчиной, сносили, как спящих грудничков, к оврагу. Если попадались неразорвавшиеся бомбы, из них пытались на месте выдернуть детонаторы и уже в этом, более безопасном виде на военном вездеходе «ГАЗ-66» перевезти туда же, в овраг. Если взрыватель не поддавался, оказывался намертво «приваренным» временем к корпусу, бомбу нежно, словно отравленного ядом покойника, на вытянутых руках поднимали в тот же грузовичок с опущенными бортами, укладывали, не дыша, в ящик с песком и действительно похоронным осторожным замедленным ходом везли к месту бурной кремации – к оврагу же. К команде и грузовику придан солдат-шофер, но лейтенант всякий раз, отодвигая его, садился за руль сам. За день каждый раз собиралась приличная кучка – можно подумать, что поработали добросовестные пионеры на сборе металлолома. Ближе к вечеру, когда и в окрестных полях затихали моторы, ее взрывали. Устанавливали «адскую машину», отходили в укрытие – то есть просто подальше от оврага, лейтенантик поворачивал ручку «динамо» и падал рядом ничком, по-мальчишески накрыв железную каску на голове еще и парой своих ладошек, и из оврага взмывал короткий высверк, окаймленный черным сажистым облачком – вроде как покойник громко выдохнул – и предваряемый глухим и скорее подземным, нежели металлическим, рокотом.

И едкий запах тротила, горелого железа доносился через минуту до укрывшихся.

Честно говоря, сам взрыв не выглядел зловеще – скорее пиротехническим. Но змеи из оврага исчезли до единой. И только один раз, показалось Сергею, над ним свистнуло – он это услышал не ухом, а шкурой.

– Ббах! – звучал сигнал «отбой», и лейтенант, ни минуты не мешкая, торопился к палатке мыться и переодеваться из полевой формы в парадную, которую заботливо возил с собой, словно готовился в степи к встрече с главнокомандующим. Пора на танцы! Что уж за красотки его там ждали, но он даже от ужина отказывался – в предвкушении, видать, других разносолов.

Много лет спустя, в октябре 93-го, его убьют в Белом доме. Под Сталинградом, черт возьми, не взяло, а в центре Москвы достало. Лейтенанта, ставшего к тому времени полковником и отказавшегося выходить черным ходом вслед за своими начальниками с задранными руками на милость победителей.

Вот и скажи после этого, что Москва – не главное минное поле России.

Жена, выловленная-таки в Волгограде, куда лейтенантик уезжал, сбегал с Солдатского поля, сам за рулем, все на том же универсальном «ГАЗ-66», осталась вдовой.

...Момент взрыва пацанва предчувствовала так же, как предчувствуют любые взрывы и четвероногие друзья человечества. Вроде минуту назад еще никого не было, а только-только возьмется лейтенантик за свою дьявольскую эбонитовую ручку – они тут как тут, уже у флажков. И погнать их никак невозможно – во-первых, приходят, объявляются, как из-под земли выросли, а во-вторых, не с пустыми руками. Сало-млеко-яйки – в общем, все, что в свое время безуспешно, потому как уже не единожды было выграблено отступавшими-наступавшими, требовали захватчики, приносили добровольно с в о и м.

И лейтенант только рукой назад яростно, по-чапаевски махнет:

– Ложись!

И пацанва, благоразумно выставив узелки вперед, моментально, как подкошенная, валилась на траву рядом с солдатыками.

Как же их гнать? – лейтенанту тоже перепало: свой узелок, чтоб лучше плясалось, он, торопясь после мытья и переодевания, брал с собой в машину. А Сергей с солдатами разводил потом возле палатки костерок, они, не торопясь, ужинали, облагораживая тушенку едва ли не военных лет дарами труженников тыла, а потом просто сидели, курили, болтали, тепло и тесно окаймленные никак не остывающей после дневной беготни деревенской ребятней.

Мылись, между прочим, в родничке, журчавшем по дну того самого забитого терновником оврага – откуда и достоверные сведения о змеях.

Как понял Сергей, часть собранного и обезвреженного минерами железа и пошла потом на «аксессуары» мемориала. Пирамида гильз и стальных корпусов, символизирующая, видимо, «апофеоз войны» и сооруженная с помощью электросварки в центре мемориала, происходила, несомненно, из близлежащего оврага. Далеко ходить не надо было – состояла из подручного материала.

В комплекс входит и братская могила. Миноискатели на черепа и кости не реагировали. Но собрано их «попутно» немало: и солдатами, и помогавшими

им местными парнями, и, конечно же, вездесущей пацанвой – как же без нее вода освятится? Все их, не разбирая, где чьи, сносили в одно место – собственно, мемориал и начался с братской могилы. В этой братской могиле же похоронили и кости, среди которых нашли записочку к дочери, чьи глаза – «как васильки» (видимо, этим сравнением и продиктован был выбор названия, на котором остановился начитанный младший офицер). Так что юный отец присутствует здесь в двух ипостасях: сотлевшей горстью кальция и бравой несокрушимостью чугуна. Могила действительно получилась братская: немцев, которые зачастили сейчас в Волгоград, обязательно привозят и сюда. Не исключено, что и юный советский лейтенант лежит там, внизу, в обнимку с врагом, с которым на этом же поле сошелся в последней рукопашной.

Чугунному, ему, может, и одиноко, а вот тленному – нескучно, есть с кем побеседовать на тему большой мировой политики.

Волгоградские комсомольцы по команде Воронина и дочку его нашли, и она приезжала на открытие мемориала, взрослая, молодая, красивая – глаза действительно, как васильки, но на сей раз надо бы написать еще красивее: как «заплаканные васильки»: не только у нее, но и у крохи, которую она держала на руках. Свою ровесницу – из сорок третьего: лейтенант мог бы строчить под копирку.

Лейтенантские косточки, наверное, встрепнулись от счастья: свиделись. И многие другие, неузнанные, тоже, наверное, повставали в могиле на цыпочки: а вдруг? Причем не только «свои», но и «чужие»: а вдруг?

По нынешним временам, правда, жителям Германии добраться до Солдатского поля легче, чем жителям какого-нибудь русского Верхнепупинска. Победителям – в кавычках.

Кого бы надо по-хорошему еще положить в ту братскую могилу, так это второго лейтенанта, командира саперной команды, так несвоевременно ставшего полковником. Тогда был бы полный комплект. Они бы там вторично свиделись. Два победителя – им, уверен, было бы о чем поговорить друг с другом.

Много позже и совершенно случайно Сергей узнал, что после эпопеи с Солдатским полем Воронину тоже засветила Москва – ему предложили должность секретаря ЦК комсомола по военно-патриотической работе. Воронин отказался. Неслабая разница между ними: Сергей рванул, как только пальчиком поманили, Воронин ответил «нет» – и это при том, что комсомол, как правило, на все восторженно твердит «да!»

Воронин метил не выше – глубже. В фундамент.

* * *

...Однажды этой дорогой Сергей уже проходил, проплывал.

У него вообще многое в жизни связано с Волгой – как и у большинства русских людей, родившихся в Европейской части Советского Союза и склонных к перемене мест: каждый из них хоть раз да Волгу переезжал-проплывал, хоть раз да обозначалась она, как цыганская карта, в его судьбе. Главная жила России, ток которой, приливное, шепелявое струенье крови которой достигает и до самых мелких и дальних капилляров – тех, что у нас на виске.

Проплывал в шестьдесят пятом – тридцать пять лет назад. Юным, тощим и полным сознания оконченности, краха жизни, что так не согласуется ни с первым, ни со вторым. Провалился на вступительных экзаменах на романо-германское отделение филфака МГУ – первый, профилирующий экзамен по не-

мецкому сдал на четверку, хотя как золотой медалист надеялся на пятерку – тогда все было бы о’кей, а дальше как-то не заладилось, и он, махнув рукой, не стал дожидаться конца испытаний: забрал документы и рванул из столицы вон. И что-то его надоумило – наверное, стесненность в деньгах – рвануть не просто к дядьке-речнику, потому как особо рвать ему, детдомовцу, было некуда, но и рвануть еще и самым дешевым тогда способом: вплавь. Долго-таки стоял перед расписанием движения теплоходов на Речном вокзале Москвы и тарифной сеткой, вывешенной рядом же, сопоставлял сетку с дырками в собственном кармане и все же принял окончательное и бесповоротное: плыть. Это напоминало бегство врангелевских войск из России. Правда, у тех много транспорта и в помине не было, а оказавшиеся под рукой пароходы оплачены были Антантой: халява, пли-ис!

Плавание обходилось дешевле всех других видов передвижения, потому что тариф полностью игнорировал пропитание. Плыть почти неделю, но Сергей питание тоже в расчет не принимал: кто же во времена юношеских трагедий думает о такой ерунде, как хлеб насущный? Сергей и не думал. На билет же денег ему хватало. В один конец: о других концах он тогда никакого представления не имел – будь как будет. Странное дело: в голодные годы мы меньше думаем о хлебе, нежели в сытые. Как будто в начале жизни лелеем душу, а потом уже прислушиваемся только к пузу. И холим его и потворствуем ему. Поэтому и жизнь делится строго надвое: на страдания души и на болезни тела. Живота. Если, конечно, дотягиваем до нее, до второй части, озабоченной лишь одним: уборочной массой, чтоб как можно больше ее, уборочной массы, уложили потом в силосные траншеи, опоясывающие землю вдоль и поперек. Как будто в загробной жизни человек живет, питается не плодами своего труда, памяти о себе, а, словно верблюд, исключительно плодами своего тела. Медведь укладывается на зиму в берлогу толстым и сытым, а выходит весной худым и злым. Отсюда вывод: даже в раю правят голод и злость.

Сергею стыдно было возвращаться в районку, которая торжественно, в складчину, как на выданье, провожала его в Москву, и он ринулся куда глаза глядят. Глаза и глянули: пристань Владимирова, что между Волгоградом и Астраханью, Владимирские затоны, где его дядька Митяй, тогда еще молодой и даже неженатый, осел после речного училища и армии судоремонтником. Взбрело в голову поменять профессию (которой, по-хорошему, еще и не было), раз и навсегда расстаться с беллетристикой: так свербил и горел еще пинок, полученный на Моховой – да, филфак тогда еще находился в центре Москвы, напротив Манежной площади, а не на Ленинских горах. Стану речником, речным, а там, глядишь, и морским, волком – одним из тех, о ком пишут, а не из тех, кто, сунув палец в рот, сам пишет. Вообще-то, Сергея в жизни не раз переезжало, но этот переезд был одним из самых унижительных: ему ампутировало достоинство. Самоуважение.

Стало быть, плыл он тогда, без малого сорок лет назад, налегке.

Теплоход был красавец, красавец серии «река – море». Трехпалубный, медный и золотой, божественно вылепленный, выпетый в один прием неким чудовищным басом, находящимся где-то за сценой, потому как сцена его не поместила бы. Весь еще в дрожании утробных голосовых связок, огней и перламутра, он выглядел, как чересчур дорогая брошь на скромной, впалой

груди Москвы-реки. Вот когда, пройдя лабиринт деревянных почернелых от старости и вечной сырости шлюзов, в которые его, едва помещавшегося, опускали и из которых поднимали, как коронованного пленника, проследовав стежечкой канала имени В.И. Ленина, столь же тесного для него, что и шлюзы, по каковой причине «идти» ему приходилось на цыпочках, по одной половине, чтоб не разворотить подбитые щебенкой пологие берега и не выплеснуть канал, как блюдце, через край, где-то к утру вышел он к Большой Волге, к Кимрам, а потом, снова к вечеру, вошел, въехал, вплыл царственно в изножье Рыбинского водохранилища, – вот тогда, наконец, он оказался на своем надлежащем месте.

Грудь подката богатырская, и, одевшись по периметру золотыми огнями, чтоб не потеряться окончательно, теплоход сразу канул в громадной пучине двух одновременно разверзшихся и одинаково мглистых вод: поздней предосенней ночи над ним и жадно соприкоснувшейся с нею бескрайней, бездонной, совершенно остановившейся в своем течении ночи под ним. Тысячесильные дизели теперь работали во всю мощь, усердным предельным содроганием своим, как и своим молитвенным шепотом, достигая не только самой верхней палубы, капитанской рубки, но и кончиков антенны на атавистических остатках, обрубках былых мачт, свергнутых новыми временами, но еще помнящих доисторический трепет крыл на плечах своих.

Раньше дрожь нисходила сверху, из поднебесья, теперь же бьет из нутра, и недоразвитые металлические, хромированные распятия, осеняющие современные корабли, дрожат, словно зажатые под горло властной рукой исполинского крестителя, вывернувшейся наперерез волнам не то из-под воды, не то уж из-под самой земли.

Двигатели напрягались вовсю, но возникло стойкое и неуютное ощущение, что теплоход если и не тонет, то и не движется совсем. Громада обступившей со всех сторон пресной воды со своими странными сырыми шорохами, запахами, в которых явственно проступают гниlostные оттенки, похолоданием до озноба – море, да не то. Не лучезарное. Федот, да не тот. Даже ночь на пресных морях крошечнее, чем на южных, соленых.

Неизвестно, пришел бы он так быстро в себя, если бы выбрал другой способ передвижения. Часами проводил время на верхней палубе, вглядываясь в женственно расступавшуюся перед ним Россию. Теплоход пассажирский, не туристический, но остановки делал во многих городах, больших и маленьких, пазушных, и Сергей охотно, налегке, поскольку голодный, сбегал на берег. Углич, Плес, Тетюши, не говоря уже о Ярославле и Казани, Горьком, Волгограде... – здесь «Клемент Готвальд» стоял часаами. До этого вынужденного путешествия Сергей толком ничего, кроме степи, в своей жизни и не видел. Да, он добрался из Буденновска до Москвы и даже пожил три недели в Москве: 34-й троллейбус каждое утро привозил его из общежития на проспект Маркса, в библиотеку, или на вступительные экзамены, а поздним вечером, полусонного, высаживал возле общежития. Вот и вся его Москва – по тридцать четвертому маршруту. Башка была забита зубрежкой, Москва в нее уже не помещалась. Сейчас же зубрежка вылетела, все вылетело и расчистилось. Волга начиналась у него с чистого листа. Катил его, как новорожденного – живая, большая, прохладная купель. Вливалась в него спокойно, широко и мерно. Со своими берегами, что к осени как бы посветлели, раздвинулись, набрались воздуха и света: природа словно вдохнула полной грудью и на миг придержала дыхание. С большими старинными города-

ми, в которые втекала она как главная улица, как хозяйка и, нежно омывая их своими излучинами, создавала впечатление, что они, отражаясь в ней своими крепостными стенами и печальными древними соборами, тоже составляют с нею единое целое. Плывут вместе с Волгой, осыпаясь в нее, как осыпался, растворился некогда в волжской воде, добавив ей горечи и меда, легендарный Итиль – город висячих садов и изысканных камышово-глинобитных дворцов. С деревнями и селами, с крохотными заштатными городишками, которые зрелым летом с теплоходов, наверное, и не видать, а сейчас, ближе к осени, они высунулись из-за поредевших куп, как высовываются после отлета птенцов даже самые укромные гнезда. Сейчас вон компания их несется на катере, а по берегам ни души, как в пугачевские времена, а тогда казалось, что волжские берега, даже в глухомани, заселены людьми, как птицами. Что Волга – одно большое человеческое гнездовье, а сейчас – как канал, только что прорытый в безводной и безжизненной предпугачевской степи.

Волга и приняла его тогда – как сироту.

Пару раз он искупался в ее охолонувших водах, смывая с себя Москву, как морок. Полежал на солдатской отаве зеленых, еще не огрубевших повторно откосов Углича, представляя себя Димитрием-переростком, счастливо избежавшим кривого боярского ножа. Представлялось легко, особенно с закрытыми глазами: может, потому что купола острогранного собора, стоявшего на вершине, сквозь закрытые веки светили еще маслянистее, чем напрямую: к ним примешивался и теплый цвет собственной крови. Но открыл глаза чрезвычайно вовремя: по самому верху, по краешку откоса проходила девчонка, его ровесница, в юбке колоколом. И несла охапкой, прижавши к груди, как носят цветы и детей, яблоки. Темно-малиновые, пасхальные и тяжелые, как раскалившиеся изнутри, трудно остывающие чугунные ядра – не столько объем, сколько цвет и давал ощущение веса и крутости теста: яблоки не спряжены-скатаны в масле-сметане, а почти что выкованы или отлиты, сбиты тяжелой рукой из того, что под рукою было. Грудь у девчонки и без этого продолженья, довеска – чудесная, яблоки же, подпирая, прибавляли ей урожайности: грудь и нос одинаково задорно вздернуты, курносы. Сергей и осмелел – потому что яблоки. Без них была бы недотрога, с яблоками же да еще с замечательными, с необлупившимся летним загаром, спаренными сестрами-близнецами, передвигавшимися под юбкой в полном, до кружевных трусиков, обозрении и совершенно самостоятельно и от девахи, и от яблок, и уж тем более от вздернутого носа – с яблоками она была более земной, хоть и располагалась по отношению к Сергею уже почти что на облаках.

Лежа на животе, Сергей приподнял голову, чтоб повнимательнее рассмотреть, хотя для более обстоятельного и пикантного обзора надо было бы упереться в траву подбородком, и помахал девахе рукой:

– Привет!

Девчонка засмеялась, мягко присела на корточки, выставив колени едва ли не выше самого носа, и подбородком, не нарушая общего строения своего вкусного «букета», столкнула самое верхнее и самое крупное яблоко по откосу в направлении Сергея:

– Не глазей – не продается!

– Неужели? – рассмеялся и Сергей, но действовать надо было быстро: яблоко, блистая боками, накатывалось – пасхальным яичком на Красную гор-

ку — стремительно и вполне могло прошелестеть мимо, вплоть до Волги. Сергей и в самом деле втиснулся бородышкой в землю – нет, что ни говори, а яблочные коленки, высунувшиеся из крепедешинового колокола, как два его крепко стиснутых и божественно нежных языка, неотразимы – и раскрыл рот во всю Ивановскую. И – поймал-таки!

Ртом! – как Лев Яшин своими черными задубевшими перчатками, крагами, так и Серега – своим голодным ртом.

Да чтоб мы, никола-александровские, что-нибудь съестное (или спиртное) мимо рта пропустили?! Да ни в жизнь! Да еще в дальнем плавании на пустое брюхо...

Так она его заставила замолчать, сама же легко, березкою из танца «Березка», поднялась, ни грамма из своей ароматной ноши не расплескав, и, расхохотавшись, двинулась своей дорогой.

Бедра только, задававшие ход и мелодию колоколу, давали чуть больший, чем до того, крен и в левую и в правую стороны. Неслышимый звук у колокола поменялся: был малиновый, а стал лазоревый: девчонка теперь знала, что ею любуются. Сергей собирался промычать с яблоком в зубах – что-то в ответ, нежное и призывное, но за него, за его спиной, с пристани утробно и властно промычал «Клемент Готвальд»:

– Гу-гу-уу-гу-у!!!

Сурово, как умеют только большевики – и советские и заграничные, включая чехословаков призыва до шестьдесят восьмого года.

Все по местам! Назад, Сергей Никитович, в каюту, в дорогу, на казнь.

Так они разминулись в этой жизни: она, по краешку древнего откоса, с горкою яблок под виноградной девичьей грудью, грациозно, танцуя, вперед и вверх. Серега, по-прежнему со «штрифелем» в зубах, — назад и вниз. Но теперь тоже не уныло, не раздавленно, не по-каторжному, а тоже почти танцуя. Петляя, подпрыгивая и без конца благодарно и весело оглядываясь на девчонку, пока она не скрылась за косогором, как за зеленым горизонтом. Как за другой жизнью.

Казни не будет! Казнь отменяется. Сергей вернулся в свои восемнадцать лет, когда жизнь и в самом деле только-только начинается.

Спасибо случайной Еве: Адам очнулся. Очухался.

После этого нечаянного происшествия путешествие пошло в удовольствие. Сергей и впрямь поплыл по течению – почти что до самой Астрахани. Ему теперь казалось, что вовсе и не машина громоздкая, не махина его везет, что это он сам, саженками, то зарываясь головою в родниково прозрачную, остывающую воду, то, отбрасывая со лба налипший чуб, бурно выпрастываясь из нее и разлепляя, в счастливых слезах, обостряющих сразу и зрение, и чувства, слипшиеся как и чуб, ресницы, неутомимо и невесомо, рыбкой, плывет себе и плывет.

Вниз по матушке по Волге, внимая и лону ее, и дну, и ее берегам.

...Сергей не вслушивается в голоса на корме, среди которых выделяется звонко воронинский, приникает носом к самой обшивке катера, и теперь ему кажется, что на сей раз он действительно чешет – на бредущем – по волжскому дну. Даже не на подводном катере, а на собственных тяжелых подводных плавниках.

Продолжение следует

Не вперед по курсу, а обратно...

В КАЮТЕ БАРОНА ВРАНГЕЛЯ

*Так давайте же выпьем, друзья,
За успех безнадежного дела.*

Ю. Кузнецов

В 1920 г. из черноморского порта Феодосии на пароходе «Император Николай II» ушел в эмиграцию последний главком Юга России генерал-лейтенант, барон Петр Врангель.

От усталых пьяных офицеров
На душе и тошно, и темно.
И свеча – последний символ веры –
Тихо оплыла на полотно.

Генералу очень одиноко.
Взгляд угрюм. Щека – на кулаке...
Даже с китайкой черноокой
В этот поздний час душа в тоске.

За бортом остался берег Крыма –
Хмурая российская земля.
Белопенный след неотвратимо
К той земле бежит от корабля.

Присягать на верность – тоже клятва.
Сам ли царь ее не принимал?!
Не вперед по курсу, а обратно
Почему ты смотришь, генерал?!

И молчишь угрюмо почему-то
Над бокалом, выпитым до дна.
Капитаном лучшая каюта
Для тебя, главком, отведена.

Только не найти уже покоя
И ничем тревоги не унять...
По глазам холеною рукою
Ты опять проводишь... и опять.

Видно, не забудешь до кончины
Яростных походов по Руси...
Не проси свою судьбу отныне
О реванше... Слышишь?.. Не проси!

Револьвер... клинок в ножнах богатых,
Пояс... Газыри из серебра...
Запропали денщики куда-то –
Видно, не найдутся до утра.

То ли в «доску» перепились черти...
Самогон из патоки – не мед!
Извещение в голубом конверте
В Лондон к англичанам не дойдет.

Чемодан из крокодильей кожи...
Обжигает горло хриплый стон...
Разве это на тебя похоже,
Дорогой потомственный барон?!

Над пучиной моря алым маком
Скорбно разгорается заря...
Помнишь, шли твои полки в атаку
За Россию, Бога и Царя?!

В этой необузданной стихии
Злой и доброй силы – видит Бог –
Для родной истерзанной России
Ты, конечно, сделал все, что мог.

И казачьи сабли ты насытил
Кровью, что краснее кумача...
За окном – луна в туманных нитях,
Словно негасимая свеча.

Голову угрюмого барона
Не упрятать в плечи (от беды),
Где горят на золотых погонах
По три генеральские звезды...

Ах, Россия, гордая Россия,
Чистоту и честь родной земли
В этой необузданной стихии
Сыновья твои не сберегли...

Их отваги горькой не хватило,
Чтобы красный смерч остановить.
Стала преждевременной могилой
Им Россия... Так тому и быть!

Сколько их легло на поле брани,
С Родиной судьбу свою деля...
Казаки и Дона, и Кубани,
И да будет пухом им земля!

Ах, Россия, старая Россия,
Ты не станешь той, какой была.
Над тобою тучи грозовые,
По тебе звонят колокола.

И мечи куют, а не орала,
Сыновья твои на смертный бой...
Ты на откуп, почему вандалам
Отдана жестокою судьбой?

Жгли они тебя и истязали,
Брали и за горло, и «в штыки».
А свободу-матушку распяли
На голгофе звезд большевики.

Не залечит время эти раны...
Господи, спаси и сохрани
И твои порушенные храмы,
И лампад священные огни...

Генерал встает, вздохнув, устало,
Молчалив, подтянут, суховат...
Рассветает... И зарею алой
Все иллюминаторы горят.

Дышат яростью морские воды...
В черном небе – туч неровный строй,
И кипит волна за пароходом
«Император Николай Второй».

В этой необузданной стихии,
Сделав для Отчизны все, что мог,
Ты уходишь, уступивший силе.
Пусть тебе, барон, поможет Бог!

И сейчас, когда уже понятно,
Что войну свою ты проиграл,
Не вперед по курсу, а обратно
Почему ты смотришь, генерал?!

ПРИЗЫВ

Опустите, чеченцы, кинжалы
И прижмите друг друга к груди.
Нас на этой планете так мало
И так много тревог впереди...

Сквозь фатальную смертную вьюгу,
Проходя и опять, и опять,
Триста лет защищаем друг друга
И не можем друг друга понять...

Поруганья, утраты, усталость...
Вы же все испытали сполна...
Посмотрите вокруг, что осталось,
Где прошла ураганом война?!

Веру в Бога, единство и верность
Сохранить на сегодня, и впрок
Пусть научит вас этот (не первый,
Может быть – не последний) урок.

Вам ли солнце Ислама не светит,
Словно с берега райской реки?!
Ничего нет безумней на свете
И нелепей, чем братья-враги.

Вам от Бога судьба ниспослала
Шанс надежды на грозном пути...
Опустите, чеченцы, кинжалы
И прижмите друг друга к груди!

НА РОДИНЕ ЕСЕНИНА

В простых словах мерцает звездный свет.
Куда-то сердце рвется, словно птица...
Маг, чародей, волшебник и поэт... —
Конечно, здесь он должен был родиться.

Прозрачны и бездонны небеса.
Поэма трав таинственно-влекома.
И, кажется, что жизнь (не полчася)
Провел я у есенинского дома.

Обычный сруб... Но думается здесь
Возвышенно, светло и вдохновенно,
Что этот мир охвачен тленьем весь...
И лишь одна поэзия «нетленна».

Вот неотцветший луг в его стихах,
Где шепчутся цветы и пахнет мятой...
И с тихой улыбкой на губах
Проходит мимо женщина куда-то.

Воспетая ее поэтом Русь
До полного души самозабвения...
Я обязательно сюда вернусь,
Чтоб прикоснуться к тайнам вдохновения.

Забыто все: и бури бытия,
И боль, и гнев пылающего мира...
Звезда надежды... Может быть и я
Когда-нибудь постигну тайну лиры...

ВСЕ ПРОЩАЮ

Я готов отказаться от боли и гнева,
Позабыть то, что было, и будущим жить.
В море зыбкой удачи забрасывать невод,
Чтобы верить везенью и счастьем служить.

И забвенью предать, поступившись собою,
И четвертый январь, и двухтысячный год,
И печальный итог превентивного боя,
Там, где маму убил, ни за что, миномет!

Восемь мин опустилось в наш старенький дворик,
Восемь воющих, словно гиены, смертей.
И рассветную мглу переполнило горе
От разорванных пламенем в клочья детей...

Был я выброшен взрывом в... разбитые двери,
Не теряя рассудка в кипящем огне...
Все прощаю... утраты свои и... потери...
Только маму верните... убитую... мне!

ЗАРИСОВКА

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*
Юлия Друнина

Разбитое шоссе... У поворота
На старой тумбе два мальчика сидят
Постарше – держит ствол гранатомета,
Поменьше – деревянный автомат.

Жмет БТР, разбрызгивая лужи.
Солдаты (федералы) на «борту».
А малышам как раз «противник» нужен
На взрывом искореженном мосту.

Неподалеку кот облезлый дремлет...
А малыши, довольные собой,
Рывком встают и падают на землю,
И начинают свой «неравный» бой.

И словно их двоих – не меньше роты,
(Позиция – от тумбы до кота)
Бу-бу-хает труба гранатомета,
И автомат «штакетный» – та-та-та.

Уходит БТР на передышку.
Встают вояки... Можно отдохнуть...
О, люди, не к добру, когда мальчишки
Играют в настоящую войну...

АХШАР ЧЕГЕМ

народный поэт Осетии

Тревоги слыша Зов

* * *

Тревоги слыша зов, конь масти белой
Помчался вскачь, горяч, неукротим.
А рядом пыль из-под копыт взлетела,
И черный конь понесся вместе с ним.

По камню их подковы застучали,
И чует сердце глубже и ясней, –
Конь черной масти – конь моей печали,
А белый конь – конь радости моей.

КАК ХОРОША ТЫ, ЖИЗНЬ!

Тетивой натянута дорога
А на ней – прохожий, как стрела.
Солнце жизни, дай мне хоть немного,
Хоть трехгранник света и тепла!

Капли света влив в звучанье слова,
Я бы вслед за юною листвой
В беспредельность неба голубого
Птицу-радость выпустил весной.

Что мне вечность по сравнению с краткой
Жизнью ослепительной земной!
Время это слышит и украдкой
Усмехается, следя за мной.

Солнце прячется за облаками
И слезинки падают с ветвей...
День придет, и утро над горами
Без меня взойдет в огне лучей...

Сердце бьется яростно и страстно,
В нем печаль и радость, свет и мгла.
Ты прекрасна жизнь, вовек прекрасна,
Мне б трехгранник твоего тепла!

ТВОЕ СТРАДАЮЩЕЕ СЕРДЦЕ

Твое страдающее сердце для меня,
Как деревце с надломленной ветвью,
И я, как будто в том себя виня,
Перед тобой немею безответно.

Твое страдающее сердце для меня,
Как дом, к чьему порогу я прикован.
О, если б свет счастливого огня
Я смог зажечь под этим добрым кровом!

Я озарил бы этот дом сияньем свеч,
В заветные его проникнув дверцы...
Восходит солнце... Я прошу беречь
От бед твое страдающее сердце.

* * *

Стены от топота дрогнули,
Ветер сквозит в занавесках.
Лихо гарцуют под окнами
Всадники в ладных черкесках.

Юноши статные, стройные
Нас привечают словами:
«Солнца лучи благодатные
Да не померкнут над вами!»

Доброе слово промолвили, –
Чести и мы не уроним:
Кубок гостям мы наполнили
И поднесли им с поклоном.

Листья шумят в палисаднике
В солнечных бликах нерезких.
В окнах мне чудятся всадники,
Гости в нарядных черкесках.

Перевод с осетинского Лазаря Шерешевского

*Людская боль.
Не без ответа...*

БАШНЯ КОСТА

Вот Нар! Над ним на грани света
Сошлись береза и сосна.
Был недостроен дом поэта,
Но башня песен сложена.

В стихах скитальческих воспета
Жизнь, что раздумия полна.
Был недостроен дом поэта,
Но башня песен сложена.

Людская боль. Не без ответа
Воспринималась им она.
Был недостроен дом поэта,
Но башня песен сложена.

Достойно слово самоцвета,
Лачуги царственна цена.
Был недостроен дом поэта,
Но башня песен сложена.

Любовь к горам хранил все лета,
Их видел в ссылке в пору сна.
Был недостроен дом поэта,
Но башня песен сложена.

ТРЕВОГА

Среди забот житейских и тревог,
Не опасаясь осуждений строгих,
Подкладывая дрова под свой пирог
Теперь привычкой сделалось для многих.

Былому льстят, грядущему не верят,
Друг с другом изъясняются темно,
Прощают ложь и сами лицемерят
И выдают за золото дерьмо.

Кто сочинитель этой шалой пьесы,
Где все сложилось разуму не в лад,
Где так свободно разыгрались бесы,
Где льется кровь и славен казнокрад?

Зачем других – себя казнить упреком
Нам следует за то, что в наши дни
Витийствует дурак, объявленный пророком,
А мудрецы безмолвствуют в тени.

С единой просьбой обращаюсь к Богу:
«Меня ты в колокольню обрати,
Чтоб с думою об отроках тревогу
Ударил я, надеясь их спасти!»

ИРЫЗЫК

Край свой отчий зовут Ирызык¹
Соплеменники гор – осетины.
Это имя вошло в их язык,
Как в небесную бездну вершины.

Водопада доносится рык,
Переменчивы ветры, как вести.
Ты моя колыбель, Ирызык,
Звездный отсвет потомственной чести.

Я к тому от рожденья привык,
Что душа не сбивается с лада.
Прошептать иль сказать «Ирызык» –
Это сладость для уст и отрада.

¹ Ирызык-Ир – Осетия, язык – углубление, впадина; так осетины называют свою родину.

НОЖ И ЧЕСТЬ

Сосед печален, словно хворый,
Вздыхая, он признался мне:
«Я потерял свой нож, который
Носил привычно на ремне.

Его на улице и в доме
Искал я с утренней зари,
Но будто бы игла в соломе,
Исчез он, черт его дери!»

«Да не расстраивайся, или
Такой был ценностный твой нож,
Что никакой другой не в силе
Сравниться с ним, как ни хорош?

Да вот, хоть мой возьми, ей-богу,
Он славной стали и остер,
В медвежью сунуться берлогу
С ним можно смело среди гор».

«Ножу легко найти замену
И твой достойный, может быть,
Но своему ножу измену
Я опасюсь совершить».

«Да чем же так тебе он дорог?»
«Признаюсь, что теперь скрывать,
Найдет ли друг его иль враг,
Насмешек мне не избежать.

Был туп он, как иной дурак,
И ржавчиной осыпан кстати,
Но может всяк узнать мой знак
На деревянной рукояти.

Боюсь, на милость не надеюсь,
Что не во сне, а наяву,
Как ржавого ножа владелец
Я среди горцев прослыву».

Перевод с осетинского Якова Козловского

ИВАН АКСЕНОВ

Постоянство памяти

ШАГИ ВЕСНЫ

Хрусталь зимы, дробясь, хрустит и тает
Под жесткою подошвой сапога,
И, как небрежно смятая фольга,
Вдали изломы снежных гор блистают.

Уже весна волнующе близка:
Дни протяженнее и звонче стали,
Над белыми полями птичьих стаи
Прозрачны, как ночные облака.

Вновь древний фолиант весны листаю –
И темной влагой набухает снег,
И на глазах синь неба выцветает.

Но зыбок путь мой, как в тревожном сне,
И незаметно прошлое во мне
Седой травой забвенья зарастает.

02.04.1990

СВЕТ КРАСОТЫ

Античных, статуй мраморную стать
Постигнув по гравюрам черно-белым,
Я с детских лет считал важнейшим делом
Во всем живую красоту искать.

И Парфенон в руинах поседелых,
И строгий белопарусный фрегат
Изяществом своим ласкают взгляд,
Но им не спорить с женским стройным телом.

Серебрякова, Струйская, Гала...
Их всех земля в объятья приняла,
Давно истлели их тела и лица.

Но сквозь туман минувших лет, чиста,
Нам светит их живая красота,
Спасенная рукою живописца.

Апрель 2002

КАМОЭНС

Его лицо опалено огнем
Пустынь и битв, неукротимой страсти;
Нужда, тюрьма, немилосердность власти
Глубокий след оставили на нем.

Постиг он рано дерзостным умом,
Что жизнь несет лишь беды и напасти,
Что в мире нет гармонии и счастья
И победивших нет в борьбе со злом.

Почти полмира исходил пешком,
Придворным был, солдатом, моряком,
Бесстрашным пред лицом враждебных воинств...

А я – спустя четыре сотни лет –
Твержу его изысканный сонет,
Лишь вспомню имя – Луис де Камоэнс.

2000

СОНЕТ О ДРУЖБЕ

*Моим друзьям: Анатолию Павлову
Владимиру Игнатову*

Несладко жить в эпоху перемен,
Когда поют отходную морали,
Когда людские души измельчали,
Холодному расчету сдавшись в плен.

Жизнь – это цепь мучительных измен,
Надежд обманутых, земных печалей...
Блажен, кого друзья не предавали,
Кто любит и любим – вдвойне блажен.

Мой век уже – как пуля на излете,
Но, как и прежде, мне дороже нет
Тех, с кем дружу уже полсотни лет.

Как чужд мне тот, чья мысль всегда в дремоте,
И мне не друг холодный себялюб,
Кто скрытен, черств, и холоден, и скуп.

02.06.2003

ВРЕМЯ СВЕРЧКОВ

Вечерний сумрак. Ветры присмирели.
Не шелохнется ни единый лист.
Но в ткань прохладной тишины вплелись
Ночных сверчков задумчивые трели.

Как быстро угли облаков сгорели,
Припорошив золою неба высь!
Звенят сверчки, и звук их песен чист,
Как звонкий голос ласковой свирели.

Той музыки журчащий родничок
В листве над головой моей сверчок
Прервет на миг и снова начинает.

И рвется из груди счастливый вздох,
И кажется, что мир не так уж плох,
Раз есть в нем эта музыка ночная.

18.08.2004

РАБ

ПОВЕСТЬ

I

– У меня большой дом, меня все тут знают, – с легким южным акцентом весело говорит Аслан, сидя вполоборота к Володе, и мягко переключается на пониженную передачу. У приграничного с Карачаево-Черкесской республикой поста ДПС он сбавляет скорость, коротко сигналист и приветливо машет рукой скучающему капитану милиции. Капитан оживает и тоже приветливо вскидывает ладонь под козырек своей фуражки. За постом дорога плавно уходит вниз и вправо. Аслан снова мягко переключает коробку передач, и его шикарный автомобиль стремительно набирает скорость. Настроение у Аслана прекрасное, он добродушно продолжает:

– Моя стройка пока не закончена, но тебя это не касается, это делают другие рабочие. Ведь ты, Володя, уже в возрасте и тебе лучше заниматься нетяжелыми работами. По хозяйству, допустим. Я скажу Зарине, это моя жена, и она тебе будет давать домашнюю работу. По хозяйству. Ну я сам работаю далеко, дома бываю редко, а женщинам трудно управляться с домашними делами... Ну там за коровами присматривать, двор убирать, в саду заниматься. Ты вообще любишь в саду работать?

– Да не знаю, мы жили в квартире, но цветы люблю, – смущаясь, отвечает Володя. Ему неловко ехать в просторном джипе Аслана. В салоне необыкновенная чистота, приятный запах, и он стесняется своих неопрятных одежд и собственного запаха немытого тела. Богатый хозяин, солидное пассажирское кресло, в котором теперь сидит, также смущают Володю. И находиться ему в такой близости от приятно пахнущего Аслана нехорошо, он отстраняется как можно дальше к двери и тайне думает, что лучше бы пересест на заднее сиденье, а еще лучше – в просторное багажное отделение.

– Хасан, у которого ты работал, – мой брат. Ты не бойся, у меня тебе будет хорошо. Тебе же хорошо было у Хасана? – снова заговаривает Аслан.

– Да хорошо, вроде не обижал... – неопределенно отзывается Володя.

– Ну вот, так же хорошо будет и у меня, – уверенно сказал Аслан и смолк.

Согласование переезда Володи на новое местожительство вышло скоро и просто. До сегодняшнего утра он участвовал в строительстве принадлежащего Хасану крупного развлекательного центра на главной улице города. Стройка

продолжалась несколько лет, и Володя уже толком и не помнил, как попал сюда и чем занимался вначале. Последнее же время жил в подвальной бытовке, ночью охранял, днем выполнял несложные строительные работы. А вчера вечером Аслан приехал в гости к Хасану, и когда тот горделиво показывал свои владения, Володя как раз завершал многодневное рытье неглубокой траншеи для водопровода к искусственному фонтану в середине просторной площади. Разговаривая о делах, Хасан и Аслан остановились подле работающего Володи и между прочим Аслан негромко спросил, кивнув на Володю:

– Он, кажется, давно у тебя работает. Он как, нормальный?

– Да ничего, – отвечал Хасан, – почти не пьет...

– Может, я заберу его у тебя? Зарина давно просит найти ей нормального человека.

Да забирай, сегодня как раз он заканчивает свою траншею, – великодушно промолвил Хасан, и они продолжили разговор на родном языке.

А сегодня утром Хасан приехал на стройку сердитый. Громко разговаривая с кем-то по мобильному телефону, он заметил выходящего с лопатой и ломом Володю и на секунду отвлекся от телефона. Коротко взмахнув рукой, Хасан подозвал его к себе и так же коротко проговорил:

– Ты отнеси обратно свои лопаты и собирайся. Поедешь на другую работу, к Аслану. Видел, с ним я вчера разговаривал?

– Видел... – растерянно проговорил Володя. – А как же фонтан?

– Фонтан другие доделают, я должен тебе что-нибудь?

– Да не знаю я, ты же давал мне сто рублей, – отвечал Володя.

– Ну, тогда мы в расчете, иди и собирайся, за тобой скоро приедут, – Хасан махнул свободной рукой и снова громко заговорил в телефонную трубку.

Сборы были недолгими: все вещи Володи споро уместились в небольшой целлофановый пакет. Ближе к обеду Володя и его пакет оказались в автомобиле Аслана, и теперь они ехали вдоль извилистой горной речушки все дальше от города в сторону гор. По правой стороне тянулась широкая пастбищная долина, а далеко, будто плывущие в летней дымке, громоздились изрезанные каньонами невысокие горные хребты. Изредка вдоль дороги встречались голые по пояс и вспотевшие от жары группы косарей. Заслышав шум приближающейся машины, они прекращали косить, поднимали головы и, облокотившись на свои косы, медленно провожали взглядом быстро мчавшийся джип. В глубине долины порой виднелись большие стада овец и их пастухи, слышав машину Аслана, также оборачивались к дороге и скучающим взглядом издали неспешно провожали его автомобиль.

– А ты сам, откуда? – спросил Володю Аслан.

– А?... А-а-а, я?! Да я из Омска, – встрепенулся Володя.

– О-о-о... Омск я знаю. Бывал. Там у меня брат работает, дело там у него, – проговорил Аслан и нажал какую-то кнопку между сиденьями. Неожиданно стекло двери поползло вниз, и в салон ворвался пропитанный запахом свежескошенных трав и домашнего скота сочный, свежий воздух. О том, какое дело у брата Аслана в Омске, Володя спрашивать не собирался, зато протяжно, с большим наслаждением вдохнул ворвавшийся воздух летних полей.

За плавным поворотом автотрассы вдали показалось небольшое селение. И

посреди скучившихся небольших сереньких домиков и хозяйств издали увидел огромный каменный дом. Точно храм или вокзал, своими несколькими ажурными этажами он солидно возвышался над прочими дворами селения.

– Видишь вон светлый дом с коричневой крышей? – снова спросил Аслан.

– Вон тот? Конечно, вижу. Самый большой...

– Ну так вот. Это мой дом. Туда мы и едем, – важно отметил Аслан.

Скоро они свернули с дороги и поехали по проулку вдоль невысоких и не слишком аккуратно построенных каменных заборов и как бы разрывавших эти заборы, изредка мелькавших среди них однотипных и ярко крашенных зеленой и белой масляной краской железных калиток и ворот. Скоро остановились подле маленькой деревянной калитки, вделанной прямо в забор и крашеной в тот же ярко-зеленый цвет.

– Приехали! – весело сказал Аслан, и Володя стал отыскивать ручку двери диковинного автомобиля, чтобы выйти. Аслан заметил, что Володя не может открыть дверь, и помог ему. Потом он подошел к калитке, открыл ее шире и махнул рукой:

– Проходи!

С пакетом в руке, смущаясь, Володя осторожно прошел во двор и, ни на кого не глядя, остановился подле входа. Из примыкавшего задней своей стороной к забору длинного хозяйственного сарая вышла статная и видная собой восточная женщина. Аслан на ходу заговорил с ней.

Зарина пошла за мужем в кухню, но скоро вышла:

– Володя, подожди немного, я все покажу тебе, – и, подхватив ведро, она быстро ушла в сарай.

Стесняясь, Володя улыбнулся и, склонив голову, посмотрел ей вслед. Через минуту из дверей кухни вышли наглухо закутанные черными платками две пожилые женщины. Сложив на груди руки, они уставились на Володю.

– Ол арэыкътэ,* – проговорила одна другой.

– Ол аязыр!** – отвечала та.

– Тыэшлери аурыйдэз,*** – снова проговорила первая старушка и замолкла. И молча, неторопливо и бесцеремонно они разглядывали Володю. Ему же уже начинало надоедать стоять с пакетом в руке. И оглянувшись назад, Володя опустил на бетонный бордюр клумбы. За старушками из кухни показались двое мальчиков лет шести. Они близко подошли к сидящему Володе и исподлобья недружелюбно и так же бесцеремонно уставились на него. «Привет!» – сказал мальчикам Володя и улыбнулся. Но мальчики улыбаться и не думали. Они продолжали молчать и хмуро глядели на него.

Минут через пять один из мальчиков вдруг тревожно вскрикнул:

– Рус! – и оба быстро убежали в кухню.

* Он худой.

** Отойдет.

*** Зубы больные.

«Рус, рус...», – про себя повторил Володя и отвернулся к клумбе.

Старушки ушли, а Володя, скучая, разглядывал обширный двор, громадный новый дом и чуть далее, со стороны другой улицы, увидел кованые железом высоченные парадные ворота. Сбоку, за выступом здания, видел привязанного за шею к одной из колонн дома и перепачканного собственными испражнениями бычка. Отгоняя назойливых мух, бычок мотал головой, и недовольно жуя траву, изредка негромко мычал. Отведя взгляд, Володя увидел в глубине двора большую кирпичную будку для собаки. «Ого!», – подумал он и, всмотревшись, заметил в темном проеме огромную, будто медвежью собачью голову и два злобных глаза, внимательно и, очевидно, давно наблюдающих за ним. «Ог-го!», – еще раз подумал про себя Володя.

Вышла Зарина и позвала Володю.

– Пойдем, Володя, я покажу тебе, где будешь жить. В нашем новом доме.

Вошли в дом. Изнутри он не достроен и все в нем замусорено и завалено грудями строительных материалов. Прошли через большой зал в будущую кухню. Пол и стены пока не отделаны, но две газовые плиты уже в работе: в нескольких здоровенных засаленных чанах варится еда домашней птице и животным. От варева распространяется дурной запах по кухне и залу. Тошнотворный дух распространяется еще и от сваленных в углу невыделанных бараньих шкур. А у окна, неподалеку от шкур, стоит не заправленная железная кровать и скомканные на ней постельные принадлежности, весьма грязные и пугающие собой даже видавшего виды Володю.

– Здесь Леша жил, это его кровать, – говорит Зарина, – хороший был человек, умер недавно, весной. Отравился паленой водкой и умер. Даже не знаем, где он мог ее купить. Ведь у нас всего один магазин, все друг друга знаем, кто же станет продавать ядовитую водку. И вот так случилось. Отравился ночью, а мы пока утром привезли врача, он уже и умер, – печалится она.

Володя же глядит на грязный прикроватный столик и видит на нем иссохшие остатки недоеденной пищи: скорлупа от яиц, обертки плавленых сырков, сухой хлеб и изгрызанные бараньи кости – наверное, все от покойного Леша. От запаха же варева и особенно шкур Володю немного мутит, и, чтобы подавить неприятное чувство, он старается больше не смотреть на чаны и шкуры, а делает большой вдох всей грудью и смотрит в окно.

– Ты не вздыхай, – не поняла вздоха Зарина, – все, кто у нас жил, оставались довольны, мы никого не обижали.

– Да я не потому, я ничего, это я так, – повернувшись и торопливо оправдываясь, Володя опять вглядывался в дальние горы за окном.

– Ты вот сегодня приберись и устраивайся здесь, я дам тебе другие покрывало и простыню, ты же, наверное, не хочешь спать на Лешиных. А шкуры отнеси в сарай.

И, взглянув невзначай на расхристаный ворот нестираной Володиной рубашки, на морщинистую и дотемна загорелую его шею, Зарина вдруг вспомнила умершего позапрошлой весной отца и опечалилась.

Где-то неподалеку звонко запел мулла. Пришло время обеденной молитвы, и, подумав о настоящем, Зарина быстро договорила:

– Устраивайся, Володя, – завтра я покажу тебе наше хозяйство, – а когда выходила из кухни, то полуобернулась и невольно взглянула Володе в спину. И

снова ей будто показались тощая загорелая шея отца, кое-как состриженные на затылке запыленные палевые волосы и пропитанная потом рубаша трактириста...

— Куда шкуры-то относить? — почувствовав, что Зарина не ушла, обернулся Володя.

— А за домом сарай...

Выносить тяжелые и зловонные шкуры вначале было неприятно. Но когда он отправился в третий раз, то к запаху привык, и это уже не смущало. За домом паслись индюки, и всякий раз, как приходил, индюки смешно гортанно клекотали и норовили ущипнуть за ногу. Искоса глядя на проходившего мимо Володю, привязанный бычок тоже непонятно сердился и мотал головой. А мальчишки, играя в саду за невысокой кованой решеткой и завидев идущего Володю, приостанавливались и тревожно молча следили за его делами.

Наконец шкуры вынесены. Постельные принадлежности Леши Володя свернул и сложил на бетонный пол в угол. Обещанные простыню и одеяло Зарина пока не несла, видно, позабыла. И, не дождавшись, он прилег на матрас и задремал.

Вечером одна из закутанных платками старушек принесла большую миску мясного супа и мягкое покрывало.

И, сытно поужинав, он осторожно ходил по незнакомому двору и саду. Слыша незнакомую речь, непонятное веселье чему-то смеющихся и что-то весело обсуждающих соседских женщин, пришедших в гости к Зарине и на стульях рассеявшихся в широкий круг посреди двора, Володя стеснялся и старался быть подальше от них, чтобы его меньше замечали.

А утром следующего дня Володя уже работал у дальнего забора, в глубине сада. Земля в саду болотистая, там после дождей нередко собиралась вода, и Зарина предложила ему выкопать продолговатый дренажный ров. Эта работа была знакома, почва оказалась мягкой, и Володя бодро приступил к копке.

Чуть позже он видел, как к этому забору на поводе из толстой веревки Аслан подводил вчерашнего бычка. И был Аслан не один, сюда также подходили Зарина, старушки с несколькими пустыми тазами и ведрами с теплой водой. Пришли также молодой человек с длинным ножом и толстой веревкой и небритый худощавый мужчина. «Ахмет!» — немного взволнованно назвал молодой человек и протянул Володе свободную руку для знакомства — «Я живу напротив...». Небритый же, видно презирая русских, на Володю не взглянул, а, сплюнув себе под ноги, стал осматривать перекладину.

Аслан и небритый мужчина подвели уже упиравшегося бычка к закрепленной к забору толстой перекладине из бруса и стали молча и сосредоточенно связывать ему ноги. Бычок волновался. Теперь он глухо ревел, еще больше мотал головой и, ни на кого не глядя, упирался копытами в мягкую землю и не давал связать себя. На помощь мужчинам подошел молодой Ахмет, вместе они стянули веревкой копыта, вскинули веревку на перекладину и, потянув ее, запрокинули голову бычка вниз.

Мужчины торопились и в торопливости сердились. Аслан что-то нервно приказывал, Ахмет заискивающе улыбался и, волнуясь, все делал не так и

невыпадал. «Эх, молодо-зелено», — по-русски сказал ему Аслан и, улыбнувшись, оглянулся на стоявшего неподалеку Володю. Длинный точеный нож из рук Ахмета перешел в руку вдруг свирепо оскалившегося небритого горца и тот начал ожесточенно резать запрокинутую шею бычка.

Как только Володя увидел группу людей, ведущих скотину на убой, то непонятно отчего испугался, и ноги его вдруг стали будто ватными. Тело обмякло, в непонятном страхе не хватало воздуха. Он шумно задышал и, облокотясь на лопату, безотрывно смотрел на бычка. Страх шел откуда-то из глубины живота и противными тошнотворными волнами растекался по всему телу. Наверное, если бы не было в руках лопаты и облокотиться было бы не на что, — непременно осел бы на землю. И теперь, буквально повиснув на лопате, Володя оторопело глядел то на четыре отсеченные копыта, лежащие рядом, то на отсеченную голову и быстро покрывающиеся смертной мутой открытые глаза бычка, то на гору кровавистых кишок, внутренностей и споро орудующих с ними перепачканных в крови женщин. Испуганно поведя зрачками, он невольно проследил, как в траву у забора полетел отрезанный хвост. Колени Володи мелко дрожали, а когда взглянул на наполненный до краев густой темной кровью медный таз, то в приступах тошноты стал вдруг громко икать. Разделяющие мясо люди удивленно оглянулись:

— Тебе что, плохо? — спросила Зарина, — ты что, не видел, как режут бычка?

— Да нет, не приходилось..., — заикаясь, отвечал Володя.

— А говядину есть приходилось? — улынулся Аслан.

— Ага, есть приходилось, — принужденно улыбнулся Володя.

После обеда старушка принесла Володе миску дымящегося картофельного супа с говядиной и большой ломоть домашнего хлеба. Он же теперь отдыхал и после рытья траншеи сильно проголодался. Будто глухонемая служанка, женщина поставила на столик пищу и тут же повернула обратно. Живо поднявшись навстречу, Володя успел только вслед крикнуть ей «Спасибо!» и принялся за обед. Вспомнив утренний себе зарок никогда не есть больше мяса, он отодвинул на край миски кусок говядины, съел картошку, выпил жирную юшку и хлебом вылизал дно миски. Говядину же решил отдать собаке.

Но, не насытившись, Володя все глядел на мясо. Аппетитный кусок ничем не напоминал ни утреннее убийство животного, ни утренние страхи, ни густую противную кровь. Разморенный дневной жарой и жирным обедом, Володя прилег отдохнуть, но скоро поднялся. Он еще раз взглянул в миску, потом в окно, потом снова на мясо. И, подумав, съел-таки этот кусок, снова прилег и уже спокойно задремал послеобеденным сном.

На рассвете следующего дня Зарина разбудила Володю:

— Вставай! Пора стадо выгонять...

Он быстро встал и накинул рубашку. От раннего подъема чесались глаза и, спросонья потирая их обеими руками и спотыкаясь, поплелся вслед за Зариной. Она прошла к загону для овец и открыла калитку. Оттуда резво и беспорядочной гурьбой высыпалось стадо баранов. Глухо топая копытами, они устремились к парадным воротам двора.

— Надо их отучить ходить через парадные ворота, вон сзади есть калитка, — заметила Зарина и пошла открывать коровник.

Коровы уже тоже дожидались Зарину, и как только она приоткрыла им дверь, неуклюже заторопились на улицу.

– Там, в конце улицы пастух, его зовут Магомет, проводи ему стадо, – и ушла в дом.

Все четыре коровы, не признавая Володю, тревожно косились на него, громко мычали и, смешно приподняв хвосты, шумно мочились прямо посреди улицы. Степенно, но, все же поспешая, они шли явно знакомым им путем, бодро дергали хвостами и мотали головами. Бараны же двигались бестолково: уже не раз скучившись, останавливались, начинали тупо блеять или щипать придорожную траву. И Володя неумело подгонял их:

Ух, пошли, кому говорю, пошли! – а коров же, памятуя вчерашнее, ругать смущался и смотреть им в глаза стыдился.

С длинной палкой в руке Магомет сидел на камне у обочины. Володя подошел и поздоровался. Магомет же был стар и подслеповато поглядел на него:

– У Аслана работаешь?

– Ага...

– Ничего не бойся, у Аслана хорошо. Зарина кормит хорошо, – глухим голосом медленно проговорил пастух.

– Та-аа, я особенно и не боюсь, что мне бояться-то, уже ведь шестой десяток лет живу. Куда уже бояться...

– А мне в этом году было семьдесят, – проговорил старик и поднялся.

Подходили другие хозяйки; их коровы да бестолковые овцы заполнили весь выгон. И от слов незнакомой речи, мычания и блеяния множества животных скоро здесь стало шумно, будто на базаре.

II

Незаметно Володя привыкал на новом месте. Спокойный и неторопливый быт селения, домашнего хозяйства, в котором теперь жил, становились все понятнее, а дела – привычнее. Работа, которую давала Зарина, была не сложна и не слишком уж тяжела. Во всяком случае, легче той, которая была прежде, в городе у Хасана.

Тогда, у Хасана, всегда было много тяжелого физического труда: заливка или разбивка бетона, перенос кирпича, вынос груд строительного мусора. Здесь же – уход за домашним скотом, работа в саду, огороде, уборка двора и прилегающей территории. И у Хасана требовалось самому заботиться о пище. А здесь баранья шурпа или жирные мясные блюда не переводились на прикроватном столике Володи. И после вечно сердитого, всегда чем-то недовольного Хасана Володя нередко дивился обыкновенному и всегда будто естественному спокойствию восточной красавицы Зарины.

Сыновья Зарины также привыкали к Володе. Они уже не глядели на него враждебно и исподлобья. Более того, теперь они нередко обращались к нему с просьбами. И хотя их незатейливые просьбы были исполнены надменности и собственной важности, Володя умышленно этого не замечал, напротив, старался им в чем-либо помочь.

– Воледья, – как-то, важно крикнул издали ему старший мальчик, Умар, – срочно иди сюда!

– Что случилось? – подходя, участливо спросил Володя.

– Видишь? У меня велосипед сломался. Плохо стал тормозить и я чуть не ударился. Давай, надо быстро делай, – приказал Умар.

– Хорошо, Умар. Сейчас посмотрим, – Володя наклонился к велосипеду, осмотрел его и поднял голову:

– Знаешь, нужно ступицу разобрать, посмотреть, что с колодками.

Что есть ступица, а что колодки, Умару пока не известно, но кем им приходится здесь Володя, он уже знает:

– Вот и разбирай! – говорит Умар, – и срочно, а то мне к Ахмету уже нужно ехать!

И на многие подобные мелочи Володя особенного внимания не обращал, довольствуясь положительными сдвигами в основах собственной жизни: сытная еда, спокойные ночи и нетяжелый труд.

Пятница – выходной. Но этот день недели почти никак не отличался от остальных. Все то же: мелкие поручения хозяев, коровы, овцы да индюки...

А спустя, наверное, месяц, в пятницу утром, уезжая в город, Зарина вдруг дала Володе сто рублей:

– На вот тебе, Володя, купи себе, что нужно. Знаешь же, где наш магазин?

– Да нет, – растерялся от неожиданности Володя, – я же никуда, кроме как на выгон, еще не ходил.

– Ну прямо и прямо. Через три квартала – наш единственный магазин. Не заблудишься, – улыбнулась она.

Сельский магазин располагался в небольшом поблекшем домике со старой выцветшей вывеской: «кооп», ниже – «МАГАЗИН», а сбоку – новая и нелепо-яркая надпись – «Coca-Cola». Ассортимент товаров широк и незатейлив: лопаты, метлы, шифер, цемент. Несколько деревянных полок заполнили продовольственные и бытовые товары: хлеб, консервы, жевательная резинка, несколько видов спиртных напитков, пива, кока-кола, стиральный порошок, расчески, бритвенные принадлежности, мыло да кремы. С непривычки Володя принялся долго и внимательно осматривать все имеющиеся здесь товары. Продавщица Асият, увидев вошедшего мужчину, поднялась и несколько минут терпеливо глядела на него. Но, заскучав, снова уселась и продолжила дальше читать толстую книгу в радужной обложке – видно, любовный роман.

А Володя выбрал себе самое необходимое: набор лезвий для бритвы и три куска хозяйственного мыла. Оценив стоимость выбранного товара, он посчитал, что остается еще семьдесят рублей. Тогда Володя подошел к продовольственному отделу и присмотрелся: водка здесь была только двух сортов – по семьдесят рублей и по двадцать. Решившись уже купить три бутылки по двадцать, вдруг вспомнил своего предшественника Лешу и еще раз озадаченно взглянул в хитрые глаза Асият. Она же, поняв, что Володе известна причина смерти Леша и также поняв, что озадаченность Володи именно от этого, отложила свой роман и заговорила:

– Ты только не подумай, что который до тебя у Зарины жил, Леша, в моем магазине покупал паленую водку. У меня весь товар проверяется, на все есть накладные...

– Да я ничего и не думаю, – еще вот, пожалуйста, водку за семьдесят, – даже не удивляясь, что продавщица знает и его и все о нем, вежливо отвечал Володя.

Он уже привыкал, что в селениях друг о друге всегда все знают.

Засунув бутылку в глубокий карман брюк, он вышел на улицу и огляделся. Уже давно ему не чувствовалось так свободно: хочешь, иди вправо, хочешь – влево, а хочешь, сядь и отдохни, допустим, вон на той лавке у чьих-то ворот. Но, подумав, он не стал прогуливаться по пустынным улицам тихого селения и напрямик потопал к воротам Аслана.

Неторопливо сев на лавку подле высокой калитки, Володя откупорил бутылку и разом выпил почти все ее содержимое.

Дико опьянев, он еще с минуту пытался сосредоточить взгляд на невероятно поплывших домах и заборах напротив, поднимал голову, пытался сосредоточиться на бегущих по небу облаках, на дальних холмах и заброшенном хозяйственном строении на вершине одного из них. Потом махнул рукой самому себе, что-то промычал, повалился набок и громко захрапел.

У проживающего в небольшом домике напротив молодого Ахмета сегодня выдался не слишком занятый день. С раннего утра отец уехал в город, скотина в поле и хозяйство прибрано. Других поручений отец вроде не давал, и теперь скучая, Ахмет слонялся по двору. Уже несколько раз он обращался к спорту: подходил к турнику, делал гимнастические упражнения, поднимал гантели и отжимался от пола в сарайчике. Несколько раз также принимался читать недавно купленного Булгакова, и, скучая, оставлял книгу, выходил во двор и подолгу глядел на безлюдную летнюю улицу.

В конце июня Ахмет с отличием окончил школу, был гордостью родителей и думал поступать учиться. Куда поступать, пока отец и мать не решились. И пока они советовались и спорили меж собой, куда отправить умное чадо, Ахмет чувствовал себя как еще никогда свободным и легким. Даже многие привычные хозяйственные дела, летний покос не могли затмить собой пришедшую этим летом молодую легкость, бодрость и чудную, радостную невесомость.

Взглянув в очередной раз через забор на улицу, Ахмет увидел Володю, присевшего на лавочку напротив. Скоро он также увидел, как Володя ловко опорожнил бутылку водки и дико захмелел. Минут десять Ахмет наблюдал за взмахами свободной руки Володи, нелепым подергиванием ноги и слушал его нечленораздельные выкрики. Потом ему вдруг стало совестно наблюдать за Володей. И, подумав, Ахмет решился: вышел на улицу, сел на свободный край лавки и, желая привести в чувство, стал тормошить его. Володя же ругался и, норовя ударить, взмахивал рукой. Тогда Ахмет встал, напрягшись, поднял его за плечи, волоком затащил через калитку во двор Аслана. Протащив еще немного, он утомился и оставил лежать конвульсивно вздрагивающего Володю на лужайке в тени разлапистой яблони.

Аслан же был давно в отъезде, Зарина – в городе, и на шум во дворе из летней кухни вышли старушки. Подойдя к Володе и сложив на груди руки, они о чем-то тихо презрительно потолковали и отправились обратно в летнюю кухню.

Конечно, в следующую пятницу Зарина не дала Володе сто рублей. Теперь она строже давала ему указания, говорила скупой и в повседневности почти не замечала его. И, понимая причину недовольства хозяйки, Володя всячески хотел ей угодить. Еще старательней он ухаживал за скотиной и садом,

починил водопровод и установил большой уличный фонарь. С детьми он был также неизменно ласков и много помогал им в незатейливых детских делах.

С соседом через дорогу, молодым Ахметом, незаметно установились странные, будто дружеские отношения. Если дома не было хозяев, то после загона скотины с пастбища – Володя иногда выходил посидеть долгими вечерами на лавке у калитки. И, устало зевая, спокойно смотрел перед собой или слеповато вглядывался в большое хозяйственное строение на вершине дальней горы. Завидев спокойно сидящего на лавке Володю, порой приходил Ахмет. Он вразвалку подходил к лавке и, гордо покачивая тренированным торсом, сильно хлопал в приветственном познании вялую ладонь Володи. «Как дела?», – неизменно спрашивал Ахмет и лихо присаживался рядом. «Та какие у нас могут быть дела...», – также неизменно зевнув, отвечал ему Володя, закидывал ногу на ногу и так молча они продолжали сидеть минут пять. Скоро заскучав, Ахмет начинал задавать Володе вопросы вроде:

– Куда ты там все время смотришь?

– Та, – отвечал Володя, – вон гляжу, что там за хозяйство заброшенное, на вершине...

– Так это бывшие владения князя из Черкесска. Он до революции там был. Очень богатый князь... Джигит...

– И куда же он подевался?

– Слышал, в революцию его раскулачили и увезли в Россию.

– А после что?

– А после здесь было колхозное хозяйство, но тоже развалилось и теперь там все запущено. Хотел бы сходить туда?

– Да хотел бы. Да хозяйка вряд ли отпустит...

– Ну это ничего, я поговорю с Зариной и со мной тебя отпустят, – уверил Ахмет.

В другой раз Ахмет пришел не в духе и строго начал говорить:

– Ты что это совсем запустился. Не расчесываешься, не бреешься. Совсем на черта становишься похож.

– Та ладно, – лениво зевая, отвечал ему Володя, – какая разница, бреюсь, не бреюсь, мне все уже один черт, работать не хочется, жить не хочется. Зачем мне все это?

– Как зачем? – удивлялся Ахмет, – ты что, совсем ничего не хочешь, жить не интересно? Ты что, домой не хочешь?

– Та знаешь, совсем не совсем, но скучно здесь, да и домой уже почти не хочу. Не хочу, считай, ничего уже не хочу...

Ахмет ненадолго озадаченно смолк, но скоро начал снова:

– Да это точно. У нас здесь скучно, совсем делать нечего. А в твоём Омске что, весело?

– Не знаю я, наверное, весело... Я ведь там не был, почитай, лет пятнадцать! Тогда у нас было хорошо. Через пять лет после института я уже квартиру получил. Я ведь по профессии энергетик, а тогда энергетики были в большой цене! Работы было много, командировок много. По всей стране...

– И что же вы делали?

– Ну как что. Высоковольтные линии электропередачи. Ставили опоры, проводили линии. У меня ведь допуск был. До пятисот киловатт. Вон видишь,

опоры на горе виднеются? Это все наша работа...

Ахмету скучно слушать о проводах и опорах, он обрывает Володю:

– А в армии ты служил?

– Конечно же. А как же! В наше время все служили, и три года, а не два, как теперь.

– Ну и как служилось?

– Как служилось? – переспрашивает Володя, задумывается и через минуту продолжает:

– Та нормально служилось. Я сержантом был, командиром отделения. А вообще, уже почти ничего и не помню, убей, но не помню.

– Эх, ты, живешь и ничего не помнишь, – Ахмет несильно хлопнул ладонью по колену Володи и ушел к себе.

Спустя несколько неприметных дней Ахмет снова пришел и уселся рядом. И тогда уже Володя расспрашивал о его делах, учебе и желаниях.

– А ты, слышал, школу окончил. Что делать собираешься?

– Учиться поступать. Вот документы собираю.

– И куда же поступать будешь?

– Да отец говорит, в Черкесск, в университет...

– И какой же университет в Черкеске?

– Да филиал московского политехнического. На факультет менеджмента и управления бизнесом.

– Бизнесменом, значит, будешь... – проговорил Володя. – И хочется?

– Да если честно, хочется не очень. Я на другое хотел бы учиться, на журналиста.

– Ишь ты, на журналистов, чай, в Москве учат.

– Ну да, вот в Москву я и хотел бы поступить, в МГУ, – и, помолчав, спросил снова:

– Как ты думаешь, получилось бы у меня поступить в МГУ?

– Конечно, получилось бы, – благодушно зевая, отвечал Володя, – ведь ты парень умный, слышал, отличником школу окончил.

– А я сомневаюсь, – откровенно проговорил Ахмет, – ведь в Москве и так отличников хватает. Уж наверняка нашего брата там не ждут.

– Раз сомневаешься, – Володя снова спокойно зевнул, – значит, поступай в Черкесск...

– Ладно, давай! – Ахмет немного сильнее хлопнул ладонью по колену Володи и вразвалочку пошел через дорогу.

Следующий день выдался необыкновенно знойным. Собаки, кошки, куры, прочая дворовая живность – все стремились куда-нибудь укрыться, упрятаться от палящих лучей солнца. Строители большого дома Аслана тоже привередничали и работать по жаре не желали. Предвидя жаркий день, они с утра начали выдумывать разные причины, чтобы не работать. И очень им кстати оказалось, что цемент на исходе, осталось только полмешка. Со злорадством, какое зачастую бывает у рабочих перед неудачами хозяев, строители сообщили Зарине:

– А цемента нету! Как же работать?

Зарина рассердилась:

– А что же вы раньше не сказали, что цемент заканчивается? Если бы вчера сказали, я бы заказала вам цемент, а теперь что же мне делать, время почти обеденное, где же вам его возьму?

– Вот и я говорю вам, давайте устроим выходной, и жара вон какая, – предлагал бригадир строителей.

– Нет уж, – сердилась Зарина, – скоро приедет мой муж, а вы и так мало что сделали. Я достану вам цемент, – и громко позвала Володю.

Скрываясь от жары, Володя работал в прохладном подвале. Заслышав зов хозяйки, он вышел во двор.

– Вот тебе деньги, возьми тачку и привези им, – она кивнула на рабочих, – из магазина Аси мешок цемента.

– Сейчас, – бодро отозвался Володя и пошел отыскивать тачку. Строители же тачку умышленно спрятали, и, недолго поискав ее, Володя пешком отправился в магазин. «А, ну их с тачкой, – подумал на ходу, – так принесу, магазин недалеко...».

Магазин Асият и в самом деле недалеко, шагов триста. Володя бодро взял под руку тяжелый мешок, вышел на улицу и, пройдя с ним шагов с десяток, очень утомился. С каждым же последующим шагом утомление возрастало прямо пропорционально. И на четырнадцатом шаге ноги сделались ватными, непослушными, руки потеряли всякую силу, мешок просто выскользнул из руки, и, мягко сполз по выставленному колену, плюхнулся на тротуар. «Ох...», – только и смог сказать себе Володя и так же мягко опустился на землю рядом с мешком. Вытирая тыльной стороной ладони обильно выступивший по всему лицу пот, он медленно приходил в себя. «Старость, однако, старость», – посмотрев вдаль на видневшиеся в конце улицы, невозможно яркой от солнца, высокие ворота, содрогнулся: «Ишь ты, далеко-то как, наверное, не донесу, не донесу и помру прямо здесь, на жаре...».

Минут через десять стало чуть легче. С новыми силами Володя поднялся, подхватив мешок, поставил на чью-то лавку и тяжело кряхтя, с лавки водрузил его себе на плечи. Прошагав так шагов пятьдесят, снова дико утомился. Решив продолжить путь, прошагал еще и, не успев уложить мешок на ближайшую лавку, на подкосившихся ногах вместе с мешком рухнул прямо в кусты обильной придорожной бузины. Мешок порвался, и из образовавшейся дыры теперь просачивалась противная серая пыль. «Не донесу эту чертову гадость, порвется же», – отрывисто думал Володя, и все прочие мысли совсем исчезли из его головы. Остались только двое: враг-мешок и он. И этот бездушный враг оказывался сильнее, и сил, чтобы его побороть, оставалось все меньше. Правда, тут был еще один враг – палящее солнце. И перепачканной в цементе рукой Володя иногда вытирал потный лоб и искоса злобно взглядывал в небо.

Но чудо, – вдруг открылось второе дыхание. Володя подхватил мешок, снова поднес его к лавке и, взвалив его на плечи, прошагал еще шагов сто, а то и больше. Оставалось идти совсем немного.

И, мельком завидев наблюдавшего за ним из-за забора Ахмета, Володя махнул ему рукой, снова подхватил мешок и, разом преодолев последний пролет, внес его во двор.

В вечерних сумерках Володя сидел у калитки Аслана, подслеповато глядел перед собой и, изредка почесывая взъерошенные волосы, шею, сонно зевал.

Противными, ноющими толчками боли ныли поясница и левая нога. Умылся после работы он наспех, под уличным краном и видеть не мог, что цементная пыль в складках шеи, глубоких морщинах лба почти не смылась и избороздила их затейливыми овалами, изломами и линиями.

Через дорогу наискосок, вразвалочку, к нему уже привычно приближался Ахмет. Вот он молодо плюхнулся рядом и, ударив ладонью по его колену, живо начал:

– Как дела?

Володя сонно поглядел перед собой и спустя, наверное, минуту, глухо ответил:

– Та никак...

– Ишь ты, чумазый сегодня какой! – Ахмет отстранился и весело оглядел его сбоку, – что ж ты от цемента лицо не отмыл?

– Да? Надо же... Та зеркала ж нет и глянуть никак, – равнодушно отвечал Володя.

Ахмет бодр и полон молодых сил:

– А у тебя телки были?

– Кто? – сразу не понял Володя, но тут же догадался: – Ааа, в смысле бабы? Ну конечно же.

– И что, много было?

– Та я, думаешь, помню, сколько лет-то мне уже. У меня внучка такая же по возрасту, как ты, наверное, – Володя скупно улыбнулся и зачем-то пригладил топорщившиеся на голове волосы.

Долго молчали, и снова заговорил Ахмет:

– А знаешь, мы недавно гуляли в городе на празднике и познакомились с телками. С одной из них, Оксаной, я долго разговаривал обо всем, почти до утра. И теперь все думаю о ней. Все думаю и думаю... – рассказывая, Ахмет отвернулся и задумчиво смотрел то на затухающее вечернее небо, то на огромный тополь у своей калитки, то вдоль пустынной сельской улицы.

Володя же, глядя перед собой, молчал.

– Мы с ней обменялись номерами телефонов, – продолжал Ахмет, – я ей слал сообщения, и она всегда мне отвечала. Писала, что делает, или о чем думает, или чего хочет. А что-то в последнее время отвечать стала не всегда и мало. Может, занята чем серьезным, может быть, учиться поступает. И знаешь, если честно, я боюсь, может быть, вообще что-то не так с ней.

– Ага, серьезным. Та она может, просто другого жениха себе нашла, ну жен ты больно ей, джигит аульский, – востепенувшись, засмеялся Володя.

Ахмет вдруг разволновался чрезвычайно. Весь напрягся, сжался, и его глаза злобно засверкали в сумерках:

– Зарежу! – крикнул он, – поеду в город, и если что не так – зарежу, как барана!

– Уймись ты, резатель великий, – благодушно начал успокаивать Ахмета Володя. – Я вот тоже вспомнил Оксану. Хочешь, расскажу тебе кое-что. Гостила у нас в вагончиках под Лоо девица одна, Оксана. Тогда селевым потоком в горах снесло много опор линии электропередачи, и мы с бригадой их восстанавливали. Жили в вагончиках прямо у берега моря. Почти всю осень жили там.

А Вовчик где-то познакомился с ней, ну с Оксаной. И она приходила к

нам в вагончик, и мы много пили тогда. Считаю, каждый вечер тогда пили мы. А Оксана в Москву ехать собиралась то ли учиться, то ли работать, не помню уже. Ну, в общем, деньги ей для Москвы нужны были. А она была из себя стройная такая, молодая, не то чтоб очень нравилась нам, но почти все из нас заигрывали с ней и говорили наперебой всякие любезности. И вначале Оксана садилась только рядом с Вовчиком, любезничала только с ним, а на нас, ни-ни, даже не глядела. Ну мы же тоже люди, Вовчик что, лучше всех? Потом мы все же поговорили с ним, он поговорил с ней, и она с нами тоже стала любезничать, а под настроение некоторым даже давала... По пять рублей мы платили ей за это. Ведь ей в Москву ехать, и деньги нужны были. А у нас тогда зарплаты хорошие были: четыреста рублей в месяц да командировочные три пятьдесят в сутки...

Утомившись многословием, Володя замолчал. Ахмет же волновался, тяжело дыша, слушал его вполуха, и, сплевывая, смотрел себе под ноги. Но когда Володя говорить перестал, неожиданно спросил его:

– А дальше что?

– Дальше что? – переспросил Володя и засмеялся своим мыслям, – а дальше вот было что. У Оксаны, оказывается, парень был. Мы-то и не знали. А один раз вечером мы сидели в вагончике, пили, и Оксана была с нами. И к нам в вагончик вдруг вваливается здоровенный такой детина. Мы-то и не знали, что он встречается с Оксаной. Ну он сел за стол, молча налил себе стакан водки, выпил... А потом – молча вдруг начал молотить своими ручищами все, что попадалось ему под руку. Перевернул стол, схватил стоящую в углу лопату и стал дубасить ею всех нас. Мы кинулись его уговорить, но куда там нам. Только сопит да знай себе орудует лопатой. Володе досталось больше всех, лопата плашмя ударила его по голове, а меня вот – задела по руке и сломалась. Ну он бросил тогда сломанную лопату, схватил за рукав рубашки Оксану и будь здоров, молча потащил ее за собой из нашей бытовки...

– А она что?

– Кто? Оксана? Да ничего. Орала, будто резаная, все упрашивала его: «Перестань, Санек» да «Прошу тебя, миленький»... А Вовчику нашему потом швы на голову накладывали в больнице, так вот.

Посидев еще немного, Володя грузно поднялся:

– Пойду я, спина что-то болит сегодня, – и тяжело ступая, потопал во двор.

Скоро поднялся и Ахмет: «Завтра же поеду в город, повстречаю ее, и поговорю с ней...», – решил он об Оксане и, засунув руки в карманы брюк, пошел к себе через дорогу.

В первых числах сентября приехал домой Аслан. В темных пиджаках и черных шляпах котелком приходили и приезжали важные гости, друзья Аслана. Собирались всегда только мужчины; в огороде одного за другим резали баранов, пили вино и каждый день жарили шашлык. Много умничали, много важничали и много непонятно веселились. Привыкая к чуждому ранее языку, чуждому веселью и вообще чуждому для сибиряка образу жизни Кавказских предгорий, Володя уже споро прислуживал Аслану и гостям. Вносил в дом или выносил домашнюю утварь, посуду, лавки, понадобившуюся кому из гостей теплую одежду. Точил ножи, связывал ноги убиваемым баранам, потом в момент заклания, под шеей держал миску для крови и после помогал разделявать и готовить мясо, в общем, был образцовым прислугой. И дикие северному человеку шумные

и горячие празднества народов Кавказа теперь не пугали и даже не смущали все более обывкавшегося здесь Володю.

С Зариной Аслан разговаривал отрывисто и строго. И уже понимая многие слова их языка, видя интонацию, с которой Аслан делал замечания Зарине, Володя догадывался, что вялотекущими строительными работами в доме хозяин не доволен. Зарина же, опускала руки вдоль чуть полнеющих стройных бедер, виновато склоняла голову и покорно выслушивала суровый вздор полупьяного мужа. И порою, быстро проходя мимо них с тазом или стулом, Володя про себя дивился ее покорности, гордой послушности перед мужем.

– Ты, кажется, электриком был, – как-то спросил Володю Аслан.

– Ну да, допуск имел до пятисот киловатт...

– Ну пятьсот киловатт нам ни к чему, но вот в мечети нашей свет нужно поправить, одна скотина делала, и половина лампочек не горит. Сможешь починить?

– Конечно! – с готовностью отвечал Володя.

И на другое утро, прихватив с собой хозяйские плоскогубцы да отвертки, Володя отправился к недавно построенной сельской мечети.

У ворот его встретил дряхлый старик, то ли настоятель, то ли служащий. С трудом выслушав суть дела, он с глухим акцентом и смешивая языки, стал бубнить себе под нос что-то неясное. Думая, что старик глухой, Володя повторил:

– Я свет пришел сделать вам.

Тогда старик молча повернулся и взмахом руки велел идти за собой. В прихожей старик, а следом за ним Володя сняли обувь и прошли в просторный прохладный зал. Весь пол огромного зала один к другому устилали мягкие шерстяные ковры и из многочисленных окон под высоким потолком обильно лился солнечный свет. Находиться в таком просторном зале с высоким куполом было хорошо, и Володя невольно приостановился, оглядываясь вокруг. Старик осторожно дотронулся до рукава Володиной рубашки и, качнув вбок головой, позвал следовать за ним. Прошли под проходящую по одной из сторон зала невысокую террасу, старик остановился и указал пальцем под потолок на лампочку:

– Не горит... – глухо проговорил он и повел к следующим, – не горит, не горит...

– Может быть, лампы перегорели?

– Меняли! – ровно проговорил старик.

Работа затянулась до обеда, электропроводка в мечети и в самом деле выполнена была нехорошо, в проводах был нарушен контакт, в двух местах провода просто перебиты, и неполадки устранить было трудно. Ближе к обеду Володя стоял на высокой лестнице и продолжал работать. Незаметно подошел старик, дотронулся рукой до его штанины и махнул рукою спускаться. Володя слез, старик поставил стулья и из своей сумки достал термос с горячим чаем, пластмассовые чашки и батон:

– Кушай! – сказал старик и протянул Володе термос.

– Кто же делал вам проводку, почему так плохо сделана? – отпивая чай, спросил Володя.

– Ваш русский один, из города... – отвечал старик.

– А что, у вас электриков нет?

– Нет. Делать провода и свет здесь никто не умеет, – также ровным голосом, глуховато отвечал старик.

«Вот в мечети побывал, – возвращаясь, думал Володя. – Кто б подумал, что и в мечети придется работать...»

Во время праздника один из друзей Аслана, конезаводчик Мустафа, подарил ему потомственного племенного коня по кличке Сириус. На длинном поводу вначале его водили по обширному двору и вся развеселая компания с пьяным присвистом хвалила достоинства животного. Конь волновался, дико косил глазом и поводил головой. «Вспомним молодость», – по-русски крикнул Аслан и, взглянув на Володю, вскинул удила и лихо, без седла и стремени вскочил ему на спину. Конь заржал, вздыбился, но, почувствовав на себе удалого ездока, смирился. Аслан толкнул щеголеватыми туфлями ему в бока. Осанисто цокая подкованными копытами, конь степенно вышел за калитку, и далее они ловко запрыгали галопом вдоль пустынной вечерней улицы. Из калиток и заборов вслед Аслану выглядывали нечесанные и неопрятные соседские джигиты, в домашних халатах и повязанные шелковыми платками выглядывали их женщины, и с присвистом выкрикивала хвалу коню их молодежь. И в вечерних сумерках глаза всех восторженно светились и сверкали завистью: «Ох гуляет Аслан, ох и джигитует...».

После отъезда Аслана дел у Володи прибавилось. Прежде всего, конь. Это своенравное и диковатое животное не слушалось, требовало к себе много внимания и вообще доставляло Володе немало хлопот. Если коровы, овцы, злобная кавказская овчарка и обе домашние кошки к Володе давно привыкли, с нетерпением принимали из его рук пищу и, завидев его, радостно мычали, блеяли, лаяли и мяукали, то конь только дико ржал, тревожно косил глазом и все норовил повернуться задом да лягнуть копытом.

Лошадиного стойла во дворе не было, и коня поместили во второе помещение беленного известкой длинного сарая, который начинался тремя комнатами с отдельными дверьми во двор, продолжался коровником на пять стойл и заканчивался небольшой, огороженной сеткой, овчарней. В двери второй комнаты Володя топором вырубил для коня отверстие в верхней части. И теперь из этого прямоугольного отверстия вроде окна постоянно выглядывала голова элитного Сириуса. Аслан также поручил Володе прогуливать коня в дальнем, заросшем травой конце огорода. И три раза в день на мотающуюся лошадиную голову Володя скидывал удила, цеплял повод и отправлялся с ним в глубину огорода. Потом поил, насыпал овса, чистил щеткой ему бока и убирался во временном стойле.

Конезаводчик Мустафа предупреждал Аслана, что такому животному не следует жить во дворе, и как только он достроит свою новую конюшню, обязательно заберет Сириуса обратно в табун. И, ежедневно заботясь о коне, Володя с нетерпением ждал, когда же Мустафа достроит свою конюшню и заберет его обратно.

С отъездом Аслана вышло еще одно новое обстоятельство, переменившее условия жизни Володи. Строители дома добрались с ремонтом до кухни, в которой он жил. Начали штукатурить стены, укладывать бетон на полу, и своей кроватью, столиком Володя им мешал. Тогда Зарина решила переселить Володю

в другое помещение, в первую комнату длинного сарая. И это переселение в сарай оказалось еще скорее и проще предыдущего: за полчаса он перенес кровать, столик, подушку и грязное белье в первую комнату сарая.

В этой первой комнате было два преимущества перед остальными помещениями. Прежде всего, в ней имелось небольшое, в половину квадратного метра, запыленное окно. И второе: в ней имелась газовая варочная плита. То есть, для проникновения сюда света с улицы, не нужно вырубать топором верхнюю часть дверей, как Сириусу, и на случай зимних холодов небольшую площадь можно обогреть просто: включив все четыре газовых конфорки разом.

Собрав железную кровать и расстелив постельные принадлежности, Володя присел отдохнуть. Сбоку от кровати теперь помещались четыре больших круглых бочки, доверху заполненных зерном, то ли пшеницей, то ли рожью. Пол здесь перепачкан куриным пометом и пухом; в углу ящик с примятым сеном, и там также все перепачкано пометом и перьями. «Видно, весною здесь пребывала квочка с цыплятами», – подумал Володя и, отвернувшись, взглянул на грязное и запыленное стекло окна. Заметив себе, что после ремонта в большой дом его вряд ли вернут жить и, наверное, желательно бы здесь прибраться: хотя бы вымыть окно, тяпкой почистить пол и подмести, он тут же подумал, что какая, дескать, разница, ведь можно жить и так: ничего здесь не делать и не убирать. Ну, если, конечно, Зарина не заставит...

В сентябре значительно ранее стало темнеть, уже в семь или в начале восьмого часа солнце тихо уходило за недалекие горы. И после семи дела Володи обыкновенно заканчивались, и он отправлялся на отдых в свою комнату. Кипятил на плите чайник, потом, в голубых отсветах газовых горелок громко и неторопливо отхлебывал горький чай из железной кружки. И потому что электрического света в комнате не было, скоро укладывался спать.

Но случалось, ему не спалось: с открытыми в темноте глазами Володя долго лежал на спине, уставившись в темный потолок. Долго так лежать, глядя в потолок и предаваясь навязчивым, порой злобным и бестолково связанным между собой собственным мыслям ему было нехорошо. В этом сумбурном и почти всегда недобром потоке думок начинали ворошиться в основном скверные эпизоды из прошедших его дней. И эти скверные эпизоды, порой даже не эпизоды, а отдельно спрессованные памятью участки многих дурных дней за занятостью в повседневности просто не вспоминались и к обсуждению не являлись. В праздной же бессоннице отчего-то вдруг начинали являться то старые улицы родного города, то стены бывшей квартиры, то общаги да бытовки его многочисленных командировок. И все эти собой обыкновенные города, заурадные улицы да закоулки всякий раз памятью оживлялись сердито и как-то шершаво.

Иногда в полудреме, в почти всегда неизменной последовательности вдруг являлись жена, потом малая дочь, потом дочь-подросток, потом развод с женой, потом усатое и полное лицо нового ухажера жены, ставшего впоследствии ее вторым мужем. И из почти забытых и упразднившихся времен залежей памяти еще выплывало много-много всякого прочего, теперь как бы лишнего и ненужного. Все это сонмище воспоминаний утомляло собой, нарушало покой тихо мелькавших друг за другом трудовых дней.

Так Володя стал поглядывать на валявшийся в куче домашнего хлама старый и почти развалившийся черно-белый телевизор. Кинескопом вверх этот небольшой ящик валялся в углу комнаты, в которой теперь жил Сириус. И, собравшись с духом, Володя как-то спросил Зарину:

– А там у вас телевизор валяется, нельзя бы его мне в комнату поставить...

– Телевизор? – удивилась хозяйка. – Что в сарае валяется? Да он же давно не работает. Зачем он тебе? Он сто лет как не работает, да и света у тебя в комнате нет...

– Ничего, я сделаю все. И свет и телевизор, – упрашивал Володя.

– Ладно, посмотрим, – согласилась Зарина, – когда время будет, я потом тебе скажу.

Убираясь у коня, Володя всю последующую неделю любовно поглядывал в угол, и предвкушал будущую свою жизнь с телевизором. Зарина же, вероятно, забыла свое обещание и о телевизоре не вспоминала. И спустя две недели Володя снова решился и снова обратился с просьбой к хозяйке.

– А, телевизор. А я и забыла. Да поставь себе его, если сделать сможешь. Конечно, поставь, – как бы извиняясь за забывчивость, отвечала Зарина.

Весь вечер Володя возился с телевизором. Что-то чинил, менял местами лампы и какие-то контакты. Все свободное время последующего дня он был снова занят телевизором и электропроводкой. И в вечерних сумерках в окне его комнаты замелькали синеватые отсветы экрана.

Все починить не удалось: изображение оставалось искаженным, порой коряво сдвигалось вниз, вверх, мелькало, и плохо регулировался звук. Но в тот же вечер, с наслаждением глядя в экран, Володя узнавал о новой крупной военной кампании, проводимой российской армией в недалекой Чечне, о происходящих на большой планете и других войнах, о чьих-то победах, поражениях, о невразумительных успехах политиков, бизнесменов, артистов. Услышал также о перестановках в правительстве, увидел новые лица в компании грузного, болезненно поплывшего и еще больше убежденного сединой российского президента. Также Володя увидел кучу рекламных роликов, с середины посмотрел пока непонятный сериал и, насмотревшись, удовлетворенно заснул.

С появлением телевизора дневная жизнь Володи занимала вечернее продолжение. Точнее, к вялой, обыкновенной делами повседневной жизни большого хозяйства дополнением приблизилась далекая другая жизнь, отдельная и самостоятельная. В этой отдельной и чуждой Володе быстрой жизни столиц было что-то странно притягательное. И хотя почти все, что вещал телевизор, было малосодержательным и ненужным для Володи, он каждый вечер с непонятным нетерпением отправлялся в свою комнатку, заваривал крепкий чай и предавался ленивому, почти неосмысленному просмотру подряд всего, что показывал первый канал.

Трудовой день своими делами очищал память Володи от информации, доставленной вечерним вещанием. Он уже давно привык не запоминать ненужное и оттого, что телевизор вещал все ему только ненужное, то, просто забывая вчерашнее, с каждым новым вечером Володя смотрел новости и сериалы как бы сначала, с чистого листа.

И удивительное дело, очевидно приятным, просто ласкающим слух развлечением все больше оказывалась обыкновенная русская речь. Сам того не замечая, Володя с ленивым наслаждением слушал и слушал слова дикторов и

ведущих программ на первом канале телевидения. И не важно, что говорили и о чем. Произносимые долгие и почти всегда непонятные монологи красивых женщин и элегантных мужчин, дикторов несказанно умиляли исключительно правильно поставленными в предложения словами родного языка. В повседневной же жизни Володя все больше понимал местный язык, а родной ему русский, исчезал из словесности дней. Да и вообще разговоров в течение дня бывало настолько мало, что, работая в саду или в коровнике, Володя нередко заговаривал сам с собой. Ведь разговаривать было решительно не с кем и не о чем. Утром в нескольких словах Зарина коротко давала установки рабочих дел и уезжала; старушки же и дети с Володей по-русски почти не говорили. И, порой тоскуя о городских домах, улицах, о городских магазинах и шумных проспектах, о родной речи, Володя стал подумывать о возвращении в город. Царящая же здесь тихая и скучная сельская жизнь теперь нередко раздражала. Раздражал своенравный конь, раздражали коровы, овцы, высоченный стог сена, гуси и клекотание индюков. Раздражала хозяйка, раздражали надменные старушки и нагловатые дети. И даже тихая, всегда безлюдная и почти прямо уходящая вдаль улица также раздражала.

В первых днях октября на выходные приехал из Черкесска Ахмет. Теперь он по-городскому носил за спиной студенческий походный рюкзачок, важничал и только коротко кивнул на приветствие выглядывающего из-за приоткрытой высокой калитки Володи.

Володя же, напротив, был очень рад его приезду, теперь ему очень хотелось поговорить с Ахметом, рассказать о своих делах и настроениях. Он умышленно подолгу сидел на лавочке, терпеливо ожидая общения. Но Ахмет был все занят, куда-то спешно уходил или возвращался и, не приближаясь к лавочке, быстро махал Володе рукой и шел дальше.

А в воскресенье к вечеру Ахмет все же подошел к сидящему Володе и приветственно хлопнул рукой:

– Ты чего это сидишь да сидишь на лавке, что, у Аслана уже всю работу сделал? – весело спросил он.

– Да всю не всю, не знаю, дома их нет, вот и сижу здесь...

– Как дела твои?

– Да ничего, пойдет, скучаю только больше и больше, – признался Володя – а ты-то как?

– Нормально, учусь вот...

– На менеджера?

– Ага! На его самого, – довольно отвечал Ахмет.

А я вот, закис как-то. Скучаю, не нравится мне здесь, и все тут... – и далее Володя многословно стал рассказывать Ахмету о вредном коне, о том, что сам всегда в городе жил и здесь жить ему неподходяще. Скопившиеся в душе многочисленные собственные недовольства Володя торопливо высказывал Ахмету. Изливая душу, Володя говорил ему:

– Вот Зарина, она вроде не обижает и много работать не заставляет, как бы жалеет меня...

– Ты на отца ее похож, умер он года два назад.

– Да? – удивился Володя – Но дело не в этом, я не это хотел сказать. Не по себе мне все равно здесь. Даже не знаю почему. Уезжать, наверное, буду от вас...

Глядя на свой ботинок, Ахмет заметил ему:

– И что, думаешь, Аслан тебя отпустит?

– А что, думаешь, нет? – восторженно Володя и почему-то понизив голос, быстро заговорил: – Да ну нет же, с чего ты взял. Я скажу Зарине, что увольняюсь, попрошу расчет и уеду. Что, думаешь, раб я, на вечное рабство здесь приписан?...

– Да при чем здесь рабство, – устало, как маленькому, отвечал Ахмет, – просто Аслан не тот человек, чтобы кто-то приходил к нему или уходил. Мне отец рассказывал об Аслане. Они же почти ровесники и учились в одной школе. А Зарина в молодости была первой нашей красавицей. Все джигиты заглядывались на нее. А Аслан был толстым сыночком богатых родителей. Отец его в советской партии каким-то шишкой был... И хотя Аслан ухлестывал за Зариной, ей самой не нравился. Да и был у нее жених, один красавец из соседнего села, он даже присылал сватов к родителям Зарины. А потом получилось так, что жених вдруг куда-то уехал, то ли на заработки, то ли еще куда. И исчез навсегда, с концами, больше его никто никогда и не видел. Поговаривали, что отец Аслана усладал его куда подальше. И никто тогда и не подумал бы, что Зарина выйдет замуж как раз за Аслана, невысокого и толстого. Получилось же как раз так. А теперь Аслан – первый богатей всего нашего района, его уважают и боятся. Так что не знаю, ты лучше вот что: если надумаешь уезжать, ни с кем не советуйся и ничего ни у кого не проси. Просто тихо уходи и все.

– Да ладно вам, что-то ты настрашал меня, наговорил всякого. Я не думаю, что Зарина меня не отпустит. Да и вообще, как же я, не советуясь, в город-то поеду. У меня ведь и денег нет совсем, кто же повезет меня без денег. А что, разве я за три месяца здесь ничего не заработал? Нет, думаю, Зарина заплатит мне.

– Ну – это твои дела, сам умный и все знаешь, – сказал Ахмет и поднялся, – ладно, пока, завтра уезжаю в Черкесск.

– Пока, – отвечал Володя, тоже поднялся и вдруг через улицу окрикнул Ахмета:

– А знаешь, ведь у меня жена тоже красавица была, знатная красавица...

– И где же она? – насмешливо спросил Ахмет.

– А нету! Пропили мы жену, уже лет, наверное, пятнадцать, как развелись. После меня она второй раз замуж вышла.

– А я так и думал. Вы же все алкаши...

– А ваши не алкаши? Вон погляди на своего соседа: вечно злой, пьяный, всегда небрит, постоянно орет что-то дома, а уж как меня завидит, обязательно сплюнет в мою сторону.

– Да, это точно, Артур не любит тебя. Он вообще русских не любит, говорит, резать вас надо, как баранов.

– Что, ваххабит, что ли?

– Да какой ваххабит, кто его туда возьмет.... Просто злой по натуре человек. Вот и все...

Утвердившись в мысли о необходимости отъезда, Володя теперь чувствовал себя будто виноватым перед Зариной. Точно задумал он что-то непорядочное, нехорошее. Продолжая заниматься хозяйственными делами и постоянно думая об отъезде, он старался не глядеть в лицо Зарины и в лица старушек и детей. Иногда ему казалось, что отъезд станет предательством в отношении хозяев, и,

подозревая это, они стали внимательнее следить за ним. Будто видя написанные на лбу горящими буквами опасные им желания, Зарина, а особенно старушки, невольно присматриваются к его морщинам. И тогда мысленно он принимался убедительно доказывать самому себе: «Да что я, раб здесь, что ли, что не имею права жить, где хочу, работать, кем хочу. Я, что ли, виноват, что хозяйство у вас такое огромное. Огромное, значит, управляйтесь сами, я-то здесь при чем, не надо было хозяйство большое заводить...». Подобные внутренние разговоры с собой порой перемешивались со словами Ахмета о том, что если отъезд задумал, не согласовывай ни с кем, делай тихо, молча и сам.

Рассуждая с собой об отъезде и о городе, всякий раз Володя неизбежно возвращался к вопросу о деньгах. Так и этак, думая о своих возможностях, приходилось уныло соглашаться – без денег нет и отъезда. Даже если кто и подвезет его до города, то пока найдет работу, пройдет несколько дней, а то и недель. И все это время нужно что-то есть, и пользоваться городским транспортом. Ведь пешком да еще голодным далеко не уйти. А возможность приобщения к бродягам подле рынков отметалась сразу, он страстно не терпел и всегда презирал бездельников и бродяг.

Так постепенно Володя оказывался более и более мучим заботой о деньгах. Эта мысль мучила постоянно, и почти всякий день мозг лихорадочно работал в поисках возможностей занять деньги. И ничего толкового не выходило, похоже, за деньгами придется обращаться к Зарине. Ведь больше нигде и не у кого денег здесь не заработать, в долг никто не даст, что-либо воровать у хозяев нелепо и даже глупо. Правда, явилась как-то мысль: в магазин Асият отнести кое-что из мелких инструментов, используемых им в работе. Ну, допустим, отвертки, плоскогубцы, всевозможные ключи, электродрель... Но идея, была так же опасна: здесь все и все знают, и, даже если Асият примет кое-что из инструментов и заплатит ему деньги, наверняка вечером скажет обо всем Зарине и тогда уж выйдет точно нехорошо. Зарина-то неглупая, также наверняка сразу догадается, зачем деньги Володе. И, находясь в каждодневном внутреннем беспокойстве, Володя мало ел, меньше увлекался телевизором, и на его лбу проступали глубокие борозды беспокойных думок.

Спустя две недели на выходные снова приехал Ахмет. В первый же вечер в сумерках подошел к сидящему на лавке Володе. Живо приветствуя, он сразу со смехом осведомился:

– Ну что, бродяга, не уехал пока? Что, денег пока не дождался?

– Как ты угадал, – Володя тоже повеселел. – Точно, не дождался и, наверное, не дождусь, придется двинуть впустую...

– Если честно, я бы помог тебе, но ведь знаешь, в селе все друг о друге знают и также знают, что я к тебе прихожу поговорить. А когда сбежишь, все подумают на меня, что я тебе помог, отец тогда меня съест за это.

– Да я знаю это и видишь вот, ничего у тебя не прошу. И мне самому все неловко как-то: ведь Зарина и в самом деле ко мне неплохо относится, не слишком загружает работой, с едой у меня полный порядок. А ведь хозяйство вон какое у них, кому с ним будет убираться, так что думаю и думаю, что мне делать, всякий день.

– Я тоже думал о тебе, – говорит Ахмет, – тебе все же надо двигать отсюда. Плохо тебе быть здесь. Вера у тебя другая, обычаи другие, язык рус-

ский. Вот и отец мне говорил, когда я хотел поступать учиться в Москву: «Зачем тебе она: далеко, чужой город, чужие люди, домой приезжать на выходные никак невозможно». И теперь я сам вижу, что хорошо. Хорошо, что в Москву не уехал и учусь в Черкесске.

– Так оно... Так все и есть... – отозвался Володя, а Ахмет вдруг спросил:

– А ты в Москве был?

– Конечно же. Много раз. Мы даже работали в Москве два года, где-то в конце восьмидесятых годов.

– Ну и как, понравилась?

– Да как тебе сказать, нравилась не очень уж. Конечно, город богатый, денег много, а в общем, суeta одна. Уж теперь, наверное, спустя двадцать лет и суeta намного больше. Мне и рассказывать-то о Москве толком и нечего. Жили в Чертаново, каждое утро вахтовым автобусом ездили в Подмоскowie, устанавливали трансформаторы, опоры, изоляторы. И вот все, пожалуй...

– А девчонки там какие?

– Думаешь, мы их видели? Говорю тебе: утром вахтой туда, вечером – обратно. Но вообще, мне всегда как-то казалось, что московские дамочки не для нас, вахтовых работяг из Сибири. У них слишком уж много какой-то странной энергии, нам непонятной. Еще у них много нудной важности, дескать, столичные мы, москвички. Вроде такой, какая у ваших, кавказских женщин... – смолкнув ненадолго, Володя заговорил снова:

– Я не скажу, чтобы они были похожи на ваших, нет. Но на нас, сибирских работяг, московские женщины глядели приблизительно так, как теперь глядят и ваши на рабочих русских мужиков: горделиво, свысока, будто не видя в нас мужчин. И все, кто из наших ребят тогда познакомились, почти всегда познакомились тоже с приезжими: из Липецка, Тамбова, Тулы, Орла... И приезжих было очень много в Москве. Лимита – так называли всех, кто хотел получить прописку и остаться жить в Москве...

– Что-то невеселый ты сегодня, – говорит Ахмет. – Расскажи что-нибудь интересное.

– Томлюсь я здесь. Маюсь... – будто не слыша вопроса и почему-то приглушив голос, переменял тему Володя. – Бывает, лягу спать, а не спится. Лежу час, два, три... хоть глаза выколи, не спится. Вспоминаю то одно, то другое, и все выходит сердито так, нехорошо... Будто жизнь прошла, а вспомнить нечего. Все такое, что лучше и не помнить бы. Вот ты спрашиваешь то о Москве, то о телках, а мне все не то чтобы скучно, но неинтересно как-то, да и ненужно. Посмотри на меня: где я, а где Москва...

– Но ты же ездил много, городов сколько повидал...

– Да, это точно: ездил много. Но что с того, что ездил? Ты спроси, что видел... Лежу вот ночами, вспоминаю жену, дочь, Сибирь, квартиру нашу вспоминаю. Думаю обо всех, думаю... Иногда кажется, что зря на Кавказ жить приехал, не моя это земля. А иногда чувствую, что дело не в этом вовсе. Раньше я думал, что пропил все – и жену и Сибирь – ведь так и есть на самом деле, но причина тоже как бы не только в этом. Вот посмотри, здесь я совсем пить перестал и что, лучше мне стало? Переменилась жизнь моя? Как бы не так! То хоть, бывало, выпьешь и на душе хорошо, свободно... А теперь вот как остаюсь сам с собой, начинаю что-нибудь вспоминать, думать, и получается плохо все, зло...

– Так уж и не пьешь, – усмехаясь, вставил Ахмет. – Я тащил тебя во двор

через калитку...

— Когда это? — невинно встрепенулся Володя. — А, это когда Зарина мне сто рублей дала! Так это было всего один раз.

— Один раз, но какой!

— Та ладно, — в темноте будто улыбнулся Володя и еще тише продолжал: — Вот когда сюда меня привез Аслан, я думал, кто буду я здесь — то ли работником, то ли рабом. А сейчас мне уже все равно, ведь какая, в сущности, разница. Хотя никто в селе в глаза не говорит, я чувствую, знаю, что я — Асланов раб и не это, оказывается, самое тяжелое. Работа здесь не самая трудная, которую приходилось делать, еда отменная. Но без языка я здесь. Представь себе, мне не с кем здесь говорить. Не с кем, не о чем, и незачем. Вот что тяжело. Иногда даже сам с собой разговариваю...

Меня уже раздражают ваши дома, улицы... Помнишь, как я про мечеть тебе восторженно рассказывал? Мне тогда очень понравилась ваша мечеть. А теперь как взгляну в сторону мечети, услышу, как поет мулла, тяжело становится.

— Я же говорил, уходить тебе надо. Вера у тебя другая, язык другой, — повторяет Ахмет. Ему хотя и не совсем понятно, отчего злится Володя, но все-таки жаль его. Он хочет сказать что-нибудь веселое, ободряющее, но не находит, что именно, поэтому смолкает и достает сигарету.

— Ты что, куришь уже? — спрашивает Володя.

— Да нет, балуюсь, отец не знает, а то достанется мне...

— Ладно, не бойся, все равно узнает. Хочешь, еще расскажу тебе что-нибудь?

— Давай.

— Я же на Кавказ к вам приехал в командировку, — вздохнув, начал долгий рассказ Володя. — Приехал да и остался. С одной женщиной тут познакомился, стал жить с ней. Тихая, характером спокойная... Тогда она уже немолода была, болела. Потом, оказалось, рак у нее. Долго лежала в больнице и умерла. А взрослый ее сын скоро продал квартиру, а новые хозяева выселили меня. Мы ведь не расписаны были с ней.

Мыкался я, тыкался... Потом на квартиру встал к бабе одной, вот такой! — усмехнувшись, Володя широко развел руки, будто хотел тополь охватить. — Ну и вредная ж была баба, хозяйка моя...

А на работе все хуже. За пьянки уволили как бы по сокращению штата. Пришлось устраиваться на другое предприятие...

Но времена менялись, скоро развалилось и предприятие, на которое устроился. Ну а со мной тут уже не церемонились, — уволили в числе первых. И пошел я на «биржу» труда. Знаешь, в городе на железнодорожном товарном дворе по утрам собираются мужики и предлагают труд свой. Вот так и я стоял. Помню первого заказчика. Грек. Важный, надменный из себя,... Иван Аполлонович, кажется, звали его. Ему во дворе тогда туалет понадобился, вот я и строил. А ведь каменщик я никудышный, все вкривь и вкось. И вот приезжает с работы этот Иван Аполлонович, поужинает и подходит ко мне. Я вожусь, нервничаю, стены выходят неровно, нехорошо, а он молча станет, засунет руки в карманы и смотрит. Пока не стемнеет, стоит, молчит и смотрит, как я мучаюсь... Туалет получился безобразный, но за работу, какая не вышла, хозяин тогда заплатил хорошо.

Но дело не в этом, я не об этом хотел тебе сказать. После у кого я только ни работал, что бы ни делал, всегда было именно так: подойдет, станет рядом и молча, часами паянется на то, как я работаю. Мне это было противнее всего: допустим, работаешь, долбишь ломом землю, а он стоит рядом, нарядный весь, в черных брюках, белоснежной рубашке и нудит над ухом: «Неправильно делаешь все, неправильно работаешь, алкаши вы все...».

За последние годы у кого только не работал. И каменщиком у Артура, и разнорабочим то у Бориса, то у Ильеса, то у Акопа,... Требования к качеству возрастали, уже безобразных туалетов я не строил, старался делать все лучше, но с каждым годом недовольство моей работой только росло, а плата за работу только уменьшалась. И ведь чем больше хозяева сами богатели, тем больше были мной недовольны, больше заставляли работать и меньше платили. Обычно утром приедет, даст задание и уедет, а в конце дня приедет снова. Обязательно будет недоволен, накричит и велит еще работать вечером. А ведь возраст-то мой не тот, силы не те... И всегда одно недовольство выходит. А когда за платой придешь, так недоволен будет снова: то будто денег нет, то зачем мне они, ведь или пропью, или заберет кто-нибудь. И обязательно недоплатит даже то, что сам же и обещал... А ведь они ездят только на «мерседесах», а нам денег всегда нет... — Володя устал говорить и замолчал.

Рассеянно слушавший его Ахмет встрепенулся:

— Ну ты злой совсем стал, я и забыл, мне же идти пора...

— Нет, ты уж подожди, дослушай... Последний хозяин, у которого я до Зарины работал, Хасан, вообще мне почти ничего не платил, видно, считал, что если живу в его подвале, зачем мне платить. И чем богаче становился, тем больше сердился и больше нагружал работой. Перед тем как я приехал сюда, Хасан нагрузил меня копкой длинной траншеи, чтобы воду к фонтану провести. И я почти месяц ковырял дрянной гравий. Экскаватору — час работы, а я почти месяц копал. И ведь этот чертов фонтан не нужен совершенно ни мне, ни самому Хасану. Потом я видел, как приезжал архитектор, и слышал, что он говорил ему: «Зачем здесь фонтан, по проекту ему не место здесь...». А ведь я рыл столько. Когда, я уезжал, Хасан еще спросил, будто издеваясь: «Ничего там не должен тебе?» — «Да нет, — отвечаю, — наверное, ничего, ведь ты же давал мне сто рублей...». Сто рублей за три недели работы лопатой и ломом по жару... Сто рублей, черт...

Ахмет поднялся:

— Когда уходить будешь?

— Как денег добуду, так и уйду. Хотя, знаешь, если честно, куда бы я ни ушел, везде будет обязательно одно и то же, это я уже наверняка знаю...

— Пока, — уже нетерпеливо сказал Ахмет и протянул руку.

— Давай, пока, — отвечал Володя и, привстав, попрощался с Ахметом, потом вдруг окликнул его, догнал и негромко проговорил:

— Ты уж извини, я тут целый ворох всего наговорил и, наверное, не то все. Я знаю, тебе это не нужно. У тебя своя жизнь, свои дела. И уж не передавай никому, что тебе здесь высказывал, незачем все это...

Похолодало. Последующую неделю от широкого ущелья почти всякое время настырно дул холодный ветер. Рассветало теперь много позднее. И поздними утрами Володя поторапливал обленившихся и неохотно бредущих на выгон коров и овец. А когда возвращался, то, глядя на ветром гонимую вдоль улицы обильную сухую листву орешника, вспоминал, что идти в город придется пешком, и ночи уже довольно холодные, а верхней одежды у него нет. И, думая о теплой одежде, Володя присмотрел для себя валявшуюся в подвале чью-то старую военную шинель. Незаметно пронеся в свою комнату, он ее осмотрел: шинель была чрезвычайно измята, с несколькими звездчатыми медными пуговицами, ало красными погонами и такими же алыми петлицами. Отрезав погоны и петлицы, Володя тайно закопал их в саду. Шинель же повесил на круглую бочку с зерном для отглаживания и просушки.

Еще Володя незаметно обзавелся зимней обувью и зимней шапкой. Разбирая приготовленные к сжиганию старые одежды хозяина, он примерил изношенные, но еще довольно прочные ботинки Аслана. Они несколько малы, но носить их, похоже, можно. А шапка оказалась и вовсе впору. Все это Володя принес в свою комнату и также тщательно просушил.

А спустя еще неделю, седьмого ноября, в воскресенье пришли люди от Мустафы и забрали коня в табун. В тот же день, видя расположение к себе Зарины, Володя обратился к ней с просьбой о деньгах.

– Выпить хочешь? – беззлобно спросила Зарина.

– Да нет, куда там пить мне, здоровья нет совсем. Просто на собственные нужды...

– Ну ладно, на вот... – и Зарина стала рыться в своей сумочке. Мелких купюр не оказалось, все крупные. Вначале она хотела пойти и разменять их в магазине Асият, но поленилась:

– Ладно, на вот пятьсот рублей, – Зарина отделила от пачки одну бумажку и отдала ее Володе.

Полученные неожиданно деньги чрезвычайно взволновали Володю. В волнении мысли его мешались, порядок вещей путался: «Пойти, что ли, в магазин Асият купить водки, выпить и отдохнуть, а потом идти уж... Или уже сразу решиться, что ли...». В необыкновенном беспокойстве он входил в свою комнату, включал телевизор, посмотрев несколько минут, взволнованно выключал и снова выходил во двор, брался за грабли и пытался очищать от опавшей листвы огород, брал веник и мел двор. Но мести было бессмысленно, порывами ветра листва и мусор тут же снова разметались по обширной площади. Несколько раз Володя выходил за калитку и подолгу смотрел вдоль безлюдной улицы. Смотрел также и через дорогу, на маленькую калитку и хлипкий забор хозяйства отца Ахмета. «Эх, жаль, нет Ахмета, – вспоминал Володя, – не с кем и посоветоваться...». Не раз откуда-то выскальзывала и шуплая мысль просто пойти по улице к остановке, дождаться автобуса и уехать в город. Но сомнениями Володя все же отстранялся от этой мысли: «А вдруг кто спросит, куда я собрался, что отвечать, что уволился и еду домой? Нет уж, здесь, похоже, никто не увольняется, Ахмет прав был...».

Смеркалось. Володя сходил на выгон, пригнал скот и пошел к себе. Не

хотелось ни есть, ни смотреть телевизор. Ставя чайник на плиту, он заметил, что его руки мелко дрожат, точно у вора. Выпив чаю и немного успокоившись, Володя прилег на кровать и попытался хоть ненадолго заснуть. И странно, он-таки задремал, но скоро проснулся: «Пора, пожалуй, уже полночь...». Быстро надев шинель, ботинки и шапку, прихватив с собой хлеб, мясо и пластиковую бутылку с водой, он выглянул во двор: тишина и плотная темень.

Тенью вора Володя проскользнул вдоль клумб к маленькой боковой калитке, тихо звякнув защелкой, вышел на неосвещенную улицу и зашагал в сторону автомобильной трассы. Кое-где лаяли собаки и странно в ночи кричали какие-то птицы. Когда пошел, волнение несколько улеглось и идти стало легче. У плетня на окраине увиделась неуверенно идущая от дороги человеческая тень. В груди Володи сильно заколотилось сердце, и он мешком упал в придорожную траву. Тень ругливо приближалась, и, узнав пьяный голос не любящего русских Артура, Володя замер. В голове скакали и бешено колотились несколько несвязных слов: «Надо же, черт, угораздило эту скотину сегодня здесь шляться, надо же...». Будто от дикого ветра невероятно шатаясь и злобно сам с собою ругаясь впере-мешку то русскими то родными ругательствами, злобный Артур прошагал мимо застывшего Володи. Поднявшись через минуту и тяжело дыша, он посмотрел вослед шатающейся тени: «Неужто пронесло?!».

В плотной безлунной тьме Володя скоро вышел к автотрассе, приостановился и поглядел вправо и влево. Издали слева, со стороны ущелья быстро приближался свет от фар мчавшегося автомобиля. Подумав было дождаться и махнуть рукой, попроситься доехать до города, он тут же испугался даже подобной мысли: «Нет. Пешком надо идти и желательно подальше от дороги». И, отойдя к придорожной лесопосадке, по кустарникам и травам Володя торопливо зашагал вправо, в сторону города.

С ботинками он просчитался. Вначале несколько маловатая обувь жала ноги вроде несильно, но чем дальше шел, тем больше начинали ныть большие пальцы ног и пятки. Казалось, что с непривычки к дальней ходьбе разгоряченные ступни ног вздувались больше и больше. И с каждым шагом боль ступней и пальцев ног все увеличивалась.

Прошагав километров пять, Володя остановился, присел на сырую траву, снял ботинки и дурно пахнущие носки. Ступни и пальцы ног вспухли, и будто фосфором, светились в темноте ночи. Немного отдохнув и освежив ноги, он обулся и снова зашагал далее. Скоро вдаль показался поворот дороги и за поворотом, освещенный ярким светом, увиделся пост ДПС. Желая не попадаться на глаза ночным дежурным поста, Володя хотел было обойти их полем. Но когда приблизился, увидел, что придорожные деревья у поста совсем поределели, кустарник выкошен и две мощные лампы ярко освещают поля вокруг. «Эх, – решил он, – смысла прятаться нет, придется выйти и идти по дороге...».

Капитан милиции издали увидел приближающегося Володю:

– Что там за чудо идет сюда? – громко спросил он. – Эй, воин, а ну-ка давай сюда! Ты кто такой?

– Я кто? Да просто человек, с работы иду в город...

– Э, чучело... Да какой тебе город! Я спрашиваю тебя, кто ты и откуда?

– Я работал там, – заикаясь, Володя неопределенно махнул рукою назад, – теперь уволился и иду домой, Владимир меня зовут.

– Пойдем-ка, Владимир, на пост, разберемся, кто ты, откуда, почему в

шинели, может, украл чего в селении, может, за тобой кто гонится.... А может, ты и вовсе террорист?

Положив на стол голову, дежурный начальник смены дремал. И когда вошел заместитель, тяжело оторвался от стола:

– Чего?

– Да вот прохожего остановил... Эй, проходи! – крикнул Володе капитан.

Володя осторожно вошел.

– Ты кто и откуда? – сонно спросил майор милиции.

Володя снова сбивчиво все рассказал.

– Ты, случаем, не террорист? К кому в город идешь? – оттого что разбу-
дили по пустякам, майор сердился, и, повернувшись к помощнику, приказал:

– Обыщи-ка его.

Володя поднял руки и капитан брезгливо и бегло пощупал его шинель.

– Да ничего, вроде, нет у него, – доложил он майору, – хлеб вот и мясо
вроде...

Майор зевнул и размял плечи:

– Что же делать нам с тобой, ты случаем не из рабства бежишь? Здесь бывают такие случаи, по наивности едут туда на заработки, а хозяева у них паспорта забирают, и тем деваться некуда, вот и работают на хозяев как рабы.... Живут- живут, а потом ночами бегут, вот как ты...

– Да нет, паспорт у меня есть, – сказал Володя и, порывшись в потайном кармане, достал измятую красную книжицу, – вот...

Майор посмотрел паспорт и поднял голову:

– Ты что, прописан в Омске? Каким же ветром тебя, почти старика, сюда занесло?

– Да вот с женою развелся и приехал жить сюда, на Кавказ...

– А жить-то есть где?

– Да. Жить где есть, – соврал Володя, и майор отпустил его:

– Давай, вояка, шагай себе и удачи тебе...

После поста дорога еще несколько раз плавно поворачивала вдоль ущелья, и за одним из поворотов, в отдалении увиделись огни города. Далее широким овалом дорога сильно пошла вниз и идти под гору стало легче. «Надо же, – про себя думал Володя, – как туда ехали, на дороге не замечал ни подъемов, ни поворотов, ни спусков. И доехали быстро. Теперь же почти всю ночь иду, иду, уже утро скоро, а идти еще вон сколько...».

Мутный ноябрьский рассвет застал его уже у самого города. На дороге стало больше машин, и, шагая по пригородной промышленной зоне вдоль обочины, Володя думал, что, наверное, оттого что беспокойно мычат коровы, голодно блеют овцы и кудахчут куры, хозяйка уже поднялась, сама отвела скот в стадо и, накормив кур да индюков, теперь наверняка ищет его во дворе. И, заслышав шум приближающихся сзади машин, он уже несколько раз опасливо оглядывался назад, не едут ли вдогонку за ним из селения.

Город Володю явно не встречал. После праздничного вчерашнего дня на пасмурных улицах спального района, по которым теперь он шагал, было пустынно и безлюдно. По пути встречались сосредоточенно метущие вдоль тротуаров осеннюю листву дворники; изредка из подъездов многоэтажек торпливо и недовольно, озабоченные своими делами выходили полусонные

мужчины и женщины. И занятые своими пасмурными утренними делами граждане города вовсе не замечали ни странную военную шинель Володи, ни нахлобученную кое-как на его голову нелепую шапку.

Свернув с проспекта в переулок, Володя решил вначале навестить давнего приятеля Алексея. Алексей был не то чтобы приятелем или товарищем Володи, но когда-то они работали на одном и том же предприятии, потом оба были уволены и нередко встречались на подрядных частных работах, а после работы не раз выпивали вместе. И Володя бывал в гостях у Алексея в его неопрятной коммунальной квартире и знаком был с его женой. И, вспомнив, что в городе идти особенно не к кому, Володя отправился к Алексею.

По неухоженной и давно разваливающейся деревянной лестнице он поднялся на второй этаж и несмело постучал в обитую старомодным дерматином дверь квартиры. Подождав немного, он постучал снова и уже громче. Наконец дверь открылась, и из комнаты на Володю ухнуло спертый теплым воздухом.

– Кто там? – в обвисшей майке из-за дверей показался сонный Алексей. – О, да это же Владимир! Заходи! – весело приветствовал он Володю. – А я думаю, кто там в такую рань пришел к нам? Ну и вид же у тебя! Лихой! Ты что, в повстанческую армию записался, что ли? Что за шинель, что за шляпа? А погоны где?

– Погоны отрезал, – засмеялся Володя, – зачем мне теперь красные погоны. Красной Армии уже нету.

– Армии-то нет, но ленинский праздник революции мы вчера отметили. Все как полагается! А вид у тебя все же хорош, – продолжал смеяться Алексей, – настоящий повстанец! Ты проходи давай в кухню.

Прошли в небольшую кухню. На неубранном после вчерашнего праздника столе беспорядочно громоздились недоеденные остатки ужина. Протиснувшись боком между холодильником и столом, Алексей тяжело плюхнулся на табурет. Алкоголь еще продолжал бродить в его крови и, видно, потому был весел Алексей:

– Присаживайся, Вовчик, будешь пиво? – приподнявшись, он через стол приоткрыл дверцу холодильника и, протиснув туда руку, пошарил на ощупь и вытащил бутылку пива.

– Да нет. Не пью я теперь, здоровье не позволяет, – отвечал Володя, – мне бы чаю...

– Сейчас будет вам чай, – Алексей повернулся к газовой плите, включил конфорку, плюхнул на нее чайник и затараторил:

– Ну рассказывай, где обретаешься, чем занимаешься, что-то давненько не видел тебя. И зубы твои стали что-то совсем плохи. Когда рот открываешь, прямо будто дупло черное. Не болят зубы-то? Ты шинельку-то скидывай, боец, у нас тепло.

– Да, зубы совсем погнили, – Володя привстал и в тесной кухне начал тяжело раздеваться. – Уже почти и не болят. И какой там лечить их теперь! С каких денег... Ремонт моих зубов, наверное, тысяча двадцать стоить будет, а то и больше.

– Ну двадцать не двадцать, но десять уж бегом, – Алексей отпил пива и налил Володе чаю.

– А работал я в Черкесии, – начал рассказ Володя, – у хозяина. Ухаживал за скотиной да прибирался по хозяйству. Полный пансион: жил в сарае, по

соседству с конем, питался бараниной. За прошедшие считай, пять месяцев, заработал шестьсот рублей. Сто получил давно и пропил сразу же, пятьсот получил вчера и ночью сбежал...

— Так ты в рабстве был, что ли?

— Да нет уж, скорее в батраках...

— А мы здесь тоже непонятно, то ли в рабстве, то ли в батраках, — сказал Алексей. — Вот вчера, допустим, законный выходной и праздничный день, наш же начальник вздумал вывести всех на работу. И работали мы, как обычно, все восемь часов заливали фундамент его нового дома. А вечером пошли к нему, попросили аванс в счет праздника. Так он начал орать на нас: «Какой вам к черту праздник? Вон как хреново работаете, и праздника такого уже давно нет...». Но потом, правда, стал помягче и к вечеру дал аванс всем по тысяче. Так что за победу рабочих и крестьян пришлось пить только поздно вечером. А сейчас вот уже пора на работу собираться. Профукали, похоже, победу, — пьянел Алексей. Медленно повернувшись, он бросил взгляд вначале на заставленный всякой кухонной утварью подоконник, затем здесь же, на подоконнике, будто впервые увидел несколько жалких веточек герани.

— Ага, профукали, так и есть, — Володя зашевелился. — А как с работой тут у вас, хотел спросить. Мне ведь тоже нужно искать работу в городе.

— Да ты же знаешь, у нас все бетон, бетон... — продолжая глядеть в окно, отвечал Алексей. — Сможешь ли ты на бетоне работать, ведь немолодой уже.

— Да, это точно, силы мои не те...

— Ну хочешь, подойдем к прорабу, может, возьмет тебя. Правда, обещать не могу, прораб наш — зверина еще та, да и жулик порядочный. А с работой в городе напряженка. Нет работы. Сам понимаешь...

— Понимаю...

Алексей допил пиво и через стол опять грузно полез в холодильник. Пошарив рукой, нащупал вторую бутылку и ножом ловко ее открыл. От выпитого его лицо краснело и потно вздувалось, покатые плечи тоже будто вздувались, и казалось, что если он допьет эту бутылку, то кожа лица да и всей коротко стриженной головы, плеч начнет трескаться, лопаться и засочится пивом. Утомленный после долгого пути и бессонной ночи, Володя все теснее вжимался в угол и все больше смущался, видя уже сердито вспотевшего и продолжавшего вздуваться пивом Алексея. Он уже рассеянно слушал пьяные и недовольные Лешины речи и вспоминал, что когда тот напивался, то нередко буянил и устраивал драки. И, глядя в окно, Володя уже жалел, что пришел именно к нему, и понимал, что к прорабу сегодня идти не получится. За окном послышался шелест метлы дворника. Володя привстал и внизу, под окном, увидел высокого пожилого мужчину, спокойно и равнодушно выметающего из-под лавки сигаретные пачки, обертки из-под чипсов и пивные банки. «А что если дворником работать устроиться? — мелькнула интересная мысль. — А почему бы и нет... Работа несложная. Пойду-ка я в ЖКХ. Узнаю, что там да как...».

— Везде грязь... — неожиданно завопил вдруг Алексей. Ты только погляди, какое у нас на кухне свинство!... Ира! Ирка! Иди сюда! Быстро, скотина, сюда иди!

Заправляя халат, из комнаты показалась растрепанная после сна жена Ирина:

— Ты чего разорался-то? Че орешь?

— Почему вчера стол не убрала после ужина? Всегда обедки оставляешь на утро... Сколько можно это терпеть? — распалялся Алексей.

— Ты лучше заглохни и не ори! — нисколько не пугаясь мужа, отвечала Ирина. — Сейчас уберу. А это что за гость у нас из Наровчата... — она увидела съевшегося в углу Володю и с издевкой засмеялась. — Что-то давно вас видно не было, молодой человек... Случайно не в служебной командировочке отсиживались?..

— Нет! — окончательно и испуганно жалея, что пришел не ко времени, отвечал Володя. — Извините, но мне пора, — и потянулся за шинелью.

— Ничего, это ты нас извини, — проговорил Алексей, — я, наверное, на работу сегодня не пойду. Давай лучше завтра встретимся прямо на стройке...

— Хорошо, — отвечал Володя и, прихватив в прихожей свою шапку, тихо вышел. «Что, похоже, твой Вовчик в ЛТП побывал?» — притворяя за собой входную дверь, услышал он голос Ирины.

Выйдя во двор, Володя осторожно присел на ближайшую лавочку. Темные тучи незаметно рассеивались, и, мельком взглянув в небо, он подумал: «Видно, день сегодня будет солнечным, и шинель можно будет снять, а то слишком уж она приметная, все спрашивают да спрашивают...». Сосредоточенный на своей работе дворник, подметая, подобрался к лавке, на которой сидел Володя и, не глядя на него, стал выметать из-под лавки бумажный мусор. Видя, что мешает работать, Володя встал и отошел в сторону. Не поднимая головы и будто не замечая Володю, тот собрал мусор в совок и двинулся мести дальше.

— Извините, пожалуйста! — обратился Володя к дворнику. — Вы не подскажите, к вам на работу устроиться нельзя?

— А?... Что?...

— Я говорю, вам дворники не требуются? — повторил вопрос Володя.

— Та чи я знаю, кто требуется, а кто не требуется! Це ж не мои дела, — не поднимая головы и не прерывая работы, отвечал дворник.

— А узнать как?

Тяжело выпрямившись, старик вначале неторопливо осмотрел свою работу, не осталось ли мусора и листвы, затем взглянул в другой конец двора, где еще не убрано, и только потом посмотрел на Володю:

— Так итить у контору надо, там усе знают! — и бестолково рассказал, как добраться до конторы ЖКХ.

В небольшом кабинете отдела кадров ЖКХ крепко пахнет комнатными цветами и супом. Пожилая дама, кадровик, неторопливо листает страницы Володиного паспорта и свободной рукой часто прижимает к носу отглаженный и аккуратно сложенный вчетверо платочек. Володя же сидит на стуле у входа и старательно прячет под стул свои дурно пахнущие ноги в ботинках. И ему кажется, что, несмотря на то, что окна небольшого кабинета затворены плотно и так же плотно закрыта входная дверь сзади, запах здесь все же движется и распространяется как-то волнами: то цветы, то суп, то отвратительная гниль невымытых ног.

— Вы что, прописаны в Омске? — спрашивает дама. — Где же ваша трудовая книжка?

— Да нету, — отвечает Володя. — Предприятие, где работал, ликвидировалось. Куда девались все документы, нам не известно...

– Ну вам не известно, нам известно. При ликвидации любого предприятия его дела передаются в городской архив. Вы можете пойти туда, и вам отдадут вашу трудовую книжку, – вежливо объяснила дама.

– А новую нельзя завести?

– Боюсь, вам уже нельзя! – она выразительно посмотрела Володе в лицо.

– И вот еще: для того чтобы устроиться к нам на работу, от вас нам потребуются свидетельство ИНН и страховой полис от Пенсионного фонда.

– Это что такое?

– Последние годы всем по месту работы бесплатно выдавались подобные свидетельства. А теперь, кто не успел, тот оформляет ИНН и полис сам в налоговой и в пенсионном...

– Вот это да! Сколько дел-то, – вслух растерялся Володя, – а зарплата у вас дворникам какая?

– Это тоже зависит от нарядов, которые закрывает мастер... Но в среднем, наверное, тысячи три в месяц... Дворников у нас достаточно, но если вы соберете документы, которые я вам перечислила, то, возможно, возьмем вас на работу, – закончила дама и приглушено чихнула в свой носовой платок.

«Верно, от моих носков аллергия, вот и чихает...», – выходя, подумал Володя.

Оживающие машинами и транспортной техникой утренние улицы города все больше пугали Володю. Живя на тихой улице у Аслана, где за день едва ли проезжало более десяти машин, он давно отвык от такого стеснения людей городским транспортом. Теперь же, чрезвычайно волнуясь, Володя уже несколько раз пытался перейти необыкновенно переполненный машинами проспект Первомайский и несколько раз в страхе отпрыгивал назад, на обочину. «Как вообще переходят дорогу эту...», – растерянно думал он, глядя на нескончаемый поток машин.

Постояв у обочины минут десять, Володя засомневался: «А стоит ли переходить на ту сторону? Ведь место, где располагается эта самая «налоговая служба», неизвестно, и вполне вероятно, что с этой стороны...». И, посмотрев по сторонам, он обратился к добротному одетому и как раз садившемуся в свою машину молодому человеку:

– Извините, не подскажете, как к налоговой службе добраться?

– Налоговой?... – молодой человек недоверчиво оглянулся и бегло окинул взглядом Володину шинель. Потом же, будто что-то вспомнив, добродушно заговорил:

– Знаете, я еду почти мимо, могу подвезти, если желаете...

– Спасибо. – Володя несмело протиснулся в машину.

– Что, у доблестной Красной Армии проблемы с налогами? – как только тронулись, усмехнулся молодой человек.

– Что? – не понял Володя. – А, шинель, да это я случайно надел... Мне на работу нужно устроиться, а для этого, оказывается, нужно получить ИНН...

– Да я пошутил... Просто смешно как-то: армия и налоги. Службы как бы несопоставимые, – останавливаясь, улыбнулся молодой человек и показал пальцем в сторону. – Вон за углом, желтое здание.

Поблагодарив, Володя прошел к высоким пластиковым дверям желтого здания. На стекле одной из дверных створок четко красовался аккуратно напечатанный принтером небольшой плакатик: «С 6-го по 10-е, налоговая инспекция не работает!». Скучно оглядевшись, Володя увидел за автомобильной стоянкой в глубине двора широкую лавку и направился к ней.

Присев отдохнуть, он достал хлеб, мясо и, глядя на пустовавшую детскую песочницу перед собой, принялся жевать. «Что-то день не очень везучий сегодня, ты погляди, ничего не получается, – рассеянно думалось ему, – нужно отдохнуть и идти к Райке, хотя бы дома оказалась, а то ведь и ночевать негде...».

Пока Володя неторопливо пережевывал холодную и волокнистую говядину, из подъезда к песочнице вышли играть две нарядные девочки. Недолго повозившись в песке, они скоро заскучили и, оглядываясь по сторонам, увидели Володю и испуганно устали на него:

– Дядька солдат, страшный какой солдат, – серьезно сказала старшая девочка младшей. – Плохой солдат. Видишь, грязный весь какой, и зубы гнилые у него. Видишь, даже хлеб есть почти не может...

– Наверное, не чистил зубной пастой зубы, – отвечала младшая старшей, – а мама говорит, надо всегда чистить зубы – утром и вечером...

– Пойдем отсюда. – Старшая девочка взяла за ручку младшую, и обе, спокойно оглядываясь, ушли обратно в подъезд. Глядя им вслед, Володя невольно вспомнил важных из себя хозяйских сынов Умара и Адама. И вспоминать быстрых в движениях, темноглазых мальчиков Зарины было ему как-то болезненно неприятно.

Полная и неповоротливая повариха кафе «Алина» Раиса Ращупкина, к которой теперь направлялся Володя, проживала в собственном домике на самой окраине города, считай, в пригороде. Ее муж умер давно, взрослые сын и дочь многие годы жили в столице и в последнее время навещали мать редко. Тяжело управляясь с разрушающимся хозяйством, Раиса иногда поселяла в летнюю кухню квартирантов. Но так как ее дом был далеко от центральной части города, и чтобы туда добраться, от конечной остановки автобуса еще нужно было идти на взгорок метров пятьсот, то приличные квартиранты селились неохотно. И обыкновенно селился здесь люд малообеспеченный или вовсе необеспеченный, в жизни не устроенный, пьющий или употребляющий наркотики. И так же обыкновенно назначенную Раисой месячную стоимость проживания такой народ платил или весьма неохотно, или вовсе не платил. Случались и нередкие скандалы с квартирантами за их неопрятность, за пьяные ночные безобразия. Случались и шумные выдворения непорядочных квартирантов. Иногда за скандалами следовали обращения за помощью к участковому милиционеру и уже с его помощью, происходило изгнание дрянных постояльцев.

Лет пять назад Володя также проживал в летней кухне Раисы. Хотя и пил чрезмерно много, но жил скромно, ночами не безобразничал. Напиваясь в одиночестве, он неделями лежал в диком опьянении на железной кровати, что-то негромко мычал себе под нос, бесконечно икал и беспорядочно стучал грязным кулаком по беленной известью стене. Когда же запой проходил, Володя виновато просил у хозяйки ведро с известью, кисть и аккуратно забеливал перепачканную кулаком стену у кровати. И в такие дни, видя, что Володя виновато старается сгладить впечатление, вызванное его очередным запоем, Раиса приглашала но-

чевать к себе в дом, но чаще заставляла его помогать ей по хозяйству. Приходя усталой с работы и видя, допустим, Володю с ведром побелки и кистью, она непременно и будто ненавязчиво предлагала ему: «Вот ты как раз белить надумал, молодец, только я вот что хотела тебя попросить, раз белить взялся: вон побелка на стене дома тоже облупилась, ты не мог бы заодно и там побелить, я покажу, где лестница...». Или, завидев Володю скучающим и глядящим, положим, на крышу ее дома, как бы ненастойчиво, но всегда убедительно предлагала ему: «Вот, Вова, скоро зима на дворе, влез бы ты на крышу, поправил шифер, а то ведь когда снег ляжет, потечет...». И хотя Володю раздражали подобные просьбы, хозяйке не отказывал. С каждой просьбой все больше раздражаясь, он белил, чинил, мазал глиной и поправлял хозяйство Раисы. И, что хуже всего, – это никак не отражалось на стоимости месячного проживания. словно Володя как мужчина в хозяйстве должен следить за всем, по возможности все чинить да поправлять. А когда он приносил месячную плату, Раиса начинала жаловаться на нехватку денег, на расточительных столичных детей, которым «сколько ни пошлешь денег, все равно мало».

«Толстая старая дура, – выходя из дома Раисы, порой сердился он, – она что, думает, что жена мне, что ли мне интересны ее дети, дом, да наплевать мне на всех их, вместе взятых, – лучше бы плату за квартиру уменьшила», – и нередко мыслил сменить квартиру. Когда же явилась возможность проживания у Хасана в подвале стройки, ничего не говоря хозяйке и не возвратив ей ключ от летней кухни, Володя переехал в подвал.

Теперь же, шагая на взгорок, Володя вспоминал свое здесь житие и отчаянно сомневался, дома ли Раиса, примет ли его обратно или нет. И когда, утомленно запыхавшись, наконец добрался до свежеекрашенного, но покосившегося забора Раисы, то вздохнул с облегчением: у калитки хозяйка неторопливо собирала граблями иссохшую траву в большую кучу.

– Рая, здравствуй! – подавляя одышку, он несмело поздоровался и стал подле вороха сухой травы.

Не поднимая головы и не прекращая грести, Раиса что-то пробубнила себе под нос.

– Привет, Рая, – громче повторил Володя. – Ты что, не узнала меня? Это я, Владимир, помнишь жил у тебя?

Раиса неторопливо выпрямилась, приставила грабли к дереву и, подперши руками бока, молча уставилась на Володю.

– Как живешь, Рая? – устало улыбнувшись, продолжил Володя. – Давно не был у тебя.

– Живу как? Да никак! Хозяйство вон разваливается совсем, – окинув взглядом свой двор и крышу дома, Раиса снова уставилась на Володину шинель. – Крыша вон течет, забор прогнил, скоро упадет, дом тоже дышит на ладан, того и гляди скоро развалится. Помогать никто не хочет, всем только давай и подавай, помогать же пожилой женщине никто не хочет! А сил-то, – нет совсем. Вон еле собралась, весной забор покрасила...

– Вижу. Хорошо покрашен забор, – заискивающе похвалил Володя.

Раиса взяла опять в руки грабли и, подпершись ими, как-то недовольно оживилась. Пяти лет отсутствия здесь Володи будто не бывало, точно последний раз им довелось видеться не пять лет, а пять дней назад, она все увереннее и злобнее жаловалась на собственную судьбу и свои неудачливые дела:

– Квартиранты, девочки две, студентки, опять оказались курящие и невозможные суки. Постоянно к ним мужики приезжали, и все разные, как к проституткам. Всю ночь напролет шумят машины, гремит музыка. Надоели своими ночными волнениями, выгнала их позавчера. А сегодня с соседкой опять ругалась: представляешь, груша вон моя, а две ветки на ее стороне, и как груши зреть начинают, она их постоянно обрывает, прямо с чашкой приходит и обрывает. Представляешь, скотина какая! Скажи, разве это правильно?

– Не знаю я... – отвечает Володя. Его уже раздражает злое многословие Раисы.

– Че ты не знаешь? – Раиса уже сердится на самого Володю. – Ты посмотри, что, не видишь, что дерево корнем на моей стороне? Не видишь?

– Вижу! Но у тебя и так, посмотри, сколько веток и урожай какой! Груш вон миллион! Тебе, что мало?

– Это мой урожай! Мои груши! Я вот сегодня же пойду к участковому, напишу заявление на эту тварь! – Раиса гневается не на шутку и, словно только что Володю заметила, вдруг спросила:

– А ты чего это в шинели? Чи в армию вступил, что ли? Где пропадал все это время, небось, в лечебнице для алкоголиков?

– Да нет. Вначале несколько лет работал на стройке, потом у хозяина в Черкесии за скотиной ухаживал. Надоело и сегодня ночью ушел. Вообще, я по делу к тебе: пустишь обратно на квартиру?

– Как ушел? Так же, как и от меня? Не попрощавшись, да? Я-то тебе, что плохого сделала? Разве обижала тебя, а? Что, большие деньги спрашивала за жилье? За свет ты вообще не платил!

– Да нет, не обижала, просто другую квартиру нашел, вот и все. Ты мне лучше скажи: возьмешь обратно или нет? – Володя устал выслушивать Раису, после почти бессонной ночи сегодняшней день выходил необыкновенно напряженным разговорами, и ему больше и больше хотелось молчать, лежать и спать.

Раиса продолжала ожесточенно грести сухую листву. Наблюдая за ее работой, Володя минут пять помялся с ноги на ногу, потом кашлянул в кулак и осторожно снова спросил:

– Ну так что, ты мне не ответила, возьмешь или нет?

Раиса поставила грабли и подняла вспотевшее и покрасневшее от обиды полное лицо:

– Обидел ты меня тогда, обидел. Я же к тебе как к родному относилась, денег почти не спрашивала, помнишь, как ты запил и два месяца у тебя денег не было, я что тебе тогда сказала, а? Помнишь? Я сказала: когда будут, отдашь. Так я сказала?

– Да, но я тебе все отдал после...

– А потом ты не сказал ничего и ушел, как вор и ключ последний унес с собой. Я после замок новый покупала, а ведь замок денег стоит, – крупный подбородок Раисы дрожал от обиды, и, вторя подбородку, колыхались складки ее полной шеи.

Замок почему-то напомнил ей о другом, еще более обидном. Без логического перехода сменив тему, она продолжила:

– Да, я все понимаю, немолода, не красавица. Но ты бы на себя лучше посмотрел, сухарь несчастный!

При упоминании Раисой своего возраста Володе вспомнились его редкие

ночевки в хозяйкином доме. Вспомнились душная спальенка, перина, неохватные бедра Раисы, будто подходящее дрожжевое тесто, ее бугристые ноги и тихий бесконечный вечерний ее ропот на тяжкую жизнь да женские болячки.

От припомнившихся подробностей Володя опустил голову и незаметно поморщился. Но, понимая, что как раз сейчас решается, где ему ночевать, посмотрел ей в глаза, улыбнулся и отвечал:

– Да ладно, Рая, сколько ведь лет прошло, лет пять, наверное, а ты все сердишься да обижаешься...

– Ну ладно, – посерьезнела Раиса, – ладно... Студентки мне платили по тысяче в месяц, то же будет и тебе. Уголь пока есть, но дрова пилить и колоть придется самому... Уж не обессудьте.

– Согласен. – Володя полез в глубокий карман рубашки под шинелью и достал деньги. – Вот у меня есть триста рублей, заплачу тебе аванс, остальное – когда заработаю. Найдется сдача с пятисот?

На той же самой железной кровати, у залапанной многими руками и давно не беленной известью стены Володя проспал часа три. К вечеру поднялся, нарубил дров и затопил печь. В сумерках сходил в ближайший киоск, купил бутылку водки и буханку хлеба.

На следующее утро, распластавшись ничком на кровати, в шинели и ботинках, Володя продолжал тихо бубнить что-то невнятное, ругательное и сухим кулаком глухо стучал в стену. От нетопленной печи на всю остывшую холодом небольшую комнату тянуло запахом вчерашних прогоревших дров. Горелый запах перемешивался с тягучим духом спирта, перегара и еще чего-то тухлого и противного. На стуле рядом с кроватью оставались ломти и крошки зачерствелого хлеба и опустошенная опрокинутая бутылка водки.

На третий день Володя ходил по улицам города в поисках работы. С измученным запоем лицом он подходил к проходным небольшим городским фабрикам, цехов и попадавшимся на пути строек. Почти во всех случаях разговор о трудоустройстве начинался и заканчивался у проходных предприятий и организаций. Нарядные и крепкие с виду охранники суть просьб Володи, естественно, не дослушивали и так же естественно гнали прочь от ворот пожилого запойного пьяницу в несуразной и неизвестно с чьего плеча измятой шинели. Бесцельно бредя по главному бульвару города, неожиданно для себя Володя оказался подле стройки Хасана. Испугавшись чего-то, он быстро перебрался на другую сторону бульвара и оттуда тайком, почти равнодушно заметил себе, что фонтан построен, но находится в другом месте, там, где рекомендовал архитектор. «А траншея просто не понадобилась...», – пусто и как-то голо подумалось ему.

На пятый день пребывания в городе Володя побывал на стройке своего товарища Алексея. Несколько раз он просил проходивших мимо рабочих позвать Лешу. И Лешу наконец кто-то позвал. Испуганно оглядываясь на сердитого прораба, Алексей на секунду вышел, хмуро поздоровался и, глядя себе под ноги, угрюмо пробормотал:

– Ты лучше не приходи сюда, а то мне из-за твоей пьяной рожи еще больше достанется. Меня и так чуть с работы не выгнали за пьянку в понеделник...

А на седьмой день, в воскресенье, на город посыпал первый снег. И теперь, тяжело покачиваясь, Володя одиноко сидел на автобусной остановке подле центрального городского рынка. Будто нелепо уцелевший боец разбитого наголову войска, с подбитым и вспухшим глазом, разбитыми губами и в перепачканной кровью шинели он тихо раскачивался взад и вперед. Хозяйская шапка теперь с головы исчезла, и легкий ветерок иногда равнодушно шевелил крепко поредевшие спутанные волосы по его высокому морщинистому лбу.

Уступив место свистящим пустотам, бунт почти стих... После привычного утреннего обхода своих четырех торговых точек на центральном рынке, пряча лицо в мохнатый воротник, Зарина возвращалась к своему автомобилю, оставленному подле автобусной остановки. На ходу пискнув сигнализацией, уже собралась было открыть дверь, но, видно, что-то вспомнив, оглянулась на остановку и, прищулив глаза, всмотрелась в одиноко сидящего бродягу.

«Да это ж Володя!» – узнала его Зарина.

Сев за руль, она поправила волосы и, подавшись чуть в сторону, непроизвольно взглянула на себя в зеркало заднего вида. Потом отстранилась, поправила зеркало так, чтобы видно было бродягу на остановке, положила руки на руль и призадумалась.

К первым попавшимся на язык сердитым словечкам «так с вами и бывает, алкаши вы чертовы...» отчего-то сердито добавилась без конца пропадавший в своей чертовой Москве муж. К напоминанию о муже сердито добавились его постоянные пьянки в дни приездов, его надменные и нудные умствования и важное нежелание участвовать в домашних делах. Следом в ее сознании раздраженно скользнуло все увеличивающееся хозяйство – стельная корова, овцы, торговые точки... Уже сил нет управляться со всем этим!

Рывком, Зарина открыла дверь и, с трудом преодолевая брезгливость, подошла к остановке:

– Володя, здравствуй! Что ты делаешь здесь? Кто это побил тебя так?

Подняв голову, Володя недоверчиво улыбнулся и, мучительно открывая окровавленный рот, пытался что-то произнести:

– Ггы... ххы, – выходило у него. – Хулиггты...

– Кто, хулиганы? – догадалась Зарина.

– Аг-га, – глупо улыбаясь, закивал Володя.

Зарина достала из кармана носовой платок и брезгливо сунула его ему в перепачканные спекшейся кровью пальцы руки. И хотя ей было неприятно даже видеть Володю, она предложила ему:

– Что сидишь здесь, поехали домой к нам, ведь так умрешь скоро.

– Не, – закачал головой Володя, – я здесь...

– Поехали, дурак, ведь так замерзнешь здесь и сдохнешь, как собака... – нервно крикнула Зарина.

Болезненно покачиваясь, Володя осторожно оторвался от лавки и, зажав в ладони носовой платочек, несмело двинулся в сторону автомобиля Зарины.

Бунт стих... Раскинувшись на устланном мешковиной заднем сиденье автомобиля Зарины, Володя быстро мчался в сторону белеющих снегом гор. Проезжая приграничный пост, Зарина притормозила и коротко посигналила скучающему капитану милиции. Одетый в осенний долгополый дождевик капитан вежливо приподнял в приветствии свой полосатый жезл.

МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

«В русской поэзии есть грузинская традиция... Я бы сказал, что в русской поэзии есть свой грузинский миф, впервые провозглашенный Пушкиным ... и разработанный Лермонтовым в целую мифологию...», – писал Осип Мандельштам в 1922 году. Миф этот неуклонно выходит в реальность, обретает внушительный объем и развивается в конкретную историю, изобилующую именами и событиями: породнившийся с Грузией Грибоедов, служба и писательство здесь Льва Толстого и Полонского, дебют в местной периодике Горького, венчание в Тифлисе Гиппиус и Мережковского... А позже – гастрольные наезды Брюсова, Северянина с Шенгели, авангардный десант Бурлюка, Маяковского и Каменского. А следом – длительное пребывание и активная деятельность Городецкого, Крученых, Рафаловича, Ивнева, Терентьева, Агнивцева и многих других в период краткосрочной независимости Грузии в 1917-1921 гг., который можно принять за начало русского зарубежья...

Однако настоящее покорение русской изящной словесности Грузией (или наоборот) начинается в советский период. Здесь бывали, работали и творили Тихонов, Антокольский, Асеев, Есенин, Сельвинский, Луговской, Глазков, Лившиц, Вс. Рождественский, Смеляков, Светлов, Пастернак, Вл. Державин, Заболоцкий, Зенкевич, Кирсанов, Инбер, Кочетков... А позже: Тарковский, Левитанский, Винокуров, Межиров, Самойлов, Гудзенко, Шефнер... А еще позже: Ахмадулина, Вознесенский, Евтушенко, Окуджава, Солоухин, Соколов, Леонович, Ряшенцев, Николаева, Мориц... И под занавес: Кудимова, Кекова, Кушнер, Соколовская, Чухонцев, Синельников, Гандлевский... (Все приводимые перечни имен не претендуют на полноту. Вышедшая в 1983 году в Тбилиси книга «Русские писатели в Грузии» дает относительно полную, на время ее выхода, картину предмета, за исключением упомянутого периода 1917-1921 гг.).

Тут самое время произнести общеизвестные фразы, ставшие штампом: и то, что Грузия – «российской музы колыбель вторая» (Евгений Евтушенко), и что грузинско-русские поэтические отношения, не имеющие аналогов в мировой культурной практике, питали взаимный интерес – и творческий, и человеческий. Здесь же следует вспомнить Коллегию по переводу при Союзе писателей Грузии, стимулировавшую эти процессы, журнал «Литературная Грузия», альманахи «Дом под чинарами» и «Кавкасион», о которых, увы, приходится говорить в прошедшем времени. «Журнал «Литературная Грузия» дал литературное убежище современным русским поэтам, – по его подшивке сейчас можно защитить

А. ШАХНАЗАРОВА, М. ЛЯШЕНКО — соучредители и соиздатели литературно-художественного журнала «АБГ» (Грузия).

– Ну чего поперся, – проехав пост и набирая скорость, уже миролюбивее заговорила Зарина, – чего тебе не хватает? Почему, спрашивается, ночью сбежал? Что, нельзя было по-человечески сказать, что в город собрался, что есть дела в городе, я что, думаешь, не отпустила бы? Мне что, думаешь, тебе денег жалко? Или выпить хочешь? Да ты скажи, я же налью тебе. Вон у нас целая фляга со спиртом. Мне что, жалко, что ли?!

От теплоты в салоне лицо Володи вздувалось все больше. Правый глаз вовсе подплыл и закрылся огромным лиловым синяком. Изо рта снова начала сочиться кровь. Того, что ему говорила Зарина, он почти не слышал и не понимал. Обоняние также исчезло, и теперь Володя ничуть не стеснялся исходящего от него гораздо более сильного, чем в прежнюю поездку, зловония.

– Я даже думала тебе денег дать, чтобы ты съездил на родину, в Омск, проведаль родных, а ты вон какой! Сбежал, как вор! А я еще думаю, зачем тебе понадобилась армейская шинель Аслана? Вон, оказывается, зачем, – еще долго и многословно впустую продолжала укорять Володю Зарина.

IV

В последний день года, 31 декабря, Володя лениво лежал на железной кровати в первой комнате длинного сарая и в полудреме одним здоровым глазом глядел в экран черно-белого телевизора. Правый глаз хотя и открылся, но смотреть им пока больно. И левым глазом Володя созерцал медленно сдвигавшегося по экрану то вверх, то вниз убеленного сединой грузного государя. Рассеянно слушал болезненно-медлительное царственное заявление государя о сложении с себя президентских полномочий и передаче важных дел управления государством молодцеватому и видно, твердому духом и волей премьер-министру. И, глядя на экран, Володя иногда языком мучительно дотрагивался до плохо заживающих и уже второй месяц кровоточащих десен во рту.

...Тихо волочась, дни сменяли вечера, за долгими предгорными вечерами наступали темные южные ночи; ночи тихо поглощали вечера, дни спокойно вытекали за утрами. За зимой поволоклись весна, потом лето, осень, снова зима и снова весна...

Спустя проволочившееся пятилетие свежим весенним утром с ведром в руке Володя неторопливо елозил тряпкой, протирая сияющие бока огромного и диковатого видом нового автомобиля Аслана. Раскачивая языком последний из оставшихся во рту зубов, он вспоминал свою недавнюю поездку в Омск и тихо про себя ухмылялся.

Вечером того же дня, сидя на лавочке у высокой калитки, скрестив на груди руки и часто блаженно зевая, Володя неторопливо рассказывал повзрослевшему и возмужавшему соседу Ахмету:

– Надо же, когда сюда приехал, всего боялся: коров, собак, Аслана, боялся коров резать. Все на родину хотел съездить... Теперь же, когда поехал, всего там боялся: и поезда, и вокзала, и Сибири...

диссертацию на тему «Русская поэзия, укрытая за хребтом Кавказа», – считает известный литературный критик Наталья Иванова. Беспрецедентная по тем временам интеллектуальная и творческая свобода, «роскошь общения», и, надо признать, соответствующее государственное финансирование – все это, разумеется, способствовало. Но и очевидный магнетизм места, толкуемый Мандельштамом: «Грузия обольстила русских поэтов своеобразной эротикой, любовью, присущей национальному характеру, и легким, целомудренным духом опьянения, какой-то меланхолической и пиршественной пьяностью, в которую погружена душа и история этого народа».

С середины прошлого века критическая масса стихов русских поэтов, посвященных Грузии, побуждает к изданию отдельных антологий, самая полная из которых ««...Если пелось про это». Грузия в русской советской поэзии», составленная Константином Симоновым, выходит в 1977 году. Ее второе дополненное издание, вышедшее в 1983 году, включило 145 авторов. Эта цифра (что и подчеркивали издатели) уже тогда могла быть еще внушительнее. В том не попали, например, Пантелеймон Петренко, Виктория Колобова, Сергей Герасимов, Анна Бердичевская, Мадлен Роземблум, Сергей Гандлевский и многие другие. В сборник вошло около двадцати местных, тбилисских авторов, выделить которых в отдельную группу отнюдь не просто. Куда, в самом деле, отнести Булата Окуджаву, который родился в Москве? Или как определиться с Сергеем Спасским, тбилисцем по происхождению? А как быть с Натальей Соколовской или с Юрием Юрченко, прожившими в Тбилиси значительную часть своей жизни, и творческой, и личной?

Ход истории одним жестом изменил положение дел, и русские поэты, живущие в Грузии, получили статус представителей литературы русского зарубежья, автоматически выделившись в отдельное явление и по административному факту, и по факту своего существования. Тем более, что у этого предмета есть и своя история, и свое творческое лицо.

Реалии таковы, что здешнее русскоязычное население, находясь в отдалении от языковой метрополии и в некоторой изоляции в среде говорящего по-грузински большинства, с одной стороны явилось носителем языка, на котором говорили в России несколько десятков лет тому назад, с другой – над ним, несомненно, довлеет гений и язык места проживания. Все это сообщало местной русской поэзии некоторую устойчивую традиционность.

В век же компьютеризации статус-кво заметно меняется, особенно среди пишущей молодежи, которая входит в виртуальный литературный мир и со свойственной молодости быстротой улавливает веяния времени и, в том числе, трансформацию, происходящую с русским языком и литературой. Соответственно, основное направление, которое, как нам представляется, можно квалифицировать как тбилисский неоакмеизм, а отчасти и неосимволизм, разбавляется более актуальными опытами молодых авторов, с готовностью реагирующих на прихотливые изменения пейзажа русской поэзии.

В последние годы русские литераторы и любители словесности Тбилиси объединялись в общества «Арион», «Музыка слова», «Надежда», «Мансарда», «Реликвия». Продолжает существовать, правда, очень малочисленная, русская секция Союза писателей Грузии. Сегодня в городе по частной инициативе выходят, увы, не регулярно, русские литературные журналы: «Русское слово», «АБГ», альманах «Мансарда», с 2005 года при поддержке Российского посоль-

ства стал выходить альманах «На холмах Грузии». В 2005 г. при журнале «АБГ» образовался «Молот О.К.» (молодежное объединение литераторов, обитающих в Тбилиси), издающий одноименный журнал. Почти все эти издания выставляются в Сети. В 2007 году вышел журнал Культурного центра «Кавказский дом» «Альтернатива» (редактор Ш. Иаташвили) под девизом «Многоликая страна». В номере абхазские, осетинские, азербайджанские, армянские, курдские поэты и прозаики в переводах на грузинский язык. И 23 русских автора, представленных с параллельными текстами. Подобная публикация, можно с уверенностью утверждать, является беспрецедентной в постсоветский период.

Несмотря на усугубляющуюся моральную дистанцию от языковой метрополии, ряд тбилисских авторов – Инна Кулишова, Паола Урушадзе, Сусанна Армянян. Мария Фарги, Владимир Саришвили, Дмитрий Мониава, Гагик Теймуразян и другие – представлены в толстых журналах и антологиях (например, в антологии «Освобожденный Улисс. Современная русская поэзия за пределами России», вышедшей в НЛО в 2004 году) ближнего и дальнего зарубежья. Молодые же поэты пользуются возможностью размещаться в сетевых журналах и создавать собственные сайты.

Но несомненно и то, что здешнее «русское зарубежье» плохо интегрировано в жизнь как российского, так и иных литературных пространств. Возможно, этой оторванностью и некоторым отставанием от текущих литературных процессов и объясняется отсутствие интереса к нему... Внимание культуртрегерствующей части нынешнего российского Парнаса, как правило, распространяется на нынешнюю новую и мало известную в России грузинскую словесность. Периодические же визиты русских литераторов, как, например, пароход с поэтами, заходивший некогда в Батуми, визит Игоря Иртеньева с Аллой Боссарт, никак не отражаются на местной русской литературной реальности.

Все это как нельзя лучше подтверждает необходимость появления альманаха «Голос Кавказа», объединяющего деятелей литературы и искусства.

Представляя известных в Грузии поэтов читателям «Голоса Кавказа», надеемся на дальнейшее сотрудничество с редакцией этого издания.

Не говори мне про Париж

* *

Не говори мне про Париж –
Меня с ума ты этимводишь,
Ведь там по улицам не ходишь,
А там по улицам паришь...

О, золотеющий каштан
В старинном дворике отеля,
А рядом с ним кафешантан,
И песни мадемуазель Лоран,
И песни мадемуазель Адель,
Но хочется сказать – Адели...

Не вспоминай – я всё отдам,
Чтоб оказаться снова в сквере,
И посмотреть на Нотр-Дам,
И посмотреть в глаза химере.

И снова выпить «Шардене»
Под тентами на Монпарнасе,
И поболтать о старине
С художниками на террасе.

Не говори мне про Париж –
Меня с ума ты этимводишь,
Ведь там по улицам не ходишь,
Ведь там по улицам паришь...

И если мне не суждено
Его увидеть – бита карта,
Ты выпей за меня вино
На старом кладбище Монмартра.

2005

САРИШВИЛИ Владимир Карлович (род. в 1963 г.). Кандидат филологических наук, член Союза писателей Грузии с 1995 года, автор книги «Стихи. Поэмы. Переводы», Москва, «Садовое кольцо», 1990 и антологии «Грузинская поэзия» в русских переводах (XIX-XX вв.), Тбилиси, «Мерани», 2003. Лауреат ряда республиканских и всесоюзного конкурсов, в том числе Пушкинского конкурса педагогов-русистов СНГ (Москва, 2003).

* *

Человечек мой ласковый!
Я вчера перепил,
Руки-ноги колбасками
Я тебе прилепил,

И уродцем коричневым
Ты стоишь на столе.
Нет фигурки комичнее
На кровавой Земле.

Человечек мой, греющий
Мира мёрзлую суть,
Я твой бог, не умеющий
Душу в тельце вдохнуть,

От бессильного отчества
Ты не сыщешь добра,
На твоё одиночество
Евы нет из ребра.

Человечек мой, слепленный
Сикось-накось, в канун
Вознесения светлого,
В звоне ангельских струн,

На фольге и закончится
Бренной жизни тропа,
Но бессмертно сотворчество
Божества и раба

2001

ЗИМА

Торгуя оптом и вразнос
Лебяжьем пухом, карамелью
Сосулек, опустивших нос,
Бранясь с пургою и с метелью,
Не зная роздыху ни днём,
Ни ночью, лютовала долго,
Переругалась с февралём,
А март простить не хочет долга.
И не помогут взятки тут –
Товар весь будет уничтожен.
Ручьи – сотрудники таможен
Уже бегут, бегут, бегут...

2006

* *

К нам ненадолго Лондон заглянул –
С утра туман, едва видна дорога,
И дождь по пьяне песню затянул,
Сжимая тучу, как стаканчик грога.

Июль, июль, просветы в небесах,
Мозаика зонтов по тротуарам,
А дождь всё льёт, всё льёт, уже впотьмах,
Короткий век свой расточая даром.

2006

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ НА ТБИСИ

Жук был бирюзовым, изумрудным,
Молодым, упругим и беспутным,
Жук имел прекрасные рога.
Жизнь ему казалась дорогою,
И была воистину такою –
Жизнь и в самом деле дорога.

Жук ворвался в рябь недавней глади
Озера, где мы, забавы ради,
Порыбачить собрались с утра.
Но мальки приманкою зажрались,
И к полудню мы не сомневались,
Что сегодня к ним судьба щедра.

Жук тонул. У нас была закуска.
Иностранец: «Говорить по-руска?»
У меня застенчиво спросил.
Я ответил, выпив: «Мала-мала»
И подумал: «Если б у причала
Я тонул и Господа просил:

«Господи, услышь меня, Всевышний,
Неужели я на свете лишний,
И во цвете лет пришёл черед
Мне расстаться с этим морем, небом,
Садом невозделанным и хлебом,
За который проливаю пот?!»

Я подумал: «Для жука сегодня
Я могу быть милостью Господней,
Радостью Вселенской одарить,
Большею, чем Данте Vita Nova,
Ну, а что вернусь я без улова,
Так не всем же в выигрыше быть...»

Жук работал лапками, боролся,
О крючок упавший укололся,
Отнесло теченьем поплавок.
Ну, лови последний шанс. И жук мой
Перед самой рыбьей пастью жуткой
Зацепился, взмыл – и на песок.

Жук подсох, очухался. Не веря,
Что ему открылись жизни двери
Лапками песчинки поволок,
Вполз на ветку, прыгнул, слился с высью...
Господи, в часы прощанья с жизнью
Брось и мне Небесный поплавок...

1996

ПОЛКОВОДЕЦ И БАБОЧКИ

Туча бабочек вспорхнула. Я спугнул их ненароком.
Кое-где видны остатки римских тщательных работ.
Здесь прошли войска Помпея, сам Помпей в плаще широком,
Сидя ночью на привале, слушал сальный анекдот.

Сам Помпей в плаще широком, или что там было в моде,
Поутру поход продолжил, о возлюбленной грустя,
И не знал великий воин о филологе Володе,
Тучу бабочек спугнувшим, пару тысяч лет спустя.

Зной палил макушку Гнея, под которою роились
Планы будущих сражений и злокозненных интриг.
Дружно топали солдаты, ели, пили и рубились,
Но нашла коса на камень – Юлий Цезарь – не шутник.

Впрочем, это к нашей теме не имеет отношения –
Вот остатки той дороги – осыпь – труд солдатских рук.
А над ней порхает туча новогодних украшений –
Конфетти, гирлянды, бусы в хоровод сплелись вокруг.

1996

Жила, смеясь, и плакала во сне

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОНЕТ

И, как цветок, я повернулась к солнцу,
Ломая основание стебелька .
Держала крепко верная рука
И землю подо мной, и свет в оконце.

Бог знает, из какого далека
Заблудшие в дом возвращались овцы.
Сияла серебром вода в колодце,
И плавали по краю облака.

Рассеяннo во сне скрипели двери.
За ними ложь сама жила когда-то,
И каблучки стучали виновато.

Ещё не люди, но уже не звери,
Двухтысячную праздновали дату.
А день сулил награду и расплату.

КАК ВСЕ

Когда сказал ты обо мне: – « Вы все»
Все те, что из ребра, и что – из грязи,
Я не клялась, я согласилась сразу,
Жила, смеясь, и плакала во сне.

Мы все любили, верили и гибли.
Нас предавали, продавали, стригли,
И забывали, что всего страшней.

В конце смогу, как все, без лишних вздохов,
Сказать, перекрывая сердца грохот:
– Сегодня ветер. Не забудь кашне.

ОДИНОЧЕСТВО

Тонуло небо в лунном столбняке.
Ты все искал какой-то довод веский.
Испуганно дрожали занавески
На ледяном от грусти сквозняке.

Мешал мне плакать чей-то голос резкий
И вышитая роза на платке.
За окнами бежали налегке
Поля, холмы, дороги, перелески...

Тайком седела прядка на виске.
Там, где была душа – зияла рана.
И кончилась земля у океана
Пригоршней грязи в золотом песке.

А в теплой глубине тяжёлых вод
Акулы спали рядом и вразброд.

* *

*

Вчера нас старость
Поймала в сети.
На целом свете
Одна осталась.

За всех в ответе –
Я так старалась!
Одна осталась
На целом свете.

Но сквозь оконце
Ласкает солнце
Мой бедный лоб.

Хочочет ветер.
А день так светел!
И Бог так добр...

Целовал меня в губы агатовый август.
Жгучей влагой желанья сжигала жара.
Я, беспутная, легким движеньем пера
В благодарном порыве марала бумагу.

И внимал мне лишь мраморный пьяненький Бахус.
А сегодня достойных ценителей ряд
Обсуждает мой голос, прическу, наряд...
И готовит мне, бедной, венок или плаху.

И теперь мне писать все с оглядкой на них?
Я, неверная, вырвусь – приди только стих! –
Целоваться с апрелем, раз август притих.

СОНЕТ ИЗ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

Беспечна, как прошедшая весна,
И беспредельна, как жара в июле,
Кладу в затвор серебряную пулю,
Чтобы в упор: что есть прекрасней сна?!

И снова слышу сладкие посулы,
А в голубой воде дрожит блесна
И отражённо падает сосна.
В ней заблудившись, вместе мы уснули.

Нам снился рай, который навсегда.
Так пахнет мишура, когда беда.
И мне не надо ни тебя, ни рая.

...А ты, платком мне слезы утирая,
Смеялся: жизнь – один апрельский день,
Где для нарцисса дождик, солнце, тень.

Люди умирают от любви

* *
* *

Давай пойдем за ветром. Он один
Укажет путь к заветному чертогу,
Где сам себе я буду господин,
Где только захотеть – любому Богу

Молиться станешь горько и светло.
И если память давняя бессмертна,
Пока безветрьем души не свело,
Давай пойдем за этим зимним ветром.

Неторопливо. Есть о чем молчать.
За что быть благодарными друг другу.
И потому не надо начинать
Хождение по замкнутому кругу.

Спрявим тропу. Оставим позади
Холодных улиц грустные извивы,
Бред укоризны, мление в груди,
Плакучие раскидистые ивы.

Других деревьев палая листва
Пролетно закружится под ногами.
Как не понять бывшего озорства,
Так все сегодня ясно между нами.

Пойдем за ветром. Нет. Я сам пойду.
Ты умница: вдвоем дойдем не скоро.
И незачем накликивать беду
На обе головы. Одной довольно. Хворой.

БУАЧИДЗЕ Вахтанг родился в 1953 году в Тбилиси, окончил филологический факультет Тбилисского университета, печатается в периодических изданиях как прозаик и публицист, в том числе в журналах «Литературная Грузия», «АБГ», альманахе «Мансарда», занимается переводческой практикой.

ГРУЗИИ

Без заверений, слез и клятв
Прими меня в свою обитель.
Устал во мне пустынный житель
Искать ненаходимый клад.
Как странно прочим повезло,
Зашедшимся в победном кличе,
Не углядев за благом зло,
Они овьючились добычей
Из лучших, чем у всех, хором,
Из больше, чем у всех, регалий,
Полученных в борьбе с добром
Паскудства, павшего едва ли.
Пришучен честной вести шаг
Озвучиваемым моментом,
Где пыль усовестившейся
И в небытие слетевшей Леты
Осела на ресницах дней,
Часов, минут, секунд, мгновений.
Все пристальней и тяжелей
Их горький взгляд из-под забвенья.
Неубыльного. Устоим.
Удержимся на шатких сходнях.
Но обволакивает дым
Вчерашнего мое сегодня.
Нет доступа в приречный дол
Очажным выбросам над кровлей.
И ладно бы. Вот только долг
меня преследует, как кровник.
Не отстает он от меня
И зная, что душа окрепла,
Пространство зыбкого огня
Кольцует горсточками пепла.

* *
*

Люди умирают от любви
К дому своему или бездомью,
К женщинам, прозрачным и бездонным,
Выдуманным этими людьми.
Умирают, научившись петь.
Умирают, разгадав все тайны.
От любви. И оттого что, стайным,
В одиночку им дано лететь.

С МТАЦМИНДЫ

Привиделось. А город не пустует.
На выступе Давидовой горы
Судьбу благословляют непростую
Родившиеся до моей поры.

В ту пору сердцу тоже трудно пелось:
Довольным – млеть, а недовольным – клеть.
И с песней наравне ценилась смелость
В свободный голос эту песню петь.

Молчание – и золото, и манна
Для всех приговоренных к немоте.
Но не для крови буйного платана
Из-под мазка на темперном холсте.

А вот и тот, единственнейший случай
(Опять фосфоресцирует экран),
Когда по эту сторону не лучше,
Хотя по ту – заведомый обман.

Внизу предпочитают основание
Негласных правил гласного пути,
Забытых слов, умеренных сомнений –
Не обмануть, не верхом обойти.

И нет резона подступаться с края.
Есть тихий смысл попробовать лоб в лоб
Столкнуться с тем, чего не принимая,
Не отыскать сюда ведущих троп.

Назло врагам. Сквозь слезы и ухмылки,
Затмения, опавшие века
Растет гора, – и город синей жилкой
Упруго бьется у ее виска.

ДВАДЦАТЫЙ КАЛИБР

Отдуплелись мимо на лете,
Воротились в палаточный стан,
Присягнули на верность охоте,
За сезон пропустили стакан.
Потравили охотничьи байки
И, взглянув на седую луну,
Отошли к молодецкому сну,
С перебора забыв про фуфайки.
Грустно били полночные склянки
На далеком речном рукаве.
Отошедшие кровью подранки
Умирали в высокой траве.

ЕЩЕ

Еще вызывает к неразменной чести
Слежавшаяся рукопись отца.
Еще застыну – в памяти все резче
Приветный скрип дощатого крыльца,

Что начинает дом семиоконный
В окладе покосившихся ворот.
Впрямую, перепадами, окольно
К нему, к нему река моя течет.

Еще средь вечеряющих теней
Высматривает бабушка Оксана
Родного внука. Поздно или рано,
Но все же припадающего к ней.

И матери еще не по нутру
Мой образ жизни. Да и сам я каюсь,
Когда вместо того, чтоб поутру
Из дома – в день, из ночи в дом являюсь.

Но если что и принимать в расчет
На той земле, где довелось родиться,
Так это невозможность поделиться
Ни с кем неповторимейшим “еще”.

1980 г.

ШЕПОТОМ

Мое спасение. Янтарный берег мой.
Я не могу владычествовать вечно
Над пошлостью, обманом, нищетой,
Томлением невысказанной речи.
Свои слова я прогоняю сквозь
Бессмертных истин строй тяжелозвучный.
И если вдруг у слова хрустнет кость,
То пусть я этим словом буду мучим
До хрипа в затененной белизне
С расползшейся по стенам тишью дикой.
Любимая, я не могу к тебе
Приблизиться, не перестав владыкой
Быть над обманом, глупостью, тщетой,
Угодничеством горького еля.
Мое спасение. Янтарный берег мой.
Дай выброситься, раз пристать не смею.

ПАОЛА УРУШАДЗЕ

Мое вдохновение, ты стало иным

* * *

Зинаиде Андреевне Гавриловой

Тогда, когда были вы живы
И вечно болели и мерзли,
Вы ветхой страничкой из «Нивы»
Казались и детям, и взрослым...
Из тетушек самой нелепой
Казались спесивым и глупым,
За то, что любили их слепо,
За то, что прощали им грубость...
За то, что в смешных иждивенках
Вас числила табель о рангах,
И эта оценка полвека
Явила вам сердце, как ранка...
Когда-то вдруг выпав из списка,
Остались у жизни в довесе,
А то, что любили вы близких,
Цены не имело в собесе.
Да вы и не ждали награды,
Кумиров себе сотворяя,
Хоть знали, что это вас к аду
Приблизит скорее, чем к раю.
В той вашей кумирне запретной
Стояли, из золота отлиты,
На пьедестале для смертных
Наш дед и певец Чакалиди,
Племянницы, сестры, соседи...
Стояли на том пьедестале
И мы, как примерные дети,
Которыми так и не стали.
И только один из бессмертных
(Кому от пучка на макушке
До дум ваших самых заветных
Принадлежали вы) – Пушкин!..
Кто звал к тишине лукоморья
И спрятал надежно в кибитке,
Когда нам, ослепшим от кори,
Мерещились красные свитки.
Чью жизнь мы прошли с вами вместе –
От первой строки до морошки –
И чьей непорочной невестой
Везли вас в ту ночь в неотложке.

1975

* *

Andante

Пройдусь по собранию избранных улиц,
Найду его втиснутым в новые здания
Потрепанным томиком с датой издания,
Дом, у которого мы разминулись.

И если, как прежде, мучительно екнет
Сердце, стерплю, как когда-то умела,
И пусть по-былому свидетели-окна
Мне крикнут вдогонку: ну, что, проглядела?!

И пусть, не жалея, мне крикнут про то же
Те старые двери с облупленной краской...
И пусть, как и раньше, — блуждающей маской
Лицо твоё пляшет по лицам прохожих...

1983

* *

Иногда доброта — как откуп,
И её мы с душевной охотой
Подаём, словно трешку «на водку»
Забулдыге в подземном проходе,
И на свет возносимся Божий,
Сыто жмурясь от собственной блажи,
От неё мы себе дороже,
Но она, как от выстрелов вражьи
Заговор и как щит безоружным,
Верим — ею спасемся и впредь мы...
Но такими скорее на ужин
Попадаем то к черту, то к ведьме.

1978

* *

Городу

Когда-нибудь из тихого закутка
я подсмотрю, как ты
откроешь вдруг глаза,
и выбегу, крича:
«Так это только шутка,
притворство все...»
Но так шутить нельзя...

Жестоко...
Ведь такое уже было,
и эту боль я до сих пор таю...
Так как-то в детстве мама пошутила,
чтобы узнать, как я её люблю...

1992-1993

* *

Мое вдохновенье, ты стало иным —
Печальным, размеренным, строгим...
Отсюда, наверно, и чувство вины —
Не мне отливать тебя в строки...

Ведь всё, что ты даришь, и впрямь не по мне,
А мне невозможно, нельзя мне меняться...
Тебе бы найти повзрослей, поумней...
А я ещё в детстве, мне только — двенадцать...

И разница вся лишь в одном, что теперь
Я знаю судьбу свою...
Кто-то случайно
Оставил открытой в грядущее дверь,
И всё, что случится,
Давно уж не тайна...

1997

САМОЕ СТРАШНОЕ

Съехать в память с гиканьем и смехом,
словно с горки, с холодком в груди,
съехать так, чтоб ни одной помехи,
ни одной помарки на пути...

А потом нестись в пустом вагоне,
отражаясь в окнах, как пример
постоянства...
на сплошном прогоне
так и не объявленных премьер...

Снова мчаться, вырывая вехи
фонарем из непроглядной мглы,
в яркий полдень, как на площадь въехать,
соскочить и просто —
для потехи —
обежать все дальние углы...

Поглядеть — а все ли там на месте:
то дупло, та ниша, та нора,
и тебя, мой маленький наперсник,
вдруг увидеть в глубине двора...

Подозвать?
А ты мне не ответишь...
Подойти?
Не прекратишь игру...
Ясным взором,
как чужую, встретишь,
и меня не станет,
я умру...

1995

ОТЕЦ

Я ни за что не отвечаю,
Как старый Лир, я глуп и сед...
Моя отрада — чашка чаю
И разговорчивый сосед...

И Сименон ... и сигарета...
И лучшая из всех услад —
Срываться в память, словно в лето,
Как в детстве — черным ходом — в сад!

И сразу же озноб по коже,
И во всю ширь — голубизна!
А вы дивитесь, как он может
Вот так, один, всю ночь, без сна...

А я, уже давно пропащий,
Увяз в ушедшем, как в снегу,
И все стремительней, все чаще
По узкой лестнице бегу...

А если вдруг не докричитесь,
Не унывайте, не беда...
Ваш вечный папа, ваш учитель,
Там заигрался...
Навсегда...

1997-1999

*Ставня оторвалась —
ветру радость*

МОЙ АНГЕЛ

От спирта сохнут железы,
Но голова в полете,
Мой загулявший ангел
В осеннем перелете.

Хребты забиты снегом,
И что бы в путь пораньше?
Зато открыто небо
Для дальних чужестранствий.

А крылья альбатроса
Бедою за плечами,
Белы ли от мороза,
Темны ли от печали?

Непостоянны силы
Веселья и таланта —
То встанут над Россией,
То только на пуанты.

Взлетел мой легкий гений,
И осень не сдержала —
Прозрачны очень стены
Ее супердержавы.

И что бы ни творил я,
Люблю его, а значит —
Держу в полете крылья
И шлю ему удачу.

ЕСАЯН Виталий родился в Тбилиси в 1955 году, окончил механо-математический факультет Саратовского университета, программист. Публикуется в местных периодических изданиях. Автор стихотворных сборников «Синий полет» (1997) и «Камнепад», подготовленный к изданию.

БЛУДНЫЙ СЫН

Я пропасть просто перейду
По ненадежному настилу,
А вдох, как всхлип, и не в ладу
С моей решимостью и силой.

Последние шаги трудны
Мне до отцовского прощенья,
И годы выпали, не дни,
Беспутным кружевам забвенья.

И вот остались без конца
Замкнувшиеся в круг дороги.
Я на могиле у отца –
Меня не держат больше ноги.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Как шалым ветром, унесло
Лихие молодые годы,
И битое не раз крыло
Порою ноет к непогоде.

Ночного неба лист сталист,
Но над главой моею строго
Горит в немыслимой дали
Звезда в созвездье Козерога.

Летит, и, видно, ей легко
Считать, что я уже не лидер,
Моя звезда так высоко,
Что ангел мой меня не видит.

А я болею месяцами
В промозглом ветреном краю,
Коль рай был где-то рядом с нами,
Я не хотел бы жить в раю.

Я по колени ржавой глиной
Затянут, встал на якоря,
И вовсе серы, а не сини
На небе краски декабря.

Но крылья тянутся все выше,
К Рождественской звезде во мгле,
Где ангел мой, меня забывший,
Сегодня вспомнит обо мне.

МУТАНТ

Яичко лежало в ладони
Христового светлого дня,
в белковом спрессованном лоне
таился зародыш огня.

Пронизана слабая пленка
рентгеновским жестким лучом,
и выйдет, шатаясь, цыпленок
с ослепшим от боли лицом.

Не солнцем разбужена клетка,
в ней таинством первогреха
отметит его, как калеку,
заутренний крик петуха.

В спирали свиваются гены,
срывается в коллапс звезда,
в еще не родившемся гении
уж сердце болит и душа.

Судьба у пришельца иная,
но горе его скорлупе,
что тонкими стенками знает –
кого она носит в себе.

ДЕРЕВНЯ

Ставня оторвалась – ветру радость,
Он свистит в разбитое окно,
В той домине ничего не надо,
Да и никому давным-давно.

Уходя иконы забывали,
Но, чтоб обошла семью беда,
На Руси и двери забивали
Досками крест-накрест навсегда.

АПОКРИФЫ

(ИЗ КНИГИ ВЕТРА «СКЕРЦО»)

ПОКЛОНЕНИЕ

В центральной части Кавказского хребта, в одном из его ущелий есть река, выходящая прямо из скалы.

Беря свой исток где-то в долине сопредельной страны, она как сильный зверь, ленись обходить горную грядку, проходит напролом – сквозь чудовищный монолит.

Если смотреть на выходящий из камня широким руслом поток, приходит ощущение, что присутствуешь при сотворении мира.

Ты видишь, как одна форма материи преобразуется в другую.

Как базальтовая глыба, ежесекундно рождает воду, лавой перетекая и растворяясь в ней.

Так естественно и органично их слияние.

Такое же впечатление, производит человек, говорящий сокровенные вещи.

Мощная мысль, формирующая его речь, воспринимается целостно, абсолютно как истина.

Она проста и доступна тебе – как Нагорная проповедь.

В его устах – Слово изреченное и Слово творящее – есть одна суть.

Это тот случай, когда не надо подниматься на высоту, чтобы увидеть – где река или талант берут свое начало.

Такими бывают только горы и мужчины.

ПЯТАЯ ПЕЧАТЬ

Перед рождением ребенка, женщина похожа на предрассветное утро. Все в ней зыбко, расплывчато, загадочно.

Она знает, почти наверняка, когда взойдет солнце и кого оно ей принесет.

Но долгожданный рассвет, всегда приходит неожиданно.

Этот период борьбы света и тьмы, является гранью, за которой стоит воплощение.

Именно тогда производится последняя запись в генетическом коде человека.

На готовой матрице ДНК, на шифрограмме будущих способностей, таланта и мастерства ставится Печать.

От нее зависит, кто придет в этот мир – К а и н или А в е л ь.

Это время заклания агнца.

Кто знает, когда вершится суд Господен, куда склоняются чаши весов?

И что можно взвешивать в конце – если предопределение изначально?!

ДЕНЬ ПРОЩЕНИЯ

Осенью бывают пронзительно чистые дни, когда воздух пахнет ладаном.

И доносится он не из церквей, а исходит от земли и света.

Ровно и неслышно струится он с небес, будто Господь дает всем-всем прощение, не дожидаясь покаяния.

От шороха листвы под ногами вздрагивает душа человека.

Давние слезы, позабытые обиды, отчуждение, суета и ненужность, подкашив к горлу, растворяются на выдохе и приходит в сердце тишина...

Чувства эти, сродни ощущениям богомольного человека, стоящего у алтаря.

Длится раскаяние, страх быть неслышанным сковывает тело, горьки мольбы.

В минуту предельной печали будто кто трогает за плечо.

Подняв глаза к Лику, понимает, что прощен.

Так и в эти осенние дни, когда воздух пахнет ладаном и улицы пусты, а от шороха листьев вздрагивает душа.

– Прощен, прощен, – шепчут они.

И тихим светом сияет Алтарь природы.

ИНФАРКТ ДУШИ

Если все, что вас окружает, остается на месте, но уже ничего вам не принадлежит.

Если воздух становится плотным до горечи, но в нем нет опоры.

Если ваша кошка, в своем ласковом равнодушии, является последним источником тепла.

Если постель, как черный колодец, а шторы на окне, как палец на сомкнутых губах.

Если при звуке любимого голоса, хочется крепко зажмурить глаза, чтобы не видеть холодной воды.

Если коридор вашего крика бесконечен, – значит, с вами случилась беда.

У беды совершенно пустое лицо, потому что в ней, как в воронке, каждую секунду умирает любовь.

Это неизлечимо.

КЛЮЧ

Как горды мусульманские мечети.
Как надменны католические костелы.
Как простодушна и благодна христианская церковь.
Мужество кует мечеть.
Мысль оттачивают готические своды.
Любовь вызревает в церквах.
Сабельным звоном перекликаются арабские письма под куполами.
Тихо шуршат мантии латинян, растворяясь в реве органа.
Чисто звучит с клироса песнь христиан.
Как же собрать воедино мысль, мужество и любовь?
Как осознать эту необходимость.
Чудится, что это звенья одного ключа.
Ключа к мирозданию, где кольцо, стержень и язычок.
Держат мусульмане в руках кольцо – свою божественную луну, мистическое колесо.
Превратив стержень в скипетр, правят и потрясают мир экономическим могуществом католики.
А христианская Россия, младенчески прорастая зубчиками церковных куполов, позабывшая, что она Мессия, что она главное звено, заново кует свой язычок, нарезает на нем бороздки – замыкает цепь.
Стремительно несется время к заветной цели – могучего слияния духа.
Блаженны встретившие эти времена!

ЭЛЕГИЯ

Нет повести печальнее на свете, чем повесть о стареющей Джульетте!
Горечь закатной красавицы сравнима лишь с сумерками души.
Бессильно все золото мира.
Уж если красота – твой главный капитал, банкротство неизбежно.
Шелковым покрывалом спадает молодость с плеч, обнажая изрезанную пустоту.
И зябнувшая старость, окутанная флером былого величия, глядится в разбитые зеркала и не узнает себя.
Сжимается время, не поддаваясь растяжению, и рвется, рвется, рвется...
Не ухватить ветер в песочных часах.
Дрожащей мокрой веткою жасмина кивнет, прощаясь, молодость и упадет слезой.

Трагедия – достойная пера.
Печальна старая красавица...

ПУСТЫРЬ И МЫСЛИТЕЛЬ

Наблюдать за городскими сумасшедшими – дело неблагодарное. Пути их неисповедимы. О том, что среди них есть яркие типажи, общеизвестно. И все-таки, один «блаженный» будоражил мое воображение, вызывая сострадание и некоторое уважение.

Поначалу я принимала его за бродягу. Также, как они, в черном безвременном пальто, с немыслимым картузом на голове и с сумками в руках он медленно брел в никуда.

Отличие заключалось в том, что бродяги собирали пустые бутылки, а этот складывал в свою сумку бумагу с тротуаров и придорожные камни. Они были тяжелы, оттягивали ему руки, но он упорно продолжал свое странное занятие. Из его кошельков выглядывали целые кипы старых журналов, тетрадей и книг.

Опровергая утверждение, что рукописи не горят, он сооружал за гаражами костер и методично сжигал литературу, обкладывая камнями кострище.

Гуляя с собакой на пустыре, я то и дело наталкивалась на эти ритуальные сооружения, отмечая, что выложены они необычно, словно жертвенные алтари.

В действиях этого человека чувствовалась трагедия не души, а ума. Что-то, в явленном печатном и рукописном слове доводило его до иступления.

Так продолжалось несколько лет.

Все к нему привыкли.

Милиция его не трогала, он был тих и способствовал чистоте прилегающих улиц.

Со временем, на старых пепелищах он сооружал новые, затейливые алтари.

Так бы и продолжался его сизифов труд, если бы, как и во всякой истории, не настал «момент истины», событие. И оно произошло.

Ранним летним утром, выйдя на прогулку со своим верным псом, приближаясь к пустырю, я еще издали увидела необычайную картину. Вместо зеленого разнотравья, вся квадратура луга была сплошь усыпана бумагой.

Подойдя ближе, я определила – это разорванные книги и журналы. Каменные же алтари, напротив, были разметены и разрушены.

Масштаб книжного посева был столь велик, в разорванных листах чувствовалось столько истерзанной муки, что сеятелю, наверняка, понадобились долгие часы яростной борьбы.

Я бродила среди поникшего печатного слова, с грустью думая:

– Вот и настал для него последний день усилий.

Осознав их тщетность, разуверившись в очищении огнем, он развеял свои сокровища на поругание.

Я представила разыгравшуюся здесь ночью трагедию: как он бродил по пустырю, разоряя алтари, рвал и с усилием разбрасывал книги, убивая в себе главную задачу – собирать – свое безумное предназначение.

Вдали, у сплошной кирпичной стены, виднелась его черная согбенная фигура.

Каково же было мое потрясение, когда я, подойдя ближе, рассмотрела что сидит он в позе Роденовского «Мыслителя». Фактически.

Он сидел на камне, опершись одной рукой на колено, подпирая сжатой в кулак ладонью подбородок....

Глаза его были устремлены вниз, а сам он неподвижен.

В его облике виделось столько скорбного величия, что тихонечко обойдя его, я покинула место сражения.

Больше он в наших местах не появлялся...

Ветер день за днем развеивал груды бумаги, никто ее не собирал.

Пустырь был ничейный.

Однажды я спросила дворничиху: «Не видела ли она старика, собирающего камни?».

– А этот ненормальный, – ответила она. – Нет. Помер, небось, или упекли болезного в «желтый» дом. А вам зачем?

– Незачем, – ответила я и оглядела близлежащий мир.

Пустырь без Алтаря и Мыслителя был совершенно пуст...

ВЕРА-ВЕРОНИКА

Казарян не любил тюльпаны. Не то, чтобы не любил, а не понимал голландцев, которые их выращивали. Он считал, что если поймет тюльпан как цветок, поймет и голландцев.

Тяжелые головки тюльпанов мерцали пылкой красотой, не соответствуя своему ломкому, водянистому стеблю, раздражая Казаряна непохожестью на себя – мужественного, уверенного и стойкого.

В них был скрытый намек на что-то глубоко упрямое от самого себя, но забытое. Они ему напоминали Веру-Веронику.

– Так Вера или Вероника?

Она смеялась:

– И то, и другое! Понимаешь, когда я родилась, мой папа был в «поле», он геолог. Уезжая, он попросил маму, если родится девочка, назвать ее Верой. Мама внутренне сопротивлялась, считая имя слишком простым и записала меня Вероникой.

Папа вернулся из экспедиции, топнул ногой и сказал:

– Веру не менять! В нашем роду все лучшие женщины носили это имя. Она будет Верой – третьей!

Казарян раскурил сигарету, опять нахлынуло... И некуда деться от этого тихого, властного голоса. Она была как магнит. Пройдет и соберет все, до единой частицы.

Она была не похожа на остальных девчонок. Не красила волосы, не подводила глаза черным карандашом, не носила модных вещей. Она вся была натуральная, и от этого сияла такой чистотой, что захватывало дух.

Чистота и страсть, как у тюльпана – холодный стебель и огненный цветок. При виде Веры Казарян терял волю.

Его мудрая армянская мама говорила:

– Зачем ты засматриваешься на русских девочек? Ты все равно женишься на армянке, как твой отец, дед, прадед. Казаряны никогда не брали себе жен из другого племени. Не терзай себе сердце, сынок. Эти белоголовые девочки растут в чужих садах. Они холодны как снег, они заморозят твою любовь, и ты всю жизнь будешь стоять у озера, скованного льдом, и никогда не напьешься досыта! И дети твои будут мучиться, их души будут растеряны, потому что не будут знать, кто они.

Мед сахаром разбавляют, но это плохой мед.

Он смеялся в ответ:

– Все ты, мама, придумываешь! Любовь не выбирают как помидоры, она выбирает сама. Разве плохая Вера?

– Хорошая! Но не твоя!

– Моя, мама, моя! Все в этом мире принадлежит мне, ведь я же Казарян!

Мама отрицательно качала головой и вздыхала, и любовалась своим мальчиком.

А Казарян шел на штурм. Подкатывал к ее дому на красивых машинах, осыпал подоконники цветами, отгонял и распугивал других женихов. Выстилал перед Верой ковровую дорожку в будущее, усыпанную ювелирными украшениями и французскими духами. Но все замысловатые «па» его темпераментной джигитовки не производили на Веру никакого впечатления.

– Будь проще, Казарян, – говорила она ему. Ну что ты, как фокусник, материализуешь иллюзии? Мир и без того, прекрасен!

И все-таки коварная удача представила Казаряну случай. После защиты дипломов было решено идти в пятидневный поход. Казарян ликовал.

Он выдержит все! Он будет ходить пешком, без всякого автомобиля. Он будет тащить на спине тяжелый рюкзак и подставлять свое смуглое могучее тело на растерзание кровожадным комарам. Он будет есть совсем не шашлык, а гречневую кашу из котелка. И все во имя нее – своей любви!

И они шли – холмами и пригорками, тропинками и дорожками, натягивали палатки и собирали хворост.

А Вера все поглядывала зорко на Казаряна и расчесывала свои бесконечные золотые волосы, и дразнила его, читая Лорку:

«И в полночь, на край долины увел я жену чужую, а думал – она невинна...»

И звенели у костра клинки кинжалов в ее речах, и стучали в ночи андалузские кастаньеты, и умолкали цикады. И Казарян воспламенялся, и забывал про свою армянскую маму, и мнил себя идальго.

А то вдруг обрывала чужеземные стихи и запевала русскую, тысячелетнюю...

«То не ветер ветку клонит... Не дубравушка шумит...»

Тогда вспоминал Казарян слова матери и окунался в холодные воды озера, и пил, и не мог напиться досыта.

В один из вечеров она сказала:

– Ты тяготишь меня, Казарян. Ты перекален, как сталь. Ты достиг критической массы. Если утолишь страсть, оставишь меня? Обещай!

– Обещаю! – прошептал он, не веря своему счастью.

«И лучшей в мире дорогой, до первой утренней птицы...», – стучало, стучало, стучало сердце Казаряна.

– А теперь уходи, – сказала Вероника. – Ты же мужчина, держи свое слово!

И стерла белой рукой его начисто из своей жизни. А через месяц вышла замуж за ленинградца, моряка.

Спустя годы, Казарян отыскал томик стихов поэта, чтобы узнать, чем же закончилась история с идальго и откуда у Веры испанская грусть? И прочитал:

«Мужчине чужие тайны рассказывать не пристало;

И я повторять не стану слова, что она шептала,

В песчинках и поцелуях ушла она на рассвете...»

В общем, у идальго тоже все закончилось очень плохо. Это его немного успокоило...

Всю свою дальнейшую жизнь Казарян прожил без Веры... И, наверное, без любви, но с Надеждою.

По иронии судьбы его армянскую жену зовут Надя. Мама ее очень любит.

Казарян не ходит в походы, ездит на хорошей машине, ест с друзьями в ресторанах шашлык, и терпеть не может тюльпаны!

НАЛЕВО ОТ ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ

РАССКАЗ

*«Оставит человек отца своего и мать свою,
и прилепится к жене своей и будут одна плоть».
Бытие, 2.24.*

Стойкой чалдонке Тане посвящается

– Мешок рыбы на букет цветов?
– Конечно, да!
– Видали лоха?

Весь экипаж высыпал посмотреть на редкий случай, но «лох» уже уходил сквозь аэродромный гул, и даже по спине было видно, что вполне доволен судьбой.

Гвоздики из Москвы. В хрустящем целлофане. Пахучие. Свежие. Нежные. Эх, довести бы!..

У себя, в рабочем общежитии, Саша прошел в чулан и выбрав среди хлама старый поломанный стул доломал его совсем. Вахтерша тетя Даша с тревогой наблюдала, как житель восьмой комнаты, в общем-то славный молодой мужчина, оторвал от старого стула полукруглую дужку и запихнул себе под парку, так что грудь оттопырилась, как у ядреной бабы.

– Вот! Напьются с утра и творят незнамо что! Ты что делаешь-то, охальник? Ты что стул-то ломаешь? Ментовка, гля, рядом. А ну – брякну щас?

Саша, смеясь, чмокнул тетю Дашу в вялую щеку и выскочил во двор. Зарокотал снегоход «Буран».

На дворе темно, на душе светло, на спидометре – сорок. Давит ветер в лобовое стекло. Брызжет по следу снежная пыль. Ложатся под лыжу верста за верстой. Вот уже позади «Страна Маленьких Палок», – полоса редколесья лесотундры, последние малорослые деревца сибирской тайги, и снегоход выбегает в великую Белую Пустыню. Дальше, до самого Полюса, лишь снег и ветер. Если держать примерно на три локтя налево от Полярной звезды, то через триста километров

ЭЙСНЕР Владимир родился в селе Ново-Александровка Омской области. После окончания школы участвовал во многих экспедициях в российском секторе Арктики. Закончил в Пятигорске факультет испанского языка ПГПИИЯ. Писать начал еще в школьные годы. Печатался в России, Германии, США. Дипломант литературной премии имени Юрия Рытхэу Союза писателей СССР. Живет в Германии.

попадешь на речку Ханка-Тарида. Там, на крутой излучине, небольшое зимовье. На пороге избы стоит Таня и смотрит на юг...

Дужка от стула выгнула парку на груди. Там, в тепле и уюте, не придавленный, не помятый – букет из Москвы. Четыре красные и три белые гвоздики.

«... Еду, еду, еду к ней, еду к любушке своей!»

Сегодня двадцать второе января, а двадцать пятого по православному календарю – Татьянин день, а также Танин день рождения.

Поженились двадцать четвертого сентября. Это – раз, два, три, четыре месяца! Кто сказал, что медовый месяц только один, того остается только пожалеть!

До озера Туканча сто двадцать километров. Это четыре, ну, пусть, пять часов... Там, в балке у Коли Нечипоренко, отдохнуть и чайку... Заправиться – и дальше. До белой горы Буджелун девяносто километров. Еще часа четыре... долить бак... от горы через реку Большая Балахня до залива Байку-Неру около семидесяти. В зимовье старика Прокопия переночевать. Взять у него канистру бензина. (И своего, впрочем, должно хватить). А уж от избышки Прокопия каких-нибудь шесть-семь часов – и дома! За день до «Татьянина дня!». А в «Татьянин день!» – Татьянин день! «Еду, еду, еду к ней...»

– Никуда ты не поедешь. Спи давай. Куда в ночь-то лезть? Я и то блукаю без луны, она аж под утро появится, а ты, помнится, всего разок и проехал здесь в прошлом году.

– Так ведь светлого времени всего четыре часа!

– Вставай к луне – еще три! Как раз до деда и доберешься. Хохол Нечипоренко, сорокалетний седеющий мужчина, был серьезен как никогда: – «Жену давно оставил?».

– С неделю. На вертаке вылетел. Продукты, «Буран» новый перегнать, да вот... Саша кивнул на стол, где в стеклянной банке стояли цветы.

– Ну-ну. В полярную ночь, за триста километров цветы везти... В такую дорогу, самое малое, вдвоем надо. Если вдруг что, как я твоей молодухе в глаза смотреть буду? – Нечипоренко прикурил от Сашиной зажигалки, красивой сувенирной вещицы, покрутил ее в руках, положил на стол и выдохнул дым, – отпустил, скажет, одного...

– А зачем он, второй-то? Назад те же триста. Или прикажете в одной комнате втроем жить? А все «если» собирать, так и жить не стоит... о плохом думать да бояться – точняк не доедешь...

* * *

Саша вскоре заснул, а Нечипоренко засиделся у печурки, вспоминая свои молодые годы. Это сейчас, вроде все улеглось – укаталось. А в двадцать пять разве мало глупостей сделал ради своей Гали? Глаза его снова вернулись к столу, где зимой, в полярную ночь, стоял букет свежих цветов. Чудо, да и только!

Гвоздички, казалось, согласно кивали махровыми головками. «Часто, ох, часто, поступает мужчина безрассудно из-за женщины. И раньше так было... И впредь будет... А иначе о чем и вспомнить потом, когда кровь остынет, о чем?».

Нечипоренко подбросил полено в огонь. «Что ж... Помогите, Ты, Господи, парню этому в пути. Убери ветер, отодвинь пургу, дай Ты ему живым и здоровым добраться до цели».

* * *

До белой горы Буджелун Саша доехал без приключений, но дальше пошел обширный участок с поперечным передувом. Каждый тундровик знает, как тяжело ехать поперек застругов, от бесконечных прыжков и тряски устаешь так, что потом рук не поднять. К тому же долина Большой Балахни сильно изрезана мелкими речками, речушками, оврагами. Полузасыпанные снегом, они таят в себе «волчьи ямы» – снежные ловушки. Угодишь в такую, ногу ли сломать, шею ли – раз плюнуть. Азбука эта известна каждому охотнику, так что спешку пришлось оставить. Несколько раз Саша все же зарывался, потом поумнел и в подозрительных местах стал сходить с «коня», чтобы осмотреть дорогу впереди.

Через сутки, на рассвете, подъехал к избе старика Прокопия.

– Никого!.. Ни даже следа собачьего!.. Постоял Саша у покинутого зимовья, постучал ногой о пустые бочки из-под бензина, – мда-а...

Топить сейчас выставший балок, идти на озеро колоть лед, греть воду, готовить ужин, а утром разогревать остывший «Буран»? На таком морозе не заведешь, пока не прогреешь паяльной лампой стартер и цилиндры – это ж сколько времени? Это ж почти сутки и уйдут...

Нет! Вон облачность натекает, как бы не пурга, звезд не видно. А главное – милое лицо молодой жены вдруг ясно выступило из темного неба, и зеленый дым сияния дугой лег на рыжие волосы. А! Поеду!

Пути вдоль берега залива километров сорок до места, где впадают в «море» две безымянные речушки, образующие общее устье. Дальше надо свернуть на левое русло. Когда начнет светать, рассвет будет сзади. Поднявшись до водораздела, а там, вдоль речки Ханка-Тариды уже стоят его капканы, считай дома!

* * *

Свернув в тундру, Саша проехал по замерзшему руслу речушки до самого озера, из которого она вытекает. И только по начавшему светлеть горизонту понял, что едет прямо на рассвет, вместо северо-востока едет на юг...

Бензина хватило вернуться назад и даже подняться до водораздела. В свете угасающего рассвета далеко видны меандр речки Ханка-Тариды и дальше, до горизонта, бесконечные плоские холмы. Примерно через тридцать километров начинается его охотничий путик. Еще через тридцать стоит промежуточный балок-промысловка, чтобы отдохнуть и обогреться. Еще двадцать и, – в устье Тариды, зимовье. Там, на пороге, стоит Таня и смотрит на юг...

Оставив на водоразделе, у большого валуна, верный остывающий «Буран», Саша шагнул в ночь.

* * *

Прямо в лицо дует ровный, плотный хиус. Борода и усы, шарф на груди и опушка матерчатого капюшона смерзлись в ледяную корку и стали одним целым. Но на ходу, даже в сильный мороз, не холодно хорошо и правильно одетому человеку. Только вот руки в меховых «магазинных» рукавицах стали заметно остывать. Особенно правая. С этого боку сильнее наваливается ветер.

Отрезав кусок шарфа, Саша обмотал им руки, втиснул эти култышки в рукавицы, а затем еще и в карманы парки. Так-то лучше!

Эти шестьдесят километров Саша шел двадцать часов. К заледенелой палатке из старого брезента подошел в самый разгар полярного рассвета, когда, кажется, солнце вот-вот появится из-за холмов.

Уф-ф! Наконец, можно прислониться к упругой стенке, расправить плечи и снять надоевшую, вросшую в спину, двустволку.

Хотел показать тундре кукиш, как делал не раз, уйдя от беды, но вместо этого продолжал устало смотреть, как поземок вылизывает бока сугробов, как на глазах, вытягиваясь на юго-запад, растут твердые пальцы застругов.

Тундра, казалось, дышала и двигалась вся в синем снежном дыму. Сто раз виденная и всегда колдовская картина.

Так! Обогреться и спать! Оставшиеся двадцать километров – пустяк. Как раз успеет. Дужка от стула все так же топорщит грудь и цветы, непомятые, живы. «Еду, еду, еду к ней!».

В палатке полно снегу... Одна стенка разорвана... Волк, что ли? Но в печке порядок. Дровишки уложены и под дровами смоченная солярой, чтобы тундровая сырость не уела, бумажка подоткнута. Только поднести спичку.

Так! Где зажигалка? Карман пустой. И в другом нету... Да, парень, зажигалку ты оставил на балке у Николая...

Ладно. На припечке, в полиэтиленовом мешочке, придавленный камешком коробок спичек.

Всего несколько минут как снял рукавицы, а руки, и в прежние годы уже не раз прихваченные морозом, отказываются шевелить пальцами. Пакетик разорвал зубами. Но пальцы...

Напрасно дул Саша на пальцы, одну за другой роняя спички в снег, напрасно пытался отогреть, запихивая в ледяную щель рта и даже прикусывая зубами. Для застывших потерявших чувствительность пальцев, спичка – слишком мелкий предмет: «Эх, Таня, твои бы сюда рученьки, твои бы пальчики, твое бы дыхание».

Поняв, что разжечь огонь не удастся, Саша опустил на оленье шкуры у стены и мгновенно уснул. Минуту или час продолжалось это забытие, но проснулся Саша от ясного сознания, что замерзает.

Об угол печки разорвал парку на груди, так что вылетела дужка, и брызнули пуговицы. Сунул руки под мышки. Сквозь лихорадочный озноб, сотрясавший все тело, радостно почувствовал покалывание в кончиках пальцев...

* * *

Медленно, как в воде, бредет по тундре рослый мужчина. Сначала он отдыхает у каждого третьего капкана, затем просто ложится на снег и смотрит в стылкое небо. Хорошо, что облачно, не так холодно...

Так же дует в лицо безжалостный хиус, так же дымится поземок, и так же сквозь тонкую облачность льется сияние. Но дужка от стула уже не топорщит парку на груди, дуло ружья не торчит за ухом, и целлофан букета давно рассыпался в прах. Но каждый раз мужчина поднимается и проходит еще немножко. И, если споткнется о заструг и упадет, то так и быть, отдыхает, а если нет, – идет до капкана.

* * *

... В тысячный, наверное, раз за эту неделю выходила Таня на порог слушать тишину. Двадцать пятого поутру, когда рассвет достиг апогея и отделил небо от холмов, предчувствие беды стало невыносимым.

Все шесть собак лежали в пристройке, уткнув носы в лохматые животы. Мороз.

Мельком глянула Таня на термометр. Сорок два.

Ладно.

Сорок два – не пятьдесят.

Неохотно встали псы в алыки, но потом разогрелись, ходко пошли знакомым путем вдоль капканов.

Часа через два вожак круто развернул упряжку, так что Таня чуть не выпала из саней, и завыл, вскинув голову к размытой облаками луне.

На склоне сугроба на коленях стоял человек и неловкими слепыми движениями старался поднять упавшую с головы шапку. «Пьяный, что ли? Господи, да это же...»

– Саша?

Медленно поднял он голову. Толчком вылетел пар и белой пылью рассыпался в воздухе.

– Саша!!!

В ответ полувздых-полустон. На лице ледяная маска. Таня уже рядом. Руки! Что с руками у него? Где рукавицы? Шарфом замотал... И что это? Свитер что ли разрезал? Ни «Бурана», ни ружья и пустые ножны на поясе.

Больно тебе, миленький? Дай-ка руки сюда, дай их сюда, сейчас отогрею под моей паркой!..

Долго ждут собаки прильнувших друг к другу посреди тундры мужчину и женщину. Наконец, она усаживает его в сани, сама становится на копылья.

– Домой! – любимая команда. Домчали за час.

* * *

Какая благодать, зайти с мороза и ветра в жилую избу! Как хорошо вздохнуть запах свежееиспеченного хлеба и увидеть красные угли сквозь щели печной заслонки!

Первым делом – руки мужа в холодную воду. Ведерко угля – в печку, чайник – на огонь.

– Ах, Саша, Саша... – медленно разламывает она ледяную корку на его лице, освобождая бороду от вмерзшего в нее воротника свитера, от которого, похоже, один лишь воротник и остался...

Сняла с него парку и на пол выпали гвоздики. Мятые, ломкие, черные...

– Спасибо, милый!..

Помаленьку начинает она плакать. Лицо мужа до неузнаваемости распухло. Вместо глаз – щелки, на шее толстые красные полосы и такие же красные вывернутые губы.

– И какой же ты стал страшенький, губошлепистый... Прямо великий вождь Чака Зулу... Устроил праздничек, змей шершавый!

Вождь зулусов Шершавый Змей, он же Лапушка, Касатик и Чучундра

ВЛАДИМИР ЭЙСНЕР • НАЛЕВО ОТ ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ

моя ненаглядная, что-то бубнит и качает головой, но чай пьет сам, неуверенно держа чашку сардельками пальцев цвета перезревшей малины.

– Будем жить, Саша!

Опять видит она его стоящим на коленях в сугробе. Все ловит и ловит упавшую с головы шапку... И слезы опять каплют в чашку с чаем и она садится рядом и прижимается к его красной обмороженной щеке своей красной от печного жара щекой.

Чашка выскальзывает у него из рук и падает на пол...

Саша заснул, и Таня укладывает его в постель. Выходит в сени накормить собак. Поднимает с пола мятые черные цветы. Оглаживает их, распрямляет и ставит на стол, в банку с водой. Может, отойдут... Гасит лампу, раздевается и ложится рядом с мужем.

Уютно, тепло и тихо. Потрескивают дрова в печи, пляшут отсветы огня на стене, да ветер скользит по крыше.

До озера Туканча – сто двадцать километров.

До горы Буджелун – девяносто.

До Байкура-Неру – еще семьдесят.

А от сердца до сердца?

Вот оно родное, горячее, сильное... Медленно скользит ее рука по буйной головушке и замечает еще один знак внимания: короткая стрижка, чисто выбритый затылок. Старался. Хотел понравиться. Лапушка...

«Господи, Царь небесный! Не умею я молиться... Не научили... не показали... не донесли... Но прими, Господи, бесконечную благодарность мою, что наполнил ты мне сердце тревогой, что дал поспеть вовремя... Продли нам, Господи, медовый месяц, продли нам его надолго».

* * *

... Пора оставить их одних. Могу лишь добавить, что один из цветков ожил. Нет, не красный. Белый. Мне Таня говорила.

А Саша справляет теперь день рожденья два раза в году. По паспорту и в «Татьянин день».

«Еду, еду, еду к ней, еду к любушке своей!»

НАЧАЛО

РАССКАЗ

Сказывают, бабка-сваха, как меня засватала, вернулась в дом жениха и еще с брочки, захлебываясь от восторга, затараторила: «Невеста красивая – красивее нет в округе, и богатая, такая богатая, что куры у них несутся под забором так, что и сесть некуда другим, прямо в очереди стоят! А почему посреди двора не садятся, так как же им сесть, если по двору бродит другая живность – обойти нельзя: и гуси, и утки, и индейки – а яйца так и лежат, так и белеют под забором, как снег. Коровы и лошади – стада и табуны, свиньи бело-розовые одна к другой лежат и похрюкивают, бараны нагуливают шерсть длинную, а мясо у них сладкое, во рту тает – сама пробовала.

А в избе светло, и добра там, добра видимо-невидимо, а в сундуках – я просто не стала заглядывать – полно всего, и сундуков много.

Приданого накопили невесте, она сидит на нем и еще докладывает: то клубочек пряжи доложит, то сувой сукна и рядна подкинет, и все кладет и кладет и куда оно все только помещается? А ласковая какая, и у меня все спрашивает, а хорош ли мой соколенок собою, а высок ли да плечист ли. А я и отвечаю, что высок, милая, ой как высок, а хорош то так, что я и описать не могу – если увидишь, то и будешь смотреть, не отрывая глаз, хоть вечность, хоть две и не надоеет. А в плечах такой – показать бы, да ширины не найду подходящей, вот в дверь-то вашу только боком пройдет, говорю, если согнуться.

Да что же он за великан? – спрашивает невеста. А я и говорю, что великан, не великан, а тебя крутить и вертеть будет как игрушку, ну, словно дите маленькое, которым умиляются, лаская... И лес шумит под окнами, а птичек видимо-невидимо, поют как в райском саду».

Одним словом, сосватала. Родители мои готовы были хоть сейчас дочку замуж выдать за богатого и грамотного красавца-жениха, а я – так и пешком бы пошла в эту райскую сказочную страну, нарисованную свахой, к доброму ласковому великану, с которым буду я до конца своих дней гулять по красивому лесу или с нетерпением дожидаться его домой, выглядывая из высокого резного окна роскошного дома.

В назначенный день поутру подъехали богатые повозки, из них степенно вышли нарядно и добротно одетые сваты да девять сыновей. Во дворе у нас не так богато, как сваха сказывала, да и дом попроще, но просторный и крепкий. Тятка с маменькой мои одеты скромнее сватов, зато меня – как на бал: платье пышное, блестящими нитками расшитое, на шее ожерелье сверкает, цветом играя, а веер расписанный гоняет тонкий аромат духов.

У меня и глаза разбежались: кто ж мой суженый? – все похожи, все краси-

вы, росли – и, вырвав взглядом самого смущенного и притихшего, с трепетом поняла: он.

Сваты поприветствовали друг друга, будто век были знакомы, и пошли смотреть большое подворье, полное живности, за которой ухаживала прислуга. Парни расселись кто на скамейке, кто на лавке в тени под забором, один только старший, не зная как себя повести, так и стоял посреди двора, глядя неловко мне под ноги, такой же смущенной и напряженно замершей.

– Все в дом пожалуйста, – прервал неловкую паузу неестественно веселый срывающийся мамин голос, – проходите к столу, а то устали с дороги, проголодались! – весело тараторила она и как стаю гусей подгоняла гостей в дом...

– Ну, что ж, все посмотрели, все обговорили, пора и благословить молодых и сегодня же, чтоб время не тянуть зря, обвенчать. Повезем невестушку домой. Путь-то не короткий. – Заветные слова прозвучали для меня как-то зловеще и в глазах заплескали почему-то фиолетовые огоньки.

Я в самых радужных мечтах не раз представляла себе эту минуту, и боялась все: а вдруг не приедут, а вдруг не понравлюсь, а вдруг другая приглянется, а вдруг... И тут, осознав, что я больше и ночи не проведу в родительском доме, что никогда, ни-ког-да меня не разбудит нежный поцелуй матери, ласковые слова отца, веселые песни подружек, я почувствовала, что пол покачнулся, стены накренились, и вся моя жизнь, до последнего момента легкая, ясная и чистая, тяжелой безысходностью навалилась на меня, и душная липкая темнота сдавила в медвежьих объятьях. Горячие слезы по щекам усиливали ощущение невыносимости – казалось, я плыву, безвольная, ослабевшая, в кипящем потоке, в ушах страшный шум, гул, плеск, и вот уже накрывает меня с головой, во рту неприятный сладкий привкус, кто-то дико и обреченно воет моим голосом, и нечем дышать – и незачем дышать – ватные ноги, чугунные руки, никчемное тело...

* * *

После венчания я сложила в платок подаренные родственниками и родителями деньги, а также приданое, что в бумагах, связала крест-накрест и отдала мужу. Он и примостил этот узел в ящик под сиденьем. Самое ценное уложили в повозку молодых. На три подаренные телеги умостили баранов, овец и гусей, пристроили поросят, а к дробинам привязали коров. Обоз из пяти подвод увозил мужнюю жену с родительского двора.

Все были чрезвычайно довольны, что невеста все же наконец-то дождалась своего счастья, кивали, махали руками и шляпами нам вслед, пока телеги не скрылись за березовой рощей. Одна невеста ничего не видела, слезы снова переполняли мои глаза, и сквозь дрожащую пелену остро врезались в память две расплывчатые фигуры – отца и матери.

Муж погладил меня по голове, немного прижал и тихонько попросил: «Успокойся, это еще не горе», – сказал и растерянно замолчал...

Густо-фиолетовые сумерки, миновав ночь, незаметно сменились нежно-сиреневой дымкой рассвета, когда мы заехали во двор, окруженный изгородью в три жердины, где стоял большой, недавно отстроенный дом. «Вставай, миленькая, вставай, уже приехали», – приветливо звучал голос свекрови. Я что-то пробормотала, но меня уже никто не слышал, все суетились. Отвязывали скотину и уводили в скотный двор, связанную птицу заносили в сарай и там развязывали, слышалось испуганное кудахтанье петуха и гогот разбуженных не ко времени

гусей. Одни только овцы вели себя тихо, лишь шарахались из стороны в сторону. Собаки, обрадованные возвращением хозяев, выказывая свою радость встрече, путались под ногами, мешая снующим туда-сюда людям, казалось, знающим каждый свое дело, будто бы они всю жизнь только то и делали, что выгружали чье-то приданое.

На какое-то время все забыли сноху, и я с ужасом смотрела на эти поспешные, но точные и верные перемещения своих новых родственников. Я испугалась, не увидев обещанных свахой хоромов да слуг, а может это вовсе и не родственники, а воры и бандиты, действующие по какому-то только им понятному сговору. Из множества редких голосов людей, прорывающихся сквозь крики животных и птиц, я услышала знакомый, напевный голос и обрадовалась ему, как надежде на то, что я не одна, что меня услышат и помогут. Увидела сваху – так вот откуда голос, вот кто знакомые – и вновь сникла, но сваха, говоря без умолку, направилась ко мне с радостными причитаниями: «Приехала, моя деточка, приехала, моя сладкая. Говорила же я тебе, что выдадим тебя замуж за красивого и резвого, и выдали, моя красавица ненаглядная. Говорила я тебе, что привезем тебя во дворец, вот и привезли курочку в гнездышко, детишек заведешь и заживешь в свое удовольствие. А когда рассветет, увидишь, – здесь солнце на ветвях спит, на землю не ложась». Она говорила, говорила, заговаривала молодую жену до забытья, и я уже больше ни о чем не думала, думать мне за речами свахи было некогда, так быстро и плотно говорила старуха, ни на миг не останавливаясь. Казалось, откуда только и брались слова – они лились со всех сторон, облепляли мое сознание, ложились тяжким бременем мне на плечи – и вот я уже снова безвольно плыву куда-то по темной вязкой реке, липкая ночь душным смрадом скалится мне в лицо, но цепкий властный голос жестко выталкивает меня:

– Пойдем в дом, а то стоишь, как чужая.

Я обрадовано повернулась к говорящему, как будто защищаясь от назойливых слов свахи, и послушно пошла следом, сама не зная за кем: то ли свекор, то ли муж, то ли нечистый.

Я, как во сне, смотрела по сторонам, и все уже были одеты в крестьянские одежды, и все на одно лицо. Я надеялась, что сейчас со своим суженым мы войдем в дом и приляжем отдохнуть, и прислуге прикажем не шуметь зря...

Вошли в избу, а там уже свекровь что-то перебирает, откладывает, прикидывает и складывает в кучу на пол.

– Вот возьми и переоденься, а то у тебя такого нет, ты же из родительского дома не брала, – и показала мне рукой на ворох одежды на полу. Чистая, отметила я и как в продолжение сна стала послушно переодеваться, а свекровь смотрела и подсказывала, если я чего-то делала не так, – простую крестьянскую одежду надеть, как оказалось, тоже нужна особая сноровка. Оделась я и смотрела на себя, широко расставив руки, не зная, куда их девать, как на чудо, – никак не могла понять, к чему этот маскарад.

– Бери доенку, пойдем доить коров, теперь их много, пока подоим, то уже и на пастбище гнать пора.

Я взяла и пошла следом за свекровью, та оглянулась и мягко, почти ласково, но с укором сказала:

– Туфлиними! Ишь, какие красивые туфли у тебя! Сними, а то загадишь!..

А я не знала, как сказать, что к корове-то при маменьке и близко не подходила...

– Возьми скамейку, садись и дой. Выбери, которая больше нравится. Мо-

жешь нашу – вот эта спокойная, а то из ваших которую – они ж тебя знают...

С удивлением, что буду доить коров, и, не представляя, как это будет выглядеть, я робко взяла низенький стульчик. Неловко села и, глядя, как это делает свекровь, осторожно взялась за теплые соски. Поежившись от незнакомых ощущений, надавила, потянув, и брызнуло тугой сиреновой нитью молоко. Я старалась в доенку – а оно норовило мимо. Попадало в рукава и на подол широкой грубой юбки, по босым ступням и просто на землю. Рукава от молока вначале были теплыми, а потом стали холодными, липкими и неприятными. Я сама себе стала неприятна, свекровь давно перешла от той коровы к другой, а мое рогатое чудовище с глубокими фиолетовыми глазами все еще давало и давало молоко, струи стали тоньше и короче, но били и били в доенку и рядом.

Коров подоили, когда солнце уже пробивалось сквозь ветви деревьев, и на стенах построек и вытоптанном дворе дробно рассыпались лучи света.

Мне понравилось цедить молоко – после шумной и малопонятной суеты его умиротворенное журчание и теплая, мягкая белизна завораживали, какое-то нежное приятное оцепенение бережно охватило мое тело, сознание и душу; взгляд, уже не воспринимающий, застыл на этом живом потоке и мягким журчанием молока вся моя радужная – разноцветная и пестрая – жизнь струилась перед глазами. Кто я и для чего? Кто эти люди, окружающие меня, – пустые тени в сумерках моего сознания или я сама – лишь тень пустоты? Что есть реальное и что я придумала сама?.. Но все мысли и образы сливаются в мягкий молочный поток, и остается лишь легкое головокружение, и желание спать, и ощущение манящей новизны, и хотелось бы, чтоб молоко текло долго-долго, так долго, пока я не свыкнусь со своей новой жизнью – мужем, домом, тем, что я, кажется, только что осознала, – но оно протекало, и быстро оседала пена, и усиленный запах парного молока бил в нос.

НОВЫЕ КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЕ РЕДАКЦИЕЙ

- **Александр Мосиенко. Неукротимая река времен.**
Северокавказское книжное издательство МИЛ. 2008.
- **Кривецкая Елена. Не играй в хочу-не-хочу.**
Лирические этюды. «РИА – КМВ», Пятигорск. 2008.
- **Бориценко Светлана. Сады в небесах. Стихи.**
«РИА – КМВ», Пятигорск. 2007.

РОДНИК ЛЮБВИ*

*Усач при Золотых тасах***

Майским вечером, в пятницу, Пятигорск утонул в тумане. Макушка Машука с телевизионной вышкой повисли над огородом и тянулись к первым звездам.

– Туман – это хорошо... Завтра погода будет, что надо, – закуривая неизменную «Приму», – сказал Валерий Горелов, или Копченый, как его звали в школе в наши далекие веселые годы.

– Ну так значит завтра на остановке. Да, смотри, первым трамваем.

На пути к дому зашел в магазин и еще раз убедился в том, что плавленых сырков нет. Такие сырки – не только закуска к «портвейну», но и отличная приманка для усача, и к началу сезона рыбаки их разбирают в момент... Так что, имея опыт, я еще зимой запасся плавлеными сырками «Орбита».

– Опять на рыбалку, – завела старую пластинку жена, когда я замешивал сырок с мукой. – И охота тебе? Угомонись, наконец. Вон, Валькин муж под какой град попал, слышал? Весь в синяках вернулся.

– Жень, ты лучше аккуратненько харч собери и не забудь поставить будильник на четыре утра. Любишь усачика жареного? Так не ворчи, помогай.

На кухню, задрвав хвост, вошел кот Кишмыш с черной родинкой на белой щеке.

Он потерял о ногу и поднял на меня желтые глаза, как бы спрашивая: «Дашь рыбки?»

– А меня возьмешь? – стал канючить сын.

– И не стыдно тебе, Костя, заикаться об этом? – закудаhtала жена. – У тебя – школа! Вот сейчас бабушке скажу, – она перегнулась в окне. – Баба! Он просится на рыбалку.

– Никаких рыбалок, – раздался во дворе стальной голос бабушки. – Ну-ка, иди сюда!

Я участливо посмотрел на сына, и пожал плечами: «Что поделать, брат?»

Снарядив удочки и три закидушки, я взял фонарь, окликнул кобеля Боса и отправился огородами к своему укромному местечку, где чайной заваркой подкармливал червей. И поэтому считаю, что рыбалка без червей неполноценна, как и охота без собаки.

В пятом часу утра я был уже собран, прогулял Боса и с приятным чувством свободы нырнул за калитку в туманную темень.

Как гигантские ландыши, белели фонари на столбах и отбрасывали густые полосы света.

Было так тихо, что я слышал, как туман сползал по сирени.

Визжа колесами и искря дугой на повороте, напоминая светящуюся гусеницу, показался первый трамвай, и я издали увидел в его желтых окнах большой рюкзак за спиной Копченого.

– Привет, – с улыбкой встретил меня старый друг. – Спички взял? Запасные поводки взял? Или опять, как в прошлый раз?

Раскачиваясь на узкоколейке, проехали тюрьму, или как ее называют бывшие – санаторий «Белый лебедь», потом мясокомбинат, у ворот которого уже стояли под газами милицейские и частные «жигулята», и в вагон потянуло горячей колбасой.

– Выходим. – Положил мне ладонь на плечо Копченый и сдвинул до бровей свою помятую шляпу.

По мере того, как мы по шоссе приближались к мосту, все прояснялось на глазах.

Туман клочьями всплывал с бугристой поверхности сверкавшего Подкумка, как на фотобумаге, опущенной в ванночку с проявителем. Резко обозначились лесистый противоположный берег, далекие фермы, домики. А когда показался огненный хохолок солнца, небеса покраснели как от стыда, потому что столько любопытных глаз разглядывали их в такую рань.

Прошли мост и вприпрыжку спустились по откосу в зеленый портал леса. Узкой тропинкой гуськом петляли мы вдоль берега и высокий влажный травостой вымыл до блеска резиновые сапоги. Всей кожей я почувствовал теплые волны умиротворения и вспомнил детство, когда бывало, вернешься усталый с мороза домой, снимешь ботинки с коньками, глядишь на синие лепестки примуса, слушаешь его монотонный гул, с головой окунешься в теплый уют и думаешь, что все на свете устроено хорошо и надежно...

Вдруг взору открылась коса, усеянная камышами с черными лысынами прошлых костров, с разбросанными консервными банками, пузырьками, окурками, шнурками, чурками, веревками.

Сузившись, Подкумок огибал косу, и под свисающими деревьями разливался в обе стороны звонкими перекатами и тихими, коварными омутами.

– А вот и островок имени Копченого, – смеясь, указал мой друг на корягу, окруженную камышом и травкой. Мы стали располагаться.

Когда были заряжены и закреплены удочки, развешаны колокольчики на закидушки вдоль берега, солнечный диск уже висел над водой, но еще без лучей, а с расходящимися, как от антенны кругами.

– Ну что ж, успели. Сейчас в самый раз, – довольный, выкатив директорский животик, резюмировал Копченый, и мы смачно закурили...

Там, где склонились наши удилица, Подкумок был шириной метров шесть, но глубокий. На том берегу по камушкам скакала, качая хвостом трясогозка, а выше на холме, привязанный за колышек в разливе травы, блеял козленок.

Трясогозка вспорхнула и скрылась. Козленок умолк и исчез в траве. На солнце набежала белая рябь и неожиданно стало как-то тихо и скучно...

– У тебя на закидушках, что? – спросил от нечего делать Копченый.

– И червь, и сырок... На удочках тоже.

– А я удочки зарядил опарышем. Усач опарыша чует знаешь за сколько метров... Ого-го!

Что касается меня, то я, честно признаться, малодушничал, относился с брезгливостью к опарышу и всегда удивлялся, как этот солидный человек, директор

* Коллективная повесть. К портрету поэта Г. Колесникова. Продолжение. Начало в № 1(2007).

** Быль, в которой поэт рассказывает о себе.

фабрики мог возиться с дохлятиной, вымывать белых шустрых червячков и ловко их нанизывать букетиком на крючок.

Крайнее удилище вздрогнуло и закачалось.

— А вот и первый! — метнулся к воде Копченый. — Стандартный, — ухмылялся мой удачливый напарник.

Стандартными мы называли усачей величиной в две ладони.

Садок у Валерия был прост, проще некуда — обычный мешок, опущенный в воду и придавленный камышами на берегу. И, блеснув серебром, в мешок нырнул наш почин.

Я запалил небольшой костер не для нужды, а так, для уюта, и пошел перезажать закидушки.

Две были пусты, без наживки, а на третьей мотылялись пескарь и усачик с ладонь.

Пескаря я оставил для кота, а усачика отпустил. Раста. Перезабросив все закидушки, я, что говорится, не успел закурить, как услышал звон колокольчика. Да, тот самый звон, неповторимый, когда начинают дрожать пальцы. Леска сопротивлялась. О этот праздник азарта!..

Когда леска пишет дуги по реке — это уже рыба! И вот у берега всплеск и огонь! Нет, я не оговорился, именно огонь! Передо мной изгибался усач довольно-таки приличный. Но представьте мой восторг, когда я увидел на рыбине золотые часы в кожаном, покрытом тинной ремешке. Утреннее солнце так и полыхало в них!

— Валера-а!! — закричал я, будто на меня напали разбойники. Но Копченый уже сам спешил ко мне.

— Вот это да... — только и смог выдохнуть он, подняв усача за жабры.

Когда страсти улеглись, мы стали обдумывать эту щедрую шутку судьбы, но дать какое-нибудь объяснение не могли.

— Это дело надо обмыть, — предложил Копченый. — Тем более, пора завтракать.

Пока я доставал пакеты, то да се, он взвесил усача. Стрелка ушла за 800 граммов.

После второй стопки мне в голову пришла мысль.

— Я смотаюсь в город. Фотокорр газеты «Кавказская здравница» Танасьев мой хороший товарищ. Надо обнародовать, ведь такое не часто случается.

— Какая редакция? Сегодня суббота.

— Ничего. Я его дома найду. Мы приедем. А ты лови. Ну, я пошел. Уже через час я звонил Танасьеву.

— Алло! Василий! Привет! Как сам? Узнал?

И я ему поведал всю историю, он хохотал в трубку.

— Слушай, другому никому не поверил бы, подумал бы, что это запоздалая первоапрельская шутка.

— Откуда звонишь?

— С главпочты.

— Ну, сейчас подъеду.

Василий, убедившись воочию, был просто в восторге. Он гладил бородку и все, смеясь, выпрашивал:

— Братцы, да вы не сами все это подстроили? Но Танасьев знал, что я не из тех.

Он сделал несколько снимков, все это дело тут же обмакнули по маленькой, — и он вернулся домой, а мы с Копченым остались до следующего утра.

Клевало редко и Копченый наладил поплавковую удочку (те, кто ловил усачей, знают, что чаще на усача охотятся донными удочками с тяжелым скользящим грузилом).

Он зашел по пояс в воду и стал ловить с проводкой на опарыша. И к обеду

выудил еще пять стандартных усачей. А после обеда загорали и дремали под детский лепет реки... Потом заготавливали на ночь сушняк для костра, слава Богу, его в лесу полно.

Усач любит ночь. И новые хлопоты и волнения ждали нас впереди.

... После утренней воскресной зорьки мы стали сматывать удочки, чтобы успеть на ипподром. Скачки мы никогда не пропускали... Во вторник в местной газете на четвертой полосе под рубрикой: «Вот это да!» я увидел фотографию нашего усача, опоясанного часами и заметку «Усач при золотых часах»: «В прошедшую пятницу в низовьях реки Подкумок любителями рыбной ловли из Пятигорска В. Горелову и Г. Колесникову крупно повезло. На крючок попался усач весом около килограмма. Но самое удивительное, что рыба была опоясана мужскими золотыми часами. Вот и верь теперь тому, что чудес не бывает».

А на следующий день меня посетил высокий приятный мужчина.

— Извините, в редакции мне дали Ваш адрес... Строкань Владимир Гаврилович, — представился неожиданный гость, когда мы вошли в дом. — Можно взглянуть на часы?

— Какой разговор?! — заторопился я и подал гостю трофей.

— Надо же! — У него аж щеки загорелись и очки сдвинулись. — Это они. Мои.

Он открыл корпус и показал мне надпись: «Дорогому Владимиру Гавриловичу Строканю в пятидесятилетие. Сослуживцы».

— Женя, подай-ка нам чего-нибудь! — крикнул я жене и обратился к Владимиру Гавриловичу:

— Расскажите, как это случилось?

Мы закурили. Неожиданный гость почувствовал себя раскованней и рассказал, как десять дней назад они с соседом Иваном утром до работы порыбачили. Взяли по удочке и спустились к реке.

— Я забросил на сырок и что вы думаете, — продолжал он свой рассказ, — как долбанул сходу! Ага-а. Я ташу, удилище гнется. Перехватил леску, поводит немного, вытащил на песок. Гляжу — хорош. Такие у дома не попадались, а живу я на Набережной. Иван увидел, как рыба прыгает у моих ног, подбежал. Тут озорная мысль вдруг ударила в голову: измерить я его решил что-ли?

Во-от, — говорю, — держи, Иван, усача за голову и за хвост. А сам снял часы и надел ему на спину... Только пряжку застегнул, а он возьми, да и выскользни из рук Ивана...

Долго мы сидели и вспоминали по очереди всякие рыбацкие истории. И расстались как друзья.

Потом я позвонил Горелову и Танасьеву и сказал им одну и ту же фразу: «Хозяин часов, Гаврилыч, нас приглашает в ресторан!»

СТИХИ ИЗ «ЧЕРНОГО БЛОКНОТА»

Опять
Мне дома
 не сидится,
Как много-много
лет назад.
Я глажу осень,
 как тигрицу,
Глажу ей
 в рыжие глаза.
И вижу плесы,
Слышу всплески.
И смуглой кожей
Солнце пью.
И так наивно,
Так по-детски
Любого встречного
 люблю.
Веди, веди меня,
 тропинка,
Туда, где Женщина
 грустит,
Туда, где нежная
 травинка
Над родником
 всю жизнь
 дрожит.
Меня тревожит
Стук в окошко,
И, бросив все,
На зов иду.
Душа моя,
Как неотложка,
Спешит
 опередить беду.

Глухая сирень
Задержала меня.
Я долго курил
У гнилого плетня.
Глядел на чернильные
 кисти.
Грустила душа
Без бывшего огня,
И рядом два тополя,
Ветви склоня,
В бульдозерной
 сырости кисли.
Я вспомнил,
Как жгли керосином
 кровать,
Как в дом привела
Моя бедная мать
Соседскую девочку
 Катю...
... Ворчал мой таксист –
Все пытался
 понять,
Как можно
У грязных развалин
 стоять,
Тянуться к сирени
 и плакать.

У той,
Известной всем
 черты,
Где жизнь и смерть
Слились устами,
Где небо плачет
 над крестами,
Горят разбитые
 мечты.

Стоит Машук.
 А в нем зияет грот,
 Как будто бы
 скала открыла
 рот.
 И произносит
 Лермонтова
 строки.
 Вдали Эльбрус,
 Как парус одинокий
 Белеет и волнует,
 и манит.
 Кавказ!
 Слышны мелодии
 молитв,
 Когда читаешь
 про страданья
 Мцыри.
 И сердцем
 пьешь печаль
 С поэтом
 в этом
 мире.

Этот город
 Весь в ландышах
 фонарей.
 Хочешь,
 Мы погуляем с тобой?
 Вспомним Бунина
 В роскоши темных
 аллей
 И послушаем
 лунный прибой.
 Поцелую,
 как бабочке,
 жить до утра,
 Но об этом
 узнаешь потом.

Сначала
 Мне гадала по руке,
 Потом гадала
 На кофейной гуще.
 Сказала:
 «Ты тоскуешь
 по реке».
 Но я грустил
 По Беловежской
 Пуще.
 Сначала говорила:
 «Ты плохой,
 Уродлив,
 Небогат
 И неудачлив».
 Теперь пришла
 Отпаивать ухой,
 И гладит по
 больным щекам
 и плачет.
 Сначала говорила:
 «Страсть уйми,
 А то инфарктом
 Встречи обернутся».
 Теперь зовет туда,
 Где соловьи,
 Где ивы над
 водою
 тихо гнутся.
 О, черт возьми,
 Попробуй,
 их пойми
 Всех женщин тех,
 Что женами
 зовутся!

В этом утреннем
парке
Птицы грустно
поют,
Будто помнят
землянки,
Будто холода
ждут.
В этом
утреннем парке
Нити солнца
дрожат
И на замершем
танке
Листья клена лежат.
Недвижим
безголосый,
Танк не грозен
уже.
Он срывался
с откосов,
Он горел на меже.
Где веселые лица?
Где мальчишка-
танкист?
... Только грустные
птицы,
Только трепетный
лист.

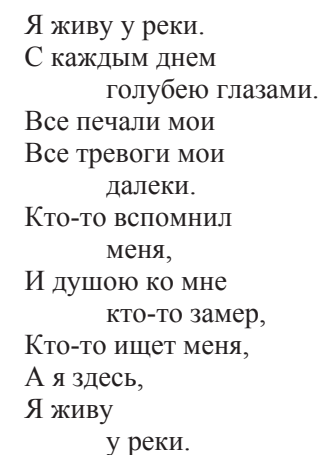
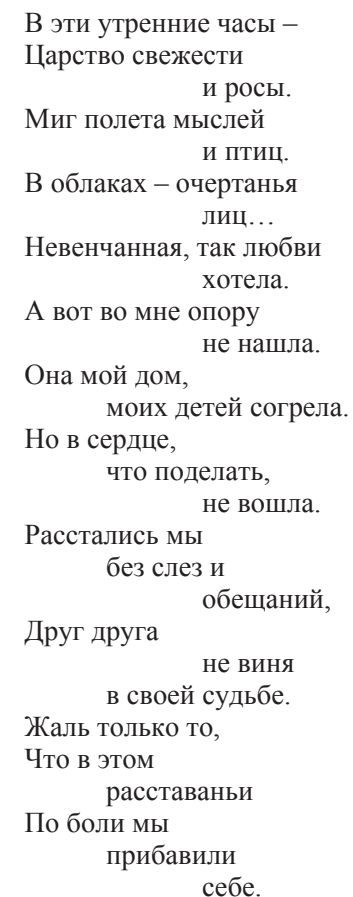
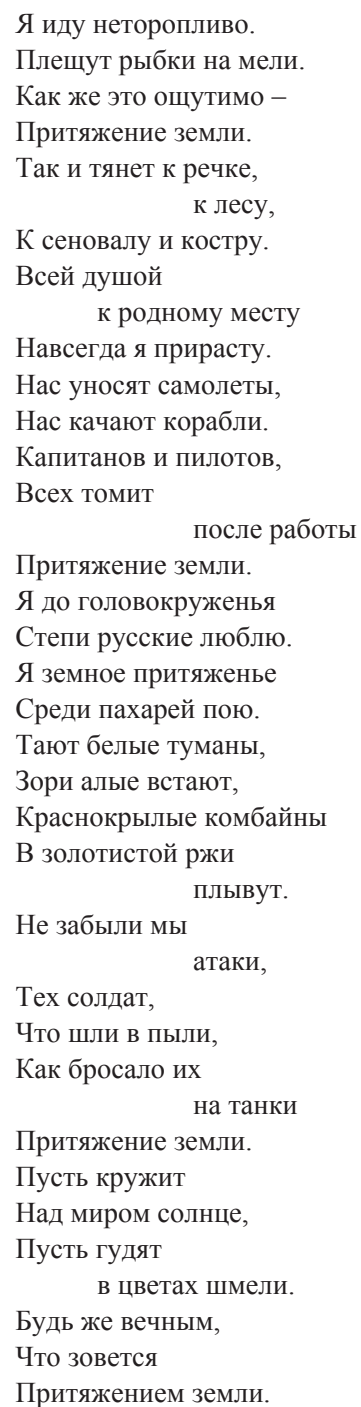
Дождями пахнет
Свежая замазка.
Мурлычет кот,
Совея у печи.
Простая жизнь, —
А теплая,
Как сказка,
Но так недолго
длится,
Хоть кричи!

В ее душе —
Сомненья и тревога.
Не может быть
спокойною душа.
Нас разделяла
дальняя дорога.
И все-таки
Она ко мне пришла,
Легко оставив
свой уют домашний,
Забыв про тихий сад
в краю родном.
Как в сон, или
как будто в день
вчерашний,
Она вошла
в осиротевший
дом.
Жалея, всех детей моих
ласкала.
Не отвергала грусть
мою и боль.
Но поняла, что жалость —
Это мало,
Чтоб стать моей судьбой,
Нужна любовь.

— Вот это да!
А мы тебя похоронили.
Ты долго будешь
жить —
Воскликнул друг.
«Ты долго будешь
жить» —
Шептали травы.
«Ты долго будешь
жить» —
Свистели ветры.
«Ты долго будешь
жить» —
Ревели реки.
«Ты долго будешь
жить» —
Гремели горы.
И я поверил всем.
И вот — живу.

ТАМАРА КУЛИКОВА

И НА ВЗГЛЯД НАРОДА — НАРОДНЫЙ

Ушел из жизни замечательный актер Ставропольского академического театра драмы им. М.Ю. Лермонтова Михаил Павлович Михайлов. Если судить по прессе, то народного артиста РФ М. Михайлова можно с полным правом назвать самым «театральным» актером края. Он был не просто актером «из хороших», любимых зрителем, а самоценным, в некотором роде сам — человек-театр. В любом спектакле, в любой роли оснащал своих героев таким джентльменским набором качеств, которые умница и знаток театра (в том числе, провинциального) московский критик Н. Жегин в одной из своих публикаций назвал «авторским удостоверением личности».

Это интервью с М. Михайловым — одно из последних. Хочется верить, что мысли вслух, высказанные замечательным актером, любимцем публики, будут интересны читателю.

— Михаил, знаю, что не только наш театр существует трудно. Но для ставропольчан интересен именно свой — Ставропольский академический. Как выживает творческий коллектив?

— Вы говорите «выживает»... А разве раньше, десять и пятнадцать лет назад нам не приходилось это делать? Разве актеры жили когда-нибудь сытно и богато? Разве в советское время, которое сейчас кажется безоблачным, не закрывали хорошие спектакли? Разве партийная власть не диктовала нам, как строить репертуарную политику, чтобы воспитывать зрителя в духе марксистско-ленинского учения? Все это было, но — давно. Память избирательна, мы прощаем времени дурное и оставляем самое светлое. Прошлое кажется более привлекательным, потому что тогда мы были молоды. К чему я все это говорю? Да к тому, что театр сумел пережить одни трудности. Сейчас появились другие. Одолеем ли их, сумеем ли сохранить наше достояние и боль — театр, зависит от всех нас вместе в той же мере, в какой — от каждого в отдельности.

Для меня Бог выстроил интересную историю жизни, в которой были разные испытания удовольствиями и радостями, дорогами, бедами, успехом, безрольем. Попросту говоря, я уже прошел через свои огонь, воду и медные трубы, чтобы спокойно принимать все, что посылает судьба.

КУЛИКОВА Тамара Дмитриевна — член Союза театральных деятелей РФ, член Союза журналистов РФ, г. Ставрополь.

— Позиция православного человека «Делай, что должно, и будет, что будет»?

— А вы считаете, — есть иной выход? Опять бунт, «бессмысленный и беспощадный»? Или — головой о стенку? Станислав Ежи Лец хорошо по этому поводу сказал: «Ну, пробил ты стену головой. И что ты будешь делать в соседней камере?» Нет, пока никто в мире ничего мудрее Божьих заповедей не придумал.

Мне повезло. Я родился в таком месте, где на сорок тысяч жителей было 28 церквей, в Саратовской губернии, в старинном купеческом городке Балакове. Там, кажется, сама природа была пронизана благостью и спокойствием. Может, тот воздух и напитал, насытил дух ощущением присутствия Высшей силы, которая единственно помогает человеку выжить. В какие бы нечеловеческие условия он ни попал. Хотя, как многие, долгое время я существовал, не отдавая себе в этом отчета.

В раннем детстве жил эдаким «советским барчуком». Мне посчастливилось быть племянником заведующей огромного детского сада. В памяти живет буколическая картинка. Я гуляю по зеленой аллее, а рядом старшая сестра. Она читает мне Пушкина... Сестра ввела меня в мир классической литературы. А отец, военный журналист и писатель, привил нам, детям, страсть к чтению и вкус к хорошей книге. Это были «уроки», далеко не всегда легкие для детского ума. Отец не щадил меня, подталкивая к раздумьям и поискам, порой весьма болезненным. «Серебряный век» я осилил лет в 15, в 16 сам стал пробовать писать стихи, маленькие рассказы. Вот эта начальная часть жизни в любви — согласии с собой и миром, в счастливом ощущении, что «все пути для нас открыты» (значит, и для меня тоже) укрепила мои детские силы. Господь вначале распахнул огромный увлекательный мир, а потом «втиснул» в лесную глухомань. Отрочество и юность прошли в деревне. Рыбалка, грибы, лес, парное молоко... А потом вытолкнул в самостоятельность: иди и ищи.

— Знаю, что после окончания театрального училища в Саратове вы много ездили. Исколесили почти всю страну. Что хотелось найти? Зачем?

— Я сам не раз задавал себе этот вопрос. Была сила, выносливость, жажда жизни — невероятные, и такая же неразбериха в голове. При этом — ощущение собственных неисчерпаемых возможностей, какое бывает только в молодости; амбиции и кураж. Мне хотелось все увидеть, все узнать, все сыграть... Такая вот всеохватывающая наполненность жизнью. Я действительно много путешествовал. Пешком исходил Поволжье от Жигулей до Астрахани. И немало поездил. Работал в театрах Урала, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Грузии, Украины. Человек в своей жизни далеко не сразу учится формулировать цели. Но, как сейчас понимаю, мои «географические» метания были и «моими университетами». Во-первых, удовлетворением бушующего во мне свободолюбия, а во-вторых, возможностью за достаточно короткий срок приобрести необходимый опыт, испытать себя в самых разных обстоятельствах.

— Я так понимаю, что любовь к «вольнице» прорывалась и в работе с режиссерами. Похоже, вы для них — не сахар?

— Ко времени прихода в Ставропольский театр я переиграл много ролей в разных спектаклях. Самые дорогие — князь Мышкин в «Идиоте» и Глоба в «Русских людях» К. Симонова. Поверьте, когда тебе, несмотря на молодость, доверяют такие роли, это значит, — ты чего-то сумел добиться. А вот если спросите, какой ценой, то здесь будет много интересного. Думаю, что для советской «силовой» режиссуры я был, мало сказать, — «не сахар», а иной раз — горше горькой редьки. Как правило, режиссеры приходят к актерам со своим видением спектакля, своим

пониманием той или иной роли. И это правильно. Ведь именно режиссер отвечает за качество конечного «продукта». Но, что греха таить, далеко не всегда предложенный вариант совпадал с моим представлением о «жизни духа» очередного героя.

Я не раз вносил смуту в отлаженный репетиционный строй. И начиналось: режиссер предлагает одно, партнер – другое, я – третье. Я продолжаю настаивать на своём. Как сейчас понимаю, бывал и не прав. Но, случалось, одерживал справедливые победы. Когда подсознательно чувствовал свою правоту, сражение шло не на жизнь, а на смерть. Репетиция превращалась в поле битвы, где каждый отстаивал свои бастионы. Вообще, в таких случаях во мне просыпаются немыслимые силы. И знаете, что происходит? Постепенно моими друзьями становятся и партнеры – актеры. Главное в таких случаях дожить до премьеры. Наконец, – вот она!.. Аплодисменты. Цветы...

– ...*Бывший враг (режиссер) становится лучшим другом, который следующий спектакль собирается делать именно на вас.*

– Это вариант «хэппи-энда».

– *И в том числе, с Алексеем Александровичем Малышевым в Ставропольском крае, тогда – драматическом театре им. М.Ю. Лермонтова, где вы, в конце концов, нашли свой причал?*

– Да, сегодня «здесь мой причал, и здесь мои друзья, все без чего на свете жить нельзя» – прямо по тексту культовой советской песни. Моя маленькая семья – жена и дочь, а семья большая – театр. В начале восьмидесятых, когда прибыл в Ставрополь, я и подумать не мог, что задержусь в этом степном городе надолго. Приехал сюда из Кургана. Посоветовал один московский режиссер, который делал постановку спектакля «Мы, нижеподписавшиеся» по А. Гельману. Он хвалил этот коллектив, даже назвал Ставропольский драматический одним из «самых интересных и перспективных театров страны». Рассказал, что там замечательный молодежный состав, который первым в СССР поставил спектакль по нашумевшей пьесе Ю. Грушаса «Любовь, джаз и черт». Как раз в это время (пригласили в Ленинградский БДТ) театр покинул ведущий молодой актер А. Михайличенко (почти мистическое совпадение фамилий). И я, недолго думая, собрался в дорогу.

Мне действительно достался богатейший репертуар уехавшего «премьера».

Лирическое отступление. Я хорошо помню Александра Михайличенко, фактурного, красивого, много писала о нем. Фамилии у актеров, – с одной корневой основой и возраст был примерно один. Однако трудно себе представить более разных по внутреннему складу людей. Александр – лиричный, Михаил – ироничный. Соответственно тому – один – поэт, другой – резонер. У одного обаяние «вечной» юности, у другого – мужественности (еще говорят «брутальности»). Один органично встроился в свое время, молодежный лидер, другой – очевидный интроверт, будто все и всегда оценивает со стороны. И получилось так, что с вводом Михаила Михайлова работы театра как бы получили новое звучание.

Так было со спектаклем по киносценарию Е. Габриловича «Кто ты, Василий Губанов?». У А. Михайличенко – главное в его герое – юношеский интуитивный порыв к более справедливому жизнеустройству. У Михайлова – нравственный поиск и мучительные размышления.

«Его герой ...как бы боялся отдать себя бессмысленной тщеславной суете и размениться на мелочи; понимал, что в иное время даже просто сберечь себя как личность – уже подвиг. А время и общество тогда ... не спешило признавать людей умных и деятельных. Вот этот конфликт и играл М.Михайлов. Сыграв эту роль, он сразу (что бывает чрезвычайно редко) стал неотъемлемой

и замечательной фигурой в актерском ансамбле нашего театра (В. Гурьев, Подвальный стрелке неуклонной, «Ставропольская правда» 8.12.1990 г.).

Актер, конечно же, самовольничал. Но, похоже, главный режиссер и не думал протестовать. Скорее, наблюдал. Театр и так потерял сразу трех прекрасных актеров. Вместе с мужем А. Михайличенко уехала и прима Г. Веретельникова. Кроме того, «забрали» в Театр-на-Таганке яркого, острохарактерного, современного Михаила Лебедева (ни мало, ни много – играть во втором составе в паре с В.Высоцким). А с другой стороны, Алексей Александрович примеривался: можно ли делать ставку на этого упрямого и всегда неожиданного новенького. Театр – конечно, синтез искусств, но связка актер-режиссер в нем важнейшая – так размышлял А. Малышев.

– Потом были главные роли в спектаклях «Проводим эксперимент», «Берег» и «Выбор» по романам Ю. Бондарева. Кто-то скажет, мол, военная тема, вчерашний день. А для меня это – свято, как мера вещей, как точка отсчета морального и аморального, расхожего и неприкосновенного. Вы знаете, был бы очень рад, если бы нашелся режиссер-смельчак обновить и вернуть прекрасного писателя и сценариста Ю.Бондарева сегодняшнему зрителю. Это ведь добротный литературный материал и честный рассказ о наших отцах, о связи времен и преемственности поколений, о том, что нельзя нам превращаться в «иванов не помнящих родства».

– *Большая тема – история России, которая все время переписывается. Похоже, скоро не только заокеанские школяры, но и наши выпускники английских школ на экзамене будут рассказывать, что в 1945 году победу над фашистами одержали американцы.*

– Да и русских школ – тоже, не обольщайтесь. Сейчас такое множество программ, такая несогласованность... А ведь именно она, школа, должна давать основы образования; вместо этого – оставляет в душах детей страх или растерянность, а в мозгах – неразбериху. Что касается Алексея Александровича Малышева, – теме определения личности, сохранения в чистоте нравственного чувства он уделял огромное внимание. И на этом мы тоже крепко сошлись. Инсценировку к «Фавориту» по роману В. Пикюля сделал сам Алексей Александрович. Екатерининский период был ему интересен, прежде всего, с точки зрения укрепления российской государственности; победных войн и расширения границ страны.

Он считал, что значение этого времени все еще не оценено по достоинству. Как и роль одного из могущественных фаворитов Екатерины II светлейшего князя Потемкина-Таврического, который был несправедливо оболган и выброшен из истории. Тема России, ее силы и таланта, – с одной стороны, и убогости, низкопоклонства перед Западом – с другой, по-моему, актуальна и сегодня.

– Я хорошо помню вашего Потемкина, барственного, преисполненного чувства собственного достоинства царедворца, победительного завоевателя и страдающего влюбленного. Скажу честно, мне представлялось, что в той инсценировке правда истории порой исполняла подчиненное положение по отношению к режиссерской задумке – театральной правде. Но то, что спектакль трогал, пробуждал «чувства добрые» к его героям и интерес к истории России – несомненно. В одной рецензии на эту работу было очень хорошо сказано про ваш вклад. Кажется, это звучало так: замечательно, что актер Михайлов обладает теми счастливыми качествами, которые помогают ему «не слизывать сливки» с роли, а обогащать ее своим человеческим опытом. В связи с этим и вопрос. Что, с режиссером вы всегда были согласны? Неужто не случалось горячих столкновений?

– Наверное, из моих откровений у вас создалось обо мне впечатление как об актере неуживчивом. Может, что-то такое и есть в моей натуре, но, поверьте, – без патологий. Философ В. Соловьев говорил о влюбленности в правду, как в источник вдохновения. И если я чем-то действительно болен, то, скорее всего, таким вот недугом. Хотя есть и другая точка зрения – историческая правда – это политика, опрокинутая в прошлое. Вся правда ведома одному Богу.

Однако я знаю цену профессионалам, преданным театру, людям и при необходимости научился смирять собственную гордыню. В Ставрополе я встретил творческий коллектив, с которым мне нравилось работать. Вот, говорят: есть «традиционный» театр и есть новаторский. Мне не кажется, что их обязательно надо противопоставлять. В 70–80-х годах Ставропольская драма была сильна как раз тем, что совмещала в себе оба качества. Здесь ставились острые, современные спектакли, но на хорошем, я бы сказал – академическом – уровне. Когда приезжали режиссеры со стороны на постановку, именно «старики» не давали возможности пройти халтуре. У нас всегда были очень крепкие «старики»: народные артисты СССР А. Бокова, В. Фоменко, Б. Данильченко, Б. Дымченко ... В результате наш худсовет был действенным рабочим органом.

Меня устраивала направленность этого театра и его политика по отношению к зрителю. К тому же, появился опыт. Вы не первый человек, которого интересуют вопросы взаимоотношений и взаимозависимости между актером и режиссером. И отвечаю я на него обычно так. Во-первых, у меня сегодняшнего напрочь отсутствует отношение зависимости от режиссерской деспотии. Кричит в голос, – значит, стало жарко, пора ему, бедолаге, водички холодной испить. Недодает чего-то в репетиционной работе – понимай, – не доверяет. Тогда задумываюсь: может, это я не в ту сторону иду. Единственное, чего не переношу – это оголтелости, предвзятости, мстительности.

Лирическое отступление. Не мне принадлежит открытие, что актер должен найти своего режиссера, хотя, как показывает жизнь, случается, – так и не находит. В восьмидесятые-девяностые годы работал у нас в театре преинтересный актер А. Слюсаренко. Насмерть разругался с приглашенным со стороны В. Константиновым, ушел из театра и увел за собой нескольких крепких профессионалов. Организовал в Геленджике прецедентный (первый и единственный в истории самого южного города) муниципальный театр «Торикос». На протяжении целого ряда лет лучшие критики страны (в том числе, особо почитаемая мною И. Мягкова) исследовали этот театральный феномен. Что касается М. Михайлова, то именно на сцене Ставропольского театра он реализовал свой многогранный талант. Так что мнение местных репортеров о том, что его имя на афишах – залог анишлага – вовсе не преувеличение. «Его герои, будь то «Дон-Хуан» из спектакля «Последняя женщина сеньора Хуана», или простой работяга Деркачев из «Валентина и Валентины», император Петр из «Шута Балакирева» или Саша из спектакля «Я стою у ресторана» вылеплены с такой искренностью, что возникало полнейшее ощущение реальности. Недаром же устами Казановы М. Михайлов говорил: «Нет в мире ничего более материального, чем воображение». А от себя добавлял: «В нас есть все – от сатаны до Бога. Артист ли, художник – все это большой «склад», неисчерпаемая эмоциональная память...» («ВЧ», 26.03.05).

Да простится мне обильное цитирование. Делаю это сознательно: есть, есть у провинциальных критиков недуг «замыливания глаза», когда алмаз начинаешь искать там, где его по определению быть не может. Когда из года в год видишь преимущественно работы одного театра и одних актеров, – наверное,

такое неизбежно. Поэтому и привожу мнения коллег по географической вертикали и региональной горизонтالي.

Впрочем, есть и другая опасность – не успеть сказать о талантливом человеке того, что он честно заслужил. Напоследок еще раз приведу мнение Н. Жегина по поводу спектакля «Пигмалион»: «Я очень люблю этот спектакль, поставленный Алексеем Малышевым с легкостью, доверием и увлечением пьесой. Я смотрел его трижды за последние полтора года и каждый раз получал ту полную норму удовольствия, которую, увы, не всегда доставляет сегодня театр (к слову, «Пигмалион» в московском «Современнике» с превосходными актерами, любимыми мною – Еленой Яковлевой и Валентином Гафтом, увы, большого удовольствия мне не доставил).

И все-таки, откуда у этого волжанина (иной раз хочется сказать волгяря) английские манеры и такая свобода и непринужденность исполнительского стиля, будто он всю жизнь только и делал, что играл Уайльда и Шеридана? Дело в том, что, помимо прочего, Михайлов владеет той манерой или методой игры, которая делает его пребывание на подмостках в равной мере убедительным: будь то изба российской глубинки, лондонский салон или площадь перед дворцом в Коринфе, куда по каким-то делам заглянул правитель Афин Эгей...» («ТЖ» №11-12, 1995г.). Немало лестных слов в адрес театра и актера Михайлова было сказано и И. Мягковой, которая не раз приезжала отсматривать спектакли Ставропольского театра.

– Михаил Павлович, а может, таким самодостаточным актерам, как вы, как народная артистка РФ Н. Зубкова, которая в последнее время активно режиссирует, и не нужен никто? Насколько мне известно, у вас тоже были режиссерские пробы и даже своя молодежная мастерская. Может, вообще время «силовой» режиссуры ушло в прошлое. Вон, преемник великого Г. Товстоногова Т. Чхеидзе прямо заявил коллективу Санкт-Петербургского Большого драматического театра, чтобы репертуарной политики и никаких там «линий» в АБДТ имени Г.А. Товстоногова от него не ждали, репертуар-де будет складываться из предложений приглашенных режиссеров, то есть – стихийно.

– В России было выстроено прочное и красивое здание репертуарного театра. К слову сказать, на защиту его и Тимур Нодарович Чхеидзе, насколько мне известно, тоже встал горой. Он хорошо понимает, что это одно из немногих завоеваний России (в том числе, советского периода), которому завидует цивилизованная Европа и богатая Америка. Я был на гастролях в штате Айова. Нашему спектаклю «Я стою у ресторана...» Э. Радзинского аплодировали, нашими актерами восторгались, но больше всего были потрясены, что театр расположен в небольшом провинциальном городке и что ему уже больше полутора лет. У них этого нет.

– У них и нашего Радзинского нет. Год, когда состоялись ваши гастроли, у нас называли сезоном Радзинского. Устами критика В. Крымко «Литературная газета» тогда даже призывала не отдавать без боя нашего драматурга американскому Бродвею.

– Знаете, о чем я думаю? Может, все наши беды от того, что мы не можем существовать без образа гипотетического врага, которому всегда нужно быть готовым оказать сопротивление?! Ведь нас давно никто не собирается «с боем» завоевывать. А мы все ищем. Сами себя бомбим и разрушаем. И подобно тому, как русский язык пришлось защищать от «русских», необходимо от самих себя защитить репертуарный театр. Разрушить легко. А вот восстановить то, что переломали, – вряд ли. Репертуарный театр – сложная целостная система, предприятие, которое может существовать только при наличии всех составляющих. Да, актер при не-

обходимости способен выступить в роли режиссера, режиссер – выйти на сцену и сыграть какую-то роль. Возможно, кто-то – даже с успехом. Но в целом такие эксперименты чреваты профанацией и огромными потерями для творческого коллектива, театра в целом. Мудрая русская пословица не зря предупреждает: «Беда, коль сапоги начнет тачать пирожник ...».

В нашем театре тоже есть примеры актерских «режиссерских» проб, но, заметьте, – нет открытий, потрясений, настоящего успеха. И не будет! Да, я самодостаточен, но – как актер. Да, был период, когда я с удовольствием ставил с молодежью спектакли в студии «Актер». Мне очень хотелось поделиться со всем миром, а особенно с молодыми, кто проходит стадию человеческого, личностного самоопределения, теми открытиями, которые дает православие... Поставил цикл на библейские темы: «Покаяние», «Пир во время чумы», «Студент», «Христос среди нас».

– *Знаю, что ребята любили вас и втайне называли «вождем».*

– Надо же, а я и не знал... Но как любая инициатива, которая существует «на голом энтузиазме», она была обречена. Сейчас отношусь к этому, как к пробе сил. Не больше. Если же говорить о главном, работе в театре, с которым я накрепко связал свою жизнь, хорошо сознаю, что всем нам, чтобы идти дальше, нужен вектор действия, нужен огонек в темноте. Как в пришвинском рассказе. Помните, потонул корабль, берегов не видно. Все в растерянности, что делать?! И вдруг один поплыл, уверенно поплыл. Все – за ним! Когда есть движение, – есть надежда, есть ощущение цели – есть будущее. Без творческого лидера, какой бы творческой не была труппа, – тупик.

В последнее время в прессе усиленно дискутируется идея о замене режиссеров худруками. Меня страшит сама эта тенденция как скрытая форма все того же разрушения репертуарного театра. Уверен, нельзя отменять и уничтожать институт главных режиссеров. Если не хотим скатиться к уровню художественной самодеятельности. Худрук – ведь не обязательно режиссер и, скорее всего, – вообще не режиссер. Ну, скажите, разве может танцевальный ансамбль существовать без балетмейстера, хор без хормейстера, оркестр без дирижера? Почему же театр – может?

– *Вспоминаю, как к нам на гастроли приезжал театр им. Евг. Вахтангова. Во время интервью любимый народом по съемкам в кино и замечательным театральным работам, народный артист СССР Михаил Ульянов несколько даже испуганно толковывал мне: «Не вздумайте нигде и ни в коем случае называть меня главным режиссером. Я художественный руководитель, то есть, отвечаю за художественную политику и художественный уровень постановок. Режиссер, причем, главный – это совсем другое».*

– Вахтанговский театр мог позволить себе иметь художественного руководителя, яркую личность и высокого профессионала, поскольку там не было дефицита «очередников». А провинциальный репертуарный театр без главного режиссера немыслим. Когда один сезон во главе стал В.В. Бирюков, в театре появилось несколько глубоких, интересных работ. Интересные роли были и позже, но главную линию мы утратили.

– *Из последних я бы выделила «Анну Каренину». За режиссерскую смелость постановщика Беляевского и за то, что с автором театр обошелся достаточно деликатно. В общем, спектакль – не из удачных, но вот ваш Каренин меня поразил. Он вызывает искреннее сочувствие. Целостная личность. Интеллектуал, человек с высоким чувством собственного достоинства. И мужчина – куда более привлекательный, чем вертопрах Вронский. Думаю, в зале большая часть*

женской аудитории кипела справедливым негодованием против Анны. Вы действительно так прочитали роман? И как на это смотрел режиссер? Не тягеловат ли Толстой для зрителя сегодня?

– Труден Лев Николаевич и для читателей, и для постановки на сцене. Если говорить о своем отношении к его творчеству, то здесь почти, как с Библией. Трудно начинать. А вот, когда в третий и четвертый раз перечитываешь, избавляешься от школярского отношения к тексту и делаешь удивительные открытия. В целом к Толстому, и к «Анне Карениной», и к своему герою я отношусь с точки зрения православия. Каренин – интеллигент, который служит Отечеству, и человек, который имеет понятия долга, чести и совести.

– *А Каренин – догматик, машина, заряженная на все времена?*

– Это, скорее, внешняя оболочка, способ самозащиты. Без каких-то догм как способа уберечься от «светского» разрушительного влияния жить невозможно. Кроме того, некоторое преувеличение профилирующих качеств у его героев были Толстому необходимы, чтобы выстроить их отношения. В работе над ролью Каренина можно было пойти по более легкому пути (чего и требовал от меня постановщик). «Схему» играть легче. Можно было вообще свести образ до уровня пародии и сорвать на этом лишний «аплодисмент». Но мне это не интересно.

Если же говорить об особой человечности, которую я вроде как придал своему герою, то здесь простое объяснение. Наверное, так не только со мной происходит: вот тебе 20, 30, 40 лет... Живешь и не замечаешь возраста. Ты полон сил, суетишься, кому-то что-то доказываешь. 50! И ты вдруг осознаешь: не так-то просто привыкнуть к тому, что тебе уже – далеко «за»... И тут роль Каренина. Дал Господь – встретился я с самим собой. Не в смысле похожести характеров или жизненных событий, а по проблемам внутренней, возрастной жизни героев. Скажу больше, в какой-то мере Каренин помог «самовоссоединению». Это вовсе не значит, что я согласился со «стариковством». Быстрее другое – «Мои года, мое богатство». Вообще-то я Козерог; по гороскопу козероги рождаются стариками, а к старости приходят в детское состояние – все моложе и моложе.

Это о себе сегодняшнем, а если вернуться к театру, то он будто замер в ожидании. У меня тоска по лидеру. Очень хочу, чтобы появился наконец-то главный режиссер со своей творческой программой, чтобы труппу объединило высокое искусство (как же мы по нему истосковались); чтобы времени на интриги просто не оставалось.

– *Эк, вы хватили, ну, какой же театр – без интриг?*

– Шутка, да? А нам не до шуток. Когда нет нравственного лидера, театр ментально срывается с Верхним или Нижним – городскими рынками. С рядами картошки, морковки и мелкой проституцией.

– *То есть, становится сферой обслуживания, к коей (в одной из телепередач) президент Российской академии телевидения господин В. Познер отнес всю журналистику, а значит и театральную критику. Я иногда думаю, может, мы просто устарели? Может, нормально, что театр берется обслуживать новых русских, а театральная критика подводит под это теоретический фундамент?! Да что – театр, речь вообще о нашей культуре. Взять московскую международную выставку биеналле-2005, которую мне довелось видеть. К слову, она была важной частью Федеральной целевой программы «Культура России «2001-2005 годов». Ваш не очень удачный спектакль по инсценировке Льва Толстого – просто шедевр в сравнении с её экспонатами. Представьте, скульптура – «Толстой и куры». Лев Николаевич помещен в клетку, над которой еще одна, и живые птицы гадят («заживо» мумифицируют?) на голову Льву Николаевичу. Или фонтан со*

скульптурной группой, где трое «братков» пишут на «центрального» четвертого. Еще круче фантазия Мамышева-Монро «Царь-батюшка-матушка».

Сам Монро – в образе царя Николая II – с короной из сетки для яиц, с венчиком и клизмой в руках вместо скипетра. Руководитель федерального агентства по культуре и кинематографии М. Швыдкой называет все это искусством и призывает быть «толерантными» в своих высказываниях по поводу. А, на мой взгляд, – откровенное издевательство и унижение русской культуры.

– Все смешалось... Но нас, среднее и старшее поколение артистов, не проведешь. Белое оно и есть белое, черное же не отмоешь, сколько бы тебя ни убеждали, что на самом деле это сакральный цвет, в котором мистически скрыт весь радужный спектр. Вообще, все, что происходит с нашей культурой, – это, как мне кажется, – какие-то дьявольские игры. Они особо опасны тем, что молодое поколение может остаться вообще без критериев: что есть искусство, творчество, профессионализм; без того, что мы называем национальной памятью и культурой народа. Недавно одному нашему молодому актеру, выпускнику-студийцу говорю: «Ну, ты, прям, как Ванька Жуков», а тот на полном серьезе переспрашивает: «А кто это такой»? Мы ведь в начальной школе наизусть учили: «Ванька Жуков, девятилетний мальчик...». Без этого из класса в класс просто не переводили.

В качестве заключения. Кому-то может показаться: вот еще один пессимистический диалог про то, что было у нас две беды, а теперь еще и театр. Ничуть не бывало. Я считаю, что у Ставропольского академического театра драмы им. М.Ю. Лермонтова, несмотря на все трудности куда больше оснований для оптимистических прогнозов. Во-первых, он сохранил дееспособную труппу. Есть проколы, есть спектакли по форме и сути близкие к «Нижнему рынку», но в целом-то репертуар приличный.

Подсчитано, что 70% российских театров сегодня – без главных режиссеров. Но 30 то устояли! В Костромской драматический театр им. А. Н. Островского пришел молодой талантливый главный режиссер С. Морозов. И ничего, справляется. Там отремонтировали здание и проводятся театральные фестивали. Насыщенной творческой жизнью живет Хабаровский драматический театр. Выживают и наши соседи, кубанцы, ростовчане.

Михаил Павлович, когда беседовали с ним, рассказал почти мистический случай. В юности ему довелось сыграть главную роль в телевизионном фильме «Громобой». Его героя, волгара с могучим басом, за то, что он мог «перегудеть» любой пароходный гудок, прозвали «Громобоем». На студии случился пожар. Сгорели почти все пленки. А «Громобой» уцелел.

Не только рукописи не горят, но и театры тоже. Если есть нравственный стержень, несовместимый с халтурой и «погорельчеством».

ЖИВОПИСНАЯ ПЕСНЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО МИРООЩУЩЕНИЯ

Бедоев Шалва Евгеньевич родился 15 октября 1940 года в с. Монастырь Лениногорского района Южной Осетии. Окончил в 1969 году Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина по мастерской Е.Е. Моисеенко. В 1970 году его работы были отмечены на Республиканской выставке в Москве. Академическая школа стала тем фундаментом, без которого невозможно было в те годы молодому художнику быстро реализовать свой потенциал. В 1971 году он стал членом Союза художников СССР, в 1976 году удостоен премии комсомола имени М. Камбердиева, в 1978 году присвоено звание «Заслуженный художник СОАССР». Творческая натура художника формировалась под воздействием искусства 70-х годов. Он участвует во всех республиканских и всесоюзных выставках. Серьезным испытанием и большой честью в те годы считалось участие во всероссийских и всесоюзных выставках. Художнику необходимо было пройти через многоступенчатый частокол отборов и художественных советов, чтобы выставить свои работы хотя бы на одном подобном вернисаже.

Ш.Е. Бедоев – участник всех 10-ти всесоюзных выставок с 70-х годов, куда пробиться хотя бы раз удалось единицам. Безусловными удачами тех лет можно считать полотна, связанные с национальной тематикой, – «Осень», «Сбор винограда», «Юность», «Тишина». Эти и другие произведения несли особое ощущение гармонии, света, тепла и умиротворенности. Их отличает тонкая ироничная стилизация. Бедоев – художник живописного видения формы и пространства, это значит, что в создании сложного мира образов, идей и эмоций важную роль он отдает цветовой гамме. Именно в живописных произведениях этого периода появляются образы притягательные своей простотой и связью с народной культурой: пчелы, кукурузы, связка чеснока, ребенок с подсолнухом. С легкой кисти Ш.Е. Бедоева эти образы-символы впоследствии приживаются в осетинском изобразительном искусстве. Многосторонний интерес к своему краю определил тематику произведений – сразу же в его творчестве сложились два пути: один более конкретный, в котором преобладала большая жанровость, другой шел к философскому осмыслению жизни. Но в том и другом случае, его полотна раскрывали народные характеры, типовые черты, в них чувствовалась преемственность поколений, общих истоков жизни народа и его условий быта. В 1984 году ему присвоено звание «Народный художник СОАССР», в 1987 году он удостоен звания «Заслуженный художник Российской Федерации».

В творческой эволюции Ш.Е. Бедоева прослеживается связь с определенным срезом явлений в современном ему художественном процессе. Его образное мышление, колористические поиски и разработка разных цветовых гамм оказали заметное влияние на целое поколение молодых художников Юга России. В начале 90-х годов его полотна заметно меняются. В них развиваются принципы символизма, постепенно они нарастают и это дает толчок к освоению новых тем, связанных с историей Алании, мифологией, Библией. Подчиняя натуру своей фантазии, он

**ЖИВОПИСНАЯ ПЕСНЯ
Шалвы Бедоева**

Амазонка. 2005.

Натюрморт. 2005.

Осетинская сказка. 1988.

Несение креста. 2003.

создает образы-метафоры, преломляющие реальность, но при этом мир в его работах выступает в простых и ясных формах. В картинах «Золотая яблоня», «Афсати», «Дочь Посейдона», «Гомер», «Святой Георгий», «Несение креста», серии «Амазонки», созданных в последнее пятилетие, присутствует монументальность и изящность, земное притяжение и космическая легкость. Обращаясь к темам античности, Ветхого завета и средневековья, художник добивается у зрителя ощущения быть современником событий, о которых он повествует. Его работы получают широкую известность за пределами России, они входят в экспозиции зарубежных выставок. В 2001 году Ш.Е. Бедоев избирается членом-корреспондентом Российской академии художеств.

В 2003 году под грифом Академии художеств с успехом проходит его персональная выставка в Москве. В 2004 году президиум Российской академии художеств с удовлетворением отметил работу кафедры изобразительного искусства Северо-Осетинского государственного университета. С момента основания кафедры ее возглавляет профессор, живописец Ш.Е. Бедоев. Под его руководством разработана программа по живописи, рисунку и композиции, в основе которой лежит академическая школа. В сочетании академических традиций с художественно-эстетическими задачами современности, кафедра формирует творческое отношение к искусству и направляет студентов на развитие индивидуального мироощущения. Студенты увлечены специальными дисциплинами, одновременно активно участвуют в выставках, проводимых университетом.

Ш.Е. Бедоев – один из ярких и самобытных художников Северной Осетии. Свою творческую и педагогическую деятельность он сочетает с общественной работой, являясь секретарем Союза художников Российской Федерации. В 2004–2005-х годах он был одним из организаторов академической передвижной выставки «Юг России», которая успешно прошла в регионе юга и завершилась в Санкт-Петербурге. Последние десятилетия минувшего века были смутным, переходным временем, когда национальная культура на новом витке сознания переживала проблемы социально-политического и культурного самоопределения. Время четко сформулировало потребность в новой стилистике искусства, причем такой, которая будучи новой по форме на идейно-содержательном и эмоциональном уровне, была бы соотнесена с духом национальной культуры, с ее общим духовно-нравственным наследием. Своеобразным ответом на вызов времени стал мифологический цикл художника.

Вот что пишет известный русский художник, председатель правления Союза художников России, действительный член Академии художеств России, лауреат Государственных премий СССР, РСФСР и России В.М. Сидоров: «Имя талантливого живописца Ш.Е. Бедоева давно известно любителям живописи. Начиная с середины 70-х годов, он постоянный участник всех крупнейших художественных выставок, а его творчество стало неотъемлемой частью современного изобразительного искусства России. Высокое живописное мастерство Ш.Е. Бедоева определено плодотворным осмыслением уроков русского и мирового изобразительного искусства, и в то же время искусство художника национально».

Это свойство присуще большому мастеру. Национальный характер выражен не столько через типаж образов и своеобразие черт природы, сколько через плоть живописи. Изобразить национальный характер, не прибегая к сложившейся сумме приемов, можно лишь, будучи глубоко привязанным к своему народу, тогда, когда художник воспринимает свое «я» как одно из звеньев широкого понятия – «народный дух». Ш.Е. Бедоев пишет свою живописную песню, продолжая лучшие достижения своих предшественников в русской и западноевропейской живописи. Он – художник, постоянно работающий, мыслящий, не успокаивающийся на достигнутых результатах, всегда в поиске.

30 октября 2007 года Шалва Евгеньевич Бедоев удостоен почетного звания «Действительный член Российской академии художеств».

ОТКРОВЕНИЯ ХОЛСТА — ЭТО ВСЕГДА ШКОЛА

Александр Александрович Яковлев – известный пятигорский художник – член Союза художников России, постоянный участник региональных, всероссийских и международных выставок, ведущий педагог Ставропольского краевого училища дизайна, преподаватель живописи на кафедре дизайна Санкт-Петербургской высшей художественно-промышленной академии им. Штиглица.

Посещая выставки современных художников Ставрополя на протяжении ряда лет, всматриваясь в разнообразный мир представленных работ, отчетливее воспринимаешь роль и значение творчества этого мастера, одного из немногих, сохранивших представление об искусстве как о служении традициям высокого эпоса, их особой актуальности сегодня. Почерк Яковлева во многом определяет профессиональная школа, обретенная им в стенах Петербургской академии художеств, ныне Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина. Его картины не только притягивают взгляд, подчас уставший от внешних, порой сугубо формальных, потерявших критерии и ориентиры вкуса работ, но и настраивают на погружение в мир произведений, где тема или сюжет, предметный мир, природа или портретный образ обретают свойственную русской школе глубину и сложность, многомерность. Картина возвращается ее истинное предназначение – созданный художником холст воспринимается как откровение, итог пережитых и осознанных им событий, явлений, исторических коллизий, человеческих драм. Это необходимо сейчас для обретения утраченной нравственной основы, когда опасно ослабела, если уже не порвана, цепь традиций. В работах Яковлева нераздельно связаны серьезный образный строй и уровень мастерства, хранящий, как уже говорилось, академическую профессиональную школу, приумноженную собственным талантом и завидным трудолюбием.

Тематический круг работ художника достаточно разнообразен – это и волнующая художника лермонтовская тема, историческая и человеческая драма революционных лет и память о священной Великой Отечественной войне, и ностальгия по классическому и высокому в искусстве. Каждая картина художника – результат поиска и отбора тех образов и предметов, где через реальное их изображение, через их объективную, на первый взгляд, подачу, раскрывается глубокий символический и зачастую драматический смысл полотна. Любая работа художника – всякий раз заново решаемая проблема: какой избрать художественный прием, чтобы тема обрела необходимую выразительность и определенный автором образный строй.

На состоявшейся недавно выставке в стенах училища дизайна были представлены работы Яковлева последних лет – пейзаж «Мертвый сезон» – пронзительный в своей лаконичной подаче безмерных пространств воды и неба, края берега с красно-белыми полосками перевернутых лодок, врезающихся в тревожную стальную гладь моря. Собаки на берегу – жи-

вые существа в мертвом пространстве – их силуэты подчеркивают состояние оцепенения этого пейзажа с холодным ровным небом, едва светлеющим у горизонта. Художник точно определяет ту грань напряженности приглушенных цветов и проступающей тонкой живописной сложности (как замер берег, сгустились тучи), благодаря которой пейзаж обретает философский строй, оттачивая красоту найденных декоративных акцентов и живописное благородство смешения цветов.

Неутихающая боль трагедии, свершившейся у подножия Машука, ее заостренность, также подчеркнутая живописной тканью, отличает одну из работ художника, посвященную памяти М.Ю. Лермонтова. В лиричном пейзаже, мерцающем оттенками золота крон деревьев, охваченных осенними красками со сложной живописно-фактурной игрой мазков, как видение возникает силуэт знакомого домика под камышовой крышей, и в этот поэтический мир октябрьских дней – лермонтовских, памятных, вторгается цветовой аккорд, торжественный и трагичный, как звуки реквиема, – красное сукно стола – «поэта праведная кровь» глубокий черный цвет кителя, подчеркнутый ассистами синего и сияющей белизной фуражки. Узнаваемые, вызывающие точные ассоциации предметы обретают то внутреннее сложное прочтение, которое является выражением психологической их сути, и в этом особое значение приобретает цвет, его идущая от Ван Гога, способность трансформации реального предмета до иероглифического обозначения в декоративно-плоскостном и контрастном сопоставлении, способного раскрыть саму драму, а не повествовать о ней.

Одна из особенностей работ Яковлева – умение сохранить в картине структурность построения, высокое значение профессионального рисунка с точной мерой обобщений и акцентов как в самом характере рисунка, так и во введении цвета. Такова его «Старая гармонь», полотно, посвященное одной из тем, особенно дорогих для художника – о Великой Отечественной. Образный строй этой работы вновь диктуется и определяется темой – в лаконичной и сдержанной графичной подаче есть отзвук эпохи суровых военных лет, отдаляющейся от нас временем, но не теряющей своего священного звучания для тех, кто сердцем постиг «сиротский смысл семейных фотографий». Укрупняя, монументализируя фигуру склонившего голову гармониста, заостряя графически детали – руки, обнимающие гармонь, с будто замершим звуком – пересеченным красной, напряженной в своем драматическом звучании, полосой, художник находит своеобразное решение, выбор емких в своей выразительности художественных приемов. В этой работе художник возвращается к лучшим традициям художественной школы XX века и вспоминаются плакаты Моора с их фронтальной композицией, заостренной броскостью скупых сочетаний черного, красного и белого, а потом лиричная и грустная «Шинель отца» В. Попкова или надрыв его «Мезенских вдов». Осознанная через призму времени и традиций военная тема вновь обретает свой высокий смысл и интонацию – глубокую и волнующую.

Современные события также находят отражение в работах художника. Так был написан его «Реквием», посвященный событиям 1993 года, таким образом картине возвращалась роль произведения, возникшего как живой диалог художника со зрителем о том, что волнует нас сейчас языком внятным, не отступающим на сугубо формальные позиции, а способным открыть неисчерпаемые возможности осмысления реальности через поиск образных обобщений, рождающих символ.

Разговор о А.А. Яковлеве будет далеко не полным, если мы не коснемся одной из важных и замечательных сторон его деятельности. Это педагогическая работа, которой он занимается уже много лет, со времени открытия краевого училища дизайна в Пятигорске. Это учебное заведение, созданное заслуженным художником России В.Н. Арзумановым, скоро отметит 15-летний юбилей своей работы. В формировании высокого профессионального уровня обучения в его стенах

одно из ведущих мест по праву принадлежит Яковлеву. Как педагог, он обладает редким даром не просто учить рисунку и живописи, а пробудить в студентах ощущение ничем незаменимой личной причастности к творческому процессу даже в рамках обучения. На занятиях факультатива просторная аудитория не вмещает желающих работать дополнительно под руководством Яковлева, его студентов часто можно видеть во внеучебные часы за мольбертами в его мастерской, и, как истинный педагог, А.А. Яковлев занимается с полной самоотдачей не только передавая опыт, но и во многом формируя личность, предугадывая у наиболее одаренных студентов возможности дальнейшего творческого роста и нацеливая их на высокие ориентиры. И результаты на сегодняшний день очевидны – многие его выпускники успешно продолжают образование в вузах Москвы и Санкт-Петербурга, учатся и работают за рубежом. Например в Интернете можно видеть творческие работы Романа Олейнича, окончившего факультет графики в Петербургской академии, занимающегося иллюстрацией. Некоторые выпускники уже начали свою преподавательскую деятельность в стенах родного училища. Таким образом, можно говорить о создании здесь своего рода школы, в основе которой – высокий профессионализм, любовь к избранному делу и стремление к развитию творческих способностей.

Во главе этой школы – А.А. Яковлев – талантливый мастер и не менее одаренный наставник.

НОВЫЕ КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЕ РЕДАКЦИЕЙ

Светлана Клименко. И будет новый день. Лирика.
«РИА-КМВ», Пятигорск, 2007.

Анатолий Трилисов. Журавли возвращаются.
Стихи, переводы, песни.
«РИА-КМВ», Пятигорск, 2007.

Николай Маркелов. Когда Бештау был не большие кочки.
ООО «Издательский дом», Ессентуки, 2008.

СВОЙ ПУТЬ НЕ ПРОСТ

ВЕРИЗМ, КАК СТИЛЕВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКОВ ИНГУШЕТИИ

Веризм – термин итальянского происхождения и в переводе означает – правдивый, истинный. Это, родственное натурализму, реалистичное направление в искусстве XIX–XX вв., возникшее в Италии, но и у нас, на Кавказе, есть художники, творчество которых связано и с этим направлением.

Художники «наивы» Ингушетии – крайне малоисследованная проблема. Впервые, творческая личность – художник, который не имеет профессионального образования, становится объектом искусствоведческого анализа. Как показывает практика, художники «самодельные», как их называли в 60–80-е годы, без сомнения, обладают особой индивидуальностью. Имея иное профессиональное образование, для реализации своих творческих интересов они обращаются к искусству.

Немаловажную роль в становлении и развитии творческих способностей личности играет окружающая среда, бытовой уклад семьи. При зрительском восприятии произведений живописи того или иного художника, знания о среде формирования творческой личности, особенностей исторической эпохи – открываются глубинные мотивы того или иного произведения, помогают зрителю полнее раскрыть сюжет, особенности композиции, выразительные средства художника, его индивидуальное мастерство. Ярким образцом «наивы» можно считать творчество ряда художников Ингушетии.

Читателям альманаха «Голос Кавказа» мы предлагаем начать знакомство с творчеством Хасолта Алхастовича Акиева – художника, с которого начинается история «наивы» в изобразительном искусстве республики.

Как отмечал Бестужев-Марлинский, настоящий художник должен быть историком, философом, наблюдателем в одном лице. В гармонии с глубокими знаниями истории ингушского народа Хасолт Алхастович и формировал свой стиль, особенности сюжета, живописную манеру, что и отличает его произведения от многих других художников.

Акиев Хасолт Алхастович родился 18 июня 1942 года в селе Базоркино Пригородного района СОАССР. В 1944 году он, вместе с родителями, был выслан в село Макинское Целиноградской (бывшей Акмолинской) области Казахской ССР.

В 1961 году Хасолт пытается поступить в Тбилисскую художественную академию, где с сожалением узнает, что сделать это можно лишь закончив художественное училище. Потом будет Назрановский зооветтехникум, служба в Советской Армии, исторический факультет Чечено-Ингушского государственного педагогического института. После его окончания он работает в республиканском

краеведческом музее старшим научным сотрудником, одновременно преподавая историю в Чечено-Аульской средней школе.

В семидесятые годы прошлого века Акиев был референтом министра культуры ЧИ АССР, старшим научным сотрудником в Чечено-Ингушском институте истории, социологии и филологии. В 1980 году Х.А. Акиев защищает кандидатскую диссертацию на тему «Народы Северного Кавказа в русско-турецкой войне 1877–78 годов» в Санкт-Петербургском государственном университете.

С 1989 года работает старшим преподавателем в ЧИГПИ, где через год, во многом благодаря его усилиям, открывается художественно-графический факультет, где он, исполняя обязанности декана, возглавил кафедру эстетического воспитания.

Среди первых выпускников факультета, ставших продолжателями идей и замыслов своего учителя, стали С. Мутусханов, З. Муртазалиева, А. Булгучева, М. Хамхоев, Ф. Хамхоева, М. Хамхоева, М. Хашиев, Д. Ярыжев, О. Ижаев и другие.

После войны, в 1994 году пришлось начинать все сначала. Его назначили директором Ингушского научно-исследовательского института краеведения им. Ч. Ахриева. Под его руководством была проведена IV Всероссийская научно-практическая конференция «Репрессированные народы: история и современность» (к 50-летию депортации ингушей и чеченцев).

С 1995 года Акиев – доцент кафедры истории Ингушского государственного университета, член ВТОО «Союз художников России» с 1967 года; он – постоянный участник всесоюзных и республиканских художественных выставок. Его картины хранятся в музеях Москвы, Суздаля, Ростова-на-Дону, городов Ингушетии и Чеченской Республики.

Сам Хасолт Алхастович имеет свыше 50 научных публикаций по истории народов Северного Кавказа, истории культуры и искусства чеченцев и ингушей, является автором календаря «Священные птицы, почитаемые ингушами». Он подготовил и издал несколько крупных монографий, завершил работу над докторской диссертацией на тему: «Древняя духовная культура ингушей», где освещаются вопросы истории возникновения религиозных верований, ритуалов и обрядов, связанных с язычеством, а также вопросы происхождения и расселения ингушей с древнейших времен до наших дней.

Х.А. Акиев удостоен званий «Заслуженный деятель науки РИ», «Почетный работник образования РФ», является членом Союза художников РФ с 1976 года, ветеран труда; имеет степень кандидата исторических наук, выдвинут в 2007 году на получение звания профессора. Только перечисление статей и выступлений Акиева уже перевалило за пять машинописных страниц, а его художественные полотна экспонировались на выставках самого разного уровня в Москве и Ленинграде, в Пятигорске и Грозном, Краснодаре, Суздале и других городах.

Начиная, как непрофессиональный художник Хасолт Акиев сумел в своем творчестве найти гармоничное сочетание национальной самобытности с основными канонами изобразительного искусства. Доктор искусствоведения, член-корреспондент Академии художеств В.В. Ванслов писал, что «художники успешно развивают традиции основоположников станкового искусства республики, стремясь также опираться на открытые в последнее время древние истоки национальной культуры»¹. Сказанное вполне соответствует истине – это эмоциональный настрой, характер композиции произведений, трактовка образов и использование в полотнах сдержанных декоративных тонов.

АКИЕВА Хава Магомедовна – кандидат философских наук, докторант кафедры истории отечественного искусства исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ Изобразительное искусство автономных республик РСФСР. Л. 1973. С.14.

СВОЙ ПУТЬ
Хасолта Акиева

Двор вайнахской сакли. 1972

Кармен. 1993.

Памяти Виктора Хары. 1974.

Ватага. 1990.

Фуртоуз. Родной уголок. 1972.

Осень. 2004.

Сирень. 1997.

Письмо сына. 1967.

Глубоко проникновенна работа художника «Письмо сына» (1967. Х.М. 40х26). На полотне, окрашенном сиянием золотистого янтаря, дана фигура матери на фоне зеленой кроны деревьев, отблесков полуденного солнца. Левая рука женщины лежит на столе рядом с письмом сына. Правая – поднята и сжата у виска. Воздушная черная вуаль очерчивает линию лица. Большие голубые глаза, на какое-то мгновение оторванные от письма, устремлены вдаль.

Оставаясь обыденным, образ необычайно содержателен, богат тонкими оттенками живого чувства. При отсутствии контакта глаза в глаза героиня портрета оказывается открытой для сочувственного вживания в тихий мир ее души. Устремленный на зрителя взгляд, «внутренняя теплота и тихая умиротворенность» женщины-матери, отмеченная В.Н. Гращенковым¹, рождает ощущение веры и надежды о скором возвращении сына.

Концентрация мыслей и чувств выражается на холсте как отблеск, позволяющий зрителю о чем-то догадываться, домысливать и сопереживать. Для картины характерно многообразие цветовой передачи. Глубокая осмысленность лирического портрета, использование манеры старых мастеров в духе итальянского периода кватроченто.

В 1969 году во время Декады Чечено-Ингушского искусства в г. Ленинграде на выставке художников республики экспонировались работы Хасолта Акиева «На воздухе» и «Портрет матери». Картина «На воздухе» по окончании экспозиции была куплена Министерством культуры ЧИАССР. Творчество Х. Акиева достойно продолжает традиции реалистической школы живописи.

В полотнах художника доминирует историческая достоверность факта, решенная в поэтической манере. Во всех своих работах автор учитывает традиции, обычаи и этнографические особенности ингушского народа.

Активная увлеченность образными проблемами выразилась у Акиева в обращении к портретному жанру.

На наш взгляд наиболее удачными из этой серии являются работы: «Осман», «Чах Ахриев», «Портрет друга Лернера И.А.», «Служба», «Портрет Гены Кумаева», «Красный джигит», «Портрет мастерицы», «Плакальщица», «Портрет Муссы Асхабова», «Чеченка Абдулаева», «Портрет Хаджи Хизриева», «Кармен», «Портрет молодой женщины», «Источник жизни», «Портрет девочки», «У зеленых дверей», серия автопортретов и др.

Выступая бытописателем, рассказчиком живописец вместе с тем дает урок нравов, реализует функции, издавна присущие живописи. Портрет предполагает достоверное изображение человека. Однако образы Акиева Х. в значительной мере героизированы и целостны. Конечно, человек включен в различные ситуации, окружен различными предметами в соседстве с природой, но главное, что сразу бросается в глаза – смысловая наполненность портретного образа, основные внутренние черты личности

*Чем зеркальной отражает
Кристалл искусства лик земной,
Тем явственной нас поражает:
В нем жизнь иная, свет иной.*

В. Иванов²

В ноябре 2001 года, будучи в Ингушетии, Зураб Константинович Церетели проявил большой интерес к работам наших мастеров, но больше всех задержался подле картины Хасолта Акиева «У зеленых дверей». Спросив имя автора, он отметил, что это очень достойная работа.

В апреле-июне 1971 г. в Москве на выставке профессионального художественного творчества автономных республик РСФСР полотно Х. Акиева «Двор вайнахской сакли» (1971) привлекло внимание выездного выставочного комитета Союза художников РСФСР и вошло в экспозицию «Художественное творчество автономных республик РСФСР». После закрытия выставки комиссия Министерства культуры СССР приобрела картину «Двор вайнахской сакли» в свои фонды.

В книге «Живопись автономных республик РСФСР» искусствовед С.М. Червонная пишет об этой картине: «Мастер любовно воссоздает находящиеся в поле его зрения фигуры и предметы. Он придает им ту особую романтику, которая превращает будничные мотивы и простые вещи в поэтические образы. Эта романтика разлита в атмосфере картины, она здесь проявляется во всем». Художник с историко-этнографической достоверностью воспроизводит эстетику быта вайнахов. Яркая цветовая гамма, удачно выбранная композиция, сюжет – все выполнено на высоком профессиональном уровне.

Именно с этого момента для художника Акиева начался новый период – период профессионального творчества. «До сих пор в некоторых республиках есть такие художники или полусамойщики, создающие порой удивительные по своей свежести, а порой и по тонкому вкусу произведения... это по-своему изысканное произведение чем-то отдаленно напоминает нам стиль раннего итальянского Возрождения, может быть даже кватроченто, а фигура сидящего слева напоминает персонажи ранних нидерландских или немецких художников... перед нами плод очень интересного и сложного соединения национальных форм с формами европейского искусства»¹ – вот как описывает искусствовед Платон Павлов полотно Х. Акиева «Двор вайнахской сакли».

Полотно привлекает своеобразием воспроизведения одного из обычаев горцев: подготовки членов семьи к проходам в последний путь умершего. Изображенные вещи физически неподвижны, герои изображений не покидают свои места, но это не мешает картине раскрываться на глазах у зрителя. В многофигурной композиции всего четыре героя, однако каждый персонаж выполняет конкретную функцию.

В центре – женщина в черных одеждах, несущая национальную пищу. Художник усиливает акцент, изображая ее на фоне арочного проема, освещаемого красными отблесками очажного огня. На заднем плане, в левом верхнем углу картины, старец с посохом и мужчина в траурной одежде ведут разговор. Все действие происходит в башенном комплексе, традиционном жилище ингушей, лишь далеко на заднем плане виднеется уголок живой природы с уходящей вверх дорогой.

На переднем плане – в задумчивой позе сидит мужчина. Его лицо не видно зрителю, однако по этнографически достоверно изображенной одежде можно сказать, что это мужчина средних лет.

В работах Х. Акиева изобразительные элементы приобретают характер условных знаков, а изображение организуется в особого рода текст с описательно-изобразительными приемами. С первого взгляда можно предположить, что мужчина смотрит на женщину, однако едва уловимые детали – переметная сума для ручной клади, пыльная дорога, уходящая вдаль, задумчивая поза рассказчика – дают

¹ Гращенков В.Н. История и историки искусства. М. 2005. С.32.

² Иванов В. Об искусстве рисунка. Вопросы искусствознания. М. 1997. С. 538.

¹ Павлов П. Выставка самодеятельных художников. М. 1971. С. 10-12

зрителю подсказку. Перед нами сам художник – созерцатель жизни, а смерть это лишь начало нового пути.

«Живопись чечено-ингушских мастеров отличается приглушенной цветовой гаммой, и порой напоминает древние фрески» – такую высокую оценку дает искусствовед В. Ванслов¹. Недаром своими учителями, достойными подражания, Хасолт Акиев считает художников эпохи Возрождения и импрессионистов. Рассматривая картину с точки зрения цветовой гаммы, невозможно не сказать о необычной мягкости и гармоничности переходов от одного цвета к другому, в целом, создающее ощущение печали и грусти.

Художник глубоко анализирует и использует свой жизненный опыт. Его преимущество – в способности постигать природу и значение жизненного опыта в форме определенных изобразительных средств, и таким образом сделать этот опыт воспринимаемым другими. Это как нельзя лучше было продемонстрировано в этой и во многих других картинах.

В 1976 году на Всесоюзной молодежной выставке профессиональных художников экспонировалась работа Акиева «Юность». После закрытия выставки полотном приобрело Министерство культуры РСФСР для музея изобразительных искусств им. П. Захарова в г. Грозном. В том же году три картины «Прополка», «Солдатки» и «Ожидание» были приобретены Суздальским музеем народного творчества для экспозиции «Золотое кольцо». Автор становится постоянным участником всероссийских и республиканских выставок.

Подлинное мастерство начинается там, где живопись приобретает характер естественной выразительности. Пейзаж – жанр, к которому обращаются многие художники. Полотна Хасолта Акиева дышат разнообразием цветовой гаммы, в мягкой поэтической тональности. Тонкий колорист, в одних работах он использует мягкие переходы, играет светом и тенью, здесь царит изнеженность и хрупкость образа («Сирень», «Цветы», «Одуванчики» и др.); в других наблюдается неподдельный восторг, их принижают броские, яркие мазки, насыщенные контрастные цвета, присущие манере импрессионистов («Зима», «На пути к вершине», «На пленэре» и др.). От его пытливого взгляда не ускользает особое состояние каждого момента природы. Типизация природы у него не превращается в мертвую стилизацию. Эти черты прослеживаются в пейзажах: «Яблоня», «Окраина. Чечня», «Виноградники», «Эгикал», «Забытый парк», «Джейрахское ущелье», «Осень», «Мужичи. Ингушетия», «Таргим», «Фуртоуг. Родной уголок», «Перевал», «Два дерева», «Сунженский хребет», «Село Яндыре», «Дорога», «Нежность» и др.

Художник торопится перенести на полотно мельчайшие подробности. Как увлекает, например, переданное художником ощущение утренней свежести в пейзаже «Яблоня» или полуденного зноя в работе «Окраина». Автор как бы просит зрителя задержаться у полотна, привлекая его яркостью цвета кроны дерева, в картине «Мелодия осени» или стремительностью потока горной речки в работе «Река Сунжа». Из натюрмортов следует отметить работы «Цветы», «Форель» и «Мой обед».

Почерк живописца – не каприз, не прихоть, а выражение связи внутреннего с внешним, следовательно – образно-смысловая функция живописи. Особая техника живописи художника Акиева – нанесение нешироких мазков, жестко лессированные краски, цветовая напряженность придают картинам сдержанную, и в то же время полнокровную, бархатную тональность.

Живопись Акиева одаряет зрителя красноречием линий, выразительностью света и тени, богатством колорита импрессионистов.

Действительность – вот извечная основа подлинной поэзии, которую можно

найти, если искать упорно и вскапывать почву достаточно глубоко. И.Е. Репин очень метко подметил, что художник – зеркало среды: в нем отражается его общество, нация и время. Картины Акиева появляются как ответ на известную общественную потребность и предвосхищают в себе акт восприятия, которым и завершается произведение искусства. Таковы работы художника: «Реквием», «Ватага», «Портрет Ширвани Костоева», «Памяти Виктора Хары», «Атрибуты зла», «Портрет Идриса Зязикова», «Прощание с родиной» и др.

В то же время в историческом процессе постоянно происходит переоценка художественно-эстетических ценностей, в силу которых общественные ориентации заметно смещаются. Более того, само искусство нередко выступает инициатором таких переоценок. Художественное произведение – есть общественно значимый поступок художника, в котором получает отображение его внутренний мир: интересы, потребности, мотивы деятельности, смысл жизни, нравственные установки, эстетические представления.

Исследователь А.Г. Плиев подчеркивает, что «произведение художника становится фактом искусства, когда оно действительно значимо для людей, для жизни общества, т.е. когда оно способствует обогащению опыта человека, класса, общества, развитию его творческих способностей»¹.

В 2002 году Ингушский государственный музей изобразительных искусств РИ закупил 16 художественных произведений Х.А. Акиева. В 2005 году художник награжден дипломом за участие в выставке «Война. Победа. Память», проходившей в г. Краснодаре, а в 2006 г. – дипломом за участие в выставке «Национальные традиции и современность в живописи ингушских художников», проходившей в Совете Федерации Федерального Собрания РФ.

Искусствовед Червоная С.М. особо выделяет время, когда возрастает интерес к народности талантливых художников, называющих язык искусства своим родным языком, так как именно в этот период формируется тот психологический стереотип их творчества, в котором важную роль играют национальное самосознание, чувство национального достоинства, любви к своему народу².

Всем известно выражение: «глаза – зеркало души». К тому же ряду сопоставлений тяготеют и картины Акиева Хасолта. Его работы – это откровенный рассказ о жизни художника.

Вот как он сам говорит о своем творчестве: «Можно сказать, я уже прожил свою жизнь, но радостных и счастливых дней у меня и моего народа мало. Возможно, это наложило свой отпечаток на мое творчество. Меня больше всего волнует мысль: почему так? И это «почему так» меня преследует всегда. Я знаю, писать красивые вещи проще, удобнее, но у меня это не получается... Рад бы, но мысли и сердце не позволяют».

Действительно, тихой грустью и печалью проникнуты многие работы художника: «Одинокая башня», «У дупла», «Тревога земли», «Серый день», «Судьба моя» и др. На лицах его героев не найти радостных улыбок, природа на его полотнах трогательно одинока.

С уверенностью можем сказать, что творческое наследие Хасолта Акиева в науке, поэзии и изобразительном искусстве – необычное, оригинальное и значимое явление. В широком плане искусствоведческий анализ всего наследия художника еще впереди. Однозначно можно сказать, что личности художника Х.А. Акиева характерна индивидуальность, устремление к высшим формам живописного искусства.

¹ Плиев А. Перестройка и художественная культура. М. 1990. С. 103.

² Ванслов В. Искусство автономных республик Российской Федерации. Л. 1973. С. 19.

¹ Ванслов В. Искусство автономных республик Российской Федерации. Л. 1973. С. 19.

Свою творческую активность Х.А. Акиев проявляет не только в живописи. Он подготовил и издал свыше 50 научных работ, несколько крупных монографий, подготовил более 15 учеников-художников, несколько тысяч историков и преподавателей начальных классов, работающих не только в республике, но и во многих других уголках России. Акиев – заслуженный деятель науки РИ, почетный работник образования РФ, член Союза художников РФ, кандидат исторических наук.

Ученый я!
Пусть скромный
и незваный.
Стезя моя –
Для чести, не для званий!
Старался я
И в жизни и в науке
Быть искренним!
Я душу грел –
Не руки!

В этих строчках Акиева – смысл его жизненной философии – человека многогранного и удивительно одаренного. О его искренности, доброте, трудолюбии и мудрости, поэтической натуре, склонной к философским размышлениям над смыслом бытия – лучше нас говорят его работы... Каждый найдет в них что-то свое наблевшее, выстраданное в горниле жизни, ощутит проблески надежды, светлого дыхания природы и величия ценностных ориентиров личности, которые не меняются в угоду кому-то и чему-то.

НОВЫЕ КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЕ РЕДАКЦИЕЙ

- **Николай Яценко, Александра Коваленко.**
Здесь каждый шаг – живые письма.
ООО «Издательский дом», Ессентуки, 2007.
- **Гамзат Цадаса. Мудрость. Стихотворения.**
ИД «Эпоха», Махачкала, 2007.
- **Адиз Кусаев. Чечня: годы и люди. Публицистика.**
ГУП «Книжное издательство», Грозный, 2007.

КАВКАЗ ГЛАЗАМИ ФРАНЦИИ*

ИСКУССТВО БЕЗ ГРАНИЦ

Искусство не знает границ – эта истина не требует доказательств. Однако каждое ее подтверждение в конкретных художественных образах по-новому радует и удивляет. Сегодня мы расскажем о двух явлениях изобразительного искусства, которые разделены во времени почти двумя веками. В первой половине XIX века французские графики увлеклись Кавказом, и несмотря на многочисленные опасности, путешествовали по дикому краю и сумели донести его неповторимый колорит до европейских салонов.

Вторая половина XVIII – начало XIX века ознаменовались выдающимися успехами кавказоведения: петербургские академические экспедиции И.А. Гюльдешtedта, С.Г. Гмелина, П.С. Палласа, исследования представителя французского Просвещения Я. Потоцкого позволили собрать богатейшие материалы по истории, хозяйству и этнографии народов этого региона. Материалы исследователей пробудили интерес к провинциям России и сопредельным краям среди западноевропейских художников, особенно во Франции.

Ксавье Оммер де Гелль. Черкесские княжны.

* Окончание. Начало в № 1(2007).

Появившиеся французские гравюры «на русские темы» обычно изображали уличных торговцев или представляли собой этнографические этюды. Традиция «костюмных изображений» была заложена Ж.-Б. Лепренсом: массовая продукция, на новом материале дублирующая знаменитые «Крики Парижа» («Cris de Paris») – бытовые графические серии, несмотря на свой весьма посредственный художественный уровень, вместе с тем прекрасно отвечали просветительским, познавательным целям, которые ставили перед собой авторы.

Пока круг путешественников был ограничен финансово-обеспеченными людьми благородного сословия, которые и являлись потребителями изобразительной продукции, французские графики предпочитали работать в сложных техниках офорта, акватинты и гравюры очерком, иллюминированной акварелью. Но постепенно гравюра демократизировалась: во Франции в большом количестве открываются литографические мастерские. Новая техника позволяла существенно снизить цену и увеличить тиражи изданий, которые стали доступны значительно более широкому кругу любителей. В 1828 году в Париже была создана всемирно известная фирма Ж.-Р. Лемерсье, благодаря которой литография вошла буквально в каждый дом. Со временем грудь владельца фирмы украсил орден Почетного легиона, именно за заслуги в области «важнейшего из искусств» Французской республики.

Сейчас в здании типографии размещен музей, где хранятся более 50 тысяч литографических камней.

У Лемерсье печатались литографии по рисункам мариниста Дюрана-Бранже (1814-1879), участвовавшего в нескольких дальних морских походах и посетившего Черноморское побережье. Одна из таких литографий хранится в музее-заповеднике М.Ю. Лермонтова в г. Пятигорске. На ней изображен вид Геленджика – города, основанного русскими войсками в 1831 году и находившегося в руках горцев в 1853-57 гг.

В типографии Лемерсье был выпущен интереснейший альбом гравюр по рисункам, привезенным с Кавказа супругами Оммер де Гелль. Из рисунков Ксавье Оммера де Гелля можно почерпнуть массу сведений о жизни на Северном Кавказе, на минеральных водах в 40-е годы XIX столетия. Все напоминает здесь, что где-то рядом идут

*Ксавье Оммер де Гелль.
Черкесская стоянка в долине Подкумка*

военные действия. На одних листах изображены казачьи сторожевые посты, на других – горцы, наводившие ужас на европейцев. Впрочем, постепенно французские путешественники свыклись с опасностями и стали оценивать окружающие картины с точки

зрения их живописности. Адель Оммер де Гелль отмечает: «Прежде чем достигнуть ущелья, где спрятался Кисловодск, мы еще раз встретили черкесов... Их привал был живописным зрелищем в этих уединенных местах. Оседланные и взнузданные лошади паслись в нескольких шагах от хозяев, которые даже не подумали освободиться от оружия, прежде чем расположиться на отдых. У одних головы были покрыты башлыками (одежда наподобие капюшона из верблюжьей шерсти, которую надевают только в дорогу); на других были меховые шапки, широкие серебряные галуны блестели на их одежде... все в бурках, также необходимых черкесу, как и его оружие. Когда наша повозка приблизилась к ним, кое-кто из них приподнялся со своего ложа и рассматривал нас с видом презрительного безразличия, не проявляя никакой агрессивности».

Среди сюжетов, которые на Кавказе особенно интересовали западноевропейских художников, были телесные наказания. Впервые эта тема встречается еще в гуашах неизвестных авторов, выполненных в 1730 году по заказу испанского посла в России герцога де Лирия (в настоящее время хранятся в Лувре). Наказание батогами изображали на своих рисунках Ж.-Б. Лепренс, Х.-Г. Гейслер. «Как мало в этих людях, – писала о жителях Кавказа мадам Оммер де Гелль, – сострадания друг к другу. Они смотрят на избивание своих товарищей без малейшей эмоции: говорят, что гуманности совершенно нет в их сердцах, настолько рабство разрушило в них способность чувствовать и уничтожило чувство собственного достоинства».

Учеником Ж.-Б. Лепренса был русский художник Е.М. Корнеев, который выполнил цикл акварелей по эскизам Бомануара. Маркиз Бомануар, эмигрировавший из Франции после революции, с 1798 года служил в Сибирском драгунском полку, имел возможность осмотреть окраины Российской империи и создал замечательную коллекцию рисунков.

В 1832–33 гг. по Кавказу путешествовал Фредерик Дюбуа де Монпере, оставивший документально точные зарисовки окрестностей Железноводска и других живописных мест края. А те путешественники, которые сами не обладали графическими способностями, все же стремились сохранить вещественную память о своих поездках и приглашали с собой художников. Так, Александр Дюма, отправляясь в Россию и на Кавказ, взял с собой способного архитектора и рисовальщика Жан-Пьера Муане. Шесть листов Муане с видами Тифлиса и горными пейзажами, выполненные акварелью по карандашному наброску, хранятся сейчас в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

В 1858 году, одновременно с Дюма, на Кавказ отправился библиотекарь российского императора по должности и рисовальщик по призванию Флориан Жилль. Он был очарован красотой здешних мест и принялся переносить все увиденное на бумагу. Парижское издание книги Ф. Жилля «Записки о Кавказе и Крыме», созданной по итогам путешествия, было иллюстрировано тридцатью гравюрами, выполненными по рисункам автора. «Мост через Подкумок», «Тарантас в степи», «Пятигорский Провал», «Хумаринский храм», «Боргустанская церковь» – эти и другие графические листы книги являются бесценными историческими свидетельствами кавказских реалий эпохи. Например, пятигорский Провал на одноименном рисунке изображен в тот период, когда в 1858 году к нему был пробит туннель. До этого посетители минеральных вод могли любоваться озером лишь сверху, взобравшись на невысокий горный отрог. Таким образом, рисунок Жилля – первое и единственное изображение озера и внутренней площадки Провала середины XIX века.

Интересно изображение так называемого Хумаринского храма, или храма Шоана (по названию горы, на которой он расположен). Это монументальное культовое сооружение находится на левом берегу Кубани, неподалеку от аула Коста Хетагурова. Храм входит в число пяти купольных церквей Аланской епархии X века.

Необходимо отметить, что французские художники внесли огромный вклад в изучение Кавказа. Благодаря конкретным задачам, стоявшим перед художниками-путешественниками, многие произведения их графики имеют большое историческое значение, а в ряде случаев – являются единственными изобразительными документами, раскрывающими характерные особенности жизни народов южной России конца XVIII – начала XIX века.

АЛЕКСАНДР МОСИНЦЕВ

ТЕАТР АБСУРДА РОДИЛСЯ НА ЗАПАДЕ

(о книге Владимира Дегоева и Руслана Ибрагимова
«Россия при Путине. Обретения, тревоги, надежды»)

Крылатая фраза «Россия сосредоточивается», повторенная миллион раз в СММИ, ничего не изменила в нашей раздираемой противоречиями стране. Вроде бы августовская «бескровная» революция 91-го года удалась от нас по времени, но боязнь возврата ее олигархических построений никак не исчезла. Не случайно А.И. Солженицын, пристально следящий за ходом бесконечных реформ, в июньском (2007 г.) номере «Литературной газеты» опубликовал глубокий исследовательский материал «На обрыве повествования» о событиях февральской революции 1917 года. В сущности, август 91-го один в один повторил трагические ошибки лидеров начала века.

В этой связи нельзя не заметить книгу «Россия при Путине...», только что выпущенную «Издательским домом «Империум XXI век» в столице. Обратиться к ней помог круг авторов (В. Дегоев и Р. Ибрагимов) и редакторы издательства (А. Иваненко и А. Чеботарева), тоже связанные по рождению с Кавказом, который на протяжении не одного столетия является судьбоносным крестом России.

Чем же привлекает книга, выпущенная земляками? Прежде всего тем, что она, как понимаю, выражает точку зрения российского МИДа, потому что В. Дегоев – искушенный дипломат, профессор, читающий лекции в МГИМО. Причем, внешние сношения России – не единственный аспект, который анализируется на страницах издания. Ведь многое зависит и от температуры самого нашего общества. А оно, как известно, требует не только лечения домашними средствами при сердобольном уходе, но и клинических операций в стационаре. Переход от анархии к жесткой власти – настоятельная потребность времени. Достаточно вспомнить хотя бы первое заседание в Кремле, проведенное новым премьер-министром В. Зубковым, который потребовал отчета министров за поручения, данные им президентом. Зрелище получилось неутешительное.

И это происходит на фоне оголтелой русофобии, развязанной Западом и США по отношению к путинской России.

Россия от Европы себя никогда не отделяла, потому что она географически часть ее. Со времен Киевской Руси проводились династийные попытки единения. Дружеские и родовые связи с ней поддерживались при Московских государях и Российских императорах и императрицах. Но на Западе никогда не забывали о своих корыстных интересах, ущемляли восточного соседа всеми доступными и недоступными способами. Утверждали, что Россия на протяжении четырех десятков

лет была «жандармом» Европы, который, между прочим, дал возможность мирного сосуществования всем этносам на ее территории. Ну, а уж после установления советской власти (кстати, не без желания ослабить Россию шла зарубежная помощь революционерам) отношения испортились. А после Великой Отечественной – дальше некуда. Инициатором «холодной войны» стал Черчилль.

Разумеется, все это общеизвестно. Как и то, что из «холодной войны» можно было выйти не столь болезненно. Мысль В. Дегоева вот о чем: «Окажись профессиональный и общеобразовательный уровень личного состава партийно-советской власти достаточным для адекватного ответа на вызовы времени, крушение СССР можно было бы предотвратить». По нынешним размышлениям это тоже не новость. Ведь смог же справиться Китай со своими проблемами, хотя и не избежал расстрела радикалов на площади Тяньаньмынь. Наши лидеры крови не хотели, поэтому и втянули страну в ползучий национализм, хаос бандитизма и Кавказскую войну, которые вместе взятые унесли народа больше, чем расстрел на площади Тяньаньмынь в Китае.

Книга, в общем, не о Путине, а о путях выхода России из тупика, спровоцированного окружением Ельцина. Это размышления об обретениях, тревогах и надеждах, вынесенных в подзаголовок. Чего уж там, именно окружение первого президента России создало у лидеров мирового сообщества представление о возможности сделать из ослабленного восточного соседа сырьевой придаток. Странно было бы, если б Россия согласилась на это.

За два срока своего президентства Путин постарался, учитывая природные факторы, изменить статус государства на мировой арене: расплатился с долгами, создал предпосылку проводить независимую политику. Однако не дремали и наши поучающие конкуренты, размещая военные базы непосредственно у наших границ, поддерживая все притязания к бывшей империи стран Варшавского договора: республик Прибалтики, Украины, Молдавии, Грузии. Принцип не считаться с кремлевским руководством достиг своего апогея, когда США, ссылаясь будто бы на возможность иранской агрессии, решили разместить свои базы в Чехословакии и Польше, а на деле держать под контролем все воздушное пространство России до самого Урала. Есть от чего возмутиться.

10 февраля 2007 года на Мюнхенской конференции, посвященной вопросам предотвращения самоистребления человечества, Путин выступил с заявлением о том, что угроза глобальной безопасности связана с однополюсной геополитической архитектурой мира. «Это мир одного хозяина, одного суверена». Президент России назвал вещи своими именами, заявив, что США присвоили право единолично управлять миром, судить и карать строптивых, учить народы и государства тому, как жить, какие использовать ценности, каких культурных стандартов придерживаться. Явочным порядком Вашингтон упразднил ООН, поддался искушению подменять международно-правовые механизмы безопасности. В результате большие и малые государства, остро чувствуя свою уязвимость перед лицом мирового жандарма, начинают вооружаться и считают, что ограничивать их в этом правовыми положениями несправедливо.

Заявление Путина не было спонтанным, это вам не ельцинское дирижирование оркестром.

2007 год указом Президента РФ был объявлен годом русского языка. Объявлен впервые за всю историю и, думается, не случайно. Так получилось, что российская элита 90-х годов перешла, не имея своего, на чужой политический язык, упакованный в политкорректную оболочку. Путин расшифровал эту ущербность. В Мюнхене он заявил «об образовании критической массы явлений, которую нужно назвать своими именами» на русском языке, потому что это диктат одного хозяина, обещание не расширять НАТО – обман, продвижение демократии к границам России – не что иное как прямая угроза ее безопасности, а натовские операции

– грубое нарушение международных норм...

Межу прочим русофобская истерия лишней раз доказала, что Россия в состоянии выйти на правильный независимый путь. Поднявшись с колен, она с полным правом отстаивает свою самостоятельность. Так какая же Россия нужна Западу? Точку зрения на нее в 1992 году высказал в секретном меморандуме тогдашний заместитель шефа Пентагона Пол Булфовец: «Наша первейшая цель – предотвратить появление на территории бывшего Советского Союза, или где-нибудь еще, нового соперника, который бы стал представлять угрозу такого же порядка, какую представлял ранее СССР». Его доктрина, несколько подкорректированная, осталась и сегодня неизменным ориентиром в отношении к России как к военному и энергетическому сопернику. Поэтому в западных средствах информации всюду развивается идея о «нефтегазовом империализме» России.

Выказывать неудовольствие позицией России политикам ЕС и США есть все основания. Еще в июне 2006 года председатель Еврокомиссии Ж. Баррозу приказал в Сочи уговаривать Путина подписать Энергетическую хартию, по которой западные фирмы могли получать контроль над российскими ресурсами. Путин предложил подумать о справедливом обмене услугами и предоставить России ответную возможность доступа к потребителям нашего сырья. Но в таком доступе наши партнеры, конечно же, не заинтересованы. Едва появились слухи, что деловые круги России собираются приобрести активы газораспределительных и сталелитейных предприятий, как моментально нашлись и громадные средства и подставные лица, которые их тут же перекупили.

«Театр абсурда» родился в Европе. Видимо, его художникам изменил здравый смысл. И теперь абсурдизация проникла и в политическую сферу, становится все более заметной тенденцией стратегии Запада по отношению к России и русским.

В целом претензии наших западных и американских партнеров сводятся к отказу Москвы разрешить допуск иностранных партнеров в сырьедобывающую промышленность России. И поскольку роль государства не убрана в энергодобывающем секторе, то создается угроза энергетической безопасности ЕС и США, поскольку Кремль под эгидой «нового энергетического порядка» в Европе намерен вытеснить оттуда американцев. Откровенно эту позицию прояснил вице-президент Дик Чейни, выступая на Вильнюсском саммите. Будучи вторым человеком в администрации Буша, он предложил Москве возвратиться от авторитаризма к демократии (надо полагать, образца 90-х годов), не то, мол, США способны вернуть времена «холодной войны». Говоря о розовых и оранжевых революциях, «новоявленный ястреб» выдвинул идею объединенной Европы от Атлантики до Каспия – некоего балтийско-черноморского кордона, противостоящего «разлагающему влиянию» России. В кордон этот, по его мнению, должно войти девять государств – Эстония, Латвия, Литва, Польша, Молдавия, Румыния, Болгария, Украина и Грузия. В перспективе планируется и Белоруссия, если в ней сменить пророссийского батьку Лукашенко.

В этой связи вполне уместно привести мнение одного из крупнейших западных аналитиков Анатолия Ливена, отнюдь не тяготеющего к Кремлю. Его настораживает тот факт, что Евросоюз почти добровольно становится заложником ухудшающихся американо-российских отношений. Как он полагает, если отношения эти будут и дальше развиваться в таком ключе, то дело закончится длительным кризисом, от которого пострадают все, но прежде всего, европейские интересы.

Впрочем, и отрицательные выпады против Путина, и положительные размышления журналистов не повлияли на последующее проведение саммита Восьмерки в Санкт-Петербурге. К тому же тон аналитиков, как видим, в прессе заметно менялся. Все уверенней говорилось о том, что Западу пора отказаться от чувства презрения к России и воспитывать в себе элементарное уважение к ней, хотя бы потому, что столбик термометра все-таки поднимается в зимний период на мороз-

ных улицах европейских стран.

Создание Западом и Америкой всех мыслимых и немыслимых препятствий для взаимных экономических отношений с Европой, естественно, заставляют Россию обратить внимание на Восток, который ждет не дожидается стратегической переориентации российской энерготорговли. Ни для кого не секрет, что выдавливание Москвы из Европы ведется еще и для того, чтобы эту переориентацию поставить ей в вину.

И это при том, что у российских политиков нет особого восторга на создание «спасительной дружбы» с Азией. Там ведь тоже не «вегетариански ориентированные соседи». Что ни говори, а восточная тема для России не менее (если не более), чем западная приобретает жизненно важный смысл. Здесь тоже хватает всякого рода препятствий. Одно из них в устойчивой с давних пор ориентированности наших политических, экономических и культурных элит на Запад и Америку. Там они хранят и тратят деньги, покупают недвижимость «на черный день», учат детей, отдыхают, резвятся и лечатся, поправляя здоровье, истерзанное ими же созданной российской действительностью.

Перенацеливать существующие элиты на Восток практически невозможно. Значит, надо формировать новые, которые будут заинтересованы в интенсивном развитии всех видов отношений с Китаем, Индией, Японией и другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Это, само собой, приведет к необходимости одергивать внутри и внесударственные силы, которые попытаются блокировать процесс укрепления азиатского вектора.

Запад и США с тревогой следят за развитием этих отношений, усматривая в них антиамериканский подтекст.

Ответ на все эти вопросы ищут и в нашем МИДе. Вооружая армию и экономику Китая, не готовим ли мы крупные неприятности для себя в будущем? Надолго ли Пекин отказался от территориальных притязаний к России?

Впрочем, Москва и не спешит предоставить Китаю статус монопольного потребителя сибирских энергоресурсов, развивая параллельно аналогичные отношения с Индией.

Не будет надуманным и предложение о том, что Кремль видит в создании Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) одновременно и средство обеспечения региональной безопасности, как способ удержания Китая в стороне от конфронтации с Россией.

Расстановка фигур на мировой шахматной доске все больше усложняется, поэтому необходима постоянная готовность к любым поворотам. Это уже вопрос жизни и смерти. Никаких исторических преданий о дружбе и братстве с кем-либо! России ничего не остается, как руководствоваться прагматичным принципом – «каждый за себя».

Непростая ситуация с переориентировкой нашей политики на Восток несколько не мешает признавать, что отношения с США еще долго будут крайне важным направлением. В том, что нынешняя администрация Белого дома может пойти не поправимо далеко в Ближневосточном и других регионах мира, сомневаться уже не приходится. Она может создать груз тяжелейших проблем, но у Кремля нет желания обострять с ней свои отношения. Причем происходит это на фоне роста массовых антиамериканских настроений, захвативших и политическую элиту.

При всех разногласиях в поддержке демократии и прав человека между Кремлем и Вашингтоном нам не обойтись без всестороннего диалога в режиме постоянного общения политиков, экспертов, интеллектуалов, деятелей науки и культуры, – считают авторы книги «Россия при Путине». По их мнению, при наличии постоянной возможности слушать и слышать друг друга появится гораздо больше шансов на предельное сужение пространства недоверия и недопонимания.

В общем, России, хочешь не хочешь, приходится снова сосредоточиваться.

Путину удалось главное: удержать социальное и политическое равновесие, отвести страну от пропасти хаоса и смуты.

Увы, не в одних внешних супостатах дело. По мнению авторов книги «Россия при Путине», главная наша проблема сегодня – подготовка кадров, которые не на словах, а на деле станут заботиться о благосостоянии России. Профессионалы, создающие государство, употребляющие полученную ими от народа власть во благо его, а не на личные нужды и привилегии, нужны были во все времена. Тем более в наш переходный период, когда «угрожающе выросла паразитарная функция многочисленных посреднических звеньев, по сути блокирующих иннервационную систему госуправления... В реальной перспективе главным саботажником и могильщиком национальных проектов может оказаться государственно-управленческий аппарат».

Отсюда само собой возникает необходимость власти держать под бдительным контролем отечественный бизнес, который по своей природе эгоистичен. Параллельно с этим в стране идет торговля высокосановными услугами, она стала «второй» экономикой России. Помочь может только новое поколение, творческий тип чиновников, которым бы хотелось служить, а не прислуживать. Разумеется, в любом человеческом обществе идеал бескорыстия недостижим, но заявка на него необходима, чтобы поступательно двигаться дальше.

Важен и другой удручающий момент. Пока Россия вырабатывает свою демократию, на Западе многие философы с тревогой отмечают у нас имитацию самой жизни, из которой преднамеренно выхолащивается сам смысл и цель во имя торжества идеи физиологического существования.

Некоторые прогнозисты, успокаивая наше ущемленное самолюбие, обещают России, правда в неопределенном будущем, счастливый расцвет. Что-то из разновидности коммунистического прошлого. Но в стране уже вовсю нарождается племя «одномерных», чуть ли не клонированных людей, в специфически патологических, мутированных формах, поддерживающих космополитический капитализм, разрушение суверенитета и целостности страны, для которых не важна национальная культура, историческое прошлое, родной язык, вообще, национальная идентификация. Идет балаганизация политической элиты, взявшей за основу открыто-развязную манеру поведения персонажей шоу-бизнеса.

Оценивая международную обстановку «невольнo приходишь к выводу, – пишут авторы, – что, по сути, перед нами ситуация, когда один противник отторг у другого сначала огромную сферу его влияния (Восточную Европу), затем его собственную, еще большую по размерам территорию (бывшие республики), а теперь предлагает провозгласить по отношению к ущемленному принцип открытых дверей и равных возможностей. Мало того, когда этим принципом пытается воспользоваться проигравший, Запад начинает негодовать и кричать о русском имперском реванше».

Вот и выходит, если для защиты российских интересов потребуются экономические меры, их непременно нужно использовать так, как это делается во всем цивилизованном мире. А возникает прямая угроза, надо иметь и важнейший довод – военную силу, даже если к приведению ее в действие душа не лежит. Не надо забывать, что мы имеем для обеспечения морального и духовного присутствия России на постсоветском пространстве огромный и не исчерпавший себя потенциал – русский язык и культуру.

Не хочу лукавить: мне, провинциалу, по-настоящему понравилась книга «Россия при Путине», выпущенная земляками. В первую очередь тем, что они поставили перед собой сложнейшую в нынешних условиях задачу: попытаться честно разобраться в хитросплетениях политиков, экспертов, журналистов, в психологии и морали нашего общества. Книга написана доходчивым языком, рассчитанная на широкую аудиторию, без желания кому-то угодить. Уверен: отношение к ней однозначным не будет.

Все ли сделал Путин, чтобы завтра не пожалеть о незавершенном? Помилуй Бог, для этого нужно остановить саму жизнь. Несмотря на восстанавливаемую в мире самостоятельность России, успехи в экономике, которые могут сказаться значительно позже, проблем нерешенных полно в каждой отрасли. Ельцинская демократия разорила страну, пустила по миру десятки миллионов людей, растлила общество, создав противостояние дворцов и хижин, породила коррупцию, преступность, взяточничество чиновников. И само собой, народ, с которым привыкли не считаться, конечно же, недоволен. Недоволен и Запад, который обнаружил, что демократия у нас строится не по его лекалам. Наскоком ее не построишь, как не смог усмирить Грозный одним танковым ударом незабвенный бывший министр обороны, оставшийся в нашей истории под именем «Пашки Мерседеса». Важнейшим вопросом остается чистка криминализированной элиты, которая и впрямь потребует железной воли, мужества и патриотизма. До нее у Путина руки не дошли. А решится ли на непопулярную борьбу преемник? Для возврата морали и нравственности в стране нужна длительная кропотливая работа по созданию неправительственных общественных институтов, подготовка молодежи, которая все равно придет на смену нынешним политикам. Перечень можно множить и множить, включая отсутствие рабочих мест в промышленности и сельском хозяйстве.

Ностальгия по советским временам не определяет уmonoстроение людей, но вера в мудрого государя по-прежнему отзывается в наших генах. Главная мысль: «Доколе!» Существующее уважение к Путину, это все тот же народный кредит доверия и надежд на благоразумие власти. При всей неординарности Владимира Владимировича – великолепное образование, ум, выдержка, прагматизм – иконой в обозримом будущем в России он не станет. Уставшим людям нужна от власти уверенность в завтрашнем дне, в будущем своих детей, в установлении справедливости, которая в российской действительности всегда была выше писаного закона. Это, – как говорят авторы, – чутье на фальшь жизни. Во имя этой справедливости и сосредоточивается Россия, вынашивая далеко не простую мысль: а достаточно ли ей одного Путина?

НОВЫЕ КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЕ РЕДАКЦИЕЙ

- **Владимир Дегоев, Рустам Ибрагимов. Россия при Путине. Обретение, тревоги, надежды. ИД «Имперіум XXI век». Москва. 2007.**
- **Дина Мамчуева. Карачай. Поэма в сонетах. Стихи. Переводы. РГУ «Карачаево-Черкесское Республиканское книжное издательство». Черкесск. 2007.**
- **Николай Маркелов. Лермонтов и Северный Кавказ. Пятигорск. «СНЕГ». 2008.**

НАТО, ГОСУДАРСТВА ЮЖНОГО КАВКАЗА И РОССИЯ

Уже давно укоренилось мнение, что распад СССР и всей социалистической системы привел к мировой геополитической катастрофе и воссозданию Восточного и Кавказского вопросов в качестве важнейших проблем современности в условиях наметившейся тенденции построения многополярного мира. Этот драматический распад затронул Евразийский континент. За прошедшие годы четко проявилась тенденция к перераспределению зон влияния основных игроков на мировой политической арене, и главное место в вовлечении государств, возникших на постсоветском пространстве, поспешили занять США, со своим сателлитом НАТО, куда вскоре присоединился и Евросоюз.

Территория Кавказа всегда была и остается лакомым куском для многих западноевропейских государств, никогда не имевших с этим регионом общих границ. Всем известно то важное и значимое геополитическое положение Кавказа не только для окружающих его государств, но и для тех держав, которые в настоящее время взяли на себя право мирового судьи, право разделять и властвовать, и повторять эти прописные истины нет необходимости. Немалую роль играют особенности геополитического и геостратегического положения государств Южного Кавказа.

Объявив Каспийский и Кавказский регионы «зоной жизненно важных американских интересов», Вашингтон сформулировал их в следующих пунктах: 1) укрепление независимости, суверенитета и благосостояния стран региона; 2) снижение вероятности региональных конфликтов через включение этих стран в международное экономическое сотрудничество; 3) усиление энергетической безопасности США и ее союзников при помощи стран каспийского региона; 4) расширение в этом регионе возможностей для американских фирм. Правда, если трактовать первый пункт более широко, то Америка имеет в виду не просто независимость государств Южного Кавказа, входящих в СНГ, а их независимость от российского влияния.

Почему мы наблюдаем столь пристальный интерес США к государствам Кавказского региона? Некоторые аналитики высказывают мнение, что Кавказ привлекает США только перспективами обширного энергетического коридора. Если мы проанализируем внешнеполитическую активность США, то увидим, что она действительно удивительным образом совпадает с маршрутами прохождения действующих, либо планируемых к строительству магистралей транспортировки углеводородов.

Не секрет, что основной целью экспансионистской политики Соединенных Штатов является контроль над ресурсами энергоносителей и путями их транспортировки, наиболее уязвимыми являются территории Северного и Южного Кавказа, которые метафорически можно назвать «естественной трубой» по перекачке нефти и газа Центральной Азии и Кавказа через территорию Турции на Запад. В связи с этим, будет возможным использование любого предлога для развязывания здесь кровопролитной войны с последующей легализацией не просто западноевропейского и турецкого, а натовского военного присутствия в регионе. Это несет

непосредственную угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Различные экспансионистские планы и военные угрозы возникают как средство противодействия прохождению экспорта нефти и газа по территории России с использованием уже существующей трубопроводной системы и сопутствующей инфраструктуры.

Однако далеко не все так просто обстоит с интересами Америки к Закавказью. Да, энергетическая составляющая — одна из главных забот США и, вполне естественно, и НАТО! Особенности геополитического и геостратегического положения Закавказских государств стали играть в последнее время особую роль. Они дают возможность Соединенным Штатам, и другим ведущим западноевропейским государствам, разнообразнейшие возможности для реализации своих интересов не только в экономической, но и в политической, и особенно в военной сферах. Одновременно наблюдается многовекторное соперничество, а порой и противоборство между как пограничными с Южным Кавказом государствами: Турцией, Ираном, так и странами, находящимися далеко от границ этого региона.

Збигнев Бжезинский в своей новой книге «Выбор» выразил главный тезис о всемирной роли США следующими словами: «американское могущество — решающий фактор в обеспечении национального суверенитета страны — является сегодня высшей гарантией глобальной стабильности». И далее известный политолог специально подчеркнул: «американское общество стимулирует развитие таких глобальных социальных тенденций, которые подвергают эрозии традиционный государственный суверенитет»¹.

Иными словами, Америка заинтересована больше всех в развале старой многовековой государственной системы, в появлении новых мини-государств, которые окажутся в полной зависимости от главного мирового арбитра. А именно им стали Соединенные Штаты, присвоившие себе право не только быть верховным мировым судьей, но, по утверждению все того же Бжезинского, «...именно Америка определяет сейчас направление движения человечества, и соперника ей не предвидится»².

Невольно возникает вопрос — почему Америка разрешила себе эту вседозволенность? Что это, право сильного? Но в таком случае власть силы не имеет ничего общего с демократическими принципами, о которых так заботятся в США. Получается, что под громкими словами скрываются вовсе не демократические взгляды, а поведение сильного, властного хозяина, которому все дозволено.

Регион Южного Кавказа уже много веков является ареной соперничества и противоборства. Но после того, как США объявили эту территорию «жизненно важным» регионом своей внешней политики, это соперничество стало более воинственным.

По мнению американского политолога следует, что США должны находиться в постоянной готовности контролировать процесс возможного усиления других государств с тем, чтобы он шел в направлении, не угрожающем главенствующей роли Америки в мире. На этой основе Америка закрепила за собой право превращения в ведущего геополитического игрока в Южно-Кавказском регионе. Претворение этих планов не замедлило начаться уже в конце XX века, и все более нарастает из года в год. Да, для успешного претворения этих планов нужны послушные исполнители. И их быстро стали подыскивать. Когда этого требует большая стратегия, Америка умеет закрывать глаза на действия, с которыми в других местах она не соглашается. Так, например, молча была воспринята передача власти по наследству в Азербайджане, в то время, как такая же смена власти в Сирии не была одобрена.

Следствием этого явилось изменение ориентировки правящей элиты новых независимых государств Южного Кавказа — Грузии и Азербайджана, углубление

¹ Бжезинский Зб. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. — М.: «Международные отношения», 2004. С. 7.

² Там же.

антироссийской направленности их внешней политики. Она стала более резкой, безапелляционной, а порой и агрессивной и не только на словах, но и в делах. В своей запальчивости новые политики, вдруг, начинают вспоминать факты некоего ущемления их экономического развития во времена существования Советского Союза. Правда, Азербайджан ведет себя по отношению к России более скрытно и не так запальчиво как это делается в Грузии.

Годы, прошедшие после развала Советского Союза, к большому сожалению, показали, что у России не оказалось разработанной стратегии в отношении государств Южного Кавказа. Результатом явилась невнятная внешняя политика по отношению к этим государствам, которая в период правления Б. Ельциным доходила до сдачи важнейших позиций России. Можно даже сказать, что Россия заняла какую-то непонятную, выжидательную позицию. Отсутствие четких представлений в вопросе «что Россию интересует в Азербайджане, Армении и Грузии» приводит к неверным, а порой и ошибочным решениям. На Южном Кавказе у России пока еще сохраняется, но весьма на короткое время, только один политический союзник – Армения. Но за последнее десятилетие наша внешняя политика и экономические связи были поставлены не на развитие более тесных отношений с Арменией, дружески расположенной к России, а порой к таким шагам, которые наносили вред этим отношениям, заставляя народ и властные структуры Армении поворачиваться в сторону других мировых политических игроков.

Ослабление традиционного, многовекового вектора восточной политики России открыло Соединенным Штатам Америки возможность в значительной степени монополизировать влияние на развитие событий в районах Ближнего и Среднего Востока. Если первый этап американского плана реконструкции этого региона касался стран, не имеющих общих границ с Россией, то намечающийся второй этап включает как пограничные с бывшими советскими республиками страны, так и сами постсоветские государства. Такие перспективы угрожают не только привести к непредсказуемому развитию событий глобального значения на Ближнем и Среднем Востоке, Южном Кавказе и в Центральной Азии, но содержат непосредственные угрозы интересам, безопасности и целостности России.

К 2005 году страны Южного Кавказа завершили процесс образования национальных государств, продемонстрировав в чем-то уникальный опыт: вся система государственного управления была построена с учетом наличия «отделившихся» (Абхазия, Осетия) и «присоединенных» территорий (Карабах). Установившийся status quo в геополитическом отношении выглядит следующим образом: окончательно прозападная Грузия, балансирующий между Востоком (Россия и Иран) и Западом (США, ЕС) Азербайджан и пророссийская, но заинтересованная заигрывающая с Западом Армения. Внешнеполитическая ориентация «материковой» (без Абхазии и Осетии) Грузии останется практически неизменной в течение ближайших десятилетий. Азербайджан преуспеет в своем прозападном курсе в зависимости от «евроинтеграционных» и евроатлантических успехов своих «западных ворот» – Грузии. Пророссийская ориентация Армении может быть растянута во времени опять-таки в зависимости от успехов или провалов прозападной грузинской демократии. Значительным образом внешнеполитический курс Армении может откорректировать война США против Ирана или же налаживание сотрудничества между Ираном и Западом в свете возможного урегулирования проблемы иранской Ядерной программы.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в Армении, несмотря на то, что антироссийская политика никак внешне не просматривается, однако подспудно она постоянно ведется. По мнению самих армянских аналитиков, политиков, да и просто в среде рядовых жителей этого государства, создается впечатление, что, получив в свое время от Еревана все, что требовалось, Москва потеряла всякий интерес к Армении. Ереван плотно привязан к ОДКБ, в Армении западными компаниями скупается все, как говорится на корню, а у российских бизнесменов нет никакого интереса и понимания того, что в этой стране происходит. Существует

не экономическое партнерство, а экономическое равнодушие. А тем временем в Армении медленно, но верно поворачиваются в сторону Запада.

Визит летом 2006 года в Армению нового американского сопредседателя Минской группы ОБСЕ Мэтью Брайз, высокопоставленного сотрудника Госдепартамента США, остался без особых комментариев. В то время как г-н Брайз предлагал новый план урегулирования карабахского конфликта, мало того, он выяснял вопрос о возможности установления в Армении двух американских радиолокационных станций (РЛС). Да, эта установка в военном плане не такая уже большая и значимая вещь, но необходимо лишь зацепиться, стать одной ногой, точно так, как это начиналось в Грузии. И здесь США выступают не сами по себе, они пускают вперед своего подручного, каким на самом деле является Североатлантический военный блок – НАТО. Но пока в Армении раздумывают, в Азербайджане две такие станции уже установлены¹.

В годы «холодной войны» роль основного интегрирующего стимула НАТО играла военно-политическая цель – противостояние с СССР и странами Организации Варшавского договора (ОВД). Настаивая на том, чтобы национальные правительства предоставляли Совету НАТО всю полноту информации еще до принятия решений, Соединенные Штаты сохраняли контроль над экономическим и политическим развитием стран Западной Европы.

После распада СССР и роспуска ОВД новые «угрозы», призванные сплотить союзников, были «найжены» в виде проблемы распространения оружия массового поражения, международного терроризма, возникновения очагов нестабильности в Европе и за ее пределами. Полномочия НАТО были расширены: они стали предусматривать выход за рамки оборонительных задач и переход к осуществлению миротворческих операций. Альянс продолжил существование и стал видоизменять свои функции, не утрачивая их.

Ситуация с продвижением НАТО в государства Южного Кавказа стоит сейчас очень остро. Процесс этот волнует Россию потому, что он ущемляет интересы российской безопасности. В то же время все мы отчетливо понимаем, что речь-то идет вовсе не о 26 государствах Североатлантического блока, входящих в эту международную структуру, а, прежде всего, о расширении влияния США на территорию Евразии. Да, именно США, поскольку чтобы ни говорили, но именно Америка является той главной направляющей и все решающей силой, которой подчиняется НАТО. Мне могут возразить, уверяя, что НАТО имеет коллективное руководство, но не следует быть настолько наивным, чтобы верить этим заверениям. Без разрешения США никто из членов альянса не предпримет никаких шагов, а все свои решения НАТО проводит только с согласия Америки.

Проблема создания коллективной безопасности на Кавказе стала в последние годы особенно остро, и здесь существуют как возможности, так и препятствия. В первую очередь – межэтнические конфликты. Активными игроками в регионе являются не только три закавказские республики. Проблема безопасности Южного Кавказа – это проблема договоренностей между Россией, США, Евросоюзом, Ираном, Турцией и самими республиками Закавказья. Как заявил на пресс-конференции Ара Абрамян 26 апреля 2005 г.: «Если бы Вашингтон и Москва могли предложить механизм, который включал бы в себя возможность ликвидации межэтнических конфликтов в этом регионе, то мы могли бы надеяться на создание эффективной системы коллективной безопасности на Южном Кавказе». Однако реальных и конструктивных предложений, по его мнению, нет ни со стороны России, ни со стороны США.

Некоторые российские аналитики утверждают, что «на всем пространстве СНГ Армения и Азербайджан находятся дальше всех от НАТО. По одной простой причине – неурегулированности конфликта вокруг Нагорного Карабаха. А, как мы

¹ [электронный ресурс]. – режим доступа: http://www.yerkir.am/rus/index.php?sub=news_arm&id=21567

знаем, в НАТО есть железный закон, что ни одна страна не может стать членом альянса, пока она до конца не решила вопрос урегулирования территориальных споров со своими соседями». Но это наивные представления. Азербайджан давно сотрудничает с НАТО, американские военные полностью восстановили аэродромы в Азербайджане. А информация последних месяцев свидетельствует, что власти Азербайджана ведут активные переговоры с представителями НАТО о вступлении в альянс. Рассмотрим более подробно отношения между Азербайджаном и НАТО. Они установились сразу после распада СССР, и уже в 1994 г. было подписано специальное соглашение. 16 января 2001 г. на приеме у президента Гейдара Алиева генеральный секретарь НАТО Лорд Робертсон, прибывший в Баку в рамках визита в регион сказал буквально следующее:

«Азербайджан играет большую роль в программе НАТО «Партнерство во имя мира», у НАТО и Азербайджана много общих интересов, они заинтересованы в установлении мира и стабильности в регионе». На этой же встрече президент Г. Алиев отметил, что когда в 1994 году подписывалась программа сотрудничества Азербайджана с НАТО, основной ее целью было поддержание мира во всем мире, в том числе и на Кавказе. И далее Гейдар Алиев заявил, что «теперь на Кавказе нет мира; к сожалению, из-за неконструктивной позиции Армении до сих пор не урегулирован армяно-азербайджанский конфликт. НАТО – прежде всего военная организация и знает, кто виновен в том или ином конфликте. Наш конфликт начала Армения, и эта несправедливость творится на глазах всего мира, в том числе и НАТО. Я считаю, что цель НАТО – установить мир хотя бы в Европе. Надо положить конец конфликтам на Южном Кавказе», заключил президент свою речь.

А 11 ноября 2006 г. информационные агентства сообщили, что Азербайджан и НАТО открывают новую страницу сотрудничества, о чем заявил президент республики Ильхам Алиев на брифинге по завершении встречи в штаб-квартире НАТО в Бельгии с новым генсеком организации Япом де Хооп Схеффером.

Анализируя сведения, приходящие из Азербайджана, видно, что правительство ведет двойную игру, с одной стороны заигрывает с Москвой, усыпляя бдительность заверениями в дружбе, а с другой стороны американские военнослужащие, уже давно находятся в пределах республики. Это видно хотя бы по последнему визиту в Россию заместителя министра иностранных дел Азербайджана А. Азимова. Весь день 7 мая 2007 г. он уверял высокопоставленных чиновников МИДа РФ в самых дружественных намерениях своего правительства.

А в то же время президент Азербайджана в ходе проходившего в Кракове энергетического саммита заявил о готовности своей страны присоединиться к проекту нефтепровода Одесса – Броды, что позволит транспортировать каспийскую нефть через Украину и Польшу в Западную Европу минуя Россию. Тогда же главы Азербайджана, Украины и Грузии обсудили программу предстоящего саммита глав государств ГУАМ, который должен был пройти 19 июня в Баку. Этот саммит был охарактеризован практически всеми СМИ как антироссийский. А газета «Зеркало» писала в те же дни: «Борьба за маршруты поставок энергоносителей из Каспийского региона входит в свою решающую стадию. Азербайджан, построив нефтепроводы Баку – Супса, Баку – Джейхан, а также газопровод Баку – Эрзурум (Южно-Кавказский трубопровод), сделал свой выбор в пользу самостоятельного от России маршрута поставок энергоносителей на мировые рынки»¹.

В отчете международной организации Forecast International, опубликованном в мае 2007 г., прямо говорится о постоянном увеличении военного развития Азербайджана. «В последнее время в военных расходах Азербайджана наблюдается серьезная динамика роста». Согласно отчету, если в 2003 году военные расходы Азербайджана составляли 135 млн. долларов, в 2005 году – 310 млн. долларов, в 2006 году – 673 млн. долларов, то в 2007 году они достигли 871 млн. долларов. «Официальный Баку стремится интегрироваться в НАТО. Однако если работа над

военными реформами не ускорится, то о вступлении в НАТО не может быть и речи. Азербайджан сам говорит о своей неподготовленности к членству в альянсе и заявляет, что завершит необходимые военные преобразования по соответствию стандартам НАТО до 2015 года»¹.

«Между Вооруженными силами Азербайджана и европейским командованием США будет подписан рабочий план о военном сотрудничестве», – сообщил министр обороны Азербайджана Сафар Абиев.

Как видим, анализ, проделанный информированными внешними авторами, действительно свидетельствует о двойственной политике азербайджанского руководства. И российскому руководству, как и внешнеполитическому ведомству, есть над чем задумываться.

Рассматривая развитие взаимоотношений каждой отдельной страны Южного Кавказа с НАТО мы видим как общие, так и индивидуальные отличия в каждой из них. Наиболее привязанной к американским идеям и планам является Грузия. Азербайджан ведет себя более осторожно, время от времени заигрывая с Москвой.

Кризис 2006 г. в российско-грузинских отношениях показал, что прежние подходы к Грузии в российской внешней политике себя исчерпали и России давно пора искать новый курс в отношениях с Грузией.

В последние годы грузинская армия с помощью США полностью перестраивается, как, впрочем, и Азербайджанская. Выступая 8 мая 2007 г. в МГИМО, заместитель министра иностранных дел Азербайджана Араз Азимов на вопрос о поставках вооружения в Азербайджанскую армию, и как оно соотносится с натовским вооружением, ответил: «Касательно закупок вооружений, азербайджанская армия как бывшая часть, в общем-то, советской армии, естественно, развивала свой потенциал... поэтому менять это все с кондачка, разворачивать, покупать другое оружие, наверное, большого смысла не имеет, да и не требуется»².

Как видим и Грузии и Азербайджану приходится тратить только на «спецпереходники и интерфейсы». Эти расходы не сильно ударяют по бюджету республик, но превращают их армии в аналогичные натовским.

В то же время, ситуация в вооруженных силах этих двух республик вряд ли оказывается на высоте. Так, по оценкам офицеров НАТО, наблюдавших за военными учениями в Грузии в 2007 г., «пока нет оснований говорить о достижении даже первичных подвижек в росте боеспособности грузинских Вооруженных сил»³.

Грузия постоянно похвастается участием своих вооруженных сил в совместных с США операциях в Ираке. Эти задачи грузинского контингента рассматриваются в Грузии как важный признак успеха и даже триумфа грузинских Вооруженных сил, залог повышения их престижа в обществе. Грузинские комментаторы постоянно пытаются представить пребывание контингента в Ираке как несомненный успех грузинской политики, в том числе и в сфере обороны. Но, к чему хитрить. Задачи, выполняемые грузинским контингентом в Ираке, никоим образом не относятся к боевым. Это именно полицейские функции⁴.

Итак, взаимоотношения Грузии с НАТО идут полным ходом. Для того, чтобы это произошло поскорее, Грузия выполняет любое пожелание США. Как теперь видно, грузино-российский инцидент был спрогнозирован и спровоцирован Америкой. Однако с пониманием менталитета Кавказа, как и вообще Востока, в Америке туго. Специалистов не хватает. Зря, что современные политики и разработчики планов вторжения на Восток (Ирак, Иран, Кавказ) не читают американскую классику – «Ориентализм» Эдварда Сайда. Вряд ли тогда они допускали бы элементарные просчеты в своей восточной внешнеполитической деятельности.

Напомним, что Грузия официально перешла на Интенсивный диалог (ID) с

¹ [электронный ресурс]. – режим доступа: www.regnum.ru/news/829367.html

¹ [электронный ресурс]. – режим доступа: www.regnum.ru/news/829367.html

² Стенограмма выступления А. Азимова 8 мая 2007 г. в МГИМО

³ [электронный ресурс]. – режим доступа: www.regnum.ru/news/843700.html

⁴ [электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/843700.html>

НАТО 21 сентября 2006 г. Первая консультация в рамках ID состоялась 14 декабря. В середине 2008 г. года Грузия рассчитывает перейти на новый этап сотрудничества с НАТО – получение «Плана действий объединения в НАТО» (NATO's Membership Action Plan)¹.

А 13 июня 2007 г., в ходе пресс-конференции в Ереване заместитель директора по вопросам России и Евразии вашингтонского Центра стратегических и международных исследований Кори Велт заявил, что «процесс вступления в НАТО важнее, чем само членство в этой организации», специально оговорившись, что это касается не только Грузии, но и Армении².

Если взять проблему вступления Грузии в НАТО без решения Тбилиси собственных территориальных проблем, то совершенно ясно, что подобное решение может спровоцировать новую войну на Кавказе. Именно так в интервью «НГ» отреагировал на решение Сената США о поддержке вхождения в альянс ряда новых стран председатель комитета Государственной Думы по международным делам Константин Косачев. «В каких государственных границах и в каком составе американские сенаторы собрались принимать Грузию в НАТО? Если вместе с Абхазией и Южной Осетией, то было бы неплохо узнать мнение населения этих территорий, если уж Тбилиси заявляет о территориальной целостности, а США эту целостность не ставят под сомнение. Но если американские сенаторы намерены территориальную целостность обеспечивать с участием НАТО, то это военный сценарий, который приведет к новой войне». Кроме того, по мнению Косачева, «любая попытка Грузии вступить в НАТО похоронит процесс урегулирования абхазского и югоосетинского конфликтов»³.

Примечательно, что несколькими днями ранее специальный представитель Генерального секретаря НАТО по странам Южного Кавказа и Центральной Азии Роберт Симмонс в ходе своего турне по Южному Кавказу заявил, что «НАТО готов помочь в поиске путей разрешения нагорно-карабахской проблемы». При этом он отметил, что «это не задача НАТО – напрямую содействовать урегулированию конфликта». По мнению экспертов, Роберт Симмонс не случайно заявил, что НАТО готово оказать содействие в урегулировании карабахского конфликта, поскольку Североатлантический альянс и США уже давно предпринимают действенные шаги с тем, чтобы взять под свой контроль этот вопрос⁴.

Армения

Судя по высказываниям ряда высокопоставленных членов правительства Армении, она не испытывает страха перед НАТО. В декабре 2005 г. Армения подписала План индивидуального партнерства (IPAP) с НАТО.

С одной стороны известно, что в Армении имеются политические силы, смотрящие на НАТО, желающие не только получить помощь, но и стать полноправным членом североатлантического альянса. Но тогда возникает законный вопрос, а как быть с Турцией? Неужели забыты трагические события 1915 года? Ведь если Турция партнер, то может случиться и так, что придется не просто общаться с партнером по коалиции, а и принимать турецкие войска на своей территории. Ведь все может быть...

С другой стороны отношения с Азербайджаном, которые после Карабахского конфликта расстроились настолько, что ни о каком совместном, тем более, военном участии в одном альянсе речи не идет. В то же время совершенно ясно, что между Арменией и Россией должны укрепляться взаимоотношения не только в рамках Организации Договора и коллективной безопасности (ОДКБ), но и в других

сферах. Однако в Армении в последнее время раздаются голоса и против Организации Договора и коллективной безопасности (ОДКБ). Так, 21 ноября 2006 г. на пресс-конференции в Ереване оппозиционный депутат Национального Собрания Армении Амаяк Ованнисян, заявил: «Армения будет вынуждена выйти из ОДКБ и вступить в НАТО».

Однако, как заявил в 2006 г. тогдашний министр обороны Серж Саркисян, вопрос о вступлении Армении в НАТО пока не актуален, хотя иметь сотрудничество с этой организацией он считает крайне необходимым. То, что Армения является членом ОДКБ, помехой не служит. Ведь Устав ОДКБ не ограничивает отношений сотрудничества с другими международными организациями. Кроме того, в ряде вопросов ОДКБ и НАТО имеются общие проблемы, сотрудничество как этих двух структур, так и отдельных государств, входящих в эти организации, дополняет друг друга, что создает дополнительные гарантии безопасности в регионе Южного Кавказа.

Ситуация в государствах Южного Кавказа складывается таким образом, что открытых отношений между ними не существует. Их взгляды на роль Америки различны и вряд ли они найдут в ближайшее время точки соприкосновения. Профессор Мичиганского университета, бывший советник первого президента Республики Армения по вопросам внешней политики доктор Жирайр Липаритян на совместной пресс-конференции фонда «Фридриха Наумана» и центра «Согласие» заявил, что роль НАТО в мире после распада СССР стала непонятна.

В таких сложных условиях чрезвычайно возрастает геополитическое значение Армении. В ситуации мирного течения событий Армения весьма уязвима и в настоящее время подвергается экономическому и политическому удушению – как со стороны Азербайджана, блокирующего транспортные пути, так и со стороны Турции и косвенно Грузии. Однако, если хрупкая перегородка в виде Армении между Турцией и Азербайджаном рухнет, на карте мира возникнут новые силовые поля, влияние которых на международную обстановку будет чрезвычайно велико, не исключено, что и трагично.

Как отметили сопредседатели и члены правления Московского общества дружбы с Арменией в открытом письме, опубликованном информационным агентством РЕГНУМ, «подобное развитие событий не может устраивать ни Россию, ни Китай, ни арабский мир, ни Иран, ни, по большому счету, Запад, так как в этом случае мы будем наблюдать вторичный рост Османской Империи, который будет происходить за счет нефтеносных регионов России и, таким образом, Турция с ее непредсказуемым поведением станет не только транзитером энергоносителей, но и обладателем огромных собственных энергоресурсов»¹.

И далее в этом письме мы обращаем внимание на то, что ослабление традиционного, многовекового вектора восточной политики России открыло Соединенным Штатам возможность в значительной степени монополизировать влияние на развитие событий в районах Ближнего и Среднего Востока. Если первый этап американского плана реконструкции этого региона касался стран, не имеющих общих границ с Россией, то намечающийся второй этап включает как пограничные с бывшими советскими республиками страны, так и сами постсоветские государства. Такие перспективы не только могут привести к драматическим последствиям глобального значения на Ближнем и Среднем Востоке, Южном Кавказе и в Центральной Азии, но и содержат непосредственные угрозы интересам, безопасности и целостности России.

Открыто заявляемые США и поддерживаемые другими заинтересованными странами намерения по диверсификации существующих путей транспортировки энергоносителей и их защите, в том числе военными средствами, будут оставаться и, по нашему мнению, укрепляться в качестве одной из основных целей внешней политики Соединенных Штатов и после достижения соглашения между Россией,

¹ [электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/841538.html>

² [электронный ресурс]. – режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/842504.html>

³ НГ. 2006, 20 ноября.

⁴ [электронный ресурс]. – режим доступа: www.regnum.ru/news/722374.html

¹ [электронный ресурс]. – режим доступа: <http://regnum.ru/news/840038.html>

Казахстаном и Туркменией по увеличению пропускной способности российских трубопроводов. Присутствие энергетической составляющей как определяющей в новом разделе мира заставляет полагать, что актуальность данных вопросов сохранится и решение их будет зависеть от уровня влияния заинтересованных сторон на страны, через которые энергоносители Казахстана, Центральной Азии и Кавказа транспортируются в западном направлении. Введение в строй в условиях спорной рентабельности, по признанию высокопоставленных лиц США, политически мотивированного трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан подтверждает важность и привлекательность территорий стран Южного Кавказа в качестве транзитных, альтернативных по отношению к России путей транспортировки энергоносителей.

В сложившихся условиях геополитическое значение Армении как стратегического партнера России чрезвычайно возрастает в качестве стабилизирующего регионального фактора. Сегодня поступательное развитие Армении в условиях жесточайшей блокады продолжается. Однако возникновение в регионе крупномасштабных военно-политических и коммуникационных проектов, при пассивности России, способно изменить ситуацию. При этом на карте мира могут возникнуть «силовые поля», влияние которых на международную обстановку будет чрезвычайно велико, а возникшие геополитические конфигурации нести в себе масштабные угрозы.

К таким проектам следует в первую очередь отнести подписанный главами Турции, Азербайджана и Грузии в Тбилиси 7 февраля 2007 года документ, цели и задачи которого не афишируются, однако легко обнаруживаются как новый региональный военно-политический союз. Такой же характер носит развиваемый сегодня Турцией, Грузией и Азербайджаном, при поддержке третьих стран, проект строительства железнодорожной магистрали (Каре – Ахалкалаки – Баку). Представляется, что он призван решить задачу соединения железной дорогой Турции и Азербайджана, взамен ставившего эту же цель плана сотрудника ЦРУ Гобла по размену территорий между Арменией и Азербайджаном. При этом частично решаются и задачи, которые ставились проектом ТРАСЕКА. Как известно, целью его было создание транспортной магистрали Запад – Восток в обход России.

Это позволяет говорить (с учетом уже действующего нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан, а также не снятого с повестки дня проекта газопровода по дну Каспийского моря, преследующего те же цели) о создании на рубежах Армении и России регионального военно-политического альянса стран, из коих одна является членом НАТО, а две другие стоят на пороге вступления в эту организацию.

Цели и задачи этого альянса не могут устраивать по различным причинам не только Армению и Россию, но и Китай, Европу, Иран и арабские страны. Но, прежде всего, Армению и Россию. Новые коммуникационные проекты, подкрепленные военными договоренностями трех стран: Турции, Азербайджана и Грузии – вытесняют Россию из региона, а Армению оставляют на обочине магистральных путей его развития. После чего о присутствии и влиянии России на Южном Кавказе можно будет забыть. Однако Южный и Северный Кавказ составляют единый неделимый комплекс, и любые крупномасштабные геополитические изменения в одном из них неизбежно приведут к дестабилизации всего Кавказского региона. Это особенно опасно в условиях сохраняющейся внутривнутриполитической нестабильности в северокавказских республиках и ограниченности ресурсов и инструментария, при помощи которых Москва может воздействовать на регион. Уместно будет отметить, что нахождение в составе России Южного Кавказа сыграло огромную роль в благоприятном исходе северокавказской компании России, в числе прочего, нейтрализуя влияние в регионе Турции. В случае же реализации намечаемого проекта Каре – Ахалкалаки – Баку влияние Турции в регионе чрезвычайно возрастет и будет особенно опасным, так как вывод военной базы из Ахалкалаки оголил границу Турции и Грузии и оставил незащищенным тыл собственной военной базы в Гюмри. Совокупность перечисленных факторов отбрасывает Россию и весь Кавказский регион на два столетия назад. Усиление же позиций Турции, учитывая непредсказуемость

политического развития этой страны, может привести к кардинальной дестабилизации лежащих за пределами Северного Кавказа нефтеносных районов России. Это может привести к распаду России на европейскую и азиатскую части, утрате ею контроля над собственными энергоресурсами и путями их транспортировки. Военно-политический альянс трех стран и строительство железной дороги Турция – Азербайджан являются важнейшим элементом этой вновь создаваемой архитектуры Большого Кавказа без России.

К сожалению, последствия подобного развития событий не до конца осознаются как руководством, так и общественностью России. Для Грузии же смена исторически выверенных приоритетов может обернуться утратой политической субъектности. Эти угрозы, особенно с учетом демографического фактора, проходят мимо внимания грузинского руководства.

В Армении же есть трезвое понимание того, к чему может привести изоляция республики от всех крупных региональных проектов. И здесь не исключено, что поиск выхода она будет искать в смене внешнеполитических ориентиров.

Итак, ситуация в государствах Южного Кавказа заставляет Россию в ближайшее же время предпринять решительные шаги по выработке тщательно продуманной российско-армянской политики.

Какие же альтернативные меры может предпринять правительство России, создавшимся отрицательным перспективам развития ситуации в государствах Южного Кавказа? Они, по нашему мнению, сосредоточены в следующих сферах.

А. В политической сфере:

1. Введение в международный лексический обиход термина «Большой Кавказ», что подчеркивало бы неделимость региона и необходимость в спорных вопросах консенсусных решений, устраивающих все входящие в регион страны: Азербайджан, Армению, Грузию, Россию.

Б. В военной сфере:

2. Укрепление современными техническими средствами дислоцированной в Армении военной базы, в частности авиацией и ПРО.

3. Уделять особое внимание дислокационным вопросам с учетом вывода российской военной базы из Ахалкалаки.

4. Приведение вооружений Армении в соответствие с существующими вызовами и угрозами, исходящими из стран, объединенных союзом: Турции, Грузии и Азербайджана.

5. России в отношениях с Арменией не довольствоваться рамками ОДКБ, в уставе которого недостаточно четко прописано и не опробовано практикой взаимодействие сторон в критических ситуациях. Углублять и расширять отношения на двусторонней основе.

6. Использовать открывающиеся – в связи с заявленной президентом В.В. Путиным перспективой пересмотра Россией ДОВСЕ – возможности для создания паритета в вооружениях на южном фланге российских рубежей.

Это особенно важно в условиях отсутствия у Армении с Россией общей границы.

В. В сфере транспорта:

7. Россия могла бы предложить проект Север – Юг, альтернативный проекту Восток – Запад (Турция – Грузия – Азербайджан), который отражал бы интересы как ее собственные, так и сегодняшних ее потенциальных союзников. Речь идет об исправном, однако закрытом по политическим соображениям участке железной дороги Карс – Гюмри (Турция – Армения), который в перспективе мог бы стать частью вышеназванного коммуникационного коридора через Россию, Абхазию, Грузию, Армению в Турцию и Иран. Предлагаемый коммуникационный проект во многом способствовал бы сглаживанию существующих в регионе противоречий (между Абхазией и Грузией, Арменией и Турцией), воссоздавая геополитическое единство Северного и Южного Кавказа в российской парадигме на взаимовыгодных условиях. При этом возникает возможность в максимальной степени использовать благо-

приятные российско-турецкие и российско-армянские отношения.

8. В целях ослабления зависимости России и Армении от третьей стороны, помимо действующей паромной переправы порт «Кавказ» – Потти, открыть паромную переправу через российский порт Астрахань и иранский порт Энзели, с последующей доставкой грузов автомобильным транспортом по территории Ирана в Армению.

Г. В сфере транспортировки энергоносителей:

9. Расширить пропускную способность газопровода из Ирана в Армению с перспективой его разветвления по различным направлениям, учитывая наличие у Армении сухопутных границ не только с Ираном, но и с Турцией. Это обстоятельство могло бы создать полноценную конкуренцию экологически опасному газопроводу по дну Каспийского моря.

Д. В экономической сфере:

10. Содействовать строительству в Армении нефтеперерабатывающего завода, что в значительной мере способствовало бы снижению в критических ситуациях ее зависимости от поставок нефтепродуктов извне республики.

11. Провести ремонт и реконструкцию всех, числом более 50, водохранилищ Армении. Последнее обеспечит возможность долговременного хранения запасов пресной воды, источники которой находятся на территории Армении и имеют определяющее значение для региона в целом.

12. Модернизировать и загрузить оборонными заказами предприятия, переданные Арменией России за долги. Ущерб от их простаивания лежит не только в экономической сфере, но влечет за собой недоверие к России, вызывает сомнение в ее надежности как стратегического союзника Армении и в народе, и в политических кругах республики.

13. Привлечь Армению к более полному участию в региональных организациях типа ЕврАзЭС, Таможенный союз и др.

Понимая, что союзнические отношения строятся прежде всего на взаимном уважении и доверии, мы хотели бы высказать сомнения относительно продуктивности экономического «паритета», которого придерживается Россия в своих отношениях со странами ближнего и дальнего зарубежья независимо от степени их враждебности или дружелюбности. Хотелось бы, чтобы высказывания о стратегическом союзе Армении и России, которые являются действительно важнейшими и приоритетными для России и Армении, получили реальное воплощение.

Зримое проявление преимуществ партнерства с Москвой на примере Армении могло бы кардинально развернуть в сторону России и другие страны постсоветского пространства. В заключение хотелось бы отметить, что выстраивание кавказского направления со времен Петра I было важнейшей составляющей восточной политики России, направленной в качестве упреждающей и ответной меры на перманентно возникающие экспансионистские планы мировых держав по расчленению и отторжению от России ее территорий. Отход от этих исторически выверенных многовековых геополитических приоритетов, забвение и игнорирование их, способно спровоцировать обвал всей системы внешнеполитических отношений нашего государства. Сегодняшняя международная обстановка требует от России, несмотря на отвлекающие маневры на западном направлении, восстановления в полном объеме внимания к вышедшему на первый план международных интересов восточному направлению внешней политики, с особым акцентом на Кавказ. И первым шагом в этом направлении могли бы стать конструирование и реализация модели межгосударственных отношений стратегического партнерства между Арменией и Россией. Ввиду драматичности сложившейся в регионе Большого Кавказа ситуации, усугубляемой противоречиями США и Ирана, мы предлагаем объявить Армению «зоной мира и безопасности» и утвердить таковой ее статус в ООН.

Времени на размышления у России практически не остается. Необходимо как можно скорее делать решительные шаги в нашей политике на Кавказе, чтобы приостановить расширение НАТО в регионе.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЫСОЦКИЙ ...*

– Вы помните тот момент, когда Высоцкий появился в Вашей семье?

– Моя сестра Людмила училась тогда во ВГИКе, и вокруг нее была целая стая ребят – веселых и интересных. В этой компании было много не москвичей, – так они просто дневали и ночевали на Беговой. И среди этих ребят появился еще один, – человек явно старше, самостоятельнее и мощнее других. Тогда Людмила в Ленинграде снималась в фильме «713 просит посадку», она прилетала и улетала, и Володя заходил за ней. Когда съемки закончились и они вернулись в Москву – Володя уже зачастил к нам. А ранней весной 1962 года они поженились...

Я не могу сказать, что именно с этого вот момента я помню Высоцкого, такого не было. Но осталось впечатление человеческой мощи, человеческой энергии... И эта энергия всегда его окружала – это абсолютный факт...

– Вы помните свадьбу?

– Со свадьбой тогда было плохо... Володя в это время еще не был разведен с Изой Жуковой, Людмила – с Игорем Дуэлем. Мы просто их поздравили, поздравили по-домашнему. Сохранилась любительская киноплёнка 1962 года. Снимали у нас на даче – Володя еще совсем молодой, Людмила ждет первого ребенка. А вот дальше идут уникальные кадры, снятые самим Высоцким, – мы видим мир его глазами. Свадьба же была в 1966 году.

– Своей квартиры у них никогда не было... Можно ли говорить о бесприютности в их жизни?

Еще с войны у нашего поколения – в современном понимании этого слова – приюта, или уюта, действительно, не было. Это с одной стороны. А с другой – он нам был и не нужен. Мы, жившие в коммуналках, знали другое – чувство коллектива... И крик «наших бьют!» объединял нас гораздо прочнее, чем теперешняя жизнь в отдельных квартирах.

Другой момент. У Володи, как он много раз сам говорил, было две мамы. Все-таки Евгения Степановна, на самом деле, была ему как мать. Так что, по крайней мере, два дома у Высоцкого были. А когда Людмила взяла его за руку, привела к нам и сказала: «Вот мой муж», – у него появился дом на Беговой. Он туда приходил к себе домой и к нему относились как к члену семьи...

А потом, когда Нина Максимовна и Володя получили двухкомнатную квартиру на улице Шверника, они довольно долго жили там. В одной комнате жила Нина Максимовна, а в другой – Володя с Людмилой и детьми. По тем временам эта квартира была неплохая, был даже встроенный кондиционер. Это был экспериментальный дом в Черемушках, во дворе был фонтан. Позже Людмила с Володей жили на Беговой с детьми, без родителей, которые переехали в Химки и в Медведки.

– Вы общались с Высоцким, может быть, в самое интересное время – время его становления, время появления первых песен. А сразу ли Вы их оценили?

– Тут очень интересная история. Мы первые песни Высоцкого, конечно, знали – тогда они ходили по Москве в очень плохих магнитофонных записях. Но первое время мы их никак не связывали с Володей.

Хотя давно уже были знакомы, давно спорили и обсуждали самые разные вещи. А когда мы услышали, что это Володины песни, то даже постеснялись его об этом спросить. И я втихаря спросил Людмилу: «Вот эти песни, неужели это Володя

* «Неизвестный Высоцкий» ч. II. Новосибирск, Сибирский фонд В. Высоцкого, 2007. Интервью с Валерием Абрамовым – братом Людмилы Абрамовой – жены В.С. Высоцкого.

поет?» – «Конечно, а вы что – не знали?!» Вот каким образом мы узнали, что эти песни поет Высоцкий.

Песни начала 60-х годов не были концертными, они были квартирными, камерными песнями. И манера исполнения была другая, тоже более камерная. Но и при этой манере громкость была такой, что стекла дрожали.

И еще одна очень интересная деталь – Володя тогда ничего не записывал на бумаге, все эти песни он помнил. Он мог, конечно, какой-то кусок написать в письме, какую-то строчку записать на клочке бумаги, но все свои песни тогда он знал наизусть. А в 1968 году, когда Высоцкий стал довольно много выступать с концертами, выяснилось, что некоторые свои песни он стал забывать. Тут мы напугались, что могли вспомнить, что-то «сняли» с пленок, – и в 1968 году впервые появились напечатанные тексты его песен, впервые сгруппировали песни по темам. Эта рукопись 1968 года существует, Высоцкий ее видел, список согласован с ним. Практически, это подлинник, хотя он написан и не его рукой. К этому времени было около 180 песен.

Что касается названий песен, то тут возникло два подхода. В Москве, где он чаще выступал, считали, что песни надо называть так, как Высоцкий их объявляет. Например, – «Песня о конькобежце на короткие дистанции, которого заставили бежать на длинную...», и т.д. А в Ленинграде, где достоверной информации о названиях не было – к ним доходили записи, в которых все это было вырезано (экономили пленку), стали называть песни по первой строчке. И в этом «рубрикаторе» 1963 года были сверены московские и ленинградские записи, тогда и появился первый список песен.

Концертов стало больше и материально они стали жить получше. Тогда Володя купил очень приличный по тем временам магнитофон – переносный «Грюндик». Мы его настроили, показали, как он работает, но Володя его так и не освоил, и они его очень быстро продали. Это была первая, к сожалению, не удавшаяся попытка Высоцкого самому перейти от фольклора устного к фольклору магнитофонному.

– *Расскажите, пожалуйста, как и когда проходили записи?*

– Поздняя осень или начало зимы 1964 года, точнее никто не может вспомнить. Домашний концерт в Лефортове – это вторая относительно качественная и длинная запись – на ней более 50 песен записано в одну ночь. А первая подобная запись была сделана в общежитии ВГИКа примерно на год раньше. Записей к этому времени было довольно много, но все они были очень плохого качества. Пленка считалась хорошей, если можно было разобрать все слова. А эта запись сделана настолько удачно, что в какой-то мере отвечает современным требованиям. Сделана она на магнитофоне «Днепр-II» – по тем временам это был лучший отечественный магнитофон. На эту квартиру они приехали вместе с Людмилой сразу после спектакля. К этой записи Володя долго готовился, написал порядок исполнения песен – это было у них на шпаргалке. И магнитофон, и гитара принадлежали хозяину квартиры. Гитара до сих пор цела, гитара многострадальная, потому что хозяин ее – турист. Она побывала во многих походах, а однажды я брал ее с собой в заполярную экспедицию. Комната была маленькая, а народу нас набилось, наверное, человек 10 или даже больше. С торшера сняли макушку, повесили туда микрофон. Он сел перед микрофоном, говорит: «Реагируйте». Ему обязательно надо было видеть лица людей, для которых поет. Эта пленка интересна тем, что на ней впервые появились циклы. Было несколько перерывов, пока меняли пленку, было несколько повторов – он останавливался, чтобы переписать песню. То есть, этот вечер был специально рассчитан на организацию такой записи. Сохранилась сама пленка, рассыпающаяся на глазах, – она неоднократно переписывалась, и в Москве известна под названием «хронология». Хозяйка этой квартиры Синельникова Анастасия Ивановна передала магнитофон «Днепр-II» в дар будущему музею В. Высоцкого. Она очень хороший человек, очень доброжелательно относилась ко всей нашей компании. Мы могли собираться и петь чуть ли не до утра, не давая спать ни ей, ни ее мужу. В каком-то из перерывов мы пили кофе, она говорит, что из тех чашек осталось только три. Кофеварка цела, хоть уже и не работает. Цел

и ковер, на котором мы сидели – кто-то сел на диванчик, а кому не хватило места – на ковер. Людмила подсказывала Володе по шпаргалке, что за чем должно следовать.

Делали еще несколько записей. В 1967 году записывали у нас дома, мы тогда жили в Медведкове, Эта пленка известная, она начинается с песни «В который раз лечу Москва-Одесса». В Медведкове писали еще раз в начале 1968 года, записаны были песни для «Последнего парада», но Володя попросил их стереть, так как эти песни были еще не литованные... И еще одна запись, которая была сделана в 1968 году на улице Шверника, там Людмила и Володя жили вместе с Ниной Максимовой. Причем эта запись сделана скрытым микрофоном. Володя пришел домой откуда-то очень довольный. И получилось так, что «он пришел на своей песне», то есть в это время с магнитофона звучала его песня... Мы тут же убрали звук, а магнитофон поставили на запись. На этой пленке около 16 песен, впервые записана песня «Сколько чудес за туманами кроется» – для фильма «Хозяин тайги». Этот фильм тогда только предполагалось снимать. Там же есть песня «На реке ль на озере», которая звучит в фильме. Запись не очень удачная, потому что микрофон лежал под медведем, у них был плюшевый медведь огромного роста. И когда Володя стучит ногой, ритм идет громче текста и гитары.

– *А почему вы записывали скрытым микрофоном?*

– Он не хотел: «Я после спектакля вымотанный, и не в голосе. Не надо...». Но поскольку пошли новые вещи, мы все-таки решили записать.

– *Как Высоцкий в 60-е годы работал над песнями?*

– Как он писал в последние годы, я не знаю, а вот как работал тогда, уже 20 лет тому назад, могу сказать точно. Такого творческого процесса: «взять, сесть и написать» – не было. Песня в нем все время жила, или наоборот – он жил песней. Были песни, написанные за 5 минут – ждал в очереди, ждал телефонного звонка – и в это время появлялась песня. А чтобы «пил кофе, закуривал сигару, брался за голову» – вот этого никогда не было. Песня, свидетелем рождения которой я был, – «Антисказка». Огромное количество набросков про здоровенных жлобов и про то, что кот отнес цепь куда не надо... Наброски были, но все они были разрозненные, – по 2-3 удачные строчки. А все это связала фраза «это только присказка, сказка впереди». Как только она появилась, сразу была написана «Антисказка». Это выражение он услышал во время одной из записей и унес в Медведково. Кто-то про наше пение под гитару сказал: «Это только присказка, а сказка будет впереди», имея в виду, что будет петь Володя. А он сразу же взял эту строчку и «положил» ее в нужное место.

– *А как он владел гитарой в те годы?*

– Владение гитарой было непрофессиональное. Руку на грифе он держал, как держат все любители. Его владение гитарой выражалось в двух вещах: в абсолютном слухе, гитару он строил, как хотел, подстраивал по слуху, как ему было нужно. Что еще бросалось в глаза – если какая-то струна фальшивила, он сразу тянул ее на нужное место. И второе – гитара давала в основном ритм. Ритмы его гитары очень интересные и сложные. В каком-то из выступлений он говорит, что просил композиторов-профессионалов записать его «гитарный бой», и им это удалось не сразу.

И сколько было рядом людей – столько было учителей, он всю жизнь учился играть на гитаре.

– *Предлагал ли Высоцкий свои песни профессиональным исполнителям?*

– Когда Володя понял, что он перерос уровень бытового «квартирного» романа и его песни могут волновать миллионные аудитории – как это произошло с песнями из кинофильма «Вертикаль», он многим профессионалам предлагал свои вещи, правда, далеко не все. Я знаю, что он обращался к Камбуровой и она тогда ему отказала. А он считал, что многие его песни можно петь и другим, а не только ему.

– *А его реакция на критические статьи?*

Критика была совершенно дурацкая. Первая большая статья о Высоцком поя-

вилась в «Советской России» — «О чем поет Высоцкий». Там было процитировано 5 песен, из них 4 написаны не им... Реакция тогда была очень горячей. Я даже сам бегал в редакцию: «Как так, за чужие песни ругаете живого человека?» Мне вежливо ответили, что ошибка установлена, что меры приняты, все будет хорошо. И вот до сих пор про ту публикацию газета молчит, хотя теперь она дала несколько приличных статей о Высоцком. Так что первая реакция была очень горячей, а потом такие вещи его не убивали — он продолжал работать.

— *Отношение Высоцкого к «бардам» и «менестрелям»?*

— До Высоцкого мы записывали многих, и, конечно, кумиром был Окуджава. Но Вы понимаете, в чем уникальность Высоцкого? — уникальность в единстве стихов, актерского исполнения и ритмического, мелодического рисунка... Вот такого сочетания не было ни у кого. Каждая его песня — это, прежде всего, мини-спектакль одного актера. Если открыть энциклопедию на слове лирика и внимательно прочитать... «Лирика есть исполнение авторского текста под аккомпанемент лиры». Его творчество — это лирика в высшем, первоначальном смысле этого слова. И в этом смысле ни соседей, ни соперников по жанру у него не было. Он считал, что каждый должен делать свое дело. Нравился ему Окуджава и Анчаров — он говорил об этом, но никогда себя с ними не сравнивал.

— *А как складывались Ваши личные отношения?*

— У нас были доброжелательные отношения, очень доброжелательные. Сказать, что мы встречались каждый день, будет преувеличением, но мы были молодыми, страна была на подъеме, настроение было хорошее, и каждая встреча доставляла нам удовольствие. В театр проситься мы стеснялись, при его жизни на Таганке я был всего 4 раза, «Гамлета», например, так и не видел, а после его смерти — один раз.

— *А где, в каких компаниях Вы встречались с Высоцким?*

— У нас была своя физтеховская компания, мы встречались практически каждый день. А с Володей мы виделись каждый раз, когда бывали на Беговой. Если, конечно, Володя не был на съемках. Мы тогда заканчивали институт, и все наши дипломные дела проходили у него на глазах.

Володя был невероятно любознательный человек, он как губка впитывал любую информацию. Он ничего не понимал в наших матрицах, интегралах и во всех остальных математических понятиях, но внимательно слушал и о многом спрашивал.

— *А какие слова, случаи, события, знакомые вам, Вы встречали потом в песнях Высоцкого?*

— Все, что он видел, все, что он слышал, все, что он узнавал — все это есть в его песнях. Многие вещи мы еще не уловили, не выловили — они пока существуют между строк. Например, «Песня про конькобежца...». В первом варианте было так: «пробежал всего полкруга и упал...» — звучит хорошо. Но когда Володя узнал, что самая короткая дистанция — 500 метров — это больше круга, то переделал: «пробежал всего два круга и упал...». Он очень внимательно следил за достоверностью всех деталей, которые попадали в песни.

Повторяю, что он впитывал буквально все. Обычно люди интересуются чем-то одним, а Высоцкий — буквально всем... Наша студенческая группа увлеклась подводным плаванием. И все наши разговоры об аквалангах, о погружениях, об экспедициях Володя слышал. Потом мы организовали клуб подводного плавания «Сарган» и попросили Володю написать песню. Он очень быстро написал — «Нас тянет на дно как балласты», но песня не получилась. Там все правильно — все термины, все словосочетания, все ситуации — все безукоризненно. Но чего-то человеческого не хватило, и песня практически не исполнялась. Лет через пять Володя написал новый вариант, и, в конце концов, из всего этого получилось «Упрямо я стремлюсь на дно», — трогает людей гораздо сильнее.

Повторяю, все, что есть в песнях Высоцкого — было им увидено или услышано, пропущено через себя. Если мы не нашли пока источника, то или мы плохо знаем его песни, или плохо знаем его жизнь. Помните — «Борис Буткеев (Краснодар)...»,

а дальше — «он сибиряк, настырные они...». Почему сибиряк, если из Краснодара? А в первом варианте песни «Сентиментальный боксер» было так: «противник мой — какой кошмар! проводит апперкот...» — и все было прекрасно. Но потом, на каком-то очередном таганском капустнике Володя вставил Бориса Буткеева. Буткеев был тогда рабочим сцены, а потом стал актером театра на Таганке. Так он, действительно, из Краснодара. И эта строчка, взятая прямо из жизни, так и осталась в песне.

— *Часто ли Высоцкий пел просто так — в доме, в Вашей студенческой компании?*

— Тогда он практически никогда не отказывался петь — пел и по просьбам, и по заказам, пел в самых разных ситуациях... Мне тогда очень нравилась песня «Вот так оно и есть, словно встарь, словно встарь...» Вот нравилась она мне — и все тут. Помню, я болел, а болею я очень редко, мы жили тогда на Гоголевском бульваре, и Володя пришел меня навестить. Я попросил, и он с удовольствием спел эту песню... А если отказывался, то или горло болело, или уж очень был занят. А так пел всегда.

— *А часто болело горло?*

— Тогда — нет. Горло было, как говорится, луженое. И запас жизненных сил был еще громадным...

— *А как у Людмилы складывалась профессиональная карьера?*

— Вопрос этот достаточно сложный. Она — невероятно талантливый человек, от природы ей очень много дано. Людмила прекрасно пишет стихи, Володя не отрицал, что в первых вещах есть ее влияние. Он с ней советовался, они вместе шлифовали какие-то куски. Во ВГИК она поступила легко, хотя конкурс, как всегда, был громадный. Не могу сказать, чтобы она училась без усилий, — Мастер всегда найдет ступеньку, на которую тебе нужно подняться. Тем более, что группа Михаила Ромма была очень сильной.

Но актерская карьера у Людмилы не сложилась. Она снялась в «713...», в фильме «Восточный коридор» Минской киностудии. Потом было несколько телевизионных фильмов: «Не жить мне без тебя, Юсте» и «Комната», где они снова снялись вместе с Володей. Конечно, двое детей... это не способствовало актерской карьере. Кроме того, жизнь с таким мощным лидером всегда сложна...

А потом, ведь их семейная жизнь не сложилась... Людмила очень переживала, когда они разошлись. Она говорит, что в своем третьем браке была суетлива.

— *А материальное положение — тут были сложности?*

— Нужно учитывать вот что... Актер, если он снимается в кино, то получает деньги раза два в год. Зарабатывает деньги, которые инженеру и не снились... Но бывает так, что недели через две их уже нет. Поэтому актерская жизнь, с этой точки зрения, довольно сложна.

Я не могу сказать, что денег у них вообще не было. Родители и те, и другие были, в общем, обеспечены и помогали в таком размере, что особых проблем не было. И в первую очередь, чтобы не было проблем у детей, чтобы у детей было все необходимое... Так что нельзя сказать, чтобы они бедствовали.

И то, что Марина Влади подчеркивает в каждом интервью: «подошел плохо одетый молодой человек» — это полуправда. В 60-е годы многие имели по одному костюму — и все считали это нормальным.

А с середины 60-х годов, когда Володя стал регулярно сниматься, стал чаще давать концерты, — их материальное положение резко улучшилось, они отремонтировали квартиру, на заказ сделали мебель, она цела и сейчас.

— *Среди коллекционеров получил распространение текст, который называется «Кольцо». Он действительно написан со слов Людмилы Абрамовой?*

— Автор несколько раз встречался с Людмилой в 1981 году. И какие-то ее слова переданы совершенно точно, но очень много придумано, искажены некоторые факты. А главная беда заключается в том, что этот текст распространялся без согласия Людмилы и без согласия автора.

Москва, 1987 г.

ОТ ЛЕРМОНТА ДО ЛЕРМОНТОВА И ПОНЫНЕ

После Великой Отечественной войны в Пятигорске поселился со своей семьей Владимир Михайлович Лермонтов. Принадлежность его к такой знаменитой, старинной и известной фамилии всегда привлекала к нему особое внимание. Но дело все-таки не только в магии этой фамилии. Личность самого Владимира Михайловича, его заслуги перед Родиной, незаурядный талант на военном поприще вызывали всегда к нему интерес и уважение. Он прослужил более 40 лет в армии, был участником трех войн: первой мировой, гражданской и Великой Отечественной. Прожил 80 лет и умер в 1954 году в Пятигорске. Похоронили его в нескольких метрах от места первоначального погребения М.Ю. Лермонтова. В прожитые им 80 лет вошло столько, что хватило бы другим на несколько жизней.

В Пятигорске полковник В.М. Лермонтов за заслуги перед Родиной получил персональную пенсию, и как родственнику великого поэта ему местные власти предоставили небольшой домик в Новопятигорске. Жил со своей семьей скромно, не кичился родством с М.Ю. Лермонтовым, но родословной всегда интересовался и в особую тетрадь вносил все, что ему удалось найти в архивах, в родословных книгах и других печатных источниках. Благодаря этому в семейном архиве собралось много интересных документов, фактов из его жизни и родословной Лермонтовых. В 1947 году в ноябрьском номере «Пятигорской правды» сообщалось: «У потомка великого поэта хранятся ценнейшие документы, в том числе родословная рода и герб Лермонтовых». Все это он потом отправил в Пензенскую область, в музей-усадьбу «Тарханы» (ныне музей-заповедник «Тарханы»).

В Пятигорске живет сын Владимира Михайловича подполковник в отставке Юрий Владимирович Лермонтов. По нашей просьбе он и познакомил нас с документами, собранными его отцом. Владимир Михайлович из семьи военнослужащих. Родился в 1874 году в с. Снетовка Каменец-Подольской губернии. Окончил в Киеве кадетский корпус, а в 1912 году – высшую офицерскую Кавалерийскую школу в Петербурге с отличием, с занесением на мраморную доску. Начальником этой школы одно время был герой русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и первой мировой А.А. Брусилов. В этой же школе учился и будущий генерал-лейтенант А.А. Игнатьев, автор известной книги «Пятьдесят лет в строю». Он хорошо знал Владимира Михайловича Лермонтова. Служить Владимир Михайлович начал рано, с 17 лет поступил волонтером в 12-й Ахтырский гусарский полк, с племянником А.С. Пушкина Александром Львовичем Пушкиным. Профессионально занимался конным спортом и участвовал в скачках, посвященных 300-летию рода Романовых. Особенно дорожил почетным Сухомлиновским призом, полученным в Киеве за победу в джентльменских скачках – большой серебряной позолоченной вазой с драгоценными камнями. В документах приводится интересный факт. В 1903 году Владимир Михайлович был удостоен внимания самого Николая II.

Завоевав на Всероссийских скачках призовое место, он из рук императора получил братину (сосуд для питья) с вином и 5 тыс. золотых рублей. Возможно, что именно своими спортивными успехами, он завоевал сердце своей первой жены –

красавицы Александры Александровны, урожденной Потоцкой.

На войну 1914 года Владимир Михайлович ушел в чине ротмистра. В старых «Ведомостях» от 29 августа 1914 года опубликовано сообщение о том, что произведен в подполковники и награжден орденом Св. Анны II степени с мечами. Оказалось, что ротмистр лично повел эскадрон в атаку и обратил противника в бегство. Позже следует другое сообщение – о производстве офицера Лермонтова Владимира Михайловича в полковники. За отвагу, бесстрашие, бережное отношение к солдатам его любили и уважали. В.М. Лермонтов часто с гордостью вспоминал об участии в Брусиловском прорыве и о личном знакомстве с генералом А.А. Брусиловым, который похвалил его за мужество и хорошую выучку гусар. За отвагу в боевых действиях он был награжден почетным Георгиевским оружием. Трижды был ранен и контужен.

Фамилия В.М. Лермонтова была хорошо знакома и в Кавалерийской школе, и в полку, где он служил. Родство с М.Ю.Лермонтовым всегда было предметом гордости в семье. Они никогда не роняли чести знаменитой фамилии. В российском роду Лермонтовых несколько линий: Колотилевская, от которой произошел В.М. Лермонтов; Измайловская, от которой тянется род М.Ю. Лермонтова; Острожниковская, Кузнецовская линии и др. Они названы по имени деревень, где вначале поселились обрусевшие Лермонты. Они были выходцами из заморских земель, что тогда в России считалось хорошим тоном и в случае с Лермонтами, выходцами из Шотландии, было исторической реальностью. Вот о чем говорят документы по книге В.Н. Сторожева (1873 г.) «Родоначальник русской ветви Лермонтовых»: «1613 год. Летом этого года стольники – князь Дмитрий Черкасский и Михаил Бутурлин – отправлены были промышлять над черкесами и литовскими людьми; воеводы заняли Вязьму и Дорогобуж, подступили 9 августа под Белую и взяли 5 сентября, выдержав сильную вылазку, «бельских сидельцев» (тех, кто были в Белой, т.е. осажденных).

Среди этих «сидельцев» было не менее 60-ти человек английских выходцев, шотландских и ирландских, состоявших на польской службе: они вышли из Белой «на государево имя» и таким образом очутились в рядах московских войск, которые московское правительство с большой охотой пополняло иноземцами. Среди них было несколько Георгов. Один из них и есть родоначальник русских Лермонтовых – Георг Лермонт. Сохранилась челобитная поручика Георга Лермонта «с товарищами», в которой он исчисляет их службы, не щадя головы и крови, в интересах московского царя Михаила Федоровича Романова. В ней заключалась просьба «поверстать» их поместными и денежными окладами. Это значит, что из кормовых иноземцев, т.е. временно – наемных солдат московской армии, они желали превратиться в московских служилых людей – дворян, привязанных к государству землей, «а по земле – службою».

Челобитная была уважена, и Георг Лермонт получил землю возле города Галича, под Костромой. Поместье состояло из 9 маленьких, вроде хутора, деревень. Георг Лермонт погиб под Смоленском в 1634 году, оставив трех сыновей: Вильяма, Андрея и Петра. Следы Вильяма и Андрея теряются во тьме веков, а у Петра было два сына: Юрий (Евтихий) и Петр. Их отец перешел в православную веру, и это упрочило положение внуков Лермонта, они закончили свою службу «столичничеством».

В тетрадке, в которую Владимир Михайлович записывал свою родословную, мы нашли продолжение записей о происхождении рода пятигорских Лермонтовых. Рукой Владимира Михайловича написано: «Происхожу я из рода Лермонтовых. У моего прапрадеда Юрия (Евтихия) Петровича Лермонтова рождения 1688 года было три сына: старший Матвей Юрьевич, по линии которого происхожу я; второй сын Петр Юрьевич, по линии которого произошел Михаил Юрьевич; и третий сын, Яков Юрьевич, который был бездетен».

Прадед Владимира Михайловича Лермонтова – Матвей Юрьевич родился в 1755 году (состоял в браке с Юшковой Дарьей Ильиничной, родной теткой Льва Николаевича Толстого), служил в Черноморских и Балтийских флотах, будучи капитаном II ранга, сделал 10 кампаний. Участвовал в морских сражениях со шведами,

в Отечественной войне 1812 года, командовал Эрзерум-Солиградской эскадрой. Был награжден многими орденами и медалью «За Отечественную войну 1812 года». Владимиру Михайловичу было дано право на ношение этой медали.

Далее в автобиографии В.М. Лермонтов писал: «От Матвея Юрьевича произошел мой дед, Владимир Матвеевич Лермонтов, который служил в Кирасирском полку (полк стоял на границе Меджибожа, ныне Хмельницкая область на Украине). Как и многие из рода Лермонтовых, Владимир Матвеевич увлекался живописью и неплохо писал кистью. В зале польского замка, где стоял полк, он на большой стене написал картину «Кирасирский эскадрон в парадной форме на вороных лошадях». От Владимира Матвеевича произошел мой отец – Михаил Владимирович, служивший в сумских гусарах, после турецкой войны он вышел в отставку. От Михаила Владимировича произошел я, Владимир Михайлович Лермонтов»...

В те годы, когда Владимир Михайлович составлял свою родословную, доступ к архивам был не совсем простым, поэтому ему приходилось сталкиваться с различного рода препятствиями. Впервые родословная рода Лермонтовых появилась в 1981 году в Лермонтовской энциклопедии под редакцией В.А. Мануйлова. Родословная Лермонтова разработана С.А. Панфиловой на основе материалов А.А. Григорова и ее собственных исследований. Владимир Михайлович Лермонтов является представителем 9-го поколения по Колотилевской линии, а в первом поколении, как и у Михаила Юрьевича, их предком и основателем русского рода Лермонтовых является Георг Лермонт. В настоящее время ассоциация «Лермонтовское наследие» работает над подготовкой к печати поколенной росписи рода Лермонтовых.

В жизни В.М. Лермонтова было много трудных и тяжелых периодов, но тогда «на заре туманной юности», казалось, ничего не должно было произойти трагического. Подрастали дети, а их было пятеро – три сына: Михаил, Владимир, Борис и две дочери – Алла и Татьяна. Сыновья учились в столице, обе дочери – в Смольном институте. Владимир Михайлович Лермонтов присутствовал на знаменательном событии – закладке памятника М.Ю. Лермонтову в Петербурге в 1913 году (к 100-летию со дня рождения поэта). Позже он вспоминал: «К часу дня стали съезжаться депутаты: первыми явились офицеры лейб-гвардии Гусарского полка, в котором служил поэт, затем депутация 77-го пехотного Тенгинского полка, гости от Академии наук и другие». Он живо помнил, как в белом зале Николаевского Кавалерийского училища выступали ученые, военнослужащие, депутаты, а потом неожиданно на кафедре появился Семенов-Тянь-Шанский. «Опираясь на костыль, поддерживаемый секретарем Географического общества Достоевским, он заговорил тихим, но ясным старческим голосом: «Я взошел на эту кафедру, как вице-президент Географического общества, потому, что Лермонтов был певцом природы, он был поэт-географ. Я вошел в эти стены как бывший питомец школы. Но я главным образом здесь еще потому, что я единственный из присутствующих знавший и видевший Лермонтова. Десятилетним мальчиком дядя возил меня в дом умирающего Пушкина и там я видел великого поэта М.Ю. Лермонтова». Его речь произвела большое впечатление. Ко дню открытия памятника Лермонтову работы Б.М. Микешина в 1915 году Семенова-Тянь-Шанского не стало.

У Владимира Михайловича Лермонтова был младший брат Александр, блестящий офицер, спортсмен. Оба они участвовали во всех царских скачках. Зрители были уверены – непременно кто-то из Лермонтовых выиграет. В семье Александра Михайловича тоже хранилось множество призов и наград. Его сын Михаил Александрович, приехавший из США, рассказывал, что в их доме хранилось множество призов. Один из них – золотая подкова, её император самолично вручил отцу за победу на скачках. Но вот в гражданскую войну пропало почти все, что было связано с именем знаменитого предка: печать Михаила Юрьевича, переписка его с различными людьми, фотографии. А еще Михаил Александрович помнил, что картина М.Ю. Лермонтова «Крестовая гора» хранилась до 1917 года в их семье.

В 1992 году в Пятигорск приехали представители ассоциации «Лермонтовское наследие», объединившей всех ныне здравствующих в России и за рубежом представителей Лермонтовского рода. Их было более 50 человек. Тепло и радостно встречали гостей в музее-заповеднике М.Ю. Лермонтова. Показали им

город, Лермонтовские места, устроили в их честь бал в Академической галерее, провели службу в Лазаревском храме, посетили место первоначального погребения поэта, могилу В.М. Лермонтова и, конечно, организовали экскурсию по музею-заповеднику.

Эту экскурсию посчастливилось провести мне. Хорошо запомнились их одухотворенные лица и слезы на глазах Михаила Александровича Лермонтова, когда гость увидел картину М.Ю. Лермонтова «Крестовая гора». Он добавил интересные сведения о ее истории. Уезжая из России навсегда, они отдали картину на хранение другу семьи – генералу К.Г. Маннергейму, проживавшему в Финляндии. Именно в Финляндии Серж Лифарь приобрел эту ценную реликвию, а потом подарил Главному архивному управлению СССР. Из Москвы картину передали в Пятигорск, в музей-заповедник М.Ю. Лермонтова. «Теперь я спокоен, – сказал Михаил Александрович, – картина находится в нужном и надежном месте». Среди гостей находилась и младшая дочь Владимира Михайловича Лермонтова по первому браку с А.А. Потоцкой – Татьяна Владимировна. Ей уже было 86 лет, но, несмотря на преклонный возраст, она стала активной участницей всех встреч, вечеров, экскурсий. Вместе с сотрудниками музея «Домик Лермонтова» гости поехали на Терский конезавод, что у горы Змейка. На манеж вывели чистокровных арабских скакунов. Затаив дыхание, все любовались ими и слушали вдохновенный рассказ Владимира Страхова об этих красавцах. Вдруг Татьяна Владимировна обратилась к нему с просьбой показать дом, в котором были управление завода и квартира управляющего, в которой они жили. Дом сохранился – кирпичной кладки с двумя большими верандами, с лестницей, ведущей на второй этаж. С трудом, опираясь на палку, Татьяна Владимировна с помощью сына поднялась вверх, глаза ее горели, воспоминания о прошлом нахлынули лавиной. Она сказала: «Господи, чудо-то какое! Семьдесят лет назад я девочкой спускалась по этой лестнице, уехала отсюда и никогда здесь больше не была». На этой встрече в беседе с Михаилом Александровичем, который живет в Лейквуде США, и в беседе с Татьяной Владимировной, ее сестрой Ириной Владимировной и братом Юрием Владимировичем и другими Лермонтовыми стало известно о том, что произошло в их семье после Октябрьской революции. Пути Господни неисповедимы. Могли ли предположить Владимир и Александр Лермонтовы, что их дружная семья распадется в 1918 году. Братья оказались по разные стороны баррикад. Отступая под натиском Красной Армии, командир эскадрона Александр Лермонтов ушел морем из Феодосии в Стамбул, а Владимир Михайлович, находясь в лазарете, больной тифом, думал о судьбе Родины, о себе, о своей семье. Вероятно, решение пришло не сразу, но для него оказалось важным решение А.А. Брусилова служить в новой армии. Авторитет этого генерала был очень высок.

Документы, которые хранятся в семье сына Владимира Михайловича, Юрия Владимировича Лермонтова, скупно и беспристрастно повествуют о его службе на новом месте: «РСФСР. Московская окружная комиссия по военным делам».

«27 июля 1918 г. Москва. Удостоверение. Дано сие Председателю Ремонтной на право въезда в Елатомский уезд Тамбовской губернии для получения служебных документов Ремонтной комиссии»...

«1919 год. Управление Главного Штаба по Ремонтированию Армии направляет Владимира Михайловича Лермонтова, как Представителя особой Второй комиссии для покупки лошадей в г. Симбирск...».

«1920 год. Лермонтов В.М. Начальник Управления по Ремонтированию конским составом Кавказского фронта»...

Со слов Татьяны Владимировны известно, что когда ЧК арестовали отца, экспроприировали дом, лошадей, вещи, спортивные призы и посадили Владимира Михайловича, то вырвался он чудом, благодаря дружеским отношениям с С.М. Буденным.

В течение многих лет Владимир Михайлович служил под командованием маршалов К.Е. Ворошилова и С.М. Буденного. Послужной список характеризует его как человека – патриота, профессионала, много сделавшего на благо Отчизны. Назначенный в 1919 году председателем Особой центральной комиссии по обеспечению восточного фронта лошадьми, он все распоряжения получал лично

от С.С. Каменева и М.В. Фрунзе. В его автобиографии сказано: «В июле 1920 года Всероссийским Главным Штабом за хорошую работу я был назначен начальником Управления Ремонтирования конским составом Кавказского фронта в Ростов-на-Дону, где организовал 26 ремонтных комиссий на Северном Кавказе и в Закавказье и поставил для Кавказского и Крымского фронтов 28 тыс. лошадей».

После окончания гражданской войны бывший полковник русской армии возглавил все конезаводы Северного Кавказа. Наступили тяжелые 30-е годы прошлого столетия, годы репрессий и расстрелов. Увы, сия чаша его не миновала. В стране был голод, разруха. На одном из конезаводов начался падеж лошадей, и по чьему-то доносу В.М. Лермонтова в 1931 году арестовали и осудили по 58 статье. Как «врага народа» отправили на строительство Беломоро-Балтийского канала. Это были страшные годы каторги в Медвежьей Горе, в Карелии, но самое главное, – ему удалось выжить. Вскоре посадили старшего сына Михаила. Сначала сидел в Ярославле, а потом там же, где и отец, в Медвежьей Горе. А еще раньше, в 1918 году был убит сын Борис.

Ирина Владимировна Лермонтова – дочь Владимира Михайловича от второго брака с Марией Владимировной (урожденной фон дер Лауниц по отцу и Трубецкой по роду матери) с братом Юрой приезжали к отцу в Карелию, чтобы быть рядом. В 1936 году Владимиру Михайловичу убавили срок, а вскоре он был освобожден и оставлен на поселении с разрешением работать по вольному найму.

Наступил 1941 год. На страну обрушилась Великая Отечественная война. В.М. Лермонтову уже 67 лет, но как специалиста военного дела его направляют в Оборонстрой начальником гужевого транспорта. Это была третья война на его счету. В феврале 1942 года Владимира Михайловича постиг страшный удар. Он получил извещение о гибели старшего сына Михаила. «Ваш сын Михаил Владимирович Лермонтов в бою за Социалистическую Родину, проявив героизм и мужество, был сожжен бандой фашистов при нападении 12 февраля 1942 года»... Этот удар он перенес особенно тяжело. Судьбы детей оказались тяжелыми. Дочь Аллу угнали в Германию. Работали там как рабы. Аллу спасло знание иностранных языков, полученное в Смольном институте. Потом ей удалось из Германии уехать в Англию. А Татьяна Владимировна оказалась в блокадном Ленинграде. С трудом ей удалось эвакуироваться в Уфу.

Никого не оставил равнодушным тот факт, что Лермонтовы, оставшиеся в блокадном Ленинграде, одними из первых пожертвовали свои фамильные драгоценности на оборону великого города. Вместе со всеми рыли окопы, противотанковые рвы; выступали по радио со стихами, звавшими к мужеству.

Младшая дочь Владимира Михайловича прожила долгую (95 лет) и тяжелую жизнь. Она была последней из выпускниц Смольного института. Ее семья – сын, внуки, правнуки – живут в Петербурге. По стопам отца пошел младший сын Юрий Владимирович, подполковник в отставке. Внук Владимира Михайловича Михаил Юрьевич Лермонтов, полный тезка поэта, живет с семьей в Москве, является президентом ассоциации «Лермонтовское наследие». Оно было основано в 1991 году и объединило вокруг имени поэта М.Ю. Лермонтова около 200 потомков древнего рода не только Лермонтовых, но и Лермонтов. Они живут в разных странах мира: в России, Великобритании, Бразилии, США, Франции, Швейцарии, Монако, Югославии, Австралии, Люксембурге. Многие лермонтовские семьи сохранили документы об их родословной, что позволило уточнить и значительно расширить родословную древнейшей фамилии. Полковник В.М. Лермонтов прослужил на благо Родины 41 год.

Последние годы жизни В.М. Лермонтов прожил в Пятигорске с семьей от второго брака. Дети – Юрий Владимирович живёт в Пятигорске, Ирина Владимировна – в Ставрополе. Живя в Пятигорске, Владимир Михайлович не раз бывал в музее «Домик Лермонтова». Был знаком с одним из его директоров – Е.И.Яковкиной, присутствовал на открытии литературного отдела в доме Верзилиных, где произошла ссора М.Ю. Лермонтова с Мартыновым; выступал в Лермонтовской галерее в 1948 году на встрече курортников со знатными людьми, отдыхающими в здравницах Пятигорска; его приглашали на многие мероприятия, проводимые в Лермонтовском

музее и в городе.

Судьба Владимира Михайловича Лермонтова и его семьи – это судьба целого поколения многих Лермонтовых, многих наших соотечественников. Поэтому ассоциация «Лермонтовское наследие» поставила перед собой задачу: возрождение российских усадеб как памятников отечественной культуры и истории. Среди усадеб, связанных с именем М.Ю. Лермонтова, многие находятся в разрушенном состоянии (Острожниково, Колотилово, Никольское, Понизье, Селище – в Костромской области, Каргашино, в Рязанской, Дерябиха – в Пензенской). В большей степени сохранились сегодня Середниково под Москвой и Нероново под Костромой. Их восстановление вошло в программу Министерства культуры России «Наследие» и общероссийскую программу «Возрождение российских усадеб». Объединенные в международную ассоциацию, Лермонтовы и Лермонты активно участвуют в них, а также в программе ЮНЕСКО «Диалог соотечественников».

Лучшие традиции семьи Лермонтовых продолжают их дети, внуки, правнуки. Славные дела предков отражаются в потомках. Потомки Владимира Михайловича несут в своих сердцах любовь и преданность идеалам Отчизны.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Семейный архив В.М. Лермонтова. Хранится у сына Ю.В. Лермонтова.
Загоруйко В.И. Лермонтовы. СПб, 1998 г.
Потомок М.Ю. Лермонтова будет жить в Пятигорске, «Пятигорская правда», 1947, № 127, 4 июля.
Дом Верзилиных посетил В.М. Лермонтов. «Ставропольская правда», 1948, 12 ноября.
Персональный пенсионер В. Лермонтов «Пятигорская правда», 1948, № 130, 4 июля.
Лермонтовские дни. «Известия», 1949, № 245, 16 октября.
Степанов Б. У потомков Лермонтова. «Ставропольская правда», 1949, № 108, 4 июня.
Соболев А. В музее «Домик Лермонтова» «Пятигорская правда», 1952, № 153, 2 августа.
Из рода Лермонтовых. «Ставропольская правда», 1974, 15 октября.
Тарханы сегодня. «Литературная Россия», 1964, № 31, 27 июля.
Иванов С., Каверук К. Лермонтов из города Лейквуда. «Известия», № 202, 1992, 21 июля.
Дамианиди М.Ф. Потомок из рода Лермонтовых. «Кавказская здравница», 1998, 13 февраля.
Островская Н.С. Потомки поэта. «Кавказский край», № 43, 1992, 19-25 октября.

«ИМ БОГ СВОБОДА, ИХ ЗАКОН – ВОЙНА...»

В молодые годы декабрист Александр Иванович Якубович несколько лет прослужил офицером на Кавказе и приобрел себе репутацию отчаянного храбреца. Когда в 1825 году в петербургской «Северной пчеле» под инициалами «А. Я.» была опубликована его статья «Отрывки о Кавказе. Из походных записок», то догадку о полном подлинном имени автора первым высказал Пушкин. Находясь у себя в Михайловском, он обратился с письмом к Александру Бестужеву, близкому приятелю Якубовича, прекрасно к тому же осведомленному в столичных литературных делах. «Кстати: кто написал о горцах в «Пчеле»? вот поэзия! Не Якубович ли, герой моего воображения? – спрашивал поэт. – Когда я вру с женщинами, я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе... Жаль, что я с ним не встретился в Кабарде – поэма моя была бы лучше».

После декабрьского мятежа Якубович попал в сибирские рудники. Бестужеву удалось вымолить монаршее снисхождение: из якутской ссылки его перевели рядовым на Кавказ. На каторге Якубович с увлечением перечитывал кавказские повести Бестужева (опубликованные под псевдонимом Марлинский) и просил его передать привет своим старым знакомцам. «Якубович благодарит тебя за поклон и приписку, – сообщал из Сибири Бестужеву брат Николай, – велит сказать, что ему снится и видится Кавказ...» Особенно сильным оказалось впечатление от повести «Мулла-Нур», восхищенный Якубович даже составил для Бестужева перечень различных примечательных событий кавказской жизни, известных ему по прежней службе, полагая, очевидно, что какая-либо из этих драматических историй послужит знаменитому писателю материалом для будущих творений. Среди прочего имеется в письме и такая заметка: «...братоубийство князя Росламбека Мисостова; адъютант Потемкина, человек образованный, – злодей, убийца; ступив на родную землю: грызение совести и раздел крови между убийцами, – вот канва для целого романа»¹. Здесь Якубович проявил тонкое литературное чутье, справедливо находя, что этот темный кровавый эпизод недавнего кавказского прошлого перо беллетриста способно развернуть в увлекательный роман. Он, разумеется, не мог и представить тогда, что произведение на этот сюжет уже написано, правда, не в прозе, а в стихах. Речь идет об одной из ранних кавказских поэм Лермонтова.

Поэма или, как сам автор определил ее жанр, восточная повесть «Измаил-Бей» – самое крупное стихотворное произведение Лермонтова, превосходящее по объему «Демона» и «Мцыри» вместе взятых. Главные герои – братья Измаил и Росламбек, черкесские князья – имеют реальных прототипов, а изображенные события – историческую подоплеку. Что касается картин природы, описания быта горцев, их вооружения, обычаев и тому подобного, тут можно использовать формулу Пушкина по отношению к его же «Пленнику» – «местные краски верны».

Автор предваряет свой рассказ замечанием, что историю борьбы и смерти Измаила ему поведал на Кавказе, где-то в горах «под камнем Росламбека», какой-то старик-чеченец:

*Темны преданья их. Старик чеченец,
Хребтов Кавказа бедный уроженец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть рассказал.
Хвалил людей минувшего он века,
Водил меня под камень Росламбека,
Повисший над извилистым путем,
Как будто бы удержанный Аллоу
На воздухе в падении своем,
Он весь оброс зеленою травой...*

Если допустить, что подобный факт, то есть рассказ старика-чеченца, имел место в действительности, то совершить путешествие «чрез горы» юный поэт мог только на Кавказских водах, где когда-то и располагалось, вблизи Бештау, селение князя Мисостова. На отрогах горы и по сей день можно обнаружить не один камень фантастических размеров и очертаний, но какой из них связан с именем Росламбека, теперь можно только гадать. Темны преданья их...

Действие начинает развиваться в районе Пятигорья, куда из России возвращается Измаил. О нем становится известно, что был «отцом в Россию послан Измаил», что «четыре-надесяти лет оставил он края, где был воспитан и рожден» и еще то, что «служил в российском войске Измаил». Путника поражает пустынный вид края, где еще недавно в цветущих мирных аулах жили «черкесы». Причиной происшедшей перемены явилось нашествие опасного врага:

*Но что могло заставить их
Покинуть прах отцов своих
И добровольное изгнание
Искать среди пустынь чужих?
Гнев Магомета? Прорицанье?
О нет! Примчалась как-то весть,
Что к ним подходит враг опасный,
Неумолимый и ужасный,
Что все громам его подвластно,
Что сил его нельзя и счесть.
Черкес удалый в битве правой
Умеет умереть со славой,
И у жены его молодой
Спаситель есть – кинжал двойной;
И страх насильства и могилы
Не мог бы из родных степей
Их удалить: – позор цепей
Несли к ним вражеские силы!*

Скрывшись от русских в Аргунском ущелье, горцы, возглавляемые князем Росламбеком, наносят оттуда мстительные удары:

*...Черкес готовил дерзостный набег,
Союзники сбирались потаенно,
И умный князь, лукавый Росламбек,
Склонялся перед русскими смиренно,
А между тем с отважною толпой
Станицы разорял во тьме ночной...*

Измаил появляется среди соплеменников в канун решительного выступления и, став их предводителем, вызывает зависть Росламбека. В повествование вляется линия Зары, полюбившей Измаила. Переодевшись в мужское платье, она под именем юноши Селима повсюду сопровождает князя. Однажды ночью у костра

¹Азадовский М.К. О литературной деятельности А.И. Якубовича // Литературное наследство. Т. 60 Кн. 1. – М., 1956. С. 278

Измаила ищет спасения русский офицер, его бывший соперник в любви к русской девушке; впоследствии в сражении на Оссаевском поле между ними происходит поединок: выстрелив из пистолета, офицер дает промах, а Измаил наносит ему смертельный удар шашки. Война длится два года; русские теснят горцев:

*Горят аулы; нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты,
И зарево, как вечный метеор,
Играя в облаках, пугает взор...*

*Смерть Измаила. Иллюстрация к поэме
М.Ю. Лермонтова «Измаил-Бей».
Гравюра XIX века*

В финале поэмы предательскую пулю в грудь Измаилу посылает Росламбек – «Жестокий брат, завистник вероломный!». Черкесы, пытаясь обмыть смертельную рану, обнаружили на груди князя крест и, приняв своего вожак за отступника

мусульманской веры, осыпают его бранью:

*Гремучий ключ катился невдали.
К его струям черкесы принесли
Кровавый труп; растегнут их рукою
Чекмень, пробитый пулей роковою;
И грудь обмыть они уже хотят...
Но почему их омрачился взгляд?
Чего они так явно ужаснулись?
Зачем, вскочив, так хладно отвернулись?
Зачем? – какой-то локон золотой
(Конечно, талисман земли чужой),
Под грубою одеждою измятой,
И белый крест на ленте полосатой
Блестали на груди у мертвеца!..
« – И кто бы отгадал? – Джюур проклятой!
Нет, ты не стоил лучшего конца;
Нет, мусульманин верный – Измаилу
Отступнику не выроет могилу!..»*

Поэма Лермонтова, разумеется, не хроника исторических событий и его Измаил не во всем похож на своего прототипа. Но выбор поэта здесь не случаен: романтические мотивы его ранних произведений требовали ярких образов и необычных обстоятельств. Незаурядная личность и причудливая судьба реального Измаила, стоявшего в центре многих важных событий на Пятигорье и в Кабарде, как нельзя лучше подходили для этой цели.

Князь Измаил Атажуков (иногда встречается написание Атажукин, в кабардинском звучании – пши Исмель Хатакшоко) происходит из знатного кабардинского рода. Год рождения Измаила неизвестен, предположения же биографов весьма расходятся в определении этой даты: называют и 1750 и 1771 год. В юности он был послан отцом в Россию, хотя последний никакими симпатиями к северным соседям никогда не отличался. Измаил, как полагают, был просто выдан русским в качестве аманата (то есть заложника), что являлось обычной практикой тех лет. Такими же аманатами были, например, и двоюродные братья Измаила – Темирбулат и Росламбек Мисостовы. В России Измаил получил светское и военное образование, служил в Бугском казачьем полку и за отличия при штурме Очакова удостоился чина подполковника. В качестве одного из «депутатов и посланников народов кавказских» состоял в свите Г.А. Потемкина, который лично ходатайствовал о нем перед Екатериной II: «Исмаил бей, из лутчей фамилии кабардинской, подполковник в службе Вашего Императорского Величества, ревностно и храбро служивший под Очаковым и штурме оного, желает оказать себя противу шведов, и его отправляя, всеподданнейше прошу о награждении его убранныю камнями медалью»¹. За храбрость, проявленную при взятии Измаила, князь по представлению А.В. Суворова был награжден орденом святого Георгия 4-й степени, и его имя впоследствии было вырезано на одной из мраморных досок в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца.

Когда в 1794 году Атажуков вернулся в Кабарду, там сложилась напряженная обстановка: притеснения со стороны русских военных властей вызывали протесты населения. Управляющий Кавказской областью И.В. Гудович считал за лучшее выслать отсюда в Екатеринославскую губернию Измаила и еще двух офицеров-кабардинцев, в том числе и его родного брата майора Адильгирея Атажукова. Адильгирей бежал из ссылки в Крым и, вернувшись оттуда в Кабарду, возглавил борьбу против русских. Измаил же предпочел обратиться с прошением к Павлу I, ответный рескрипт которого ничего в судьбе князя не изменил. И только с воцаре-

¹ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. – М.: Издательство восточной литературы, 1961. С. 131.

нием Александра I с Атажукова сняли опалу: он был произведен в полковники и получил разрешение вернуться на родину. Предполагалось и назначение Измаила командиром Кабардинского гвардейского эскадрона. Некоторые сведения об этом сообщает в первом томе «Кавказской войны» В.А. Потто: «Князь Цицианов также писал Александру о пользе содержать в Петербурге лейб-гвардии конный кавказский эскадрон и даже предлагал в командиры его полковника Измаил-бея, отлично знавшего русский язык, но дело не было приведено в исполнение, сколько из-за финансовых соображений, столько же, если не более, от неумения внушить кабардинцам доверие к этому новому для них делу»¹.

Измаил предпочел вернуться на родину. Известно, что он несколько раз обращался к властям по поводу кавказских дел. В 1804 году Атажуковым была составлена «Записка о беспорядках на Кавказской линии и о способах прекратить оные», в которой утверждалось, что «...усмирить силою сих горских жителей никогда возможности не будет». Измаил же предлагал путь «добровольного покорения»: Россия должна была сначала привлечь на свою сторону кабардинский народ в качестве благого примера остальным. Одной из первоочередных мер он называл при этом возвращение кабардинцам земель, отрезанных у них с устройством Кавказской линии. Однако командующий на Кавказе генерал П.Д. Цицианов отозвался, что это предложение «превышает меру дерзости», а об авторе его высказался в том смысле, что «Измаил-бей, который, живя столько в С.-Петербурге и имея чин российского полковника, более для нас вреден, нежели полезен, и вообще почти можно заметить, что кто из кабардинцев побывает в России, а особливо получив какие-либо награждения, возвратится в Кабарду, то много теряет уважения от своих собратий, как и сей Измаил-бей, сколько в Кабарде ни сильна его фамилия, доселе не мог приобрести себе доверия от своих единоверцев»².

Когда осенью того же 1804 года Измаил вернулся на родину, он оказался здесь в сложной ситуации, еще более драматичной, чем герой лермонтовской поэмы. Покинув Кабарду почти двадцать лет назад, теперь он был не только чужой среди своих, но и среди чужих тоже не свой. Он чувствовал опасность со стороны враждебно настроенных к России кабардинских князей, в том числе – своего двоюродного брата Росламбека Мисостова. Известен документ – «Письмо кабардинских эфендий генерал-майору Дельпоццо», в котором мусульманское духовенство требовало выдачи Измаила для разбирательства в шариатском суде. В то же время и местные военные власти не доверяли ему до конца, хотя Атажуков официально был направлен сюда для службы на Кавказской линии. Он был даже подвергнут аресту, а его кош близ Бештау уничтожен. Один из кавказских генералов, пристав при кабардинском народе И.П. Дельпоццо характеризует его в осуждающем смысле: «Владелец полковник Измаил Атажуков служил в армии и был послан вместе с тем в Екатеринослав; после того долго жил в Петербурге; пожалован кавалером ордена святого великомученика Георгия 4-го класса и брильянтовой медалью; говорит и пишет по-русски и по-французски и имеет жалованья 3000 рублей. Получивши столь много милостей, как бы надлежало мыслить о нем? Правда, что он живет в Георгиевске, но в прочем все напротив: он жену свою держит в Кабарде, сына родного, который имеет 10 лет отроду, отдал на воспитание одному своему узденю, молодому и весьма глупому человеку. Когда едет в Кабарду, снимает с себя крест, медаль и темляк: положит в карман»³.

Черный шелковый темляк с серебряными каймой и кистью был в то время обязательной принадлежностью офицерского холодного оружия. Тем более понятно и нежелание Атажукова, находясь среди соплеменников-мусульман, носить на груди знак отличия в виде креста. Вспомним, что и лермонтовский Измаил прятал свою награду под одеждой. «Белый крест на ленте полосатой», то есть эмалевый орден на черно-оранжевой георгиевской ленте, который черкесы ошибочно принимают за символ принадлежности христианству, на самом деле есть давняя боевая награда Измаила, «Георгий 4-й степени».

В отличие от героя лермонтовской поэмы Измаил Атажуков никогда не переходил в стан противников России. Напротив, он не оставлял усилий, чтобы убедить своих соотечественников в необходимости прочного союза с северным соседом, исходя при этом вовсе не из абстрактных соображений «дружбы народов» и не из слепой преданности российскому престолу. Атажуков проявил себя как трезвый прагматик, дальновидно оценивая сложившуюся в регионе геополитическую реальность. В речи, произнесенной на народном собрании кабардинцев в мае 1805 года, он призывал их оставить междоусобные распри и «замешательства противу России»:

«Богатство, силы и могущество российского государства невероятны, оно имеет тридцать шесть миллионов жителей и, если государь захочет, почти третья часть оно могут быть воинами. Положение нашего края подле сильного государства должно обратить все наше внимание, дабы сохранить себя и пользоваться нашим имуществом в спокойствии. Поверьте мне, любезные соотечественники, что нам, не потеряв разума, нельзя и думать раздражать сих сильных соседей... Вы сами знаете, что турецкая империя, нам единоверная, в совершенной слабости и готова уступить во всем сильным соседям, христианским державам. Персия, хотя и магометанского закона, но нам противного раскола, вся в раздроблении... Откровенно вам скажу, что сия видимая опасность заставила меня, не окончивши моего ходатайства за народ кабардинский пред престолом всероссийского государя, поспешить к вам и сказать, как самовидцу, что российское правительство теряет терпение, видя народ наш уклонившимся от порядка. Я видел готовые громы упасть на главы наши. Остановитесь, несчастные народы...»¹.

Напомним также, что Измаил поспособствовал в свое время и русской науке, послужив проводником знаменитому доктору Федору Петровичу Газу. В 1810 году ученый трижды безуспешно пытался найти минеральные источники на горе Бештау и вынужден был оставить свои поиски до лучших времен. «Я решил, – пишет Гааз, – что весь огромный труд, затраченный на поиски этих вод, окажется напрасным, и отказался от розысков таинственного источника, о котором все говорят, но коего не видел никто. Приехав же сюда вторично, я поставил перед собой цель найти и исследовать его.

Когда я второй раз приехал в Константиногорск, то был приятно удивлен, узнав от черкесского князя Исмаил-Бея о том, что позади Бештау действительно существует горячий источник, в котором он купался и куда милостиво согласился меня проводить. Я, как и все те, кто будет пользоваться этими водами, в неоплатном долгу перед князем за любезность и доброжелательность, с которой он вызвал нужных проводников и организовал экспедицию к ключам, коея и состоялась на следующий день...»².

Дальнейший ход истории подтвердил правоту Измаила, Россия установила свое безраздельное владычество на Кавказе. Иное дело, что имперские амбиции военных властей, требовавших от кабардинцев безусловного послушания и подкреплявших эти требования потоками пролитой крови, а с другой стороны и «воинственный разбой», который исповедовала значительная часть горской феодальной знати, – вели к тому, что грозное зарево Кавказской войны полыхало еще несколько десятилетий, и в ее бесконечных битвах, в череде прочих русских писателей, принимал участие и сам автор «Измаил-Бея».

Двоюродный брат Измаила – князь Росламбек Мисостов также некоторое время жил в России, где содержался в качестве аманата. Сохранилось письмо командующего кавказскими войсками П.С. Потемкина (от 19 декабря 1782 года) к отцу Росламбека, извещавшее его о положении сына: «В бытность мою в Астрахани видел я вашего сына, находящегося залогом, которого, принимая в крепость св. Георгия, и буду содержать при себе, как собственному своему сыну. Между тем препровождаю к вам от него письмо. Ежели вы захотите послать к нему родительское свое благословение, сие послужит много к обрадованию его. Я могу вас удостоверить, что сын ваш в рассуждении остроты и разума обещает много, и

¹ Потто В.А. Кавказская война. – Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т. 1. С. 652.

² Туганов Р. У. Измаил-Бей. – Нальчик: Эльбрус, 1972. С. 71.

³ Косвен М.О. Указ. соч. С. 137.

¹ Косвен М.О. Указ. соч. С. 140–141.

² Доктор Гааз. – Ставрополь: Книжное издательство, 1989. С. 51–52.

что из него может быть весьма полезный человек...»¹.

Подобно Исмаилу Росламу состоял и среди горских «депутатов» при светлейшем князе Г.А. Потемкине-Таврическом и дослужился до чина полковника. Однако дальнейшие его действия показали, что он вполне оправдывает эпитеты, которые сопровождают имя Рослама в лермонтовской поэме: лукавый, злобный, жестокий, вероломный.

Интересный эпизод, вполне характеризующий Рослама, находим в новооткрытых мемуарах графа А.Х. Бенкендорфа. Этот хорошо всем известный николаевский шеф жандармов молодым офицером участвовал в экспедиции генерала Е.М. Спренгпортена, посланной Александром I для военно-стратегического осмотра России. В 1803 году экспедиция побывала на Кавказе:

«Мы направились вдоль пограничной кавказской линии и остановились в Георгиевске, главном городе Кавказской губернии. Вся эта пограничная линия защищает наши южные губернии от беспокойных и разбойных жителей Кавказских гор. Впечатляет вид этой знаменитой горной цепи, предела побед Александра Македонского и границы рабства, которое Рим навязывал народам; сколько армий нашли на Кавказе свою гибель, сколько народов вышло оттуда для того, чтобы опустошать земли, внушать уважение и вызывать удивление! Посреди этой, покрытой вечными снегами, громадной горной цепи возвышается отовсюду видимый еще более величественный Эльбрус...

Проехали в Константиногорск, маленькую крепость у подножия пяти гор, именуемых Бештау, примерно в 20 верстах от Георгиевска. Здесь находятся сернистые горячие воды, которые привлекают сюда великое множество самых разных больных. Мы оставили генерала и его супругу согреть их любовь в сере, а сами отправились еще на добрых 30 верст дальше, к минеральным водам, именуемым кислыми водами, которые имеют много сходства с водами Зельцера. Там мы обнаружили общество на водах, радушно предложившее нам разделить с ними их развлечения. Один полк стрелков и два казачьих полка охраняли здесь источники и больных и защищали их от посягательств черкесов, которые с крайним неудовольствием смотрят на это чужеземное заведение, расположенное в их горах. Здесь я познакомился с одним черкесским князем, именуемым Рослам-бек, братом Исмаил-бека, который служил в наших войсках и был в тот момент в Петербурге. Сам Рослам-бек имел чин полковника и получал довольно значительную пенсию, но поскольку он уже несколько раз воевал против нас, то большого доверия к его лояльности не было. Тем не менее, я с удовольствием принял его княжеское предложение поехать с ним на добрые 30 верст в горы, увидеть его жилище, его воинов и его сестру, которая слыла красавицей. Надо сказать, здесь почти невозможно увидеть ни одну черкешенку, а их красота столь славится, что я пренебрег предостережениями, которые мне делали, об опасности, подстерегающей русских в горах, к тому же еще несколько молодых людей присоединились к нам. Мы ехали несколько часов по горам мимо живописных селений и наконец прибыли в селение нашего князя. Он дал в нашу честь очень хороший обед на манер своей страны, показал нам своих лошадей, свое оружие и только мельком – свою сестру, у которой мы, правда, смогли рассмотреть фигуру, которая была великолепна, как у всех черкешенок – их элегантно одетые дают возможность показать ее. Потом мы вновь оседлали коней, и по сигналу – стрелы, которую Рослам-бек самолично пустил из своего лука на невероятную высоту, более 400 черкесов в кольчугах и шлемах, вооруженных различным оружием прискакали к нам во весь опор. Это была кавалерия наивысшего уровня, самая искусная и наилучшим образом вооруженная из всех, какие только могут быть. Наблюдая с самодовольным видом, как мы любовались его войском, князь заметил нам, как бы между прочим, что у нас всего один конвой казаков. После того, как нам показали их манеру ведения боя и как точно они стреляют по цели во время скачки во весь опор из ружья, из пистолета и из лука, он так же церемониально проводил нас в наш лагерь, где все уже отчаялись вновь увидеть нас живыми и дружно укоряли

нас за такое легкомыслие. Между прочим, этот самый Рослам-бек два года спустя разбил две роты наших стрелков, лишил двух пушек и объявил себя навсегда самым непримиримым врагом России»¹.

Росламбек, если и не стремился в данной ситуации захватить опрометчиво отдавшихся его власти русских офицеров, то, во всяком случае, имел полную возможность это сделать. И, судя по его словам о немногочисленном казачьем конвое, сопровождавшем наших искателей приключений, испытывал все же некоторые колебания, прежде чем окончательно перейти свой черкесский Рубикон, которым в пределах реального кавказского ландшафта служила пограничная Кубань. Имеется и продолжение этой истории. Несколько страниц измене Рослама посвятил в первом томе «Кавказской войны» В.А. Потто, где речь идет о весенней экспедиции 1804 года генерала Г.И. Глазенапа: «С самого начала похода в русском отряде был виден кабардинский князь Росламбек Мисостов, считавшийся полковником в лейб-гвардии казачьем полку и принадлежавший к одной из лучших кабардинских фамилий. Вдруг, к общему изумлению, он скрылся из лагеря. Оказалось, что Росламбек бежал за Кубань вместе с подвластными ему аулами, и что мотивом к тому послужила канла – кровомщение за смерть родного племянника, убитого в одном из кабардинских набегов на Линию». За Росламом отрядили в погоню егерский полк. У Каменного моста в верховьях Кубани произошло кровопролитное сражение. Егеря вынуждены были отступить и на переправе потеряли в реке артиллерийское орудие. Росламбек неожиданно вступил в переговоры, изъявляя желание примириться и вновь служить русскому царю. Он обещал даже поднять из воды затонувшее орудие. На деле же все обернулось новой изменой и нападением из засады с большими потерями для русских. «Росламбек, – заканчивает Потто, – остался в горах и с тех пор сделался одним из самых отчаянных и бешеных абреков»².

Но опасная острота отношений Исмаила и Рослама определялась не только их различным расположением к России. Современный биограф Исмаила приводит сведения о документе – рапорте генерала П.А. Текелли генерал-фельдмаршалу Г.А. Потемкину-Таврическому от 14 апреля 1788 года, в котором сообщалось «о серьезных разногласиях в роде Атажукиных по поводу раздела крепостных, что чуть было не привело к убийству детей Мисоста Боматовича Атажукина, а именно Атажуки Мисостовича и лермонтовского Рослама Мисостовича»³.

Давняя распря двух ветвей одного рода завершилась, в конце концов, кровавой развязкой. Вероятно, именно этот «раздел крови» имел в виду Якубович, когда писал Бестужеву из Сибири на Кавказ. Впрочем, беглое и довольно невнятное изложение этой истории Якубовичем не позволяет толковать его замечку однозначно, неясной остается даже ключевая фраза – «братоубийство князя Рослама Мисостова»: трудно понять, был ли убит Росламбек братом или же сам совершил подлое братоубийство, как об этом повествует Лермонтов в поэме. Лермонтовская версия (Росламбек – убийца Исмаила) долгое время сомнений не вызывала. Так, известный советский лермонтовед С.А. Андреев-Кривич, не имея никаких документальных ее подтверждений, высказал тем не менее осторожное предположение о том, что «Лермонтов был окружен людьми, которые могли настолько хорошо знать обстоятельства жизни и деятельности Исмаил-Бея, что они, эти люди, могли сообщить такие факты, которые не получили широкой огласки»⁴.

Лермонтов, разумеется, знал о своем герое несколько больше того, что мог рассказать ему безвестный «старик-чеченец». Со временем нашлись и факты, не получившие «широкой огласки», но совершенно противоположные догадкам Андреева-Кривича. Сегодня, основываясь на документальных данных, можно судить уже о том, насколько далеко от реальности увела поэта его фантазия.

¹ Граф А.Х. Бенкендорф. Мое путешествие в земли полуденной волшебные края // Наше наследие. 2004. № 72. С. 100.

² Потто В. А. Кавказская война. – Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т. 1. С. 616–617.

³ Туганов Р.У. Указ. соч. С. 11.

⁴ Андреев-Кривич С.А. Кабардино-черкесский фольклор в творчестве Лермонтова. – Нальчик, 1949. С. 44.

¹ Туганов Р. У. Указ. соч. С. 141.

Глубокий знаток истории и этнографии Кавказа М.О. Косвен разыскал важное свидетельство, проливающее свет на обстоятельства гибели Росламбека. Это записка 1837 года полковника П.П. Чайковского, служившего в 1830-40-х годах на Кавказе, а некоторое время и в Пятигорске, то есть вблизи всех происходивших событий: «Славный кабардинец Арслан-бек Мисостов, полковник нашей службы, с европейским образованием, осыпанный щедротами императора Александра благословенного и ласками кавказского начальства. Он ушел за Кубань, привел в сильное движение горцев и наносил ужас на русских своими удалыми набегами. Он застрелен своим родственником чрез подкуп от нас»¹.

Более того, в книге Р.У. Туганова «Измаил-Бей» приводится еще один документ, датируемый декабрем 1813 года и не оставляющий уже никаких сомнений в насильственной смерти Росламбека: «Его убили в январе месяце 1812 года по приказу его родственника Измаила Бея и в его присутствии в самое то время, когда он был приглашен им на дружескую пирушку; сам Измаил вскоре после того умер в Георгиевске; они оба имели титул полковников в Российской службе»².

После смерти Измаила его боевая награда, Георгий 4-й степени, была возвращена в капитул ордена. Как видим, Лермонтов довольно свободно обращался с «историческим материалом», имея в виду особые художественные цели. Избрав Измаила своим главным героем, он до последних строк поэмы сохранял логику созданного образа: защитником отечества от сильного и опасного врага поэт хотел видеть отважную и гордую натуру, не запятнавшую себя низким предательством и коварством. Об этом, собственно, и говорит лермонтовский Измаил Росламбеку перед лицом соплеменников:

*«Я не разбойник потаенный;
Я видеть, видеть кровь люблю;
Хочу, чтоб мною пораженный
Знал руку грозную мою!
Как ты, я русских ненавижу,
И даже более, чем ты;
Но под покровом темноты
Я чести князя не унижу!
Иную месть родной стране,
Иную славу надо мне!»*

Следовал ли неотступно Лермонтов тем сведениям, которые у него имелись, или смело вносил изменения в реальную судьбу Измаила – в любом случае он смог добиться в своем творении высокого художественного эффекта. Вспомним запись Льва Толстого в дневнике, сделанную под впечатлением лермонтовской поэмы: «Я нашел начало Измаил-Бея весьма хорошим. Может быть, это показалось более потому, что я начинаю любить Кавказ, хотя посмертной, но сильной любовью. Действительно хорош этот край дикой, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи – война и свобода». И хотя Лермонтов не предназначал поэму для печати, многие ее строфы поражают выразительностью и силой:

*И дики тех ущелий племена,
Им бог свобода, их закон – война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных;
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;*

*Там поразить врага не преступленье,
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро – добро, и кровь – за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.*

Теперь вернемся к путешествию генерала Спренгпортена. Его экспедицию, как и всегда в подобных случаях, сопровождал художник. Это был двадцатилетний Емельян Корнеев, незадолго до того окончивший с золотой медалью Императорскую академию художеств. Вместо спокойной жизни при академии на приличный казенный пенсион молодой живописец предпочел отправиться в опасный и долгий вояж по окраинным областям империи. Это был зов судьбы, ибо акварельные работы Корнеева, связанные с путешествием по России, и выполненные впоследствии по ним гравюры, составили главную часть его творческого наследия.

Маршрут экспедиции пролегал через Сибирь и приволжские области. «В 1803 году, – сообщает биограф художника, – путешественники побывали в Казанской и Саратовской губерниях, спустились по Волге до Астрахани, затем были на Кавказе, где генерал лечился водами. Оттуда Спренгпортен послал царю работы Корнеева – две карты кавказских минеральных вод, а также несколько типажно-костюмных зарисовок»¹. В награду художник получил из императорского кабинета золотые часы. В 1807 году он был удостоен звания академика живописи. В дальнейшем Корнеев в составе морской экспедиции совершил кругосветное плавание на шлюпе «Открытие», из которого привез внушительную коллекцию новых рисунков. Однако следы ее теряются в недрах Морского департамента, изданы эти работы не были, и участь их по сей день остается неясной. Умер художник почти в безвестности, задавленный болезнями и нищетой.

Но однажды судьба улыбнулась и ему. «Корнеевские виды России, – продолжает биограф, – привлекли внимание баварского посланника при русском дворе графа Карла Рехберга, страстного собирателя акварелей и рисунков на русские темы. Рехберг предложил Корнееву издать альбом гравюр по его рисункам. Это было как раз то, о чем мечтал художник: показать широкому зрителю свои работы – виды отдаленных уголков России, облик народов, ее населяющих. И Корнеев уехал с Рехбергом за границу...»². После трех лет напряженного труда в Мюнхене был подготовлен двухтомный альбом «Les peuples de la Russie» («Народы России»). За это время по своим путевым эскизам Корнеев выполнил около ста рисунков и наблюдал за изготовлением гравировальных досок. Печатался альбом в Париже, в 1812–1813 годах, причем в каждый том вошло по 48 красочных гравюр, – иногда отпечатанных в цвете, а иногда просто раскрашенных от руки. Несколько гравюр из этого уникального собрания хранятся ныне в лермонтовском музее. Почти все они тематически связаны с Пятигорьем и представляют этнографические типы кабардинцев. А из записок графа Бенкендорфа нам теперь становятся понятны и обстоятельства, при которых Корнеев выполнял свои путевые наброски, послужившие бесценным подготовительным материалом к главному труду всей его жизни.

Если генерал Спренгпортен с супругой остались у горячих серных ключей Пятигорска, то сам Бенкендорф продвинулся в предгорья гораздо дальше и несколько дней провел на Кислых водах. Эту смелую вылазку совершил вместе с ним и Корнеев: так, одна из его акварелей носит название «Живописная картина Кавказских гор в четырех верстах от крепости Кисловодск». Весьма вероятно, что побывал художник и на военном «параде» в ауле Росламбека, который так живо обрисован в записках Бенкендорфа. Подтверждением этому служат сюжеты и названия его гравюр: «Черкешенки», «Черкесы, стреляющие из лука», «Узден или благородной Черкес большой Кабарды» и «Циркасянской Князь большой Кабарды».

Речь здесь идет о кабардинцах, а в том, что их называют черкесами, ничего

¹ Косвен М.О. Указ. соч. С. 146.

² Туганов Р.У. Указ. соч. С. 159.

¹ Гончарова Н. Н. Е. М. Корнеев. Из истории русской графики начала 19 века. – М.: Искусство, 1987. С. 28.

² Там же. С. 33–34.

«О, ЭТОТ ЗНАКОМЫЙ СТУК!»

Есть в Чечне, на берегу реки Терек, село Лаха-Невре. Точную дату его основания никто не знает. Некоторые исследователи первые поселения чеченцев на Тереке датируют началом XIX века. А чеченцы-старики утверждают, что вайнахи из горных районов – Шатоя, Ножай-Юрта, Ачхоя – десятки раз селились в этих краях, но вынуждены были уходить. Бытуют предания о контактах, торговых связях чеченцев и казаков еще в XVI веке.

Правобережье Терека – от современного Малгобека до Гудермеса по Терскому хребту, – было даровано российскими самодержцами самым услужливым, преданным и покорным на Кавказе кабардинским князьям, и называлось Малой Кабардой. В чеченском фольклоре, да и в исторических исследованиях, можно встретить множество примеров взаимоотношений между кабардинцами и чеченцами. В некоторых источниках приводятся данные о том, что якобы село Дойкар-Эвла (Старый Юрт) основано в XVIII столетии кабардинским князем Давлет-Гиреем, но чеченцы жили здесь еще за 120 лет до этого.

В селе Лаха-Невре есть кладбище, где захоронений не производится с незапамятных времен. Местные говорят, это старое чеченское кладбище. Таких материальных памятников глубокой старины на Тереке много. И сел, как Лаха-Невре, вдоль правого берега Терека десятки. А на левом, от Моздока до Кизляра, расположились казачьи хутора и станицы.

Заселение Терской зоны чеченцами и русскими, назвавшими себя казаками, имело важное территориальное и военно-политическое значение для обеих сторон. К примеру, Российская империя таким образом решала сразу две важнейшие задачи: расширение территории и охрана силами казаков своих земель от набегов горцев. Но в последующем это соседство чеченцев и казаков повернуло в мирное русло.

Казаки быстро освоили и переняли обычаи и нормы семейно-бытовых и межнациональных отношений кавказских народов. Даже переняли и приспособили к своему быту традиционную одежду горцев. Терек, близкий и родной для жителей обоих берегов, стал не разделительной линией, а объединяющим фактором. В народе говорят: люди, пьющие воду из одного колодца, не могут быть врагами. Река эта здесь, как мать, любима и почитаема. Добрососедские, доверительные отношения сложились и между чеченцами из Лаха-Невре (Нижний Наур) и казаками

удивительного нет, так в те времена часто называли всех кавказских горцев. Большая Кабарда примыкала к Пятигорью, а Малая лежала южнее и отделялась от Большой течением Терека. Рельеф кавказских предгорий, изображенный на гравюрах, весьма характерен для кабардинских ущелий. Это так называемые куэсты – протяженные, покатые хребты без острых вершин, поросшие кустарником и лесом, с редкими выступами скал. Узден или, правильнее, уздень – в довольно сложной сословной иерархии кабардинцев и некоторых других кавказских народов означает в переводе на наши понятия что-то вроде мелкого дворянина. «Циркасянский» – ни что иное как «черкесский», и происходит от французского слова «circaisien» того же значения.

Об этой гравюре хочется сказать особо. Не так уж много кабардинских князей мог увидеть Корнеев вблизи, и именно встреча с Рослаббеком давала ему благоприятную возможность выполнить подобную зарисовку с натуры. Искусный портретист, Корнеев вполне был в состоянии передать на рисунке реальные черты своего героя. Разумеется, художник не стремился создать галерею туземных современников, он выполнял этнографически достоверные типажи. Но вот прообразом такого типажа в какой-то мере и мог послужить ему Рослаббек Мисостов, будущий персонаж лермонтовской поэмы. Справа внизу видна группа вооруженных всадников. Они изображены в боевых шлемах и кольчугах, что вполне соответствует описанию Бенкендорфа. По-видимому, это и есть представители «кавалерии наивысшего уровня», которые с таким блеском продемонстрировали свое воинское искусство русским офицерам.

Как прихотлива порой бывает судьба! Жизненные пути Лермонтова и Бенкендорфа не раз пересекались. Шеф жандармов ходатайствовал перед государем о возвращении поэта из первой кавказской ссылки и, более того, писал Николаю, что выполнение этой просьбы сочтет за личную для себя награду. Он же просил военного министра о переводе Лермонтова в родной для того лейб-гвардии Гусарский полк. Впоследствии отношение графа к поэту резко переменялось. Когда за дуэль с де Барантом тот был предан военному суду, то Бенкендорф остался недоволен его показаниями о преднамеренном выстреле в воздух. Он обвинял Лермонтова во лжи и «в весьма энергичных выражениях» требовал, чтобы поэт написал извинительное письмо молодому француз. Лермонтов же твердо стоял на своем. А лучше бы они поговорили о Кавказе. Им было, что поведать друг другу...

Циркасянский князь Большой Кабарды.
(Портрет Рослаббека Мисостова).
Гравюра Адама и Гроса с рисунками
Е.М. Корнеева.

из станицы Наурской.

Аксакалы рассказывают, как много раз сходились и сплетались пути и судьбы казаков и чеченцев. До депортации, когда мне было лет 5-6, отец часто возил меня в лес на берег Терека. Воспоминания о том времени живут во мне и по сей день. Помню лес, где росло много диких яблок, груш, изумительный на вкус черный терн. Обилие ягод на лесных полянах и опушке, изобилие рыбы в реке и протоках.

Там, где у берега реки заканчивается лес и начинается луг, было паромное сообщение между Лаха-Невре и станицей Наурской. В то время по Тереку проходила граница между Чечней и Ставропольским краем – это администрация так считала. А чеченцы и казаки даже не помышляли о каких-то «кордонах». Они не только постоянно общались, торговали, но часто гостили друг у друга, помогали в строительстве, нередко их связывали брачные узы...

Дружеские отношения между чеченцами и казаками сложились еще до советской власти. Казаки – прекрасные земледельцы, садоводы, кузнецы, строители. Они разводили молочный скот, тонкорунных овец, породистых лошадей, производили сельхозинвентарь. Чеченцы растили хлеб: пшеницу, просо, кукурузу, доставляли казакам сырую нефть для хозяйственных нужд. Соседи многому учились друг у друга. Чеченцы закупали у казаков породистых ездовых лошадей, мануфактуру, учились выделывать шерсть, выращивать овощи, картофель, виноград.

В памяти терских чеченцев рассказы бывалых стариков. Отчаянные молодые казаки уводили прекрасных чеченских девушек и преодолев все противоречия, выплатив по чеченским традициям знатный калым, соблюдая все прочие условности, находили мир и согласие с их родными и близкими. Но и чеченцы в долгу не оставались! И сейчас в Лаха-Невре проживают дети, рожденные местным джигитам прелестными казачками, ставшими желанными невестками в чеченских семьях.

Годы, проведенные в Казахстане, не изгладили из моей памяти красоты родного края. Хотя манят и ковыльные, бескрайние степи, где прошли молодые годы. Уже будучи студентом, хоть изредка, но приезжал я в родное село. Так же, как и в детстве, любил вместе с отцом, уже стариком, бывать в памятных местах. Мы с ним косили душистую траву, грузили ее в телегу и под пофыркивание маленькой лошадедки, не спеша, добирались до своего подворья. Однажды, во время отдыха после косьбы, отец долго, задумчиво смотрел на левый берег Терека.

– Раньше этих островков не было. Река была полноводная, а теперь, видать, много забирают воды для орошения, – глубоко вздохнув, произнес он, наконец. Было это в августе 1960 года. Тогда, под впечатлением воспоминаний, отец поведал мне о временах своей юности.

Их было два брата, отец – младший. Когда ему было 7 лет, они лишились родителей. Родственники по матери взяли мальчиков к себе. Дядя, видимо, предприимчивый, деловой человек, часто уезжал к знакомым казакам за Терек. Отец упоминал станицы Ачикулак, Озер-Суат, Зимняя. Вскоре дядя решил совсем перебраться к казакам. Так в те времена поступали многие – за Тереком было чему научиться и где заработать.

Русские дворяне, кому волею царя были дарованы большие земельные владения на Северном Кавказе, нанимали местных жителей к себе на работу. Здесь они выращивали хлеб, разводили скот, строили заводы и фабрики. Дяде, как вспоминал отец, очень повезло: их пригласил на работу крупный чиновник, генерал. У него в ачикулакских и озексуакских бурунах были конные заводы, овцеводческие фермы. Управляли ими приказчики.

Отец многому научился там. Он прекрасно овладел плотницким и сапожным мастерством, изучил породы и повадки лошадей, стал прекрасным наездником. Владел русским и ногайским языками, выучился грамоте. Вспоминал, как заботливо относился приказчик к рабочим и скотоводам. Возмущался, когда видел пустые полки хлебопекарни, необустроенные жилые помещения. С уважением относился к молящимся кавказцам, интересовался их жизнью и бытом.

Для охраны своих владений хозяева привлекали молодых казаков и кавказцев: чеченцев, дагестанцев, кабардинцев. В этих краях истари проживали и представители тюркских племен – ногайцы. Прекрасные скотоводы, коневоды, и

самое главное, очень трудолюбивые и гостеприимные люди.

Судьба связала моего отца, молодого терского чеченца, с таким же, как он юношей, терским казаком из станицы Наурской. Николай, или, как на чеченский манер называл его отец, Миклай, был трудягой, отличным парнем и надежным товарищем. Они стали друзьями.

Неплохо заработав и получив в подарок по коню, молодые люди договорились съездить домой, обзавестись семьями, а потом вновь вернуться на работу. Миклай решил поставить моему отцу – своему кунаку, Жади, – хату в Лаха-Невре. Потом друзья вместе построили в Наурской дом для Миклая. Мои будущие отец и мать поженились в 1910 году. Друзья некоторое время работали в Ставропольских степях и после рождения первых детей. Но семьи росли, и пришла пора осесть в родных гнездах.

Друзья вернулись к своим родным, обустроили подворья, обзавелись хозяйством и наладили быт. Жили не плохо. Но вскоре пришла гражданская война, а с ней – и тяжелые времена. Людям вновь приходилось покидать родные дома. Когда на Кавказ двинулись войска Деникина, казаки из Наурской и других станиц, перешедшие на сторону революции, вынуждены были скрываться среди чеченцев. Зато во время нэпа жилось хорошо.

Потом Советы окончательно укрепились. Жизнь вошла в более или менее предсказуемую колею. И вновь все сломила война, теперь уже – Отечественная. Фронт стремительно двигался на восток. Люди толпами выходили на поля, спеша убрать урожай до прихода немцев. Села провожали своих сынов на фронт. В 1942 году, когда немцы уже были в городе Моздоке, Миклай срочно отправил своего сына Сережку к нам в село. Я помню его – веселого, скромного русского парня. Он и мой брат Иса были одногодки, с 1924 года. Целый день они работали на почте, а в свободное время играли в футбол. Но люди жили в тревоге. В небе над Тереком кружили немецкие самолеты, бомбили Грозный.

В один из тревожных дней отцу передали записку от Миклая. Отец сказал что-то матери и сразу ушел. Это было в те дни, когда немцы стояли буквально у порога Наурской. Правый берег контролировался ополченцами и Советской армией, а тысячи людей с лопатами и кирками вручную строили противотанковые заграждения вдоль Терека и в лесных массивах. Иса и Сережа ушли в ополчение. В записке другу Миклай просил помочь спрятать его 16-летнюю дочь Настю от наступающих немцев. Отец добрался в станицу, когда сгустились сумерки... На улицах Наурской уже грохотали немецкие танки, гудели машины, разъезжали мотоциклисты.

Миклая и Настю отец дома уже не застал. Но его жена объяснила, как их найти. Они ждали отца в винограднике на берегу Терека, ближе к лесу. Миклай обрадовался появлению кунака. А Настя была ни жива, ни мертва от волнения и страха. Друзья, как могли, успокаивали Настю, убедили, что скоро она вернется домой. Сообразительный казак взял с собой серп, веревки и выбрал место недалеко от берега, густо поросшее камышом. Решили связать плот из камыша и переправить Настю на тот берег. Рассчитали, как понесет его быстрое течение и где прибьет к берегу.

Переправа было делом опасным. Проектора и ракеты, пускаемые и своими, и немцами, часто освещали реку. Отец, несмотря на возраст, был мужиком крепким. Уложив на плот Настю, он, преодолевая течение, удачно перебрался на свой берег. Из воды выбрались в том самом месте, где мы с ним сидели, говоря о тех далеких событиях. Рассказывая все это, отец очень волновался. Наверное, думал, каким нежным и милым созданием была Настя, и что могли с нею сделать озверевшие немцы. Договорились, что Настя пока будет жить на птицеферме, в семье старшего брата моего отца. Темной ночью отец с Настей добрались до фермы, которая находилась в километрах пяти от села.

Но немцам недолго пришлось грабить казаков, лазить по их подвалам и курятникам. Стремительное наступление Красной армии между Доном и Волгой грозило им ловушкой. И они начали срочно покидать Восточное Предкавказье.

Уже взрослым я долго не мог толком понять одну тайну и унять свою обиду на жену дяди. В те времена я, со старшим братом и сестрой, часто бегали на

птицеферму. Недалеко от нее находились виноградники местного колхоза, которые сторожил отец. Время было голодное. Мы, дети, прочесывали каждый кустик вокруг фермы в поисках затерянного куриного яйца, да и в винограднике чем-то можно было поживиться.

Дядя с тетей любили нас, баловали, чем могли. Здесь нам можно было все. Но всякая попытка проникнуть в одну из комнат их небольшого дома пресекалась довольно сурово и непреклонно. Это обижало, и возбуждало необыкновенное любопытство. Но тайну комнатки, закрытой даже для членов многочисленного дядиногo семейства, ютившегося в двух остальных помещениях, я узнал значительно позже. Оказывается, за той таинственной дверью взрослые прятали Настю. Они боялись, что дети непроизвольно выдадут тайну, и если придут немцы, могут быть неприятности. Все это мне спустя годы рассказал брат Харон, и ныне здравствующий, старейший механизатор России, 56 лет не выпускавший из своих натруженных рук руль трактора.

В 1957 году, после возвращения в Чечню, отец решил разузнать, что стало с его другом Миклаем и его семьей. Отец и Харон поехали в Наурскую. По давно знакомым улицам и переулкам станицы отец пришел к памятному, знакомому до боли подворью.

Сколько раз бывал здесь отец! Сколько хлеба и соли съели друзья в этом гостеприимном доме! И сколько раз в голодные военные годы, отец в тяжелых наплечных сумках выносил из этих ворот картошку, просо и свежий хлеб, выпеченный заботливыми руками супруги Миклая! Все это предназначалось нам, его семье, жившим в Лаха-Невре.

Отец долго стоял задумавшись, боясь, что не увидит друга. Наконец он поднял трость и постучал в калитку. Громко, уверенно. Так стучатся в дверь, за которой, – ты уверен! – тебе всегда рады. Стучатся не для того, чтобы спросить разрешения войти, а чтобы сообщить, что ты пришел, и через минутку будешь в доме. И каково ему было услышать восторженный крик женщины, выбежавшей из распахнувшейся двери! Она бежала навстречу гостям с распростертыми объятиями.

– О! Это знакомый стук!.. – сквозь слезы говорила она.

Крупная женщина с крепкими руками, широким мужественным лицом и большой русской косой крепко, как ребенка, охватила старого дядю Жади в жаркие объятия. По ее щекам обильно текли слезы. Она целовала его, беспрестанно что-то говорила. Но слов ее понять было невозможно, слова тонули в столах, ахах и всхлипах.

Это была Настя – девочка, спасенная старыми друзьями в ту темную военную ночь и заботливо принятая чеченской семьей. Многих уже не было в живых. Иса и Сережа погибли в Отечественную войну. Старый казак Миклай умер, не дожив двух лет до возвращения друга из ссылки.

Наконец, Настя немного успокоилась. Они стояли у порога казачьего куреня, глядя друг на друга. Наверное, и мысли их были об одном и том же: не хватало того, кто был стержнем, хранителем этой многолетней, теплой, искренней дружбы, – казака Миклая. Старый Жади, глубоко вздохнув, посмотрел по сторонам, окинул взглядом знакомые места, где они с другом коротали время, вспоминая прошлое...

Отец бережно хранил дружбу и любовь к Насе до самой смерти. Они часто бывали друг у друга в гостях. И сегодня на летней кухне моего брата в Лаха-Невре стоит кухонный шкаф, сделанный руками Миклая и подаренный Настей семье Харона в память об отце.

Как родную дочь и сестру приняли Настю в нашем доме, и она отвечала нам искренней любовью. Жади бывал в станице Наурской, помогал Насе по хозяйству: то починит что-нибудь, то наведет порядок в саду, в огороде, в винограднике.

Старик Жади умер в 1970 году, а через год не стало и Насти. Но их потомки хранят память об искренней дружбе людей разной веры, разной национальности. И все, кто знал наших героев, будут вспоминать о преданной дружбе двух кавказцев, могилы которых – на разных берегах их родного Терека, некогда связавшего их жизнь.

Задоринки

АЗИЗ НЕСИН

Я – РЕЗИНОВАЯ ДУБИНКА*

Я – резиновая дубинка! Я родом из Америки. До меня из Америки прежде всего прибыла сюда демократия, затем «джип», затем резиновая дубинка, то есть я. Мы оба, «джип» и я, следовали по дороге, которую проложила нам привезенная демократия.

Я – резиновая дубинка! Я проникла к вам вместе с американской помощью, из недр американской щедрости. Я недолго плелась в хвосте на новом месте, скоро я стала верноподданной, я стала повелевать. Затруднения бывают всегда и везде. Могут быть затруднения с автомобильными шинами или запасными частями. А я тут как тут. Со мной никогда не бывает затруднений, меня всегда хватает с избытком.

Я – резиновая дубинка! Прежде здесь не водилось даже зубной щетки, ее заменяла зубочистка из дерева. До моего появления хлестали слоновой жилой. Потом слоновая жила была запрещена.

Я – резиновая дубинка! На вид я черным-черна, на вид я мягка. Но бойтесь моей мягкости. До меня власти применяли дубовую палицу, кизилевую дубинку. Даже они проникались состраданием к своим жертвам: они ломались. А я никогда не ломаюсь. Подобно искусному политикану, я черна и мягка. Я гнусь, сгибаюсь, но не ломаюсь.

Я – резиновая дубинка! Тем, кто не знает самих себя, я доставляю удовольствие познать себя и меня тоже. Я в руке полицейского, я у него на поясе. Когда для меня нет дела, я, словно черная зловещая гадюка, свисаю с гвоздика на задней створке двери.

Я – резиновая дубинка! Величайшее открытие двадцатого века – это я. Говорят, есть какой-то атом, говорят, есть какая-то водородная бомба. Только ведь они передо мной ничто. Я нависла, как дамоклов меч. Под сенью моей дремлет свобода.

Я – резиновая дубинка! Когда я наношу удар, раздается звук, неповторимый звук. У всех людей, у всех народов я вызываю печаль. Предо мной даже немой заговорит, ворона превратится в попугая, косноязычный зальется соловьем. Я допрашиваю раньше следователя. Предо мной вы корчитесь, как дрессированная обезьяна. Я прикажу вам говорить – и вы заговорите. Я прикажу вам замолчать – вы замолчите. Если вы будете звать к Аллаху, я не услышу ваших печальных стонов. У меня есть туловище, но нет ни ушей, ни глаз, ни сердца.

Я – резиновая дубинка! Это я разгоняю тех, кто хочет собраться вместе. Это я вздергиваю на дыбу свободу, это я охраняю демократию. Эй, люди, я – резиновая дубинка! Вот вам мое последнее слово. Твердо знайте и помните: если я сегодня ударю по спине вашего соседа, а вы при этом не почувствуете боли, – завтра ваш черед! Когда я бью кого-нибудь сегодня, а вы восклицаете: «Он погиб!», знайте, завтра и про вас скажут: «Они погибли!» Те, кто беззаботно радуется сегодня, завтра добудут себе привилегию быть избитыми мною. Я умею вправлять мозги. Такова я от рождения. Я – резиновая дубинка!

*Перевод с турецкого Г.П. Александрова, К.П. Глазуновой.

Странички для детей

ЕЛЕНА КРЫЛОВА

РЫБОЛОВ

Вот как-то на речке седой старичок
Привычно надел червячка на крючок.
Чтоб лучше клевало, он плюнул разок,
Присел и устался на поплавок.

Но солнце взошло, и вздремнул
старичок,
И сам не заметил, как лег на бочок.
Чирикали птички, плел сеть паучок,
Под ним колокольчик раскрыл
колпачок...

А сом под корягой увидел крючок,
На нем аппетитно висел червячок...

Рис. Ирины Соколовой

ДЛЯ ЧЕГО НАМ НУЖЕН ХВОСТ?

Для чего лошадке хвост?
Мух чтоб отгонять и ос.

Разноцветный, как картина,
Хвост раскроется сейчас –
То-то пава от павлина
Отвести не может глаз!

На хвосте висит макака,
Озорная забияка.
Он ей, видно, здесь помог
Вместо рук и вместо ног.

Ящерица как-то раз
Удивила тайной нас:
От врага я удираю –
Хвост на память оставляю.
Пусть он вертится юлой,
Я ж, стремглав, бегу домой!»

Чтоб лисят не растерять,
Нужно хвост трубой держать!
Белый кончик, словно метка,
Семафором служит деткам.

А зимой, в мороз и стужу,
Хвост лисе, как шарфик, нужен.
Хвост киту, как руль в работе,
Помогает в повороте.

Копит жир в хвосте тушканчик, –
Точно воду, одуванчик,
Этот хвост – длиннее тела,
Но кому какое дело?

У Барбоса хвост крючком,
С ним он вертится волчком!

ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ

На вороне – дом сидел,
Стол на мальчика глядел,
Кукла девочку качала,
Полка свесилась с мочала!

Речка прыгнула в сома,
Спичка чиркнула сама,
Пес за мышкою кружил,
Кот амбары сторожил!

Покупатель продавцу
Шляпу подобрал к лицу,
А на зорьке рано-рано
Пастуха пасли бараны!

Волк в лесу, завидев зайца,
Весь от страха задрожал...
А автобус почему-то
За шофером побежал!

В цирке прыгал укротитель
Под хлыстом своих зверей!
Вася Клячкин был объявлен
Трактористом всех морей.

– Я сегодня вас лечу, –
Заявил больной врачу,
Самолет сказал пилоту:
«Полечу, куда хочу!»

Поднесли к компоту рот,
А компот как заревет!
Не поверили? Так вот:
Было все – наоборот!

«ЗДЕСЬ БЫЛ ВАСЯ...»

Полисадник тих и пуст.
Кот обнюхивает куст
И уходит восвояси,
Расписавшись: «Здесь был Вася...»

СЕРЕНАДА

Ночь. Но всем нам не до снов, –
Наступает час котов.
Пять котов сидят подряд,
Пять котов орут не в лад!

Никуда от них не деться
Мурке – общей даме сердца.
Не тревожьте их, не надо,
Это льется серенада...

ПЕС БАРБОС

– Из всех положений, – скажу
моментально я, –
Самое лучшее – горизонтальное, –
Решил, пообедав, ленивый Барбос,
И в будке разлегся, свой высунув
нос.

СТРЕКОЗА И КОЗА

Небо ясное, как бирюза,
Прыг да прыг по цветкам стрекоза!
Незаметно подкралась гроза,
И промокла насквозь егоза!

Еле-еле ползет стрекоза,
За слезою катится слеза:
Нет ни дома у ней, ни друзей,
Впору хоть помереть поскорей!

Тут из леса выходит коза,
И ее там застала гроза.
Пожалела она стрекозу,
Привезла ее в дом на возу.
Так нашла свой приют стрекоза,
И у ней засияли глаза!

Стала в доме она прибираться,
Печь топить, суп варить и стирать.
А коза и козел удивляются, –
Как все ловко у ней получается!

И с тех пор стрекоза за козлятами
Как за малыми смотрит внучатами,
И поет, и играет с ребятами,
А коза их зовет «стрекозлятами».

ИОСИФ БРОДСКИЙ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

ЭССЕ

Диссидент, изгнанник, Нобелевский лауреат, последний великий поэт XX века – таковы главные эпитеты – знаки, повешенные критиками мира на его грудь. И с ними, этими эпитетами-знаками, он вошел в XXI век, хотя и не дожидаясь окончания предыдущего всего четыре года.

Не получив систематического вузовского образования, даже не окончив среднюю школу (он бросил ее в 15 лет), Иосиф Бродский в результате работы над собой, как в свое время это сделали М. Горький, И. Эренбург, у которых за плечами было по два класса церковно-приходской школы, поднялся до немыслимых высот: он стал почетным членом ряда академий, читал лекции в американских и европейских университетах, в совершенстве овладел английским языком, хотя и говорил с акцентом, писал на английском свои произведения и даже вспоминал картины детства; знал польский, итальянский, выучил иврит.

Говорят (и пишут), что его всемирная известность выросла на политической основе: диссидент, осужденный за «тунеядство» (сочинительство, если ты не сотрудник газеты, журнала, издательства, не считалось тогда работой), а затем выброшенный властями за границу, он был подхвачен и раскручен буржуазной пропагандой и стал тем, кем стал. Отчасти это, может быть, и так. Но только отчасти. А в сущности все гораздо сложнее.

Можно много говорить и фантазировать по поводу того, что авторитет

И. Бродского исключительно высок. Не так давно за сборниками его стихов гонялись, их перепродавали на черном книжном рынке (был такой!). Сегодня ажиотаж прошел, собственнические приоритеты сместились. Больше не услышишь: «Ах, Бродский! Это гений... Где бы достать Бродского?» На этот вопрос, если он и появится, можно услышать банальное: «Нет проблем». Теперь его издают всюду, а главное – без опасения попасть в подзвучиваемые. И все же проблема есть, но другая: кто же такой Бродский?

II

Попробуем на основе книг самого И. Бродского, публикаций его многочисленных интервью, статей о нем, разобраться – что же это за человек, кто он? Сама постановка такого вопроса может показаться абсурдной (он признан мировой литературной общественностью!). Существует сложившееся и однозначно подаваемое мнение – «великий русский». И все же, все же...

Как известно, «русскость» определяется не только принадлежностью к нации, но прежде всего выражением (отражением) русского духа в творчестве. А это, по нашему мнению, мало прослеживается в поэзии, особенно в его интервью. И, видимо, есть на это причины.

На заре своего поэтического восхождения И. Бродский был глубоко уязвлен несправедливостью властей по отноше-

нию к себе, к отцу – уволенный с флота по сокращению Вооруженных Сил, он не мог найти работы, чтобы обеспечивать семью (еще действовал пресловутый пятый пункт); к нему самому (позорное судилище, устроенное над ним и последовавшая затем ссылка); репрессии по отношению к другим известным и малоизвестным его соплеменникам; открытая травля в прессе... И, наконец, в более позднее время, когда он уже жил в США, ему не разрешили приехать на родину, чтобы повидаться с больными родителями, которые так и умерли, не простившись с сыном.

Было еще одно обстоятельство, которое стало причиной его нелюбви к России – перед самым отъездом из страны он все же написал большое письмо генсеку Л.И. Брежневу, надеясь, что тот сможет ему помочь избежать ссылки за границу. Это был крик души, не желавшей еще расставаться с родиной. Вот лишь несколько строк: «...Я хочу попросить Вас дать мне возможность остаться в русском литературном мире хоть переводчиком, кем был я до сих пор. Я принадлежу русской литературе, чувствую себя ее частицей, и никакая перемена места пребывания не может повлиять на конечный исход этого... Покидая Россию, испытываю горькое чувство. Здесь я родился, воспитывался, здесь я жил и благодарен России за все, что у меня есть на этом свете... Прошу Вас дать мне возможность и впредь жить в русской литературе и на русской земле. Не верю в свою вину перед родиной. Наоборот, верю, что во многих отношениях я прав... и если мой народ не нуждается в моей плоти, то, быть может, моя душа ему пригодится» («Большая книга интервью», с. 441–442; опубликовано в газете «Собеседник» № 42, 1989 г.).

Как это бывало в СССР, письмо оказалось гласом вопиющего в пустыне. Мольбам И. Бродского, уже тогда понимавшего всю значимость своего таланта и то, что «его духовный дом – русская литература, и из этого дома его нельзя изгнать никакими средствами» («Большая книга интервью», с. 682), не вняли. Он еще верил в возможность служения своему народу, а у него появилось достаточно оснований не любить эту страну, обижаться на нее, и соответственно, писать да и принимать крутые решения. Например, когда он получил известие о смерти родителей, твердо

сказал: «Все. Я больше туда не вернусь... Нельзя в одну реку войти дважды. Даже если эта река – Нева». Трагическое решение. И вряд ли верное: из эмиграции двадцатых годов все же вернулся в Россию Алексей Толстой, сказавший на чужбине: «Я еду, еду. Я должен вбить свой гвоздь в корабль Петра». Вернулся. И «вбил», написав великий роман «Петр I»; вернулся Александр Куприн. Правда, он приехал в Россию фактически умирать. Но приехал! В конце концов после двадцатилетнего изгнания вернулся А.И. Солженицын и отдал ей (не властям!) свой талант.

Понять И. Бродского в сложившейся ситуации можно, но не оправдать, несмотря на его утверждение: «Я абсолютно частный человек, и в этом источник моих неприятностей» («Большая книга интервью», с. 679). Это не более, чем декларация: поэт, независимый от его воли, становится лицом общественным. И именно потому оправдать его невозможно. Не любить Россию или ее вождей, ее строй совсем не одно и то же.

Свое расставание с родиной он предчувствовал, как большинство великих поэтов «угадывали» собственную судьбу. Например, меньше чем за год до гибели Пушкин написал «Памятник», подводивший итог всей его жизни; год с небольшим оставалось Лермонтову в этом мире, когда родился его шедевр «В полдневный жар в долине Дагестана...».

Бродского тоже волновала, пусть несколько по-другому, тема расставания с родиной, тема ухода.

Так, еще в 1961 году в цикле «Остановка в пустыне» он пишет:

*Воротишься на родину. Ну что ж,
Гляди вокруг, кому еще ты нужен,
Кому теперь в друзья ты попадешь?*

Это начало его прощания, его отторжения (государством или самим собой) от родины, которая, по его мнению, «не имеет названия». И вырываются из груди такие грустные признания:

*Все чуждо в доме новому жильцу.
Поспешный взгляд скользит по всем
предметам,
Чьи тени, как пришельцу, не к лицу,
Что сами мучаются этим...*

А через пять лет в том же цикле он напишет:

*Когда-нибудь, когда не станет нас,
Точнее – после нас, на нашем месте
Возникнет тоже что-нибудь такое,
Чему любой, кто знал нас, ужаснется.*

Называя себя «временно счастливым» («Конец прекрасной эпохи»), чувствуя «хлам невысказанных слов», выступая против всякого холопства, Бродский вольно или невольно возвышает себя над всем сущим. Впрочем, о том же писал Самуил Лурье в предисловии к книге поэта «Письма римскому другу»: «Бродский переживает реальность как огромное событие и себя считает его центром». Мы подчеркнем – СЕБЯ! Может быть, и здесь причина его обиды на страну, обиды, которая часто застит ему глаза на эту самую реальность. И тогда он может бросить незаслуженный укор, например, великому полководцу:

*... Воин, пред коим многие пали
стены, хоть меч был вражьи тупей...
Сколько он пропил крови солдатской
В землю чужую! Что ж, горевал?
(«На смерть Жукова»)*

Да, это правда: сотни тысяч воинов, ведомых им на штурм фашизма, навечно остались в чужих землях. Но разве у него был другой выбор, разве можно было в тех условиях без таких огромных потерь освободить целые народы от этой чумы XX века? А Бродский сомневается, горевал ли Жуков? Горевал и еще как. В своей книге «Воспоминания и размышления» он с горечью отмечал: «...история не знала такого массового варварства и бесчеловечности, которые творили на нашей земле фашистские оккупанты! Ни одна страна, ни один народ антигитлеровской коалиции не понес таких тяжелых жертв, как Советский Союз, и никто не приложил столько сил, чтобы разбить врага, угрожавшего всему человечеству». Да и открывает Жуков свою книгу не пустыми словами: «Советскому солдату посвящаю». В том же стихотворении Бродский продолжает:

*У истории русской
Страницы хватит для тех,
Кто в пехотном строю
Смело входили в чужие столицы,
Но возвращались в страхе в свою.*

И это правда, которой Жуков тоже хлебнул вместе с народом-победителем. Так что напрасно поэт бросает тень на полководца, составляющего не одну, а множество страниц нашей истории. А впрочем, С. Николаев («Литературная газета», 17-23 мая 2000 г.) это стихотворение трактует иначе – он сводит все к литературному обобщению «военачальников из античной истории – карфагенцев и двумя римлянами» и – Жукова, тем самым (а это уже замысел И.Бродского) принизив роль русского полководца, которому, что бы там ни писали его противники, вечно благодарны не только народы бывшего Советского Союза, но и Европы.

В Санкт-Петербурге в 2002 году один за другим вышли сборники стихов И. Бродского – «Письма римскому другу» и «Разговор с небожителем», а в 2003 году – воздвигнут ему памятник. Он символизирует слияние поэта с этим неповторимым городом. Выход книг понятен, а сооружение памятника здесь – не очень. Ведь Бродский завещал похоронить его под небом Италии, где и покоится сегодня его прах. Мы полагаем, что он не одобрил бы этот шаг ленинградцев, петербуржцев: именно здесь он не раз слышал и читал в газетах самые горькие слова в свой адрес: «Окололитературный трутень» (24.11.1963 г.), «Тунеядству не место в нашем городе» (18.01.1964 г.), «Суд над тунеядцем Бродским» (14.03.1964 г.), «Тунеядству воздается должное» (15.03.1964 г.). И это только в одной газете «Смена»!

Надо было иметь мужество, чтобы выдержать такую травлю! Счастье Бродского, что за него заступились такие выдающиеся деятели литературы и искусства, как А. Ахматова, С. Маршак, К. Чуковский, Д. Шостакович, В. Адмони, Е. Эткинд, Я. Гордин, И. Меттер. Благодаря им он был освобожден от дальнейшего отбытия наказания. И не только благодаря им – было еще письмо знаменитого Жана-Поля Сартра председателю Верховного Совета СССР А.И. Микояну с просьбой пересмотреть «дело» Бродского, чтобы освободить его.

Знал ли Бродский полный текст всех этих писем, трудно сказать, но именно они в конечном счете решили его судьбу. А он десять лет спустя в «Стансах» напишет:

*Когда умру, пускай меня сюда
перенесут. Я никому вреда
не причиню, в песке прибрежном лежа.*

То есть не в Ленинграде... От него, как и от России, он уже отрекся, а может, вообразил себя поэтом всего мира, но не отдельной страны. Подчеркнем: это наши личные предположения, хотя у него есть строки, дающие основание думать именно так:

*Когда о родине мне мысль приходит
в голову,
Я узнаю ее в лицо, тем паче голую:
Лицо у ней – мое, и мне не нравится.
Но нет правительства, чтоб с этим
чувством справиться.
(«Ответ на анкету», 1983 г.)*

Весьма оригинальное отношение к понятию «родина». Если у А. Блока Русь – «Жена моя! До боли Нам ясен долгий путь!... И нет конца!»; если А. Ахматова слышит голос, зовущий оставить «край глухой и грешный», на него отвечает четко:

*Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернялся скорбный дух,*

то Бродский утверждает, что «лицо у ней мое», оно ему самому «не нравится» и с этим чувством никому «не справиться».

Здесь нам кажется уместно вспомнить слова А.П.Чехова: «Писатель должен отбросить все эгоистическое, мелкое, не тянуть на бумагу свое раздражение, житейскую неустroенность, обиды, неприятности, несварение желудка, ссору с женой, кроме самой литературы, а не провоцировать эмоциональной надуманностью или сплетническими намеками на гнев, ожесточение или хотя бы растроганность».

Вероятно, все, от чего предостерегает писателей А.П.Чехов, у И. Бродского было. И это особенно заметно в его многочисленных интервью за рубежом. Да и не только там.

«Литературная газета» (17-23.V. 2000 г.) так представляет И. Бродского, «...чье имя еще прижизненно было вынесено на предельно высокие позиции... его значение не ограничено рамками века или нации...».

Тут мы прервем цитату и вспомним короткую фразу М. Цветаевой: «Пушкин – это зрячий посох России». Так вот «Литературка» двухтысячного года фактически сравнила И. Бродского с А. Пушкиным – он «...оставлен нам в виде посоха-путеводителя в смутную эпоху – fin de siècle».

Сколько бы мы ни вчитывались в строки И.Бродского, сколько бы ни пытались найти у него этот спасительный для России «посох», ничего не получалось. Он сам не давал для этого оснований.

*Я пасынок державы дикой
с разбитой мордой,
другой не менее великой
приемыш гордый...*

Своя держава для него «дикая», для Америки он «приемыш гордый». Так чей же он? Выходит опять – планетарный. Тогда для кого же его посох?

Безусловно, И. Бродский – крупный авангардный поэт второй половины XX века. Но... опять это сакраментальное «но». Внушать современным и будущим читателям, что это «наш посох», что только он и узкий круг русских поэтов, куда, по его мнению, с большими оговорками попали А.С. Пушкин (хотя и встречаются о нем добрые слова), М.Ю. Лермонтов, а Н.А. Некрасов вообще признан лишь как автор поэмы «Мороз Красный Нос», по меньшей мере, опрометчиво.

Но нас по-прежнему волнует отношение поэта к теме родины.

Забегая вперед, приведем слова И. Бродского из его «Большой книги интервью»:

Польский журналист Адам Михник спрашивает: «Скажи, поляки должны бояться России?». Бродский отвечает: «Я думаю, Россия кончилась как великая держава. И как государство, оказывающее давление на своих соседей, она не имеет будущего. И еще долго не будет иметь. Территория России будет уменьшаться. И не думаю, что с ее стороны Польше гро-

зила бы военная или политическая агрессия. По-моему, вы можете встать из-за игорного стола. Все кончилось» (с. 658, инт. 25 янв. 1995 г.).

Все это звучит не как пророчество, а как некий план дальнейшего уничтожения России. Коварный план! Только чей?!

Во всяком случае, мы бы воздержались называть Бродского «посохом» нашей страны. Какой угодно, только не нашей!

III

Иосиф Александрович Бродский родился в Ленинграде в 1940 году в бедной еврейской семье. Отец, флотский офицер, как уже сказано, был уволен в запас по приказу министра обороны. Мать – пенсионерка, за счет которой и жила семья. Скучно жила. Отец долго не мог найти работу. Чтобы помочь семье, пятнадцатилетний Иосиф бросил школу и пошел на завод «Арсенал», а затем – в больницу, которая находилась рядом со знаменитой тюрьмой «Кресты». Там он работал в морге – резал и зашивал трупы. Оттуда же, из окна, видел прогулки заключенных во дворе «Крестов», не предполагая тогда, что в недалеком будущем сам окажется заключенным.

Мечтал сделать карьеру медика. Поступал во Второе Балтийское училище подводного плавания. Сдал все экзамены. Не приняли якобы по зрению. Он говорил: «Опять сработал 5-й пункт». Писал стихи. Это занятие оказалось главным для него.

В 1964 году осужден на пять лет ссылки «за социальный паразитизм» в Архангельскую область.

Этот факт вызвал бурю негодований. Активные протесты звучали дома и за рубежом. И тогда ему сократили срок наказания, но все равно под надзором он был до 1972 года.

Хотя в стихах он нигде открыто не выступал против правительства, оно все же почувствовало «опасность его дальнейшего пребывания на родине». И сделало все, чтобы выдворить его за пределы страны.

В Европе И. Бродский задержался ненадолго. После короткого пребывания в Вене и Лондоне он появился в США. Сперва в Мичиганском университете, где вел семинар по поэзии, а затем – в Колумбийском.

«Его радушно приняли в Америке, осыпали премиями и назвали в 43 года лучшим из живущих русских поэтов, он не перестал быть возмутителем спокойствия» (И. Бродский. Большая книга интервью, М., 2000. с. 208).

В 1981 году он переехал в Маунт-Холиоок (это западная часть штата Массачусетс). Здесь в конце зимы И. Бродский проводил вечера поэзии – читал стихи на английском и русском, отвечал на вопросы. Он нередко давал интервью.

Его суждения в них зачастую оказывались противоречивыми, порой вызвали сомнения: отдавал ли он себе отчет, о чем писал и говорил иногда.

В предисловии к книге «Письма к другу» читаем: «Поэзия Бродского есть в некотором смысле запись мыслей человека, покончившего с собой. Он дожидается исчезновения. Он живет отчаянием, как, возможно, дышат на других планетах невообразимые существа фтором или углекислым газом. Он живет в этой отравленной атмосфере» (И. Бродский, Письма российскому другу. СПб., «Азбука», 2002. С. 14). Правда, эти слова, взяты С. Лурье из одного парижского журнала. Но они близки к истине этой судьбы.

И. Бродский, работавший последние 15 лет в Маунт-Холиоке профессором литературы колледжа, вовсе не был «святым». По словам его друга Эллиса, «рано или поздно кто-нибудь составит «донжуанский список Бродского».

В Америке он женился на Марии Батман, которая родила ему дочь Анну, любимицу, радость его жизни. А в Санкт-Петербурге остался сын Андрей, с которым Бродский виделся всего один раз...

Из окон его дома открывался чудесный вид на океан, за которым навсегда для него осталась Россия, ставшая для него чужой, бесприютной.

Помимо работы у Бродского было две страсти: быстрая езда на своем «мерсе» (один раз он даже был арестован на сутки: вместо разрешаемой скорости 60 миль в час он гнал на все 90) и азиатская кухня. Он патронировал китайский ресторан в Амхерсте, корейский на 9-й дороге, иногда за один вечер успевал перебраться из первого во второй. Был благодарный, внимательный к кулинарии гость. Любимое блюдо – русские пельмени.

Любимый напиток – «Маргарита» или «Дайкири». Вечером – ирландский виски, обычно «Бушмилс»...

Сарказм – характерная черта И. Бродского. Приведем типичный пример текста одного из стихотворений:

*Здесь есть кино, салуны, за углом
Одно кафе с опущенною штормой;
Кирпичный банк с распластанным орлом
И церковь, о наличии которой
И ею расставляемых сетей,
когда б не рядом с почтой, позабыли.
И если б здесь не делали детей,
то пастор бы крестил автомобили.*

(«Осенний вечер в скромном городке», 1972 г.)

Как писала «Литгазета» (17-20.V. 2000 г.), есть у него строки, написанные в Америке, якобы «наполненные болью и горечью за бывшую родину»:

*Слава тем, кто, не поднимая взора,
шли в абортарий в шестидесятых,
спасая отечество от позора.*

Нет, это не «боль». Это язвительная усмешка над тем, что так и не было спасено.

Но – ближе к биографическим вехам. В 1981 году И. Бродскому была сделана первая операция на открытом сердце, после которой он долго восстанавливается, потом попадает в «вечный город Рим», где чувствует себя в «центре мироздания и циферблата». Видимо, здесь он принимает решение о месте своего «вечного покоя».

Ему оставалось жить еще 15 лет. И хотя здоровье его было ослаблено, И. Бродский много курил, пил крепчайший кофе, много работал, и организм не выдержал: вторая операция оказалась роковой – умер он в 1996 году. После смерти критики продолжали спорить, является ли он только русским поэтом и относящимся к XXI столетию. Они, критики, и «вывели» его «гигантскую фигуру далеко от его современных соотечественников» и «взнесли ее высоко над ними» («Литгазета», 17.20.V.2000 г.).

Мы не знаем, умышленно или нет, но критика, по существу, оставила без внимания эссеистику, драматургию, интервью И. Бродского, что, по нашему мнению, ис-

ключает возможность дать его портрет в полном объеме.

IV

Именно потому мы подробнее остановимся на уже упомянутой «Большой книге интервью» И. Бродского. Составитель этого уникального тома Валентина Полухина отмечает: «Обширная эрудиция поэта, его оригинальное видение мира, его опыт двух культур образует огромное семантическое поле отсылок, вспаханное его гением. Язык и стиль – второе качество, склеивающее эти разнородные разговоры. Бродский говорит, как пишет: сложно, образно, парадоксально. Его ответы порой афористичны, как его стихи, и, подобно им, полны мыслей и лишены ложной сентиментальности. Они, как правило, вращаются вокруг его магистральных тем, монументальных, универсальных, не оставляющих его ни в поэзии, ни в прозе, ни в жизни» (И. Бродский. Большая книга интервью. М., 2000. с. 678).

Наверняка после многолетнего бума вокруг имени И. Бродского, прочитав о нем такой всеобъемлющий отзыв специалиста, захочешь прочитать эту книгу. И мы ее прочитали с карандашом.

Поражает его свобода суждений о любом предмете беседы с интервьюером – будь то политика или поэзия, проза или журналистика, корифеи художественной литературы и истории. Везде у него есть свое слово, что, с одной стороны, радует, а с другой – увы, огорчает (да простят меня поклонники Бродского!) порой хлестаковской легкостью. А подтверждение этому можно увидеть в одном интервью, данном им вскоре после присуждения ему Нобелевской премии. «Человек есть то, что он читает...» и далее перечень поэтов для обязательного чтения: «Если ваш родной язык английский, я мог бы порекомендовать вам Роберта Фроста, Томаса Харди, У.Б. Марианну Мур и Элизабет Бишоп. Если немецкий – Райнера Марию Рильке, Георга Трапля, Питера Хухеля и Готфрида Бена. Испанский – Антонио Мочадо, Гарсиа Лорку, Луиса Сернуду, Рафаэля Альберти, Хуана Рамона Хименеса и Октавио Паса. Если язык польский или если вы знаете польский (что было бы для вас большим преимуществом, потому что в высшей степени замечательная поэзия

нашего столетия написана на польском языке), я бы назвал вам Леопольда Стаффа, Чеслова Милоша, Збигнева Херберта и Виславу Шимборскую. Если французский, то, конечно, Гийом Аполлинер, Жюль Сюпервель, Пьер Реверди, Блез Сандрар, кое-что Поля Элюара, немного Арагона, Виктора Сегалена и Анри Мишо. Если греческий, то вам следует читать Константина Кавафиса, Георгия Сефериса, Яниса Ризоса. Если голландский, то это должен быть Мартинус Нейхоф, особенно его потрясающее «Аватер». Если португальский, то Фернандо Песоа и, возможно, Карлос Друмонд де Андраде. Если язык шведский, читайте Гуннара Экелефа, Гарри Мартинсона, Томаса Транстремера. Если русский, это Марина Цветаева, Осип Мандельштам, Анна Ахматова, Владислав Ходасевич, Велимир Хлебников, Николай Клюев. Если это итальянский, я не беру на себя смелость представить какое-либо имя этой аудитории, и если упоминаю Квазимодо, Сабу и Монтале, то просто потому, что я давно хотел выразить мою личную благодарность и отдавать дань этим великим поэтам, чьи строки решительно повлияли на мою жизнь, и я рад сделать это на итальянской земле» (Литературная газета, 1 июля 1998 г.).

Мы приносим глубокие извинения читателю за столь длинную цитату, но нам хотелось одного: наглядно показать, как далек И. Бродский от великой русской литературы. Выбросить из «рекомендательного списка» Пушкина, о «всемирности» которого столь страстно говорил Достоевский; Пушкина, определившего «столбовую дорогу» (А. Ахматова), по которой шли Толстой и Достоевский; Лермонтова, который, по словам той же Ахматовой, «в прозе обогнал самого себя на сто лет», а в стихах – «все было подвластно ему»... Кстати, другой русский эмигрант И.А. Ильин, тоже выброшенный политической машиной СССР за его пределы, о Пушкине писал с той же любовью и восхищением, как если бы жил на родине: «И он дал нам еще один великий и последний дар: он дал нам возможность и основание, и право благословлять нашу Родину всегда и во всем, любить ее, гордиться ею и прозревать ее великое будущее, нерушимо верить в нее и ее грядущий расцвет, что бы ни принесла нам ее история, какие бы еще лишения на долю русских поколе-

ний...» (Ильин И.А. О России, М., 1995. с. 22).

Выбросить из своего «рекомендательного» списка Тютчева, Некрасова, Есенина, Твардовского, значит, прохладно относиться к отечественной поэзии, а если быть строже, просто не знать ее. Но тут же приходит на память возражения Бродского, помещенные в «Большой книге интервью»: «И среди преступлений этих (против литературы) наиболее тяжким является не преследование авторов, не цензурные ограничения и т.п., не предание книг костру. Существует преступление более тяжкое – пренебрежение книгами, их нечтение. За преступление это человек расплачивается всей своей жизнью; если же преступление это совершает нация – она платит за это своей историей». (Из книги «Иосиф Бродский. Сочинения». Екатеринбург, У-Фактория, 2003, с. 2). Возникает почти абсурдный вопрос: читал или не читал И. Бродский, скажем, Некрасова (кроме поэмы «Мороз Красный Нос»)? Если – да, то как же быть с его гениальными стихами «Размышления у парадного подъезда» («Где народ, там и стон»... «Волга, Волга, весной многоводной ты не так заливаешь поля, как великою скорбью народной переполнилась наша земля»), «Железная дорога» («...А по бокам-то все косточки русские...»), «Жаль только жить в эту пору прекрасную уже не придется ни мне, ни тебе»)?

Один из подписантов ходатайства в защиту молодого И. Бродского К.И. Чуковский создал крупнейшее исследование «Мастерство Некрасова» (это столько же, сколько составляет вся «Большая книга интервью»). В нем он дал несравнимо глубокий анализ творчества великого русского поэта, доказал на многочисленных примерах, что он «лиру посвятил народу своему». В 1962 году эта работа была удостоена Ленинской премии, о чем сегодня неохотно вспоминают – и не потому, что слабо написана (об этом не могут сказать даже самые ярые противники Некрасова), а потому, что премия такой номинации. Между тем до сих пор нет более объективной, более квалифицированной, более точной характеристики и обозначения места Некрасова в истории русской литературы, чем эта.

Добавим: Ф. Достоевский относил Некрасова к числу немногих поэтов, ко-

торые приходили в мир «со своим новым словом», кто выразил не только глубины личностного сознания, но и – в первую очередь – важные черты духовного и общественного облика нации. Некрасов принял эстафету от его великих предшественников – Пушкина («глаголом жги сердца людей», «чувства добрые лирой пробуждал»); Лермонтова (голос поэта должен звучать, «как колокол на башне вечевой во дни торжеств и бед народных») и пошел дальше («Иди в огонь за честь отчизны...», «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан...»).

И через 140 лет эти строки более чем актуальны для России. Написать их мог только гениальный поэт. Но И. Бродский, как-то назвавший себя «угрюмым послом второсортной державы», лихо заявляет: «...Кому на Руси жить хорошо» Н. Некрасова – это большой позор...». Можно ли нобелевцу, вроде бы начитанному человеку, так пренебрежительно говорить о классике своей бывшей страны?

Возникает вопрос: не потому ли он приобрел такую «любовь» Запада, что охаивает все русское, российское? Ведь посмотрите, что он пишет: «У Державина этого не было, т.е. он общался с Фелицей, но никогда не выступал за русский народ. Да и Александр Сергеевич этого не делал, и Баратынский не делал, и Вяземский, и даже Лермонтов, и традиция эта возникла с разночинцами. И я знаю, что за этим стоит... некрасовский дактиль. «Кому на Руси жить хорошо». Дактиль – это такой плачущий размер» (Бродский Иосиф. Большая книга интервью. М., 2000. с. 640-641).

И опять, мягко говоря, Бродский проявляет литературное невежество. Он в другом месте и о другом великом пишет: «...При всей моей симпатии к Александру Исаевичу мне это не понравилось уже в «Одном дне Ивана Денисовича». Что и говорить, книга замечательная. Но с другой стороны – сам Иван Денисович. Ему удастся выжить, он прекрасный человек. А как же быть с теми, кому выжить не удалось?» (там же, с. 651).

Ну разве это вопрос писателя? Всезнающего Бродского? Солженицын изобразил типичную судьбу гулаговцев как оставшихся в живых, так и погибших, ставших «лагерной пылью». Рассказом «Один день...» он открыл эту тему, потом блестяще разработал в «Архипелаге

ГУЛАГ» и других. И не к нему, Солженицыну, вопрос Бродского «Как быть с теми?» Кстати, о своем предшественнике в ряду Нобелевских лауреатов он мог заявить и более лихо: «...То, что говорит Солженицын, – монструозные бредни, обычная демагогия, только минус заменен на плюс. Как политик – он абсолютный ноль» (там же, с. 667).

Он же, Бродский, о нынешних русских писателях России: «...Есть некоторые хорошие писатели, например, Таня Толстая, очень живая писательница с современной замечательной фактурой» (там же, с. 581). Он же об одном из самых патриотических стихотворений М. Исаковского «Летят перелетные птицы»: «...считаю, что в этом есть невежество. Нас научили, натренировали – говорить от имени народа. Страна огромная, масса людей, а поэт начинает вещать о родине – и всех как бы смешивает, под одну метелку метет, как будто он право имеет, они все имеют право кричать о патриотизме. Это как бы обратная сторона поэта и государя» (там же, с. 640). И произнесена эта фраза после вопроса друга Бродского Евгения Рейна во время съемок первого отечественного фильма о поэте-лауреате Нобелевской премии: «Я считаю, что есть одна сильная строфа в мире. Написал ее очень небездарный человек по фамилии Исаковский:

*Пускай утону я в болотах,
Пускай замерзла я во льду,
Но если ты скажешь мне снова,
Я снова все это пройду»*

Бродский просто не понял, О ЧЕМ это стихотворение. А если понял, хуже для него. И нам, конечно, понятна эта неприязнь к М.В. Исаковскому – ведь он писал «подданнические» стихи о Сталине... Его лира порой «издавала неверный звук». Но у него были и такие величайшие творения, как «Враги сожгли родную хату», «Есть во Восточном районе деревня такая»; большинство песен на его стихи стали народными... А почему же Бродский умалчивает о Мандельштаме, который сначала написал крамольные стихи о «рябом кремлевском горце», а потом, испугавшись расправы, сочинил еще пятьдесят (!) хвалебных осанн Сталину, пока тот не приказал «убрать его подальше от Москвы». Почему же он умалчивает о

великом М.Булгакове, который тоже не избежал «искушения» и написал восторженную пьесу («Батум») о юности Сталина?

Бродского сегодня нет, и он не ответит на наши вопросы. Но нам понятно, почему возникал у многих признанных мастеров художественного слова этот «неверный звук». Неверный и в той или иной ситуации – неизбежный: Некрасов хотел сохранить журнал «Современник». Мандельштам, Булгаков и многие другие – свою жизнь, возможность дописать задуманное.

Бродского, с нашей точки зрения, нельзя считать абсолютным авторитетом в оценках поэтов мира. Это человек предпочтений, что вовсе не совпадает с понятием «объективность». Есть у него весьма сомнительные высказывания, вроде – «Русская поэзия сравнительно молодая. Ей всего двести пятьдесят лет». А как же быть с великой поэмой «Слово о полку Игореве», которая создана более 800 лет назад? Бродский утверждает далее: «...русская поэзия все время кружит вокруг да около темы и предпочитает кумулятивно-собирательный образ, в то время как английская поэзия предпочитает прямой подход к предмету...». Он забыл, наверное, что именно русская литература чаще остальных литератур ставила вечные, конкретные вопросы – «Кто виноват?», «Что делать?», «Кому на Руси жить хорошо?»...

Что-что, а сказать о русской поэзии, что она «все время кружит вокруг да около темы...», значит, противоречить самому себе, перечеркивать ту же самую Цветаеву (хотя он же говорит о ней: «Это самое грандиозное явление, которое вообще знала русская литература», свою покровительницу – А. Ахматову...

То, что он говорит о политиках Горбачеве и Шеварднадзе, которые вызывают у него «самое глубокое отвращение», понятно. Но когда он к нулю сводит того же всемирно известного поэта А. Вознесенского («...это дурной человек, негодяй, это чрезвычайно вредная фигура на литературном и политическом горизонте»), когда, слегка погладив прославленного Е. Евтушенко («у него все-таки русский язык»), говорит: «Я давно не читал ничего гаже, чем недавние стихи Евтушенко в «Новом мире» (№ 2, 1983 г.) (Бродский Иосиф.

Большая книга интервью. М., 2000. с. 357) становится не по себе.

Наверняка найдется кто-то, кто пояснит нам причину такого отношения Бродского к этим собратям по перу. Он справедливо возмущен, читая, например, стихи А.Вознесенского «о ташкентском землетрясении с этими каламбурами, с этими ассонансами, когда речь шла о катастрофе такого масштаба», когда он пишет, что «чайка это плавки Бога». Вознесенского и Евтушенко Бродский называет «парочкой, за которую можно сгореть от стыда».

Можно было и не останавливаться на таких «деталях». Но в мире слишком высок авторитет И.Бродского, и его, подчеркнем, порой субъективные суждения могут сослужить неискушенному читателю «медвежью услугу» в формировании его художественного вкуса. Сам он пишет: «... чем богаче эстетический опыт индивидуума, чем тверже его вкус, тем четче его нравственный выбор» (там же, с. 756).

Вот лишь некоторые перлы его вкуса и нравственного выбора: «Авангард – дерьмо на 90%, если не больше»; «Баратынский был куда более глубоким и значительным явлением, чем Пушкин»; «Читать Чехова или смотреть какую-нибудь его вещь, – значит совершать над собой насилие. Чехову недостает душевной агрессии». А вот как он говорит о «Горе от ума» А.С. Грибоедова: «Это тот же самый период истории, то же самое общество, что в «Евгении Онегине».

То – да не то! «Горе от ума» уже было написано, когда «Евгений Онегин» только начинался. И общество, с которым столкнулся Чацкий, было «преддекабрьское», совсем не то, что у Евгения Онегина после разгрома декабристов...

Бродский просто развенчивает Гарсиа Маркеса и его остро социальный роман «Сто лет одиночества», называя его «развлекательным, этнографическим», что далеко от истины. О романе В. Аксенова «Ожог»: «Макулатура». «По сравнению с Тютчевым Грибачев и Тихонов «абсолютные котята». Некрасов – чрезвычайно нездоровое существо... все время какие-то «окоченелые трупики». Он терпеть не может Блока, уничижительно отзываясь о М. Шолохове, не признавая присужде-

ние ему Нобелевской премии в 1965 г. «за художественную честность, с которой он в эпосе «Тихий Дон» отразил исторический период в жизни русского народа».

В одном интервью Бродский бравирует: «Твардовский мне никогда особенно не нравился, – уж простите меня, ничего не могу с собой поделать. Мне всегда это казалось чрезвычайно скучным» (Бродский Иосиф. Большая книга интервью. М., 2000. с. 350). Между тем, первый русский лауреат Нобелевской премии И.А. Бунин в письме старому другу Н. Телешову в 1947 г. писал о «Василии Теркине»: «Это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный солдатский язык – ни сучка, ни задоринки, ни одного фальшивого, готового, то есть литературного пошлого слова» (Дементьев В. Грани стиха. М., «Просвещение», 1988. с. 131). Наверное, И.А. Бунин понимал толк в русской поэзии и не смог даже из своего эмигрантского далека не порадоваться за столь выдающийся поэтический успех А.Т. Твардовского.

Еще раз повторим: говорить о Бродском, что это наш «посох» в жизни, – явное заблуждение. В своей статье «Меньше единицы» он говорит: «Если мне есть чем гордиться в прошлом, то тем, что я стал заключенным, а не солдатом. И даже упущенное в солдатском жаргоне – главное мое огорчение – было с лихвой возмещено феней» (Бродский Иосиф. Сочинения. Екатеринбург. У-фактория, 2003. с. 717). Он просто ненавидит армию («Я не видел человека, чья психика не была бы изуродована смиренной рубашкой послушания» – (там же), а как же без армии Родину защищать? Или армия (в любой стране мира) может быть боеспособной без дисциплины, без подчинения солдат командирам и младших командиров – старшим?!

Кстати, И. Бродский довольно часто делает выводы, которые являются намеренным вызовом здравому смыслу, как, например, этот: «Для меня разница между коммунизмом и фашизмом в том, что последний проиграл войну».

Не потому ли он расточает безудержные похвалы Юзу Алешковскому в предисловии к его книге, вышедшей в серии «Антология сатиры и юмора России XX века»?!

Вот оценка И. Бродского: «Он пишет

не «о» и не «про», ибо пишет музыку языка, содержащую в себе все существующие «о», «про», «за», «против» и «во имя»: сказать точнее – русский язык записывает себя рукою Алешковского, направляющей безграничную энергию языка в русло внятного для читателя содержания». (Нью-Йорк, 1995 г.) (Алешковский Ю. «Антология сатиры и юмора России XX века. Нью-Йорк. 1995).

Названная книга открывается повестью «Николай Николаевич». Сразу же на читателя льется (вместо объявленной «музыки языка») лавина абсцентной, нестандартной лексики. Нет ни одной страницы, где бы матерные слова использовались меньше пяти раз.

Какой бы ни был герой (зэк, солдат или рафинированный интеллигентик), создавать его образ вот такими языковыми средствами и называть это «музыкой языка», его «безграничной энергией», «внятным для читателя содержанием», по меньшей мере, безответственно. И особенно, если эту безответственность допускает поэт такого уровня.

Некоторые критики пытаются «для чистоты эксперимента» отделить Бродского-поэта от эссеиста и человека, что в данном случае исключено, ибо сам Бродский всегда ставил «в центр свое творчество, любую абстрактную идею, только не свою личность. Но жанр интервью обязывал его сказать больше того, чем ему хотелось бы, и он был вынужден говорить о себе то, что о нем хотели знать другие». И он сказал. А сказанное им лично более всего приближает нас к ответу на вопросы: так кто же такой Иосиф Бродский? Каково, с его точки зрения, назначение художественной литературы и место поэта в ней?

Все это более чем прозрачно видно в его письме к Олегу Чухонцеву: «Литература, однако, существует не для поддержки системы, а для поддержки индивидуума; для торжества над – или по крайней мере для независимости человека от оной. В конце концов, она существует ради себя самой» (Литературная газета. 12 февраля 1988 г.).

Вот где собака зарыта: Бродский наступил на старые грабли – «искусство для искусства». А у него – «литература для литературы». Словом, сказка про белого бычка. Или – «у попа была собака. Он ее любил...». Но кого же и что любил Иосиф Бродский?

ЕЛЕНА ИВАНОВА*

3 января 2008 года Николаю Михайловичу Рубцову исполнилось бы 72 года, а 19 января 1971 года он ушел из жизни. 37 лет его нет с нами.

В первое тридцатипятилетие поэт творил, издав всего четыре небольших книги. Во вторую половину его жизни, не физической уже, но духовной, вышло в свет десятка два, если не больше, его поэтических сборников. Жизнь поэта после смерти продолжается – в книгах, которые все идут и идут к читателям, в песнях,

написанных на слова его мелодичных, задушевных стихотворений.

НЕУЛОВИМАЯ, КАК ЛУЧ, НЕОБЪЯСНИМАЯ, КАК ТАЙНА

Это правду говорят, что мы любим те города и селения, где обретаются дорогие и близкие нам души людские. Иначе с чего бы легла мне на сердце неизвестная и невиданная мной Вологодчина? А вот по воле всевышней возшла над нею, как звезда, живая душа поэта, способная излучать тихий немеркнущий свет, и вроде бы ничем не примечательные картины скупой на краски северной природы ожили и навсегда запечатлелись в моей эмоциональной памяти. И если бы только картины! Самый слепок души, одухотворяющей все сущее, отобразился в созданиях поэта; образами, оживающими в них, уподобившись Создателю, он населил сотворенную им свою собственную вселенную.

Вот так на российском литературном небосклоне возшла звезда Николая Рубцова. А земной человек с этим именем, словно бы отдав ей все свои силы и почувствовав близость исхода, выдохнул: «Я умру в крещенские морозы...». Как сказал, так и вышло. Нелепый трагический случай всегда явится вовремя: то ли гусар с гусаром поссорится, то ли мужчина не поладит с женщиной, а исход один – убит

поэт! Так распорядилось провидение.

Точно так же неволен поэт и в своих писаниях. Это у тех, чьи вирши от лукавого, душа, как у Кощея бессмертного, на кончике иглы, а игла в яйце, а яйцо в сундуке, а сундук цепями прикован – не добраться, зря не старайтесь! У поэта же милостью Божьей душа – на кончике пера. По велению Творца водит она тем пером и не позволяет ему выйти из воли высшей, казнит его адскими муками, пока не отыщет он нужного, правдивого и искреннего слова.

Вот таким поэтом был и остается Николай Рубцов.

Говорят, большого поэта делает большая тема. У меня же свое представление об этом, по которому поэт, способный обрести всенародное признание, представляет собой, своим творчеством, дерево с развитой корневой системой. Чем глубже уходят корни в почву (то есть в жизнь), тем мощнее древо поэзии. Различные по глубине почвенные слои питают его корни.

Первый слой – малая родина. Это

впечатления, с детства запавшие в душу: береза под окном избы, роща за околицей села, за рощей – поле... Дальше – глубже. Уже не малая – Родина с большой буквы, Отчизна с ее прошлым, настоящим и будущим, где лирический герой поэта – не случайный прохожий. Еще глубже – земля, «планета людей». И, наконец, вселенная, беспредельность, вечность...

Корни древа поэзии Николая Рубцова пронизали все почвенные слои. В стихах его оживает и «тихая родина», любимая до слез, несмотря на «скудную природу» и горестную судьбу. Родина, с которой он чувствует «самую жгучую, самую смертную связь», день ее – настоящий и прошедший, народ, обживающий в веках эту землю с ее полями, лесами, болотами...

Феноменальность Николая Рубцова мне видится в том, что он ощущает себя живой клеточкой того огромного многовекового организма, который называется – русский народ; каким-то чудом, может быть, через нейроны любви и сыновней привязанности, он сумел восстановить межклеточные связи с этим организмом, и в нем очулась гениальная память народа, воскрешающая вчерашний день родины – с его «жгучей тайной» «в звездной ночной красоте», с бубенцами, звенящими в задремавшем бору, со счастьем «родиться, как ангел, под куполом синих небес», с неописуемой красотой, потому что она прикипела к сердцу:

О, вид смиренный и родной!
Березы, избы по буграм
И, отраженный глубиной,
Как сон столетий, божий храм.

.....
Как будто древний этот вид
Раз навсегда запечатлен
В душе, которая хранит
Всю красоту былых времен...

Прошедший день родины, отдаленный от нас веками, поэт ощущает как протяженный на отрезке собственной судьбы, поскольку большой круг кровообращения его лирики проходит через прошлое – настоящее – грядущее целого народа, к которому он принадлежит и с которым слит неразрывно. Помимо того, что в глубинах веков остались невосполнимые духовные ценности, бесконечно дорогие сердцу поэта, есть, как мне кажется, и лежащая

на поверхности причина, заставляющая его с любованием и тихим восторгом воскрешать картины старины: человеку свойственно идеализировать то, что осталось в прошлом, к чему нет возврата, питать к нему ностальгические чувства...

В то же время, вглядываясь в облик современной ему деревни, Н. Рубцов далек от идеализации реалий сиюминутной жизни. Здесь он узрит и «фальшивую колоду» («четыре туза и четыре внимательных дамы») из числа людишек, которые «снут, считая рублики» и в том находят смысл жизни, и злующих старух, что, как назойливые мухи, не дают покоя ему, прибавшемуся на время к их подворьям; а случайному страннику так никто и не открывает двери («Бродяга...Наверное, вор!») – и он гибнет в пути неведомо куда («Неизвестный»). Заглянув в жилища, как ему представляется, «лучших людей», поэт в одном из них обнаружит Филю... Это стихотворение – «Добрый Филя» – вызвало в свое время противоречивые суждения в критике, хотя на первый взгляд оно проще простого. Однако, не поняв подлинного отношения автора к данному им типу из народа, мы не поймем и самой трактовки им темы народа, которая явлена как важнейшая составляющая творчества Н. Рубцова. Поэтому есть смысл привести здесь это стихотворение полностью:

Я запомнил, как диво,
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог...

Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,
Добрый Филя живет.

Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду.

Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
Филя, что молчаливый?
– А о чем говорить?

«Ироничные, умные, грустные стихи», – пишет критик Василий Оботуров в своей книге, посвященной жизни и твор-

* ИВАНОВА Елена Львовна. Член Союза писателей России с 1977 г. Работа удостоена диплома I степени в номинации «Проза» во Всероссийском конкурсе «Звезда полей – 2006». Автор поэтических сборников «Трава не знает», «За Десною рекою», «Маврушин луг» и др. В 2008 году вышел в свет сборник стихотворений «Вечный образ», в который вошли стихи разных лет.

честву Николая Рубцова, «Искреннее слово» («Советский писатель», 1987). Там же критик приводит и иные суждения. Для Ал. Михайлова это стихотворение «по строю своему как-то отдалено во времени от нас, не вписывается в атмосферу сегодняшнего дня» (с чем В. Оботуров не согласен, и это его мнение нельзя не разделить). А вот в понимании В. Перцовского Фила не сет в себе «полноту бытия». Так ли это?

Если внимательно проанализировать образную систему поэта, становится совершенно очевидно, что только за духовным утверждает поэт плодотворное творческое начало в жизни, а определяющим опознавательным признаком духовного для него является «способность к разговору». То есть способность внимать, сочувствовать, сопереживать. И не случайно одухотворяемая силой лирического переживания поэта природа лексически наделена им атрибутами словесной, речевой принадлежности. В ночи, озаренной сиянием месяца, ему «слышится пение хора», «жалостно в лесу кричит кукушка», о ветре сказано: «всхлипывал, словно дитя», облака «плывут, как мысли», огонь в печи «перекликается» с дождем...

Нет, не может быть «полноты бытия» для автора там, где человек живет в природе лишь внешне, духовно отъединенной и от природы, и от других людей жизнью (а это случается даже в том случае, когда он, как Фила, «любит скотину» и «дует в дуду» – вроде бы как эстетическая потребность, но и она тут присутствует в дремучем, неразвитом состоянии).

Более того, существо бессловесное, не мыслящее и не чувствующее, внушает поэту некое подобие допотопного страха, как существо непредсказуемое и враждебное. Именно так происходит в стихотворении «Вечернее происшествие»:

Мне лошадь встретилась в кустах.
И вздрогнул я. А было поздно.
В любой воде таился страх,
В любом сарае сенокосном...

...Зачем она в такой глуши
Явилась мне в такую пору?
Мы были две живых души,
Но неспособных к разговору...

В бессловесном мимолетном явлении друг другу человека и животного, когда они переглядываются «жутко так, не до конца», четвероногое создание уже как бы и не лошадь вовсе, извечный спутник и помощник селянина, но какой-то фантом, заставляющий автора испытать подобие некоего мистического страха:

И я спешил – признаюсь вам –
С одною мыслью к домочадцам:
Что лучше разным существам
В местах тревожных –
не встречаться!

Из той же «компании», что и «добрый Фила», можно даже сказать, его второй «экземпляр» – хозяин хаты, дозволивший гостю переночевать, молча отправляющийся на печь, не желая даже словом обмолвиться с нежданным постояльцем, и «волосатый паромщик», которому достаточно для довольства жизнью

Много серой воды,
много серого неба,
И немного пологой родимой земли,
И немного огней вдоль по берегу...

Слегка, как будто даже завидуя (и зависть здесь, мы понимаем, ироничная, декларативная) и дивясь таковому неприхотливому выбору жизненного пути, поэт всерьез не мыслит его для себя. Пусть и «сурова», беспокойна судьба человека, рожденного для высокой участи повелевать словом, как «ручной молнией» (подобно Зевсу громовержцу), поэт скажет в другом месте о ней с предельной искренностью: «Я люблю судьбу свою».

И что же, может быть, среди так называемых простых, неученых то есть людей, самими обстоятельствами, повседневными нелегкими трудами и заботами пригибаемых к земле, и нет вовсе таких, кто способен осмыслить свое существование, жизнь – в себе и вокруг себя? Нет, дело обстоит иначе.

В сюжетном стихотворении «Жар-птица» (названном так не случайно, с намеком на счастливое обретение лирическим героем ценности духовного характера, что сродни перу сказочной Жар-птицы) предстает перед читателем старик, пасущий стадо коров.

«Старик, а давно ли ты ходишь за стадом?» – вступает с ним в диалог любопытствующий прохожий. И с первых же слов выясняется, что старику в этой жизни «попало, как надо». Собеседник, похоже, не из тех, кто всю жизнь отмалчивался, сидя на печи, и сразу становится небезразличен автору. Беседа продолжается в содержательно серьезном плане:

– Так что же нам делать?
Узнать интересно...
– А ты, – говорит, – полюби и жалея,
И помни хотя бы родную окрестность,
Вот этот десяток холмов и полей...
– Ну, ладно! Я рыжиков вам принесу...

Очень знаменателен (что верно подмечено у В. Оботурова) этот переход со стороны автора в разговоре с несколько панибратского «ты» на уважительное, предполагающее некоторую дистанцию обращение на «вы». Собеседник для него уже не простой пастух, но истинный доморощенный философ, что называется, от земли и от сохи, который свои житейские прописи вывел не из книг и отвлеченных умозаключений, но из самой жизни, из взаимоотношений с другими, такими же, как он сам, людьми. «Полюби и жалея...» Как это просто и вместе с тем глубоко сказано! Это, по сути, формула подлинно человеческого счастья. Просветленным уходит молодой собеседник от старика, как человек, открывший необходимую для него высокую истину.

В духовном опыте трудового человека поэт ищет и находит для себя нравственные опоры. Особенно показателен в этом отношении триптих «Русский огонек». Перечитывая его заново, я каждый раз невольно вспоминаю один наш разговор с поэтом Александром Екимцевым. Сокрушаясь об уходе из жизни матери, он как любящий сын говорил о ее человеческих добродетелях. В их числе была одна, прямо относящаяся к нашему теперешнему разговору о персонажах стихотворения Н. Рубцова. В ненастную погоду, чаще всего в зимние лихие бураны, эта добрая женщина, жившая в глуши брянских лесов, оставляла на ночь зажженным свет в окошке – своего рода маяк для случайного путника, блуждающего во тьме по бездорожью. Видимо, обычай этот повелся в российской сельской глубинке со времен военного и послевоенного лихолетья, ког-

да много несчастных скитальцев бродило по разбитым дорогам в поисках пристанища. Вот и лирическому герою Н. Рубцова, застигнутому на безлюдье в мертвом поле, где от мороза даже снега казались оцепеневшими, повезло набрести на такой огонек. Немногословная его спасительница устраивает ему местечко у теплой печи, дает сухую одежду взамен его, оледеневшей и насквозь промерзшей.

...И, неподвижно сидя у огня,
Она совсем, казалось, задремала...

Но это лишь показалось гостю. Свою седую голову склонила хозяйка в неотступной печальной думе о чем-то своем, скорее всего, о дорогах близких людях, не вернувшихся с фронта и смотревших на нее глазами пожелтевших фотографий, «в простой и бережной оправе» развешенных на стенах.

«...Скажи, родимый, будет ли война?» – звучит и вновь настойчиво повторяется вопрос хозяйки, которой, по всей видимости, в жизни довелось пережить немало горя. Уж, кажется, ей и терять нечего – одна-одинешенька, и умирать не страшно («... в тусклом взгляде жизни было мало»), а вот тревожится старая, печется она изнеможенной в страдании душой уже не о близких, но, чисто по-христиански, о ближних. И сколько искреннего, сердечного чувства вкладывает поэт в свое благодарение тебе, скромный русский огонек.

За то, что с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя...

Растроганность поэта происходит из внезапного чувства осознания того, что не иссякло в людях то исконно русское радение «за други своя», без которого и нет вовсе народа как единосущной сущности, но есть только лишь народонаселение.

Вот почему «звезда полей» Николая Рубцова «горит, не угасая, для всех тревожных жителей земли». Это все тот же русский огонек, но уже во всесветном измерении. Погаснет он – и тотчас словно бы лишится мир, погрузившийся во тьму, своего и человеческого и божественного начала, а сама жизнь заблудится в том мраке. Потому и читатель рад повторять вслед за автором эти слова признания:

... И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

Поэтический мир Николая Рубцова велик и многомерен. Знакомство с ним мне принесло первое посмертное издание, которым явился сборник лирических стихотворений «Зеленые цветы», выпущенный издательством «Советская Россия» в 1971 году, сразу же после безвременной трагической кончины автора. Не скажу, что эта книжечка в скромном серо-голубом бумвиниловом переплете произвела на меня тогда безоговорочное впечатление, адекватное уже утвердившейся за автором славы талантливого лирика. Стихи новой восходящей звезды обескураживали своей простотой. Позже, познакомившись с суждениями критиков о творчестве Николая Рубцова, я поняла, что некоторые из них за этой внешней простотой, поспешив с оценками, поначалу не увидели подтекста, который лично мне как читателю интересен и теперь, по прошествии стольких лет.

В том-то все и дело, что в поэзии Н. Рубцова, выражаясь его же словами, не «всюду достанешь шестом». И глубина ее адекватна способности проникновения в нее читателя. Оттого и иные строки, тебя ничем особенно не задевавшие еще несколько лет назад, вдруг отзовутся живым чувством, поскольку ты сам успел уже кое-что пережить ранее тобой не изведенное...

Загородил мою дорогу
Грузовика широкий зад.
И я подумал: «Слава богу,
Дела в селе идут на лад»...

Стихотворение это так вначале и воспринимаешь – как удовлетворенность автора по поводу устроившейся и устоявшейся наконец жизни села. Радуйся и ты, читатель, тому, что «Теперь в полях везде машины./ И не видать плохих кобыл». Но при чем же тут «горький» и «унылый» дух крушины? И слово-то какое – не от «крушиться» ли? Да и «грузовика широкий зад» как-то уж слишком нарочито и назойливо возникает как бы перед самым носом лирического героя... Нет, что-то здесь не то, не до радости человеку там, где «Не слышно праздных разговоров, / Не видно праздного лица». Какая-то печать угнетенности лежит на всем, контрастируя с мажорной вроде бы установкой автора, повествующего о жизни современной ему деревни. И вдруг понимаешь: деревне, а вместе с нею и ее певцу, не до хорошего! «Идут, идут обозы в город / По всем до-

рогам без конца...» Хлебные реки, самое главное достояние крестьянина, текут мимо его натруженных рук. Как было всегда, как остается теперь...

Но то уже мои, читателя, собственные домыслы – поэт не говорил об этом. Поэзия Н. Рубцова, на мой взгляд, интересна вдумчивому, внимательному читателю еще и своим подтекстом, содержанием, которое он должен дополнить и домыслить сам. Ведь произведение писателя и читатель – это как бы два полюса, между которыми пульсируют энергетические токи. Читателя в процессе чтения, как и писателя при работе над произведением, ждут художественные открытия, обрастающие постижением смысла прочитанного в процесс творчески напряженный и созидательный.

Думаю, даже если бы идеологические установки, господствовавшие в обществе в те времена, и позволили ему сказать открыто обо всем, Н. Рубцов не кинулся бы с опущенным забралом в стихотворную публицистику: не дело поэта – исследовать химический состав воздуха, которым он дышит вместе со своими современниками, – для него достаточно дать почувствовать самое атмосферу, пропустив ее через собственные задыхающиеся легкие и колотящееся сердце. Под тонким, прозрачным покровом лирики Николая Рубцова сердце поэта содрогается от страдания, сжимается от боли, томится в светлой печали, судорожно бьется в путях внутренней несвободы...

Есть у Н. Рубцова стихи грустные, угрюмые, есть даже страшные – по своей человеческой сути. Таково для меня стихотворение «Полночное пение».

На первый взгляд это обычная широко распространенная бытовая сценка, одна из тех, которые сплошь и рядом разыгрываются испокон веков на Руси:

Когда за окном потемнело,
Он тихо потребовал спички
И лампу зажег неумело,
Ругая жену по привычке.
И вновь колдовал над стаканом,
Над водкой своей, с нетерпением...

Герой стихотворения пьет и ...поет. Поет, несмотря на боязливый уговор жены: «Не надо! Ведь слышат соседи». И само это полночное пение воспринимается как нечто недозволенное, протестное, как будто голос души человека из полузадушенного состояния рвется на волю, сметая с пути все запреты: «Он грозно

вставал, как громила, / – Я пью, – говорил, – ну и что же?»... Впечатление остается такое, как будто человек надел смертную рубашу, и ему уже все едино...

Как личная жизнь лирического героя Н. Рубцова, так и жизнь окружающих его людей, судя по всему, далеко не безоблачна. И в то же время признание поэта «Я люблю судьбу свою, / Я бегу от помрачений» – это, похоже, его не только жизненное, но и художественное кредо. Поэт приходит в мир, чтобы из безликого житейского материала, без мысли и без образа, сотворить свой собственный микрокосм, упорядоченный и облагороженный его пытливой ищущей мыслью и предельно искренним, чистым и сострадательным по отношению ко всему живому чувством. И вот на глазах читателя рождается чудо перевоплощения: из дисгармонии, хаоса мира поэт извлекает гармоничные звуки, волшебные краски, возвышаясь над бытом до бытийности, до светлой, божественной радости духовного озарения:

Меж болотных стволов красовался
восток огнеликий...
Вот наступит октябрь – и покажутся
вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные
крики
Над моим чердаком, над болотом,
забытым вдали...

С каждым новым штрихом под пером художника слова во всей полноте возникает живописное эпическое полотно, которое бесконечно волнует взволнованностью самого поэта, творца этой красоты. Строки стихотворения – протяжные и певучие, как прощальные крики журавлей, широкие, как взмахи их крыльев. В их поднебесном рыданье – «и забытость болот, и утраты знобящих полей». А уподобление пения и полета «гордых прославленных птиц» древнему сказанию выводит личностное переживание лирического героя на высоту художественного обобщения, объединяя в этой светлой печали и даль и близь, небесное и земное, все души людские, провозжающие в полете «любимцев своих»...

Я рискую тут оказаться осмеянной – прямо по А. Блоку, который предупреждал, что чем больше в поэтическом произведении «элементов искусства, тем в более смешное положение попадает критик, его толкующий». Да, Н. Рубцов, которому поначалу иные критики отказывали в «искусности», чрезвычайно сложен для толкования! Здесь годится разве что язык

намеков, приблизительности. Природа поэзии Николая Рубцова такова, что искусственность в ней неумовима как солнечный луч, необъяснима как тайна...

...Я родилась и выросла на Брянщине, в средней полосе России, чуть южнее Вологодчины, где взошла и горит поныне неугасимым светом звезда поэта, творчество которого перешло в разряд национальных духовных ценностей. Для меня лично оно тесно связано с одним из незабываемых впечатлений послевоенного детства.

Во время войны Брянщина была оккупирована фашистами. Отступая под натиском наших войск, люютующие гитлеровцы оставляли после себя пустыню в черных подпалинах пожарищ. Наш дом тоже сгорел, и маме с тремя малыми детьми и нашей бабушкой приходилось то и дело искать новое пристанище. Запомнившийся мне эпизод как раз и относится к той нелегкой поре.

...За окнами воет вьюга, нам, ребятишкам, никак не согреться в холодной постели. И вот мы поочередно бегаем к печке, каждый со своей подушкой. Прижмешь ее к горячим, в известке, кирпичам, постоишь-постоишь вот так и – бегом в постель, под одеяло! Какое неизъяснимое блаженство дарил нам этот комочек тепла из горячего чрева русской печи!

Нечто схожее с этим давним детским впечатлением испытываю я каждый раз, когда беру в руки уже изрядно потертую на уголках книжечку со стихами своего любимого поэта. Она для меня что-то вроде энергетического сгустка духовного тепла и света, от которого согревается и наполняется благостным озарением душа, изрядно нахолодавшая на ледяном ветру нашего времени.

Как ни трагична судьба поэта, жизнь в конечном итоге и в этом случае торжествует над небытием. И здесь оказался прав поэт в своем предвидении, не пожелав согласиться с мыслью о конечности земного бытия человека:

...Это кажется мне невозможным.
Все мне кажется – нет забвения!
Все я верю, как мечтам надежным,
И делам, и мечтам бытия.

Читая эти строки, я думаю о том, как нужна такая вот непоколебимая вера в жизнь человеку в современном нам мире, пославшем новые, невиданные доселе, испытания на прочность человеческому духу.

Л.В. ДАВЫДОВА «СОЦИОЛОГИЯ А.А. ЗИНОВЬЕВА – ПУТЬ К ПОНИМАНИЮ СОВРЕМЕННОСТИ»

В мае исполнился год, как не стало А.А. Зиновьева, выдающегося ученого, писателя, крупнейшего исследователя советской социальной системы и одного из самых острых ее критиков.

Уместно напомнить читателю, что А.А. Зиновьев в 1978 году был выслан из СССР с лишением гражданства и вернулся на Родину лишь 21 год спустя. Но самое удивительное, что он более чем кто-либо из ученых сожалел о распаде СССР и тех бедствиях, которые принес этот крах миллионам граждан Советского Союза.

В 2006 году в Москве вышла книга Л.В. Давыдовой «Социология А.А. Зиновьева – путь к пониманию современности» (М., 2006, 352 с.). В этой работе Л.В. Давыдова продолжила рассмотрение творческого наследия А.А. Зиновьева, которое она начала в предшествующей работе «Мужество знать» (М., 2002, 112 с.).

Обе книги имеют целью помочь возможным читателям сориентироваться в масштабной социологической теории А.А. Зиновьева, понять и принять ее. Необходимым условием такого понимания должно стать «мужество знать», как пишет рецензент книги Л.В. Давыдовой академик РАН А.А. Гусейнов.

К сожалению, сегодня этого мужества многим не хватает. Они принимают случившееся со страной как некую неизбежность, и не хотят знать настоящих причин гибели коммунизма в Советском Союзе.

А.А. Зиновьев дает анализ обстоятельств, приведших к этой глобальной катастрофе. В ходе анализа А.А. Зиновьев

обосновывает такие понятия, как сверхобщество, западнизм, объясняет сущность эволюционного перелома, настоящий смысл глобализации.

* * *

В книге «Мужество знать» Л.В. Давыдова затрагивает интереснейшие вопросы.

- Характеристика первого в истории человечества сверхобщества, а именно коммунистической социальной организации.
- Роль органов государственной власти и управления в коммунистическом сверхобществе.
- Различие чисто экономических и социальных критериев оценки производственной деятельности предприятий и экономических систем.
- Особенности специфики коммунистического кризиса.
- Пагубность горбачевской «перестройки», перешедшей в контрреволюцию.
- Предательское поведение высшего руководства страны.
- «Антирусский» проект.
- Значение коммунистического периода истории России для судеб человечества.

Работа «Мужество знать» является введением к более подробному и основательному рассмотрению взглядов А.А. Зиновьева в книге «Социология А.А. Зиновьева – путь к пониманию современности».

* * *

В новой работе А.А. Давыдовой обращает на себя внимание анализ советского и постсоветского периодов российской истории. Это – хрестоматия для всех, чьи интересы так или иначе связаны с социологией – будь то работники высшей школы или деятели властных структур, старшеклассники или студенты – все, кого интересует история взлетов и падений нашей Родины.

Как пишет А.А. Гусейнов в предисловии к книге Л.В. Давыдовой, данную работу следует рассматривать как путеводитель для изучающих наследие А.А. Зиновьева. Потребность в таком путеводителе, по словам А.А. Гусейнова, определяется масштабом социологической теории философа, не имеющей себе равных в широте охвата и глубине понимания эволюции человечества, происходящей на наших глазах. Ценность работы Л.В. Давыдовой состоит в том, с какой убежденностью она доказывает необходимость изучения трудов А.А. Зиновьева, как пробуждает интерес к обозначенным проблемам.

* * *

В восьми главах своей новой книги Л.В. Давыдова, вслед за А.А. Зиновьевым, рассматривает условия возникновения человеческих объединений, суть социальных законов, по которым они жили и живут, возникновение сверхобществ и, наконец, эволюционный перелом, произошедший в конце XX столетия.

В книге анализируется социальная структура общества и сверхобщества, роль каждой из сфер – государственной, экономической, идеологической, подчеркивается определяющая роль государственной сферы. В изложении Л.В. Давыдовой мы видим рождение нового социального феномена – «западнизма» – современной формы капитализма в развитых западных странах – с новыми экономическими структурами и соответствующими им политическими формами.

Мощным эволюционным конкурентом западнизму выступило коммунистическое сверхобщество, наиболее четким образцом которого явился Советский Союз.

А.А. Зиновьев дает совершенно новый взгляд на сталинский период советской истории – эпоху формирования нового общества – «юность коммунизма». Последующий за этим период зрелого коммунизма был периодом эпохальных побед и нарастающих противоречий. Не-

смотря на недостатки (как утверждает А.А. Зиновьев, идеальных обществ вообще не существует), коммунистический строй в нашей стране был самым рациональным, самым совершенным строем во всей предшествующей истории человечества.

Советский коммунизм явился продуктом творчества народных масс, а сталинский период А.А. Зиновьев называет самым творческим периодом в истории России.

Главными результатами этого творчества явились:

- создание коммунистической структуры власти;
- формирование первичных деловых коллективов, через которые происходило удовлетворение необходимых жизненных потребностей людей.

Условием существования советского общества являлось функционирование определенной структуры государственной власти, стержнем которой был партийный аппарат. А.А. Зиновьев призывает уйти от расхожего понимания слова «партия». КПСС не была партией в принятом, западном смысле. Она представляла из себя одновременно и явление в системе власти, и элемент социальной организации населения. Вместе с тем, она была единым социальным образованием, благодаря которому система управления обществом органически вращалась в управляемое общество и вырастала из него. Это нигде и никогда не существовавшее в истории явление А.А. Зиновьев причисляет к величайшим творческим достижениям человечества.

* * *

Для устранения эволюционного конкурента, Запад навязал Советскому Союзу «холодную войну». Для Советского Союза это была война на истощение. Кроме того, в стране стал набирать силу первый в истории специфически коммунистический кризис. Он выражался в дезорганизации всех сторон жизни общества. Как доказал А.А. Зиновьев, кризис – нормальное явление для любого, даже успешно развивающегося общества. Но в Советском Союзе кризис не был замечен и научно оценен ни интеллектуальной элитой, ни руководством страны. Научное понимание советского общества вообще отсутствовало. В стране была канонизирована марксистская идеология, которая уже сыграла свою великую историческую роль и перестала соответствовать новым реалиям.

Господствующая идеология помещала признать факт наличия кризиса и приступить к его разрешению на основе научного понимания природы советского общества. Вместо того, чтобы преодолевать кризис сугубо коммунистическими методами, горбачевское руководство ринулось в «перестройку», приведшую, в конечном счете, к контрреволюции.

На этом этапе разрушения Советского Союза решающая роль перешла к Западу. Весь период «холодной войны» Запад, не жалея средств, и по всем мыслимым каналам разрушал менталитет советских людей, их идейное и психологическое состояние. Это была идеологическая война, которая закончилась грандиозной диверсионной операцией, принявшей форму контрреволюции 1991-1993 гг.

Поражение Советского Союза в «холодной войне» было началом великого эволюционного перелома, полностью изменившего картину современного мира. Лидерство в эволюционном процессе захватил Запад.

* * *

Запад получил возможность контролировать дальнейший ход истории. Это стало возможным благодаря его социальной организации, оформившейся к концу XX века. Речь идет о глобальном западном сверхобществе – новом феномене, честь открытия которого принадлежит А.А. Зиновьеву.

Деятельность глобального сверхобщества имеет объективной целью покорение всей планеты. В идеологии и пропаганде эта активность Запада маскируется идеологически нейтральным словом «глобализация». На самом деле это новая ми-

ровая война, и мы должны это осознать.

Одно из решающих средств ведения этой войны – «западнизация», т.е. навязывание стране органически чуждых ей форм жизни, в результате чего страна теряет возможность самостоятельного развития. Такой жертвой западнизации и стала Россия.

Согласно А.А. Зиновьеву, социальный строй постсоветской России – гибрид советизма, западнизма и феодализма. И в качестве такого гибрида Россия не способна ни на какие значительные свершения. Она может лишь имитировать некий подъем, чему мы каждодневно являемся свидетелями.

Но особенно трагичной будет судьба русского народа, обреченного Западом на деградацию и вымирание.

* * *

Единственный выход для России – мощный рывок в состоянии интеллектуального потенциала. В современных условиях в мире только Россия способна на такой рывок. Нужна новая идеология, сопоставимая по масштабам с марксистской идеологией, но отвечающая новому времени. И здесь мы возлагаем свои надежды в первую очередь на молодежь, на ее желание как можно больше знать и много работать над собой, чтобы попытаться помочь Родине.

В заключение скажем, что были перечислены лишь некоторые из проблем, затронутых в книге «Социология А.А. Зиновьева – путь к пониманию современности». Тем не менее думаем, что сумели вызвать серьезный интерес к творческому наследию А.А. Зиновьева.

*Поздравляем уважаемых авторов и членов
редколлегии альманаха!*

Константина Николаевича НОСОВА, директора проекта альманаха «Голос Кавказа», заслуженного мелиоратора России, генерального директора института ОАО «Севкавгипроводхоз», академика Международной академии минеральных ресурсов с 60-летием!

Николая Васильевича МАРКЕЛОВА, главного хранителя Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова, лауреата ряда журналистских и литературных премий с выходом книги «Лермонтов на Северном Кавказе», изданной по гранту Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства!

Камала Хазбиевича ХОДОВА, народного поэта Осетии, лауреата Государственной премии республики им. Коста Хетагурова, председателя Союза писателей Северной Осетии-Алании с вручением ордена «Дружбы»!

Александра Александровича МОСИЕНКО, главного редактора газеты «Наш университет» Пятигорского Государственного лингвистического университета с 50-летием газеты, которой он отдал без малого полвека своей яркой творческой биографии и которую возглавляет более 40 лет. К его многочисленным наградам добавилось звание лауреата премии губернатора Ставропольского края в области литературы имени Андрея Тристан-Губина!

Олега Темирболатовича БАСАЕВА, заслуженного деятеля искусств Республики Северная Осетия-Алания, доцента СОГУ им. Коста Хетагурова с награждением серебряной медалью РАХ, дипломом и медалью «Серебряная Муза» творческого Союза художников России по Южному федеральному округу!

Александра Федоровича МОСИНЦЕВА, поэта, лауреата губернаторской премии в области литературы имени Андрея Губина с 70-летием и с награждением за заслуги в области культуры и искусства Ставропольского края медалью «За доблестный труд III степени»!

«ГОЛОС КАВКАЗА»

ОБЪЯВЛЯЕТ ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩИЕ

КОНКУРСЫ

- НА ЛУЧШЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ
ЛИРИКИ ИМЕНИ ИЗВЕСТНОГО РОССИЙСКОГО
ПОЭТА-ПЯТИГОРЧАНИНА
ГЕННАДИЯ КОЛЕСНИКОВА
меценат В.А. Хнычѐв
- НА ЛУЧШЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА
И ОБ ИСКУССТВЕ
меценаты: В.Н. Арзуманов
О.Т. Басаев

Мы будем признательны и частным, и коллективным меценатам.

*Редакция оставляет право за регионами Южного федерального округа
назвать известного деятеля литературы, искусства, публицистики
для объявления новых конкурсов и перечислить на р/счет
нашего учредителя – института ОАО «Севкавгипроводхоз»
возможные средства с пометкой: «НА КОНКУРС».*

**Р/с 40702810400000000147 в ОАО КБ «Евроситибанк», г. Пятигорск
БИК 040708774, ИНН банка 2632052342
ИНН/КПП 2632005141/263201001, кор/с 30101810200000000774**

*Итоги конкурсов будут подводиться ежегодно на основании опроса читателей
на сентябрьском заседании редколлегии альманаха.*

Редакционная коллегия

Учредитель

Северо-Кавказский институт по проектированию
водохозяйственного и мелиоративного строительства
(ОАО «Севкавгипроводхоз»)
К 80-летию со дня основания

Директор проекта

Носов К.Н., заслуженный мелиоратор России

Главный редактор

Ольхов В.Н.

Редакционная коллегия

Арзуманов В.Н. (ред. отдела искусств)
Ахмедов А.А.
Басаев О.Т.
Бедоев Ш.Е.
Бекизова Л.А.
Куликова Т.Д. (ред. отдела публицистики)
Маркелов Н.В. (ред. отдела истории и культурного наследия)
Машбаш И.Ш.
Мамакаев Э.А.
Мосиенко А.А. (ред. отдела критики и библиографии)
Мосинцев А.Ф. (ред. отдела литературы)
Пелешенко Н.А. (ответ. секретарь)
Пряхин Г.В. (зам. главного редактора)
Разумовская З.М. (ред. международного отдела)
Санджиев Н.Д.
Созаев А.С.
Трилисов А.И. (ред. отдела переводов)
Ходов К.З.
Хамхоев В.В.

Технический редактор

Беляев В.И.

Над оформлением номера работали:

художники Арзуманов В.Н., Кондратенко Е.Ю., Рукавков В.В.,
Эйзериков И.Б., Яковлев А.А.
дизайн – Морозова Т.С.
компьютерный набор, компьютерная верстка – Сагинор Л.Г.
корректор – Пелешенко Н.А.

Адрес редакции: 357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Кирова, 78.

ОАО «Севкавгипроводхоз», альманах «Голос Кавказа».

Контактные телефоны: (8793) 39-34-08, 39-30-07. Факс (8793) 97-38-62, 33-90-64.

E-mail: skgvh@skgvh.ru

Международный отдел: erudit5@mail.ru

Альманах зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-26977 от 19.01.2007 г.

Подписано в печать 1.10.2008 г. Формат 72 x 104^{1/16}. Офсет. Тираж 1000 экз. Заказ 128.

Отпечатано в типографии ООО «Семена «Севкавгипроводхоз».

К сведению уважаемых авторов:

- Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своем решении.
- Рукописи, присылаемые на дом работникам редакции, не рассматриваются.
- Рукописи менее двух печатных листов редакция не возвращает.

Знакомьтесь: учредитель альманаха «Голос Кавказа»

ОАО «СЕВКАВГИПРОВХОЗ»

открытое акционерное общество
Северо-Кавказский институт
по проектированию водохозяйственного
и мелиоративного строительства

Генеральный директор – заслуженный мелиоратор России,
академик МАМР и АППЗР Константин Николаевич Носов

357500, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Кирова, 78.
Тел.: (8793) 39-34-06, 39-30-07, факс (8793) 97-38-62, 33-90-64.
E-mail: skgvh@skgvh.ru www.skgvh.ru

С
К
Г
В
Х

- 80-летний опыт проектирования и строительства в России и за рубежом
- Более 50 действующих крупных оросительных систем на площади свыше 1 млн. гектаров
- 15 тысяч километров водопроводов, гидроузлы на реках, водохранилища
- Три лауреата Государственной премии СССР, два академика, 17 кандидатов наук, более 60 сотрудников, удостоенных правительственных наград, 16 заслуженных мелиораторов РСФСР и РФ
- Ведущий в России институт по проблемам защиты от природных, техногенных и других неблагоприятных явлений (паводки, оползни, лавины, сели). Организатор и спонсор проведения ряда международных и всероссийских научно-практических конференций по этим проблемам в 2003-2008 гг.
- Генподрядные строительные работы, экспертиза деклараций безопасности гидротехнических сооружений
- Победитель V и VI Всероссийских конкурсов «1000 лучших предприятий и организаций России», дипломант Международного конкурса «ЕврАзия», «Лидер экономического развития России»

А.А. Яковлев. Аул Чох

А.А. Яковлев. Гуниб